

Дуглас Престон

Кодекс

Алети Вон Престони, Исааку Джерому Престону

ПРЕДИСЛОВИЕ

В знак признательности за то, что появилась эта книга, в числе прочих я особенно хотел бы поблагодарить одного человека, и этот человек — мой добрый друг, бесценный Форест Фенн, коллекционер, ученый и издатель. Никогда не забуду наш обед в «Зале дракона» в «Розовой глинобитке», когда ты рассказал мне занятную историю, что и сподвигло меня на написание романа. Надеюсь, ты доволен тем, как я реализовал твою идею.

Упомянув Фореста, должен сразу оговориться: мой герой Максвелл Бродбент — чисто литературный персонаж. Характеры, взгляды, этические и семейные ценности этих людей — полные противоположности. Специально подчеркиваю это для тех, кто может вообразить, что разглядел в моей книге *roman à clef*.¹

Много лет назад два молодых неизвестных автора принесли издателю недописанный роман под названием «Реликт». Издатель рукопись купил, а затем отправил сочинителям письмо, в котором деликатно объяснил, как следует переделать и закончить произведение, и тем самым направил их на стезю, прямоком выводящую к бестселлерам, которые потом превращаются в кинохиты. Этим издателем был Боб Глисон. И я чрезвычайно признателен ему за советы. Точно так же я хотел бы поблагодарить Тома Догерти за то, что не прогнал блудного сына.

Не могу не упомянуть несравненного мистера Линкольна Чайлда, который в нашем литературном дуэте, безусловно, лидирует и который сделал по поводу рукописи «Кодекса» множество бесценных прозорливых замечаний.

Еще я многим обязан Бобби Роттенбергу — и не только за его помощь в разработке характеров и сюжета, но главным образом за великую, терпеливую дружбу.

Хочу назвать своих агентов: Эрика Симоноффа в «Янклин энд Несбит» в Нью-Йорке и Мэттью Снайдера в Голливуде. И выразить признательность Марку Розену, который помог развить в книге некоторые идеи, и Линде Обет, увидевшей в семистраничном синопсисе черты большого произведения.

Я большой должник Джона Коуча, который прочел рукопись и высказал много ценных предложений, главным образом по поводу холодного и огнестрельного оружия. А Никколо Капони подсказал блестящие ходы, как справиться с несколькими трудными сценами. Я также обязан Стиву Элкинсу, который исследует настоящий, а не выдуманный Белый город в Гондурасе.

В процессе написания «Кодекса» я пользовался несколькими книгами, среди которых хочу особо упомянуть «Снова в опасности» Редмонда О'Хаилонса и «Састун: мое ученичество у целителя майя» Розиты Арвиго — великолепную работу, которую я рекомендовал бы всем, кто интересуется медициной майя.

Рукопись несколько раз прочитала моя дочь Селина и раскритиковала в пух и прах, за что я ей чрезвычайно признателен. И еще я хочу поблагодарить мою жену Кристину и детей Алетию и Исаака за постоянную любовь и поддержку, без чего в моей жизни не было бы ни этой книги, ни всего остального.

¹ Роман с ключом (фр.), то есть произведение, в котором зашифрованы реально живущие люди.

Том Бродбент преодолел последний поворот подъездной аллеи и оказался лицом к лицу с двумя своими братьями, которые поджидали его у ворот имения Бродбентов. Раздраженный Филипп выбивал трубку о столбик ограды, а Вернон давил на кнопку звонка. За воротами молчаливо возвышался дом, горделиво, словно паша, устроившись на вершине холма, и верхний ряд его окон, трубы и башенки сверкали, залитые обильным послеполуденным солнцем столицы штата Нью-Мексико Санта-Фе.

— Не похоже на отца так опаздывать, — заметил Филипп и, сунув трубку в рот, с легким щелчком сжал мундштук ослепительно белыми зубами. Он сам нажал на звонок, затем приподнял манжету и взглянул на часы.

А он несколько не изменился, подумал Том: та же трубка из верескового корня, тот же насмешливый взгляд; щеки так же чисто выбриты, тот же запах лосьона; зачесанные назад волосы открывают высокий лоб, на запястьях поблескивают золотые часы. Филипп был одет в серые свободные шерстяные брюки и синий пиджак. А его английский акцент сделался как будто еще заметнее. Вернон, напротив, вырядился в холщовые штаны, сандалии, отрастил длинные волосы и внешне стал похож на Иисуса Христа.

— Затеял с нами очередную игру, — предположил он и еще несколько раз прижал ладонью кнопку звонка. Ветер прошелестел в кронах сосен и принес запах разогретой смолы и пыли. Огромный дом оставался безмолвным.

В воздухе поплыл аромат дорогого табака Филиппа. Он повернулся к брату:

— Том, как дела у индейцев?

— Отлично.

— Рад слышать.

— А у тебя?

— Потрясающе. Лучше быть не может.

— А у тебя, Вернон? — спросил, в свою очередь, Том.

— Все в порядке. Лучше не придумаешь.

Разговор оборвался, братья посмотрели друг на друга и смущенно отвернулись. Том толком никогда не знал, о чем с ними говорить. Над головой, каркая, пролетела ворона. Группа у ворот застыла в неловком молчании. Прошло несколько долгих минут; Филипп еще пару раз стукнул по кнопке звонка и, ухватившись руками за литые прутья, сердито уставился сквозь металлическую решетку.

— Его машина в гараже, наверное, испортился звонок, — предположил он и возопил в пространство: — Эй, отец! Отзовись! Явились твои преданные сыновья!

Послышался скрип, и ворота под его весом подались.

— Они не заперты! — удивился Филипп. — Он никогда не оставлял ворота незапертыми.

— Значит, ждет нас дома, только и всего, — бросил Вернон.

Братья навалились плечами на тяжелые створки, и те раскрылись на неподатливых петлях. Вернон и Филипп вернулись к машинам, чтобы загнать их внутрь, а Том вошел в ворота пешком и оказался один на один с домом своего детства. Сколько же лет прошло с тех пор, как он приезжал сюда в прошлый раз? Три года? Его наполнили странные, противоречивые чувства — так случается, когда взрослым возвращаешься в места, где когда-то рос. Он снова оказался в Санта-Фе, в имении, где провел столько времени. Мощеная подъездная аллея полукругом огибала ведущие в холл двери семнадцатого века, собранные из вырезанных вручную пластин мескитового дерева. Сам дом представлял собой приземистое сельское строение с резными стенами, украшенными орнаментами балками, нишами, порталами и дымоходами с настоящими колпаками, которые сами являли собой подлинное произведение искусства. Дом был окружен хлопковыми деревьями² и

² Колючие деревья, цветущие большими красными цветами. Их плоды и семена покрыты похожим на хлопок пушком.

изумрудными лужайками. А с вершины холма открывался широкий вид на горы, сбегавшую вниз пустошь, огни города и переваливавшие через гряду Хемес грозовые тучи. Дом не изменился, но вызывал иные ощущения.

Одна створка гаражных ворот оказалась распахнута, и Том разглядел в боксе зеленый отцовский «мерседес-гелендваген». Два других бокса были закрыты. Он услышал, как машины братьев прохрустели шинами по подъездной аллее и остановились у входа в дом. Хлопнули дверцы, и Филипп с Верноном присоединились к Тому.

В этот миг у Тома стало зарождаться тревожное чувство.

— Почему мешкаем? — спросил Филипп, поднялся по ступеням, подошел к дверям и несколько раз энергично надавил на кнопку звонка. Вернон и Том последовали за братом.

Дом ответил им тишиной.

Как всегда нетерпеливый, Филипп в последний раз ударил по кнопке, и Том услышал за дверью переливчатый звон. Мелодия напоминала последние такты из «Мейм»³, что, по мнению Тома, отвечало специфическому чувству юмора их отца.

Филипп сложил ладони рупором и прокричал в дом:

— Эй, там! Опять ничего.

— Как вы думаете, с ним все в порядке? — забеспокоился Том. Тревожное ощущение становилось все сильнее.

— Не сомневаюсь, — сердито отозвался Филипп. — Очередная игра! — И ударил в дверь кулаком так, что та задребезжала и по дому разнесся гул.

Том оглянулся и заметил, каким неухоженным выглядит двор: трава не скошена, на клумбе с тюльпанами пустились ростки сорняки.

— Загляну-ка я в окно, — предложил он.

Продравшись сквозь зеленую изгородь подстриженного кустарника, он на цыпочках прошел через клумбу и бросил взгляд в окно спальни. В комнате что-то было не так, но Тому потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что именно. Сначала показалось, что там все как обычно: тот же кожаный диван, те же кресла с широкими подлокотниками, тот же сложенный из камня камин и кофейный столик. Но раньше над камином висела большая картина, а теперь ее не было. Том принялся ломать голову, кто был художник: то ли Брак, то ли Моне. И в этот момент сообразил, что вместе с картиной исчезла римская бронзовая статуэтка мальчика, которая стояла слева от камина. На книжных полках зияли дыры — оттуда кто-то вытащил тома. И вообще в спальне царил беспорядок. А на полу перед дверью в коридор валялся мусор: смятая бумага, обертка от жвачки, скомканная упаковочная лента.

— Ну что там, док? — донесся из-за угла голос Филиппа.

— Иди посмотри сам.

Брат с недовольным видом полез в заросли, и колючки кустарника впились в полы его модного пиджака. Вернон последовал за ним.

Филипп заглянул в окно спальни и удивленно воскликнул.

— Липпи⁴... тот, что висел над диваном... исчез! И Брак тоже. Он их куда-то дел. Продай!

— Не переживай, Филипп, — перебил его Вернон. — Он их, наверное, просто упаковал. Решил переезжать. Вспомни, ты сам ему постоянно твердил, что этот дом для одного слишком велик и слишком уединенно стоит.

Глаза Филиппа сразу потухли.

— Да-да, конечно.

³ Популярный американский мюзикл.

⁴ Фра Филиппо (ок. 1406 — 1469) — итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения, автор религиозных картин и фресок.

— Видимо, этому и посвящена наша таинственная встреча, — продолжал Вернон. Филипп промокнул лоб шелковым платком.

— Ты прав. Я, должно быть, устал после перелета. И что тут за бардак? Когда отец увидит, его хватит удар.

Братья молча стояли в кустах и переглядывались. Беспокойство Тома достигло высшей точки. Если отец решил переезжать, то выбрал для этого какой-то странный способ.

Филипп вынул трубку из рта.

— Как вы считаете, это он специально для нас все устроил? Что-то вроде небольшой головоломки?

— Попробую проникнуть внутрь, — отозвался Том.

— А как же сигнализация?

— Черт с ней, с сигнализацией.

Том обогнул дом и вышел к тыльной стороне здания. Братья последовали за ним. Затем он перелез через стену и оказался в небольшом закрытом садике с фонтаном. Теперь окно спальни было прямо на уровне глаз. Том наклонился и вытащил камень из поддерживавшей клумбу стенки. Приблизился к окну и прикинул камень на руке.

— Ты что, серьезно собираешься расколотить стекло?

В ответ Том размахнулся и швырнул камень в окно. Когда замер звон разлетающихся осколков, все напряженно прислушались.

Тишина.

— Никакой сигнализации, — заметил Филипп.

— Мне это не нравится, — покачал головой Том. Филипп заглянул в образовавшуюся дыру, и Том заметил, как от какой-то внезапной мысли исказилось его лицо. Брат выругался и одним махом, как был в пиджаке и с трубкой, перепрыгнул через подоконник.

— Что это с ним? — удивился Вернон.

Том не ответил и полез в окно за братом. Вернон последовал их примеру.

Спальня, как и остальные комнаты, лишилась всех произведений искусства. Повсюду царил беспорядок: следы грязных подошв, мусор, обрывки упаковочной ленты, обертки от жвачки и кульки из-под поп-корна. И тут же на полу гвозди и обрезки деревянных планок. Том вышел в коридор — и там одни голые стены. А он помнил, что в коридоре висел Пикассо, еще один Брак и стояла пара стел народа майя. Теперь все исчезло.

Том чувствовал, как в нем нарастает паника, кинулся по коридору и замер в дверях гостиной. Филипп был уже там и, стоя посередине с побелевшим лицом, обводил взглядом помещение.

— Сколько раз я ему твердил, что это непременно случится. Преступное легкомыслие держать здесь все эти вещи. И вот доигрался!

— Что такое? — встревожился Вернон. — В чем дело, Филипп? Что случилось?

— Нас обокрали, — с трудом, почти шепотом ответил брат.

2

Детектив лейтенант Хатч Барнаби из полицейского управления Санта-Фе приложил ладонь к костлявой груди, откинулся на стуле и поднес к губам очередную, десятую за день, чашку из «Старбакса». Потянул крючковатым носом горьковатый аромат прожаренных зерен, посмотрел в окно на одинокое хлопковое дерево и, засовывая длинные ноги глубже под стул, подумал: отличный весенний денек выдался сегодня в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, США. 15апреля. Весенние виды. Срок подачи налоговых деклараций. Все сидят по домам, подсчитывают деньги и приводят себя в чувство размышлениями о морали и нужде. Даже преступники берут выходной.

Лейтенант с чувством глубокого удовлетворения отхлебнул кофе. Если бы не трезвонящий телефон, жизнь была бы прекрасна.

Краем сознания он уловил, как Дорин отвечала на вызов, и ее четкие гласные влияли

в открытую дверь:

— Извините, не могли бы вы говорить помедленнее? Не кладите трубку, сейчас позову сержанта.

Барнаби заглушил ее реплику шумным глотком кофе. Потянулся ногой в сторону двери кабинета и толчком прикрыл створку. Слава Богу, вернулась тишина. Но ненадолго. Послышался стук в дверь.

Черт бы побрал этот телефон!

Лейтенант поставил кофе на стол и выпрямился.

— Войдите.

В дверь заглянул сержант Гарри Фентон. По одному взгляду на его оживленное лицо Барнаби понял, что произошло нечто выдающееся: его подчиненный был не из тех, кто любил спокойные дни.

— Хатч!

— М-м-м?..

— Обокрали дом Бродбента, — восторженно доложил он. — У меня на телефоне один из его сыновей.

— И что украли? — У лейтенанта не дрогнул ни единый мускул.

— Все! — Черные глаза сержанта светились от удовольствия. Барнаби сделал глоток кофе, отхлебнул еще, а затем поднялся и пнул стул. Дьявол!

Пока они с сержантом ехали по старому шоссе Санта-Фе, Фентон рассказывал о краже. Он слышал, что коллекция Бродбента стоила около полумиллиарда. Если это хоть сколько-нибудь соответствует истине, о преступлении напишут на первой полосе «Нью-Йорк тайме»! Да что там «Нью-Йорк тайме»! Обеспечена первая страница в «Таймсе»! Можете себе представить?

Лейтенант не мог. Но ничего не ответил. Он уже привык к восторгам Фентона. Барнаби остановил машину у начала петляющей подъездной аллеи, которая вела к имению Бродбентов. Сержант вылез из машины и, весь светясь от предвкушения, повел длинным носом в сторону дома. А Хатч, шагая по дорожке, смотрел себе под ноги. Он заметил полустершийся след фургона с небольшим прицепом, который вел туда и обратно. Сюда явились нагло, не скрываясь. Так что Бродбент либо уехал сам, либо его убили. Скорее всего второе, и сейчас они обнаружат в доме его холодный труп.

Дорожка сделала крюк и, выпрямившись, вывела к открытым воротам, которые охраняли свободно раскинувшееся среди поросших хлопковыми деревьями лугов сельское поместье с приземистым домом. Лейтенант задержался осмотреть ворота. Они оказались механическими, с двумя моторами. Следы взлома отсутствовали, но электрический щиток был открыт и внутри торчал ключ.

Хатч опустился на колени. Ключ находился в положении деактивации электрической цепи сигнализации.

— Что скажешь? — повернулся он к сержанту.

— Подкатили на фургоне, заранее запасшись ключом от ворот. Ребята — профессионалы. Сдается мне, что мы обнаружим в доме труп.

— Вот за что я тебя люблю, Фентон, — ты читаешь мои мысли.

Лейтенант услышал крик и увидел троих мужчин, направлявшихся к ним через лужайку. Недоумки шли прямо потраве.

— Вы что? — возмутился он. — Не понимаете, что это место преступления?

Двое остановились, но первый, высокий мужчина в костюме, продолжал двигаться вперед.

— А вы-то кто такой? — надменно-холодно спросил он.

— Я — детектив, лейтенант Хатчинсон Барнаби, — ответил полицейский. — Со мной сержант Гарри Фентон. Полицейское управление Санта-Фе.

Фентон одарил подходившего улыбкой; хотя скорее не улыбнулся, а только обнажил зубы.

— Вы сыновья?

— Да, — подтвердил тот, что был в костюме. И удостоился нового оскала сержанта.

Барнаби воспользовался мгновением и окинул взглядом будущих возможных подозреваемых.

Хиппи в пеньковых штанах обладал открытым, честным лицом — не свет в окошке, но и не бандитская рожа. Другой был в сапогах. И лейтенант с уважением отметил, что сапоги испачканы натуральным лошадиным навозом. Третий носил костюм и выглядел так, словно только что явился из Нью-Йорка. А лейтенант не сомневался: всякий, кто живет в Нью-Йорке, есть потенциальный убийца. Способен укокошить собственную бабушку. Он снова окинул мужчин взглядом: трудно было себе представить настолько непохожих братьев. Удивительно, что они — одна семья.

— Это место преступления. Поэтому, джентльмены, должен попросить вас покинуть территорию. Выходите из ворот, встаньте под деревом или где-нибудь поблизости и подождите меня. Я вернусь минут через двадцать. Хорошо? Не топчите и ничего не трогайте. И не говорите друг с другом о преступлении и о том, что вы видели. — повернулся, но вдруг, словно вспомнив, спросил: — Украли всю коллекцию?

— Именно это я сообщил по телефону, — бросил «костюм».

— Сколько она стоила — навскидку?

— Что-то около пятисот тысяч.

Барнаби дотронулся до полей шляпы и посмотрел на сержанта. Выражение неприкрытого удовольствия на лице подчиненного напугало бы любого проходимца. Направляясь к дому, лейтенант подумал, что неплохо бы поостеречься, следует держать ухо остро, еще немного — и сюда понаедут федералы, интерполовцы и бог знает кто еще. Он решил осмотреться, пока не явились криминалисты. И, засунув большие пальцы рук за ремень, окинул дом взглядом. Интересно, была ли застрахована коллекция? Небезынтересный вопрос. Если застрахована, то не исключено, что Максвелл Бродбент не так уж безнадежно мертв. А потягивает «Маргариту»⁵ с какой-нибудь милашкой на пляже в Пхукете.

— Я вот думаю, страховался Бродбент или нет? — заговорил Фентон.

Лейтенант улыбнулся напарнику и снова перевел взгляд на дом. Окно было разбито, на дорожке мешанина следов, кустарник помят. Свежие следы оставили сыновья, но, кроме них, он заметил много других, не таких свежих. Отпечатки покрышек вели туда, где припарковали фургон. Затем, прежде чем уехать, машина долго разворачивалась. Похоже, кража произошла неделю или две назад.

Теперь важнее всего найти труп, если таковой имеется. Полицейский посмотрел на обрывки упаковочной ленты, обертку от жвачки, раскиданные гвозди и обрезки досок. На ковре виднелся слой пыли и небольшие вмятины. Здесь, судя по всему, устанавливали настольную пилу. Профессиональная работа. И к тому же шумная. Люди не только понимали, что делают, но совершенно не спешили. Лейтенант принохался. И не почувствовал сладковато-кислого свиного запаха трупа.

Внутри следы казались такими же старыми, как и снаружи, может быть, недельной или двухнедельной давности. Хатч наклонился и понюхал валявшийся на полу обрезок дерева. Он не пах, как обычно пахнет свежий распиленный. Подобрал занесенный в дом стебелек травы и растер между пальцами. Сухой. И кусочки грязи с подошв сапог тоже были абсолютно сухими. Барнаби прикинул: последний дождь выпадал две недели назад. Значит, вот когда это произошло: в пределах суток после дождя, пока земля еще не просохла и оставалась мягкой.

Он прошел в просторный центральный сводчатый зал. Там стояли постаменты с бронзовыми табличками, на которых некогда красовались статуи. На стенах, где висели

⁵ Популярный и юго-западных штатах коктейль из текилы и лимонного сока.

картины, виднелись светлые прямоугольники и выступали крюки. На металлических подставках с плетеными кольцами явно хранились старинные вазы. Полки зияли пыльными, голыми ячейками, а в книжных стеллажах, откуда вынули тома, темнели пустоты.

Полицейский подошел к дверям спальни и оглядел вереницу ведущих внутрь и выходящих в коридор следов. Сюда тоже нанесли засохшую грязь. Господи, да их здесь было не меньше полудюжины. Такой большой переезд. Потребовался день работы, а то и два.

В спальне стоял какой-то агрегат. Барнаби узнал в нем аппарат для запенивания, вроде тех, что встречаются в отделениях «Ю-пи-эс»⁶. В другой комнате обнаружилась упаковочная машина для ценных предметов. Повсюду валялись обрезки досок и металлической стягивающей полосы, кусочки войлока, винты, гайки-барашки, даже лежала пара профессиональных пил. Одного инструмента оставили не меньше чем на две тысячи долларов. Ничего не удосужились забрать. В гостиной не взяли телевизор за десять тысяч, видеомэгнитофон и DVD-проигрыватель. И еще два компьютера. Лейтенант вспомнил свой убогий телевизор и видак, за которые до сих пор расплачивался, хотя теперь по вечерам порнуху смотрят жена и ее новый приятель.

Барнаби осторожно перешагнул через лежавшую на полу видеокассету.

— Три к пяти, что наш клиент мертв, и два к пяти, что это махинация со страховкой, — предположил Фентон.

— Не стесняйся, наслаждайся жизнью, — посоветовал ему лейтенант.

Должен же кто-нибудь был заметить, что здесь творилось! Дом стоял на вершине холма и открывался всему Санта-Фе. Удосужься он сам две недели назад выглянуть из окна своей квартирки в долине, и стал бы свидетелем кражи: дом светился всеми огнями, а по дороге полз фургон с зажженными фарами. Полицейский в который раз удивился наглости грабителей. Что-то уж больно они были уверены в себе. С чего бы?

Он посмотрел на часы. До приезда машины криминалистов оставалось совсем немного времени.

Барнаби быстро, но внимательно осмотрел комнаты. Старался не пропустить ничего, одновременно делая пометки. Он по опыту знал: записки потом бередили, не давали покоя. Были осмотрены все помещения — работа подходила к концу. И вдруг в одной из комнат он обнаружил незапакованные коробки и разбросанные по полу счета. Барнаби подобрал клочок бумаги. Это оказался чек годичной давности за отгрузку французских кастрюль, сковородок и японских и немецких ножей на двадцать четыре тысячи долларов. Этот парень что, держит ресторан?

В гардеробной при спальне обнаружилась полуоткрытая металлическая дверь.

— Форт-Нокс⁷, — пошутил Фентон.

Лейтенант кивнул, а сам подумал: что могли хранить в таком тайнике в доме, где держали картины стоимостью в миллионы долларов?

Не прикасаясь к двери, он проскользнул внутрь. Тайник оказался пустым, только на полу валялся мусор и несколько деревянных пеналов для карт. Барнаби достал платок и с его помощью открыл шкаф. Бархат сохранил отпечатки, где недавно стояли какие-то предметы. Полицейский повернул дверцу и рассмотрел замок — на нем не оказалось никаких следов взлома. В комнатах, насколько он успел заметить, тоже не вскрывали шкафов.

— У грабителей имелись все коды и ключи, — прокомментировал сержант.

Барнаби кивнул. Это была не кража.

Он вышел из дома и быстро обошел сад.

⁶ «Юнайдет парсел сервис» — частная служба доставки посылок.

⁷ Находится в штате Кентукки южнее города Луисвилла. Военная база. В 1935 г. министерство финансов основало здесь хранилище золотого запаса США.

Имение выглядело одичалым. Все заросло сорняками. Здесь ни за чем не ухаживали. Траву не косили не меньше двух недель. Повсюду царило запустение. И судя по всему, развал начался задолго до так называемой кражи. Дом покати́лся купадку месяц или два назад.

Если дело было в страховке, следовало подумать о сыновьях. Возможный вариант.

3

Он нашел их в тени сосны — все трое стояли, нахмурясь, сложив на груди руки.

— Ну как, что-нибудь нашли? — спросил тот, что был в костюме, когда Барнаби приблизился.

— Что, например? — пожал плечами полицейский. Сын Бродбента поморщился:

— Вы хоть представляете, что здесь украли? Речь идет о сотнях миллионов. Господи, как же им удалось все это вывезти? Там были знаменитейшие произведения искусства. Один Липпи оценивается в сорок миллионов долларов. Все это уже наверняка на пути на Ближний Восток или в Японию. Вам следует позвонить в ФБР, связаться с Интерполом и закрыть аэропорты...

Филипп остановился, чтобы перевести дыхание.

— У лейтенанта Барнаби появилось несколько вопросов, — перебил его Фентон, вступая в привычную роль. Голос взлетел на высокие ноты, но при этом оставался на удивление мягким, хотя в нем чувствовалась скрытая угроза. — Будьте любезны, назовите свои имена.

Вперед выступил мужчина в ковбойских сапогах.

— Я Том Бродбент, а это мои братья — Вернон и Филипп.

— Послушайте, офицер, — начал тот, кого представили Филиппом. — Эти сокровища явно предназначаются для спальни какого-нибудь шейха. Открыто продать их нечего и надеяться знамениты. Не обижайтесь, но я действительно считаю, что полицейскому управлению Санта-Фе с этим делом не справиться.

Барнаби раскрыл записную книжку и посмотрел на часы. До приезда машины криминалистов из Альбукерке оставалось еще минут тридцать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, Филипп. Ничего, что я называю вас по имени?

— Пожалуйста, только бы расследование продвигалось.

— Сколько лет каждому из вас?

— Тридцать три, — ответил Том.

— Тридцать пять, — подхватил Вернон. Последним свой возраст назвал Филипп:

— Тридцать семь.

— Каким образом случилось, что вы прибыли все вместе? — Полицейский повернулся к Вернону. Ему показалось, что этот персонаж новейших времен менее других способен солгать.

— Отец прислал нам письма.

— Какого содержания?

— Ну... — Вернон нервно покосился на братьев. — Он толком ничего не объяснил.

Барнаби перевел взгляд на Филиппа:

— Можете что-нибудь добавить? Что хотел от вас отец?

— Без понятия.

Настала очередь Тома. Полицейский решил, что ему нравится лицо младшего из братьев. Не нахрапистое лицо.

— А вы, Том, можете мне чем-нибудь помочь?

— Мне кажется, он хотел поговорить о наследстве.

— О наследстве? Сколько лет вашему отцу?

— Шестьдесят.

— Он болен? — Вопрос был задан сержантом. Фентон подался вперед, слова прозвучали почти грубо.

— Да.

— Сильно?

— Умирает от рака.

— Простите, — извинился Барнаби и предостерегающе махнул рукой, прерывая поток бестактных вопросов своего подчиненного. — Эти письма при вас?

Все трое достали листки. Текст был написан от руки на бумаге цвета слоновой кости. Полицейский отметил, что письма оказались у каждого. Это о чем-то да говорило. Братья явно придавали значение встрече с отцом. Он взял одно из писем и прочитал:

«Дорогой Том!

Я хочу, чтобы ты явился в мой дом в Санта-Фе 15 апреля ровно в тринадцать часов. Это очень важно для твоего будущего. Я попросил о том же Филиппа и Вернона. Прилагаю сумму, необходимую для оплаты дорожных расходов. Пожалуйста, не опаздывай — будь ровно в час. Окажи своему старику последнюю любезность.

Отец».

— Может, излечился от рака или собрался отдать Богу душу? — спросил Фентон.

Филипп вытаращил на него глаза, затем перевел взгляд на лейтенанта:

— Кто этот тип?

Барнаби укоризненно посмотрел на отбившегося от рук подчиненного.

— Мы все здесь делаем одно дело — стараемся узнать, кто совершил преступление.

— Насколько я понимаю, — проворчал Филипп, — у отца не было шансов на выздоровление. Он прошел курс облучения и химиотерапии, но пошли метастазы, от которых не удалось избавиться. И он отказался от дальнейшего лечения.

— Простите, — повторил лейтенант, тщетно пытаясь вызвать в себе хотя бы малую толику сострадания. — Вернемся к письму. В нем говорится о некоей сумме, необходимой для оплаты дорожных расходов. Как велика эта сумма?

— Тысяча двести долларов наличными, — ответил Том.

— Наличными? В каком виде?

— Двенадцать стодолларовых купюр. Посылать деньги подобным образом было характерно для нашего отца.

В разговор снова вмешался Фентон:

— Сколько ему оставалось жить? — Вопрос он адресовал непосредственно Филиппу и при этом выставил вперед голову. А голова у него была отменно страшная — узкая, угловатая, лицо с тяжелыми надбровными дугами и глубоко посаженными глазами; из вывороченных ноздрей огромного носа вылезали пучки черных волос; подбородок был срезан, во рту желтели кривые зубы. Несмотря на английское имя, его кожа отливала оливковым оттенком. Фентон был по происхождению испанцем из города Тручас, что по пути к горам Сангре-де-Кристо. Сержант имел устрашающую внешность, хотя был добрейшим на свете человеком.

— Около шести месяцев.

— И зачем он вас пригласил? Раздать всем сестрам по серьгам? — Фентон, когда хотел, умел вести себя отвратительно. Но такая манера давала свои результаты.

— Что ж, это можно сформулировать и таким милым образом, — холодно отозвался Филипп. — Вполне возможно.

— Скажите, Филипп, — мягко вмешался лейтенант, — обладая такой коллекцией, ваш отец не пытался сделать распоряжение оставить ее музею?

— Максвелл Бродбент терпеть не мог музеи.

— Почему?

— Потому что музеи критиковали его за нетрадиционное коллекционирование.

— В чем оно проявлялось?

— В том, что отец приобретал произведения искусства сомнительного происхождения,

вел дела с расхитителями гробниц и незаконно перевозившими через границы предметы искусства контрабандистами. Бывали случаи, когда он сам похищал вещи из захоронений. Я могу понять его антипатии: музеи стали бастионами лицемерия, алчности и скаредности. Критикуют других за те же методы, которыми сами пользуются при составлении коллекций.

— А как насчет того, чтобы завещать коллекцию университету?

— Он ненавидит ученых. Называет их «недоумки в твиде» и «дьяволы в твиде». Университетские мужи обвинили Максвелла Бродбента в том, что он занимался расхищением храмов в Центральной Америке. Я не выдаю никаких семейных секретов — это хорошо известная история. Возьмите любой номер журнала по археологии, и вы узнаете, что наш отец является злом во плоти.

— Он намеревался продать коллекцию? — продолжал задавать вопросы лейтенант.

Губы Филиппа презрительно скривились.

— Продать? Отец всю жизнь общался с аукционными домами и дилерами от искусства. Он скорее позволит разрезать себя на тысячу кусков, чем согласится продать самый захудалый эстамп.

— Значит, он собирался оставить коллекцию вам троим? Наступило неловкое молчание.

— Надо думать, — наконец проговорил Филипп.

— А как насчет церкви? Жены? Подружки? — вмешался в разговор Фентон.

Филипп сунул трубку в рот и, пародируя рубленую речь сержанта, бросил:

— Атеист. Разведен. Женоненавистник.

Два его брата рассмеялись. И даже Хатч Барнаби получил удовольствие от того, как утерли нос его подчиненному. Сержанта редко переигрывали во время допроса. А этот Филипп, несмотря на свою манерность, оказался жестким малым. Но в его длинном интеллигентном лице было нечто грустное, какое-то потерянное выражение.

Барнаби показал ему счет за отгрузку кухонной утвари.

— Есть соображения, что все это значит и куда отправлен товар?

Братья по очереди прочитали чек, покачали головами и вернули обратно.

— Он и готовить-то никогда не любил, — заметил Том. Барнаби сложил документ и сунул в карман.

— Расскажите мне о своем отце. Как он выглядит, каков его нрав, характер, какие вел дела... и все такое.

Первым опять заговорил Том:

— Он своего рода уникум.

— В каком смысле?

— Настоящий гигант. Ростом шесть футов пять дюймов, широк в плечах, ни единой складочки на теле, седые волосы, могучий, как лев, и с таким же рыкающим басом. О нем говорят, что он похож на Хемингуэя.

— Как насчет характера?

— Он из тех, кто никогда не бывает не прав и попирает всех и вся, добиваясь того, чего хочет. Живет по придуманным им самим правилам. Не окончил школу, но знает об искусстве больше многих профессоров. Собираательство — его религия. Он презирает верования других людей. И поэтому получает большое удовольствие, продавая и покупая вещи из разграбленных могил. И грабит их сам.

— Расскажите подробнее о разграблении могил. — На этот раз заговорил Филипп.

— Максвелл Бродбент родился в рабочей семье. Молодым человеком он уехал в Центральную Америку и два года пропадал в джунглях. Он сделал большое открытие, обворовал какой-то храм индейцев майя и незаконно вывез оттуда вещи. Потом стал торговать сомнительными произведениями искусства и древностями — всем: от греческой и римской скульптуры, которую тайно вывозили из Европы, до украденных из камбоджийских храмовых усыпальниц кхмерских горельефов и вывезенных из Италии во время войны полотен эпохи Ренессанса. Он занимался этим не ради денег, а чтобы иметь возможность

коллекционировать.

— Интересно...

— Методы Максвелла, — заметил Филипп, — единственный в наши дни способ приобрести подлинно великое произведение искусства. В его коллекции, наверное, не сыщется ни одного чистого экспоната.

— Однажды он обворовал могилу, которая несла на себе проклятие, — вспомнил Вернон. — И потом рассказывал об этом на вечеринках.

— Проклятие? В чем оно заключалось?

— Что-то вроде: «С того, кто потревожит эти кости, живо сдерут кожу и скормят хворым гиенам. А затем стадо ослов будет сношаться с его матерью». Как будто так.

Фентон хохотнул.

Барнаби строго на него посмотрел и снова обратился к Филиппу. Уж раз человек разговорился, надо его дожимать. Удивительно, насколько людям нравится жаловаться на своих родителей.

— Что его манило?

Филипп наморщил лоб и насупил брови.

— Дело в том, что Максвелл Бродбент любил «Мадонну» Липпи больше любой живой женщины, а портрет малышки Медичи кисти Бронзино⁸ — больше любого ребенка. Он любил своих двух Браков, своего Моне и нефритовые черепа майя больше, чем реальных людей, с которыми жил рядом. И почитал собрание французских реликвий тринадцатого века, в котором, как предполагалось, были кости святых, больше, чем любого святого. Его коллекции были его любовницами, детьми и его верой. Красивые вещи — вот что его притягивало...

— Ничего подобного, — перебил его Вернон. — Отец любил нас.

Филипп насмешливо фыркнул.

— Так вы сказали, что он развелся с вашей матерью? — задал новый вопрос лейтенант.

— Вы хотели спросить: с нашими матерями? С двумя развелся, третья умерла. Были еще две жены, которых он не наградил наследниками, и несколько подружек.

— Споры из-за алиментов возникали? — гаркнул Фентон.

— А как же! Алименты-полименты — все как у всех.

— Но растил-то вас все-таки отец? — Прежде чем ответить, Филипп помолчал.

— Да, только своим, очень необычным способом. — Слова повисли в воздухе.

Барнаби стало интересно, что это был за отец. Но он понимал, что время на исходе и следует переходить к главному: ребята из криминалистического отдела придут с минуты на минуту. И тогда ему здорово повезет, если он опять сумеет прорваться на место преступления.

— В настоящее время у него есть женщина?

— Только для того, чтобы слегка разминаться по вечерам, — ответил Филипп. — Уверю вас, она ничего не получит.

— Как вы считаете, с нашим отцом все в порядке? — вмешался Том.

— Откровенно говоря, я не нашел никаких улик, что здесь совершилось убийство. Тела в доме не оказалось.

— Может быть, его похитили? — Полицейский покачал головой.

— Маловероятно. Зачем им заложник? — Он посмотрел на часы. Оставалось пять, от силы семь минут. Настала пора задать главный вопрос. Барнаби постарался, чтобы он прозвучал как можно небрежнее: — Кстати, коллекция застрахована?

Лицо Филиппа потемнело.

— Нет.

Даже лейтенант не сумел скрыть своего удивления:

⁸ Бронзино, Анджело (1503—1572) — итальянский живописец, представитель маньеризма.

— Не застрахована?

— В прошлом году я пытался организовать страховку, но никто не пожелал связываться с коллекцией, которая находится в доме с подобной системой безопасности. Сами видите, насколько ненадежно это место.

— Почему же ваш отец не усовершенствовал систему безопасности?

— Он был очень непростым человеком. Никому не позволял себя учить. Хранил в доме массу оружия — видимо, полагал, что в случае чего сумеет отбиться. Манера Дикого Запада.

Барнаби просмотрел свои записи и снова взглянул на часы. Он был встревожен — концы не сходились с концами. Полицейский не сомневался, что имеет дело не с обычной кражей. Но если нет страховки, кому придет в голову грабить собственное добро? И еще это совпадение — письма сыновьям с приглашением на встречу. Он вспомнил текст: «Это очень важно для твоего будущего... ты меня разочаруешь, если не приедешь». В подборе слов было нечто, наводящее на размышления.

— Что хранилось в комнате-сейфе?

— Они что, забрались и туда? — Филипп прижал дрожащую ладонь к вспотевшей щеке, пиджак мешком висел на его плечах. Лицо выражало неподдельное отчаяние.

— Да.

— Там были драгоценные камни, украшения, золото из Центральной и Южной Америки, редкие монеты и марки, все чрезвычайно ценное.

— Похоже, у грабителей имелись все шифры и ключи от каждой двери. Не представляете, как они к ним попали?

— Нет.

— Был ли у вашего отца доверенный человек, например адвокат, которому он мог передать дубликаты ключей и назвать комбинации шифров?

— Он никому не доверял.

Это был важный момент. Барнаби посмотрел на двух других братьев.

— Вы согласны? — Те кивнули.

— У него была служанка?

— Ежедневно приходила женщина.

— Садовник?

— На полной зарплате.

— Кто еще?

— Он держал повара и оплачивал услуги медсестры, которая заглядывала трижды в неделю.

Вперед выступил Фентон и расплылся в своей диковатой улыбке.

— Филипп, не возражаете, если я задам вам вопрос?

— Пожалуйста, если вам так хочется.

— Объясните, почему вы говорите о своем отце в прошедшем времени? Знаете нечто такое, чего не знаем мы?

— Господи помилуй! — взорвался Филипп. — Избавьте меня наконец от этого Шерлока Холмса!

— Фентон! — Лейтенант укоризненно посмотрел на подчиненного.

Сержант повернулся, встретился с лейтенантом глазами, и его лицо помрачнело.

— Простите.

— Где они теперь? — поинтересовался Барнаби.

— Вы о ком? — не понял Филипп.

— О служанке, о садовнике, о поваре. Кража случилась две недели назад. Кто-то должен был распустить прислугу.

— Две недели назад? — переспросил Том.

— Именно.

— Но мое письмо доставлено мне «Федерал экспресс»⁹ всего три дня назад. Это уже становилось интересным.

— Кто-нибудь из вас заметил адрес отправителя?

— Какое-то отделение почтовой службы «Мейл боксес» или что-то в этом роде. Барнаби немного поразмыслил.

— Должен вам сказать, — наконец проговорил он, — что от этой так называемой кражи за милую душу несет махинацией со страховкой.

— Но я же вам объяснил, что коллекция не застрахована, — возразил Филипп.

— Вы объяснили, но я не поверил.

— Лейтенант, я историк-искусствовед и имею представление о страховом рынке в этой области. Коллекция отца оценивалась в полмиллиарда долларов и хранилась в деревенском доме, где всего-то защиты — замочки в шкафах. У отца не было даже собаки. Уверю вас, такую коллекцию никто бы не согласился страховать.

Барнаби прищурил глаза и долго смотрел на Филиппа, затем повернулся к братьям.

Филипп шумно выдохнул и бросил взгляд на часы.

— Послушайте, лейтенант, вам не кажется, что это слишком серьезное дело для полиции Санта-Фе?

Если это не махинация со страховкой, то что же еще? Все, что угодно, только не кража. В голове, пока еще туманно, стала формироваться сумасшедшая мысль. Абсолютно бредовая. Но она помимо воли лейтенанта обретала форму, складывалась в некое подобие теории. Барнаби посмотрел на Фентона. До того пока ничего не доходило. Несмотря на все свои дарования, сержант был лишен чувства юмора.

Барнаби вспомнил телевизор с большим экраном, видеомагнитофон и лежащую на полу кассету. Нет, не просто лежащую — помещенную рядом с пультом дистанционного управления. Кассета словно вопила: «Посмотрите меня!»

Вот оно! Все встало на свои места. Теперь Барнаби ясно понял, что произошло. Он прочистил горло и повернулся к братьям Бродбент:

— Следуйте за мной.

Те вошли вслед за ним в дом.

— Садитесь.

— В чем дело? — занервничал Филипп.

Даже Фентон бросил на начальника недоуменный взгляд. Лейтенант подобрал с пола кассету и пульт дистанционного управления.

— Сейчас посмотрим пленку. — Он включил телевизор и вставил кассету в видеомагнитофон.

— Это что, шутка? — У Филиппа вспыхнули щеки, он и не подумал сесть. Братья смущенно мялись рядом.

— Вы загораживаете экран. Сядьте! — Барнаби опустился на диван.

— Это неслыханно!..

Каскад звуков перебил возмущенного Филиппа, и на экране, крупнее, чем в жизни, появилось лицо Максвелла Бродбента. Братья моментально сели.

Голос был низким, рокоочущим и гулко отдавался от пустых стен:

«Привет с того света!»

4

Том Бродбент наблюдал, как лицо отца принимало обычные размеры и становилось резче — камера отъехала от снимаемого объекта, и на экране появился весь Максвелл

⁹ Крупнейшая частная почтовая служба срочной доставки писем, небольших посылок и бандеролей.

Бродбент. Он сидел в своем кабинете за гигантским столом и держал в больших руках листки бумаги. Комнату еще не успели обобрать, и за его спиной на стене висела «Мадонна» Липпи; книжные полки не зияли пустотами, и вся скульптура и картины были на месте. Том поежился — на него наводил страх даже экранно-электронный образ отца.

После приветствия отец помолчал, прокашлялся и сосредоточенно посмотрел голубыми глазами в объектив. Листки подрагивали в его руке. Судя по всему, его обуревали сильные чувства.

Он опустил глаза и начал читать:

«Дорогие Филипп, Вернон и Том!

Приступаю сразу к сути: я забираю свое богатство в могилу. Запечатываю себя вместе со своей коллекцией в гробнице. Эта гробница затеряна в мире, в месте, о котором знаю один только я».

Максвелл Бродбент помолчал, снова прокашлялся, коротко сверкнул глазами в камеру и продолжал. Голос приобрел педантичность, и Том вспомнил, что именно так отец говорил за столом.

«Более ста тысяч лет люди хоронили себя с тем, что было им всего дороже. Этот обычай ведет свою историю с древних времен: от эпохи неандертальцев и Древнего Египта и почти до самых наших дней. Люди погребали себя со своим золотом, серебром, произведениями искусства, книгами, лекарствами, мебелью, рабами, едой, лошадьми, а иногда даже со своими любовницами и женами — то есть со всем, что, по их мнению, могло пригодиться после смерти. И только в последние век или два перестали окружать свои останки в могиле дорогими сердцу вещами. И тем самым нарушили древнюю традицию.

Традицию, которую я рад возродить.

Истина в том, что все наши знания о прошлом попали к нам из могил. Некоторые называют меня грабителем. Это не так. Я не грабитель. Я просто занимался рециркуляцией: нажил состояние на богатствах дураков, которые воображали, что способны забрать в мир иной свое добро. А теперь решил совершить то же, что и они, — похоронить себя вместе со своими мирскими сокровищами. Я прекрасно сознаю, что не существует никакого иного мира, где бы я мог воспользоваться своими богатствами. В отличие от моих предшественников у меня на этот счет нет никаких иллюзий. Коль скоро человек умер — он умер. И превратился в мусорный мешок с гниющим мясом, жиром, мозгами, костями — и не более.

Я беру свои сокровища в могилу совершенно по иным причинам. Очень важным. И эти причины касаются вас троих».

Максвелл замолчал и поднял глаза. Рука, сжимавшая листы бумаги, все еще подрагивала. На щеке заметно подергивался мускул.

— Боже! — Филипп привстал и сжал кулаки. — Невероятно!

Максвелл Бродбент снова поднес бумаги к глазам, начал читать, но запнулся, замолчал, резко поднялся и швырнул листки на стол.

«К черту! — Он резко оттолкнул стул. — То, что я собираюсь вам сказать, слишком важно, чтобы изображать дурацкие речи».

В несколько широких шагов он обошел стол; массивная фигура заполнила весь экран и виртуальным образом всю комнату, где находились зрители. Он в волнении расхаживал перед камерой и поглаживал коротко подстриженную бороду.

«Все не так просто. Не знаю, как вам это объяснить... — Максвелл развернулся и направился обратно. — Когда мне было столько лет, сколько вам, я не имел ничего. Ровным счетом ничего. Я приехал в Нью-Йорк из Эри, что на северо-западе Пенсильвании, с тридцатью пятью долларами в кармане старого отцовского пиджака. Ни родных, ни друзей, ни диплома колледжа. Отец был хорошим человеком, но он работал каменщиком. Мама к тому времени умерла. Я остался в мире совершенно один».

— Ну, завел свою старую песню! — простонал Филипп.

«Шла осень 1963 года. Я истоптал все подошвы, пока не нашел работу. Дерьмовую работу: мыть посуду в „Мама Джина“ на углу Восточной Восемьдесят восьмой и Леке».

Филипп мотал головой, а Том словно бы онемел.

Максвелл перестал расхаживать, устроился перед столом и, сверкнув глазами, посмотрел в камеру.

«Я вас не вижу. Но полагаю, что ты, Филипп, скорбно качаешь головой, ты, Том, про себя костеришь все на свете, а ты, Вернон, решил, что я совершенно рехнулся. Вы словно стоите у меня перед глазами. Мне вас жаль. В самом деле. Поверьте, принять такое решение было не просто».

Максвелл снова принялся расхаживать.

«„Джина“ находилась неподалеку от музея „Метрополитен“. Однажды я из любопытства туда забрел, и это изменило всю мою жизнь. Я потратил последний доллар на членский билет и стал посещать музей каждый день. Я влюбился в это место. Какое откровение! Никогда до этого я не встречал подобную красоту. — Он махнул широкой ладонью. — Что я говорю... вы-то все это знаете».

— Как не знать, — сухо поддакнул Филипп.

«Суть в том, что я начал с нуля. С абсолютного ничто. Я упорно работал. У меня появилась цель. Я читал все, что попадало под руку: Шлимана об открытии Трои, Ховарда Картера о гробнице Тутанхамона, Ллойда Стивенса о раскопках Виллы мистерий в Помпее. И мечтал разрыть нечто подобное сам. Обнаружить и владеть. Я стал задаваться вопросом: где еще в мире есть ненайденные гробницы и храмы? Ответ был таков — Центральная Америка. В этом месте еще можно напасть на затерянные города. И там я увидел свой шанс».

Максвелл прервался, открыл ящичек на столе, достал сигару, обрезал и раскурил.

— Боже мой! — воскликнул Филипп. — Старик неисправим! — Бродбент взмахом руки потушил спичку, бросил ее на стол и усмехнулся. У него оказались красивые белые зубы.

«Мне так и так умирать. Так почему бы не доставлять себе удовольствие в последние месяцы? Согласен, Филипп? А ты все еще куришь трубку? Я бы на твоем месте бросил».

Он прошелся по комнате, оставляя за собой завитки синего дыма.

«Итак, я начал копить, пока не набралось довольно денег, чтобы отправиться в Центральную Америку. Я поехал туда не потому, что хотел заработать, хотя, признаю, и в этом тоже было дело. Но главным образом потому, что мной овладела страсть. И я нашел его! Нашел свой потерянный город.

Таково было начало. Оно дало мне толчок. Я стал заниматься покупкой и продажей произведений искусства и древностей, чтобы финансировать собирание своей коллекции. И вот взгляните... — Максвелл помолчал и обвел рукой окружавшие его, но не видные на экране сокровища. — Взгляните. Вот результат: одна из богатейших в мире частных коллекций произведений искусства и древностей. Это не просто вещи. У каждой из них своя история, и каждая памятна мне по-особому. Я вспоминаю, как впервые увидел ее, как влюбился в нее и как приобрел. Здесь каждый экспонат — частица меня. — Максвелл схватил со стола предмет из нефрита и поднес к объективу. — Вот, например, сделанная олмеками голова из Пьедра-Лумбре. Я помню день и час, когда ее нашел. Жара. Там было много змей. Она пролежала в пыли гробницы две тысячи лет».

— Радость вора! — фыркнул Филипп. Максвелл поставил голову на стол.

«Она оставалась там две тысячи лет — вещь такой изысканной красоты, что хочется плакать. Не могу передать свои чувства, когда я увидел эту нефритовую голову в прахе. Ее создали не для того, чтобы она прозябала в темноте. Я спас ее и вернул к жизни».

Голос дрогнул от чувств. Максвелл закашлялся, помолчал, нащупал спинку стула, сел, положил сигару в пепельницу. Затем опять повернулся к камере и привалился к столу.

«Я ваш отец. Я видел, как вы росли, и знаю вас лучше, чем вы сами».

— Ну уж это вряд ли! — возмутился Филипп.

«И пока вы росли, с неудовольствием наблюдал в вас заносчивость. Чувство

превосходства над другими, синдром детей богатых родителей. Вам казалось, что нет необходимости упорно учиться и работать, отдавать делу всего себя, потому что наступит день и вы, даже пальцем не пошевелив, станете богатыми. Потому что вы — дети Максвелла Бродбента».

Он снова поднялся, движимый неутомимой энергией.

«Понимаю, это во многом моя вина. Я вам потакал, покупал все, что вы хотели, отправил в лучшие частные школы, таскал по Европе. Я сожалею обо всех своих разводах и прочей кутерьме в жизни. Вероятно, я не тот человек, которому следовало жениться. И чего же я добился? Вырастил троих сыновей, которые, вместо того чтобы наслаждаться жизнью, сидят и дожидаются наследства! Тоже мне, новые „Большие надежды“».

— Брехня! — зло процедил Вернон.

«Филипп, ты старший преподаватель колледжа низшей ступени¹⁰ на Лонг-Айленде. Том? Ты лечишь лошадей в Юте. А ты, Вернон? Я даже не знаю, чем ты занимаешься! Не исключено, что торчишь в какой-нибудь дыре и ссужаешь деньгами обманщика гуру».

— Ничего подобного! — возмутился Вернон. — Ничего подобного... Будь все проклято!

Том не мог произнести ни звука. Ему показалось, что у него скрутило кишки.

«И кроме всего прочего, — продолжал отец, — вы не умеете ладить друг с другом. Не научились сотрудничать, быть братьями. И вот я начал задумываться: чего же я достиг? Сумел ли научить сыновей ощущению независимости? Сумел ли научить ценить труд? Полагаться на самих себя и заботиться друг о друге?»

Он помолчал, а затем почти выкрикнул:

«Нет! После всего, что я дал, после всех ваших школ, Европы, рыбной ловли и походов оказалось, что я вырастил неудачников. Боже, это моя вина, что все так получилось. Но все обстоит именно так, а не иначе. А потом я обнаружил, что умираю. И поддался панике. Как теперь исправить ошибки?..»

Максвелл учащенно дышал. Его лицо горело.

«Ничто не заставляет так задумываться о серьезных вещах, как смрадная гримаса смерти. Пришлось решать, что делать со своей коллекцией. Одно я знал точно: никакому музею и никакому университету я ее не отдам — чтобы на нее пялились и злорадствовали всякие ученые придурки?! И в паршивый аукционный дом тоже не отдам — не будет того, чтобы торговцы наживались на плодах упорного труда всей моей жизни и раздавали на все четыре стороны то, что я с таким трудом собирал воедино. Не дождутся!»

Он вытер лоб, скомкал в руке платок и махнул в объектив.

«Я всегда планировал оставить коллекцию вам. Но когда дошло до дела, понял, что хуже навредить вам нельзя. Немыслимо отдать вам полмиллиарда долларов, которые вы не заработали».

Максвелл снова обошел стол, грузно опустился в кресло и достал из кожаного ящичка новую сигару.

«Смотрите, смотрите — курю. Мне теперь поздно бросать».

Он отрезал кончик и закурил, облако синего дыма сбило автофокус камеры, и изображение, пытаясь вновь обрести резкость, задергалось. Но вот облако сместилось влево, и угловатое, симпатичное лицо Максвелла Бродбента опять стало четким.

«Тогда-то меня и осенило. Это была блестящая мысль. Всю свою жизнь я раскапывал могилы и торговал богатствами из гробниц. Я знаю все хитрости, как прятать усыпальницы и как устраивать в них ловушки. Знаю все трюки».

Максвелл помолчал, сцепил пальцы и подался вперед.

«Вам предстоит заработать деньги. Я устрою так, чтобы меня похоронили вместе с

¹⁰ Государственный или частный колледж с двухлетним сроком обучения, по окончании которого выпускнику присваивается звание младшего методиста.

моими сокровищами в каком-нибудь местечке в этом мире. Предлагаю вам меня найти. Если вам это удастся, вы ограбите мою могилу и получите все. Таково, сыновья, мое предложение».

Он с шумом выдохнул и попытался улыбнуться.

«Но предупреждаю: задача непростая и опасная. Хотя в жизни нет ничего легкого, чем бы стоило заниматься. Прикол в том, что у вас ничего не получится, если вы не будете помогать друг другу».

Максвелл опустил массивный кулак на стол.

«Вот вкратце и все. При жизни я сумел сделать для вас очень мало. Постараюсь загладить вину своей смертью».

Он встал, обошел камеру, потянулся, собираясь выключить, но вдруг передумал, и на экране появилось его гигантское размытое лицо.

«Мне всегда были чужды сантименты — поэтому говорю вам просто „до свидания“. До свидания, Филипп, Вернон и Том. И удачи вам. Я вас люблю».

Экран потух.

5

Том сидел на диване, не в силах пошевелиться. Первым пришел в себя Хатч Барнаби. Он поднялся и, чтобы прервать молчание, деликатно кашлянул.

— Фентон, похоже, мы здесь больше не нужны. Сержант кивнул и, внезапно покраснев, неуклюже встал. Лейтенант посмотрел на братьев и вежливо коснулся полей шляпы.

— Как вы понимаете, это дело полиции не касается. Так что... гм... разбирайтесь сами.

Детективы двинулись к арочному проходу, который вел в коридор. Им не терпелось выбраться из этого дома.

— Офицер Барнаби! — хрипло бросил им вслед Филипп.

— Слушаю вас, — обернулся Хатч.

— Я надеюсь на вашу скромность. Не будет никакой пользы, если... весь мир бросится на поиски могилы нашего отца.

— Разумеется. Не следует никому об этом говорить. Нет никакого смысла. Пойду отправлю обратно криминалистов. — Барнаби попятился в коридор, и вскоре все услышали, как хлопнула массивная входная дверь.

Братья остались наедине.

— Вот сукин сын! — процедил Филипп. — В голове не укладывается. Настоящий сукин сын.

Том заметил, как побелело его лицо. Он знал, что брату не так уж хорошо живется на профессорскую зарплату. Ему требовались деньги. И, надо думать, он уже начал тратить в счет будущего наследства.

— Что будем делать? — спросил Вернон.

Его слова повисли в тишине.

— Абсурд! — выдохнул Филипп. — Упечь в могилу творения дюжин старых мастеров, не говоря уже о бесценном нефрите и золоте майя! — Он вынул из кармана пиджака шелковый платок и промокнул лоб. — Старик не имел на это права!

— Так что будем делать? — повторил Вернон. Брат недоуменно уставился на него.

— Разумеется, искать могилу.

— Каким образом?

— Человек не в состоянии похоронить себя с произведениями искусства на полмиллиарда долларов без посторонней помощи. Надо выяснить, кто ему помогал.

— Ничего не выйдет, — возразил Том. — Отец никогда никому не доверял.

— Он не мог все устроить в одиночку.

— Хотя... очень на него похоже, — неожиданно заявил Филипп.

— Он должен был оставить какие-то ключи. — Вернон подскочил к комоду, выдвинул верхний ящик и, чертыхаясь, стал в нем рыться. Затем — второй, третий. И так разволновался, что вовсе выдернул ящик, и все, что в нем находилось, посыпалось на пол: игральные карты, триктрак, шахматы, китайские шашки. Том помнил эти вещи — игры их детства, теперь пожелтевшие и облупившиеся от старости. К горлу подкатил ком. Вот до чего они дожили. Вернон выругался и пинком разбросал предметы по комнате.

— Послушай, какой смысл мусорить в доме?

Брат не обернулся и продолжал выбрасывать содержимое шкафов.

Филипп достал трубку из кармана брюк и разжег дрожащей рукой.

— Ты только напрасно тратишь время. Надо поговорить с Марком Хаузером. Он и есть настоящий ключ.

— Хаузером? — удивился Вернон. — Отец не общался с ним сорок лет.

— Он единственный человек, кто по-настоящему знал отца. Они вместе провели два года в Центральной Америке. Только он может понять, куда делся наш старик.

— Отец ненавидит Хаузера.

— Думаю, что с тех пор, как отец заболел, они примирились друг с другом. — Филипп щелчком открыл золотую зажигалку и, издав ртом булькающий звук, втянул пламя в чашечку трубки.

Вернон перешел в кабинет, и оттуда слышался стук открываемых и закрываемых шкафов и сбрасываемых с полок книг.

— Уверяю тебя, — продолжал Филипп, — Хаузер причастен к этому делу. Но действовать надо безотлагательно. Я влез в долги, и у меня есть определенные обязательства.

Вернон вернулся из кабинета с кипой бумаг.

— Выходит, ты уже начал тратить наследство?

— А кто в прошлом году взял у отца двадцать кусков? — холодно поинтересовался Филипп.

— Я взял в долг. — Вернон принялся рыться в бумагах, раскрывал папки и разбрасывал содержимое по полу. Том увидел, как разлетелись их дневники из начальной школы. И удивился, что отец так долго их хранил — тем более что у него не было никаких оснований гордиться оценками сыновей.

— И отдал? — спросил Филипп.

— Отдам, — пообещал брат.

— Ну еще бы! — насмешливо хмыкнул Филипп. Вернон покраснел:

— А где те сорок тысяч, которые отец заплатил за твое образование? Ты их возвратил?

— Это был подарок. Он и за Тома заплатил, когда тот занимался в ветеринарном институте. Правда, Том? И тебе бы дал, если бы ты захотел учиться. Так ведь ты вместо учебы отправился в Индию и общался там с господином брамином. Наступило неловкое молчание.

— Пошел к черту! — наконец проговорил Вернон.

Том переводил взгляд с брата на брата. Так уже случалось сотни раз: он вставал между ними и старался их примирить. Иногда у него получалось, но чаще ничего не выходило.

— И ты иди туда же! — Филипп сунул трубку в рот, так что зубы щелкнули о мундштук. И круто повернулся.

— Постой! — крикнул ему вслед Вернон, но было слишком поздно. Когда на Филиппа накатывало, его никто не мог удержать. Вот и сейчас его точно ветром сдуло. Входная дверь гулко ухнула, задрезбезджала, и все стихло.

— Нашел время ссориться, — упрекнул брата Том.

— Да пошел он! — окрысился Вернон. — Сам виноват. Том уже не мог припомнить, кто из братьев начал задиаться первым.

Вернувшись в кабинет, Хатч налил себе очередную чашку кофе, развалился на стуле и,

поставив ее себе на живот, стал смотреть в окно. Фентон устроился с кофе на другом стуле и мрачно уставился в то же окно.

— Кончай ломать голову, — бросил ему лейтенант. — Такие вещи случаются.

— Никак не могу поверить, — покачал головой Фентон.

— Согласен: полный абсурд — какой-то тип решил похоронить себя вместе с полумиллиардом долларов. Не горюй. Настанет день, и в этом городе случится преступление, достойное первой полосы «Нью-Йорк тайме». И тогда твое имя прославится. А на этот раз не сложилось.

Сержант подносил к губам стакан, упиваясь кофе и своим разочарованием.

— Я знал с самого начала, — продолжал Хатч. — Еще до того, как посмотрел видео. Вроде как вычислил. Как только стало ясно, что это не афера со страховкой, у меня словно лампочка в голове зажглась. Сюжетец для отличного кинофильма. Скажи? Богатей забирает с собой в могилу весь свой хлам. — Фентон не ответил.

— Но ты только подумай, как старику удалось это проделать? Ему наверняка потребовалась помощь. Ведь барахла-то было навалом. Никому не под силу катать по свету несколько тонн произведений искусства да так, чтобы никто не заметил.

Сержант пригубил кофе.

Хатч посмотрел на часы и опустил взгляд на разбросанные по столу бумаги.

— Два часа на обед. Ну почему в этом городе не происходит ничего интересного? Ты только взгляни на это: наркотики и снова наркотики. И никому из этих ребят не приходит в голову для разнообразия ограбить банк.

Фентон допил остатки кофе.

— Все в наших руках. — Наступило молчание.

— Что ты имел в виду? Что хотел сказать своим замечанием? «В наших руках»... Мало ли что есть у нас в руках.

Фентон с хрустом смял стакан.

— Ты что-нибудь предлагаешь?

Сержант бросил стакан в мусорную корзину.

— Ты сказал: «В наших руках». Будь любезен, объяснись.

— Мы добудем это богатство.

— И что потом?

— Присвоим. — Барнаби рассмеялся.

— Фентон, я удивляюсь. Ты, кажется, забыл, что мы сотрудники правоохранительных органов. Этот маленький фактик выскочил у тебя из головы. А сотрудники правоохранительных органов должны быть честными.

— Да-а... — протянул сержант.

— То-то же, — хмыкнул Барнаби и, помолчав, добавил: — Честность. С чем мы останемся, если лишимся честности?

— С полумиллиардом долларов.

6

Здание оказалось вовсе не из темного кирпича, как показали бы в фильмах с участием Богарта¹¹. Это был маячивший в небе над Западной Пяťдесят седьмой улицей уродливый небоскреб восьмидесятых годов из стекла и стали. По крайней мере здесь высокая арендная плата, подумал Филипп. А раз арендная плата высокая, значит, Хаузер — преуспевающий частный сыщик.

Филипп вошел в вестибюль и словно очутился в гигантском отполированном

¹¹ Богарт, Хамфри (1899—1957) — американский актер кино. Амплуа Богарта отличалось большим разнообразием: от холодных преступников до романтических героев.

гранитном кубе. Все в этом месте источало флюиды чистоты. В углу рос хилый бамбук. Лифт вознес его на тридцатый этаж, и вскоре он оказался перед вишневой дверью частного детектива Марка Хаузера.

Филипп постоял в коридоре. Он вовсе не так представлял кабинет частного сыщика. Все, что угодно, только не этот бесцветный постмодернистский интерьер: серый сланец, ковровые покрытия и черный гранит. Неужели люди способны работать в таких стерильных помещениях? Комната оказалась пуста.

— Да? — раздался голос из-за полупрозрачной стенки из стеклокирпича.

Филипп вошел и уперся в спину сидевшего за столом человека. Стол в форме почки был обращен не к дверям кабинета, а в противоположную сторону, так что его хозяин смотрел не на посетителя, а в окно, за которым отсвечивала цинковая поверхность Гудзона. Человек, не оборачиваясь, указал на кресло. Филипп пересек комнату, сел и взглянул на бывшего «зеленого берета», ветерана Вьетнама, бывшего разорителя могил и бывшего лейтенанта Манхэттенского управления Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия.

Филипп видел его фотографии в отцовском альбоме — нечеткие, смазанные: Хаузер был одет в тропический камуфляж, упирал в бедро ружейный приклад и всегда улыбался. Но теперь, рассмотрев этого человека во плоти, Филипп немного растерялся. Хаузер оказался меньше, чем он представлял. Коричневый костюм, запонка для воротничка, жилет, золотая цепочка, кармашек для часов. Пролетарий, изображающий из себя белую кость. Вокруг Хаузера распространялся запах одеколона. Остатки волос были намажены и завиты, причем каждая прядка в отдельности, чтобы как можно лучше скрыть лысину. Золотые кольца поблескивали по меньшей мере на четырех пальцах. Руки холеные, ногти тщательно вычищены и отполированы, волосы в носу подстрижены. Даже плешистая макушка под покровом зачесанных на нее прядок казалась навоощенной и отлакированной. Филипп даже усомнился, тот ли это Марк Хаузер, который вместе с отцом пробирался сквозь джунгли в поисках затерянных городов и древних захоронений... Не случилось ли какой-нибудь ошибки?

Филипп поперхнулся.

— Мистер Хаузер?

— Марк, — последовал моментальный ответ, словно теннисный мяч с хрустом отскочил от ракетки. Голос тоже приводил в недоумение — писклявый, гнусавый. Зато глаза были зелеными и холодными, как у крокодила.

Филипп совершенно разволновался. Положил ногу на ногу и, не спросив разрешения, достал трубку и принялся набивать. Хаузер улыбнулся, выдвинул ящик стола, выключил увлажнитель и извлек огромную, в духе Черчилля, сигару. Покатал ее между ухоженными пальцами и, достав щипчики с монограммой, отрезал кончик.

— Рад, что вы курите. Никак нельзя позволить, чтобы нас одолели варвары — противники табака. — Раскурив сигару, он откинулся в кресле и посмотрел на Филиппа. — Чем могу служить сыну своего старинного партнера Максвелла Бродбента?

— Мы можем поговорить конфиденциально?

— Разумеется.

— Шесть месяцев назад моему отцу поставили диагноз — рак. — Филипп помолчал и присмотрелся к лицу Хаузера, стараясь понять, знает тот или нет. Но Хаузер оставался непроницаем, как его стол красного дерева. — Рак легких, — продолжал Филипп. — Отцу сделали операцию, провели обычный в таких случаях курс химиотерапии и облучений. Кризис миновал, наступила ремиссия, и какое-то время казалось, что он проскочил, но затем болезнь вернулась и стала обостряться. Пришлось возобновить химиотерапию. Но отцу она очень не нравилась, и в один прекрасный день он стащил с себя больничный халат, взял одежду у медбрата и сбежал. По дороге домой купил коробку «Куба либре» и с тех пор не выпускает сигар изо рта. Три месяца назад ему дали полгода жизни.

Хаузер слушал и попыхивал сигарой. Филипп запнулся и посмотрел на него.

— Он общался с вами в последнее время?

Хаузер покачал головой и выпустил новый клуб дыма.

— В последние сорок лет — нет.

— Примерно месяц назад, — продолжал Филипп, — Максвелл Бродбент исчез вместе со своей коллекцией, а нам оставил видеозапись.

Хаузер изогнул бровь.

— Нечто вроде последней воли, наказа. В этой записи он объявил, что забирает коллекцию вместе с собой в могилу.

— Объявил — что? — Хаузер подался вперед, маска слетела с лица, ее сменило заинтересованное выражение. Он был искренне удивлен.

— Взял с собой. Деньги, коллекцию все. Похоронил себя в неизвестном месте, вместе со всеми богатствами, словно египетский фараон, а нам предложил: найдите могилу и тогда можете ее обокрасть. Понимаете, он считает, что мы таким образом должны заработать наследство.

Хаузер откинулся на спинку кресла и громко расхохотался. А когда наконец успокоился, пару раз лениво пыхнул сигарой и стряхнул в пепельницу двухдюймовую колбаску пепла.

— Только Макс могло прийти подобное в голову.

— Значит, вы ничего об этом не знаете? — спросил Филипп.

— Ничего. — Судя по всему, Хаузер говорил правду.

— Вы ведь частный детектив, — продолжал Филипп. Хозяин кабинета перегнал сигару из одного уголка рта в другой.

— Вы выросли с Максом. Год провели с ним в джунглях. Знаете его самого и методы его работы лучше, чем кто-либо другой. Не захотите ли вы в качестве частного сыщика помочь нам найти коллекцию?

Хаузер выпустил струйку голубого дыма.

— Полагаю, что задание не слишком сложное, — добавил Филипп. — Такую коллекцию невозможно транспортировать незаметно.

— А как насчет «Гольфстрима-4» Макса?

— Сомневаюсь, чтобы отец решил похоронить себя в самолете.

— Викинги погребали себя в своих кораблях. Что, если и он упаковал сокровища в герметичный, не боящийся давления контейнер и затопил самолет посреди Тихого океана на глубине трех миль? — Хаузер развел руками и улыбнулся.

А Филипп только и сумел выговорить:

— Нет, — и хлопнул себя по лбу, стараясь отогнать ужасное видение: Липпи среди всякой грязи на дне морском. — Вы же сами так не считаете.

— Я не утверждаю, что он это сделал, — усмехнулся Хаузер. — Просто хотел показать, к чему можно прийти, поразмыслив десять секунд. Вы действуете вместе со своими братьями?

— Мы братья лишь наполовину единокровные. Нет, я решил найти могилу самостоятельно.

— А каковы их планы?

— Понятия не имею. И, откровенно говоря, мне совершенно безразлично. Разумеется, я поделюсь с ними тем, что найду.

— Расскажите мне о них.

— Том такой человек, за которым нужен глаз да глаз. Он из нас самый младший. В детстве был совершенно необузданным. Первым прыгал в воду со скалы и первым бросал камень в осиное гнездо. Его вышибли из двух-трех школ, но в колледже он остепенился и теперь ведет себя тихо и пристойно.

— А другой — Вернон?

— Подался в псевдобуддисты. Состоит в какой-то секте, которой руководит бывший профессор из Беркли. Всегда был никчемным. Перепробовал все: наркотики, культы, всяких

гуру и группы протеста. Мальчишкой таскал в дом увечных кошек и щенков, которых переехали машины, и выкинутых из гнезд сильными собратями птенчиков. Но все, кого он приносил, все равно умирали. В школе его постоянно дразнили. Из колледжа исключили. Постоянной работы он так и не нашел. Милейший мальчуган, но совершенно непригодный ко взрослой жизни.

— Чем они сейчас занимаются?

— Насколько я слышал, Том вернулся на свое ранчо в Юте и отказался от намерения искать коллекцию. А Вернон решил заняться поисками самостоятельно и не желает, чтобы я тоже в них участвовал.

— Кроме ваших двух братьев, кто-нибудь еще знает об этом деле?

— Два копа из Санта-Фе видели видеопленку и в курсе всего.

— Их имена?

— Барнаби и Фентон.

Хаузер сделал пометку. На телефонном аппарате вспыхнул сигнал. Он поднял трубку, долго слушал, затем быстро, но тихо ответил в микрофон. Сам сделал звонок. Потом еще и еще. Филипп начал раздражаться: он ждет, теряет время, а сыщик занимается другими делами.

Хаузер положил трубку.

— Жены и подружки на горизонте просматриваются?

— Пять бывших жен, из которых четыре живы, одна умерла. И никаких подружек, о которых стоило бы упоминать.

Верхняя губа Хаузера чуть дрогнула в улыбке.

— Макс всегда был дамским угодником.

Снова наступило молчание. Частный детектив, казалось, задумался, но вдруг, к досаде Филиппа, вновь взялся за телефон и стал куда-то звонить. Наконец он оставил аппарат в покое.

— Ну а теперь, Филипп, что вы знаете обо мне?

— Только то, что вы с моим отцом были партнерами, когда занимались раскопками, два года скитались по Центральной Америке, а потом у вас произошел разрыв.

— Все верно. Мы вместе провели почти два года в Центральной Америке — искали могилы майя. Это было в начале шестидесятых годов, когда такие вещи можно было делать более или менее легально. Мы кое-что нашли, но только после того, как мы расстались, ему улыбнулась удача, и он стал богат. А я отправился во Вьетнам.

— А ваш разрыв? Отец никогда о нем не рассказывал. Последовала короткая пауза.

— Макс никогда об этом не говорил?

— Нет.

— Я и сам с трудом припоминаю. Знаете, как бывает, когда два человека изо дня в день вместе? Они начинают друг друга раздражать. — Хаузер положил сигару в пепельницу из граненого хрусталя. Она была размером с суповую тарелку и весила, вероятно, не меньше двадцати фунтов. А Филипп стал сомневаться, не зря ли он явился сюда. Хаузер показался ему каким-то легковесным.

Телефон опять моргнул, и хозяин кабинета поднял трубку. Это переполнило чашу терпения Филиппа. Он встал и коротко бросил:

— Зайду к вам в другой раз, когда вы будете не так заняты.

Но Хаузер украшенным золотым кольцом пальцем дал ему знак задержаться. Слушал еще с минуту, затем разъединился.

— А что такого особенного есть в Гондурасе? — спросил он.

— Гондурас? Не понимаю, при чем здесь Гондурас?

— При том, что Макс отправился именно туда.

— Так все это время вы занимались моим делом? — уставился на него Филипп.

— Ну, скажем, не все, — улыбнулся детектив. — Но сейчас мне сообщили, что пилот Макса доставил его вместе с грузом в гондурасский город Сан-Педро-Сула, откуда Макс

вылетел на военном вертолете в местечко под названием Брус-Лагуна. Там его следы теряются.

— Вы все это выяснили, пока мы говорили? Хаузер выпустил новый густой клуб дыма.

— Я хоть и частный, но все-таки сыщик.

— И как оказывается, очень неплохой. Детектив задумчиво выпустил еще клуб дыма.

— Поговорив с пилотом, я узнал многое другое: характер груза и сколько он весил. По дороге в Гондурас ваш отец никоим образом не пытался замести следы. Вы в курсе, что мы с ним там бывали? Неудивительно, что он отправился именно туда. Гондурас — большая страна со множеством самых труднодоступных в мире внутренних районов — густых джунглей, рассеченных ущельями необитаемых гор, которые окружает Москитовый берег. Думается, туда-то он и отправился.

— Вполне возможно.

— Я берусь за это дело, — объявил детектив.

Филипп вновь ощутил всплеск раздражения. Он не мог припомнить, чтобы предлагал Хаузеру работу. Но тот уже принялся демонстрировать свои способности и, выслушав историю коллекции, теперь скорее всего не успокоится.

— Мы еще не обсудили гонорар, — сказал Филипп.

— Мне потребуется сумма на расходы. Предполагаю, что они могут оказаться значительными. Когда занимаешься делами в дерьмовой стране «третьего мира», приходится отстегивать каждому Томасу, Рико и Орландо.

— Я имел в виду определенную долю, — быстро проговорил Филипп. — Небольшой процент в том случае, если вам удастся обнаружить коллекцию. И еще хочу упомянуть, что собираюсь поделиться с братьями. Этого требует справедливость.

— Определенную долю предлагают адвокатам, которые занимаются автомобильными авариями. А мне необходимы наличные вперед на расходы. И в случае успеха — заранее оговоренное дополнительное вознаграждение.

— И сколько же вы хотите на расходы?

— Двести пятьдесят тысяч долларов. — Филипп чуть не расхохотался.

— Почему вы считаете, что я обладаю такими средствами?

— Я никогда ничего не считаю, мистер Бродбент. Я знаю. Продайте Клее¹².

Филипп почувствовал, как его сердце на мгновение остановилось. — Что?

— Продайте большую акварель Пауля Клее под названием «Blau Kirche»¹³, которой вы владеете. Вот подлинная красота! Думаю, что сумею выручить за нее для вас четыре сотни.

— Продать акварель? — возмутился Филипп. — Никогда! Ее дал мне отец!

Хаузер пожал плечами.

— Но ответьте, как вы узнали об этой картине? — Детектив улыбнулся и раскрыл белые мягкие ладони наподобие двух лилий.

— Вы ведь хотели нанять самого лучшего? Не так ли, мистер Бродбент?

— Да, но только это шантаж.

— Позвольте объяснить вам, как я работаю. Для меня приоритет, а не клиент. Если я получаю дело, то занимаюсь им независимо от того, какие последствия это будет иметь для моего клиента. Я беру задаток на расходы, а если добиваюсь успеха, получаю дополнительный гонорар.

— Этот спор не имеет смысла. Я не продаю Клее.

— Иногда у клиента сдают нервы, и он выходит из игры. Иногда с хорошими людьми случаются неприятные вещи. Я целую младенцев, посещаю похороны и иду до конца, пока не решаю проблему.

¹² Клее, Пауль (1879—1940) — швейцарский живописец, один из лидеров абстрактного экспрессионизма.

¹³ Голубая церковь (нем.).

— Вы не можете настаивать, мистер Хаузер, чтобы я продал эту акварель. Клее — единственная ценная вещь, которую я получил от отца. Я люблю эту картину.

Филиппу показалось, что Хаузер смотрит на него как-то странно. Глаза пустые, лицо бесстрастное.

— Посмотрите на дело с другой стороны, — предложил он. — Представьте, что Клее — это та жертва, которую необходимо принести, чтобы вернуть наследство.

Филипп колебался.

— Вы полагаете, мы добьемся успеха?

— Полагаю.

Картину всегда можно выкупить обратно, подумал Филипп и решился:

— Хорошо, я продам Клее.

Хаузер еще больше прищурился и, сосредоточенно пыхнув сигарой, объявил:

— В случае успеха мое вознаграждение составит миллион долларов. — И добавил: — У нас мало времени, мистер Бродбент. Я заказал билеты до Сан-Педро-Сула на самое раннее, что подвернулось на следующей неделе.

7

Закончив пение, Вернон Бродбент некоторое время спокойно посидел с закрытыми глазами в темной прохладной комнате, давая мозгу освоиться с окружающим после долгой медитации. По мере того как возвращалось сознание, он начал слышать отдаленный гул Тихого океана и почувствовал в наполненном запахами благовоний пространстве хижины аромат соленого воздуха. От отблеска свечей на веках внутреннее зрение озарилось неверным красноватым отсветом.

Затем он открыл глаза, поднялся и сделал несколько глубоких вдохов, все еще наслаждаясь ощущением мира и покоя, которое принес ему час медитации. Подошел к двери и немного постоял, любясь зелеными кронами виргинских дубов и манзанита, растущих на склонах Биг-Сур, и ниже — широко раскинувшейся голубой гладью океана. Ветерок с воды тронул его одежды и наполнил их прохладой.

Вернон оставался в ашраме больше года и на тридцать пятом году жизни уверовал, что это именно то место, где он хотел находиться. Он прошел долгий путь исканий: два года в Индии, испытал трансцендентную медитацию, теософию, восточные культы, «Источник жизни» и даже не избежал налета христианства. Отринул от себя материализм детства и стремился отыскать глубинную истину существования. Что же до других — особенно его братьев, — они напрасно прожигали жизни, погрязая в богатстве и тратя себя на ненужные усилия. Каков иной смысл существования, если не поиски того, зачем дана тебе жизнь?

И вот теперь, с отцовским наследством, у него появился шанс сделать что-то поистине хорошее. На этот раз не только для себя, но и для других. Шанс как-то помочь миру. Но как поступить? Начать поиски коллекции самому? Или пригласить с собой Тома? Филипп — полная задница и отвернет нос. А Том, возможно, захочет объединить с ним усилия. Следовало принимать решение. И быстро.

Вернон подобрал полы свободной полотняной туники и направился вниз по тропинке к хижине Учителя — вольно раскинувшемуся в ласковой долине строению из красного дерева. Хижину окружали дубы, и от нее открывался вид на Тихий океан. Навстречу попался Чао — парнишка-азиат. Он, подпрыгивая, бежал по тропинке. В руках у него была пачка писем, значит, спешил по поручению Учителя. Вот жизнь, к которой стремился Вернон, — мирная и спокойная. Беда лишь в том, что она так дорого стоит.

Вернон обогнул холм, и перед ним открылась хижина. Он на мгновение задержался — все-таки немного робел перед Учителем, — но тут же собрался и решительно продолжил путь. И вскоре уже стучал в дверь. Изнутри послышался низкий, раскатистый голос:

— Добро пожаловать, войдите.

Вернон оставил сандалии на террасе и переступил порог. Учитель предпочитал

японский стиль — хижина была простой и аскетичной: с раздвижными экранами из рисовой бумаги, бежевыми циновками на полу и полированными панелями стен. Внутри пахло воском и благовониями. Где-то тихо журчала вода. Сквозь анфиладу проемов Вернон видел насквозь весь дом, а за ним японский садик с замшелыми камнями среди гальки и прудик с цветущими лотосами. А Учителя не замечал.

Он заглянул налево, в другой коридор. В его конце, на кухне, босоногая девочка-подросток с длинной светлой косой, в которую были вплетены увядающие цветы, резала овощи.

— Учитель, вы здесь? — позвал Вернон. Девочка продолжала работу.

— Сюда, — послышался низкий голос.

Вернон пошел на звук и обнаружил Учителя сидящим в позе лотоса, с закрытыми глазами, на циновке в комнате для медитации. Учитель открыл глаза, но остался сидеть. Вернон почтительно ждал. Ладную, поджарую фигуру наставника прикрывала туника из некрашеного полотна. Седая челка была зачесана прямо на лоб, а над ней виднелась небольшая лысинка, отчего Учитель становился похож на Леонардо да Винчи. Из-под резко изогнутых на широком куполе лба надбровных дуг поблескивали пронизательные голубые глаза. Картину завершала подстриженная борода с проседью. Голос был гулким, переливчатым, с легким бруклинским акцентом, который оставлял на человеке отпечаток скромного происхождения. Учителю было около шестидесяти, но сколько точно, никто не знал. В прошлом он работал профессором в Беркли, который прозвали Пивоварней искусств, но отказался от должности ради ухода в жизнь духа. И здесь, в ашраме, нашел стремившихся к молитве, медитации и духовному росту единомышленников. Община была неопределенного толка, с уклоном в буддизм, но без омрачающих традицию этого религиозного учения чрезмерной дисциплины, интеллектуализма, безбрачия и фатализма. Ашрам скорее стал красивым убежищем в приятном месте, где каждый под ненавязчивым руководством Учителя предавался поклонению духу на свой собственный манер. Все удовольствие по цене семь сотен долларов за неделю, включая проживание и питание.

— Садись, — пригласил Учитель. Вернон сел.

— Чем могу помочь?

— Речь идет о моем отце. — Учитель приготовился слушать.

Вернон собрался с мыслями и набрал и легкие воздуха. Он рассказал об отцовском раке, о наследстве, о том, какую задачку задал Максвелл своим сыновьям. Последовало долгое молчание. Вернон ожидал, что Учитель посоветует отказаться от наследства. Он много раз негативно отзывался о пагубном влиянии денег. Но тот нежнейшим голосом предложил:

— Давай выпьем чаю. — И при этом положил мягкую ладонь на плечо ученику.

Учитель крикнул, чтобы принесли чай, и в комнате появилась девочка с косой. Оба пригубили напиток.

— Во сколько точно оценивается наследство? — спросил Учитель.

— Полагаю, что после уплаты налогов моя доля составит около ста миллионов.

Учитель сделал большой глоток, потом еще и еще. Если сумма и поразила его, он этого ничем не показал.

— Предадимся медитации.

Вернон тоже закрыл глаза, но никак не мог сосредоточиться на мантре — так сильно его тревожили стоявшие перед ним вопросы, которые, чем больше он о них думал, казались только сложнее. Сто миллионов долларов. Сто миллионов долларов. Даже мантра не имела силы рассеять в воздухе эти слова. Слова путались с мантрой и не давали достигнуть покоя и внутренней тишины. Сто миллионов долларов. Ом мани падме хум. Сто миллионов долларов.

Вернон обрадовался, когда Учитель поднял голову. Взял его руку и зажал между своими ладонями. Его голубые глаза светились необычайным блеском.

— Не многим, Вернон, выпадает такая возможность. Ты не должен ее упускать.

— Но каким образом?

Учитель встал и заговорил звучно, с напором:

— Мы должны найти наследство. И найти немедленно.

8

К тому времени когда Том кончил заниматься с больным конем, солнце успело закатиться за столовую гору Тох-Атин и теперь отбрасывало длинные золотистые тени на заросли полыни и сухие кусты кроличьей травы. Выше по склону в отблесках увядающего дня розовела тысячефутовая стена из песчаника с вырезанными на ней барельефами. Том еще раз бегло осмотрел животное, похлопал по шее и повернулся к хозяйке, юной девушке из племени навахо.

— Он выкарабкается. Это обыкновенные колики. — Девушка облегченно улыбнулась.

— Теперь он голоден. Поводи его немного по коралю, а затем возьми совочек овса, смешай с этим лекарством. И дай. Подожди с полчаса и можешь кормить сеном. С ним все будет в порядке.

Бабушка девушки, навахская матрона, проскакавшая пять миль без седла, чтобы вызвать врача к коню, при том, что дорога, как обычно, была размыта, благодарно взяла Тома за руку.

— Спасибо, доктор. — Том слегка поклонился:

— К вашим услугам. — Он с удовольствием думал о предстоящем обратном пути и радовался, что дорога размыта. Это давало повод отсутствовать полдня и не спеша прокатиться по гряде Моррисона — живописнейшей на юго-западе местности красных скал, где каменные ложа рек юрского периода были устланы окаменелыми останками динозавров. Множество дальних каньонов убегали к горе Тох-Атин, и Том невольно задался вопросом, обследовали ли их палеонтологи. Скорее всего нет. Как-нибудь надо свернуть в один из них.

Он покачал головой и улыбнулся своим мыслям. Пустыня — хорошее средство прочищать мозги, а ему явно было что чистить. Сумасшедшая история с отцом стала самым большим потрясением в его жизни.

— Сколько мы вам должны? — нарушила его грезы навахская матрона.

Том покосился на обитую толем хижину, утонувшую в перекати-поле сломанную машину, жующих в загоне худющих овец и ответил:

— Пять долларов.

Женщина выудила из вельветовой блузы засаленные банкноты и отсчитала пять долларов.

Том коснулся полей шляпы и уже собирался подзвать свою лошадь, когда заметил на горизонте облачко пыли. Оно не укрылось и от женщин-навахо. С севера, с той стороны, откуда приехал Том, к ним быстро приближался всадник, и черная точка становилась все больше в золотистой чаше пустыни. Том подумал, уж не Шейн ли это, его партнер по ветеринарному делу. И встревожился. Если Шейн собрался за ним, значит, произошло нечто из ряда вон выходящее. Но когда фигура материализовалась, оказалось, что это вовсе не Шейн, а женщина. И скакала она на его коне Ноке.

Женщина въехала в поселок. Она была покрыта дорожной пылью, взмыленная лошадь тяжело дышала. Они остановились, и женщина спрыгнула на землю. Оказывается, она скакала все восемь миль по голой пустыне не только без седла, но даже без уздечки. Совершенное безрассудство! И почему она взяла его лучшую лошадь, а не какую-нибудь клячу Шейна? Тому захотелось убить своего партнера.

Женщина направилась прямо к нему.

— Я Сэлли Колорадо, — объявила она. — Искала вас в лечебнице, но ваш партнер сказал, что вы поехали сюда. Поэтому я здесь. — Она тряхнула медового цвета волосами и протянула руку. Том потерял бдительность, растерялся и невольно ее пожал. Пряди волос рассыпались по плечам женщины и упали на некогда белую, но теперь покрытую пылью

блузку, которая была собрана на тонкой талии и заправлена в джинсы. Вокруг нее распространялся легкий запах мяты. Сэлли улыбнулась, и эффект был настолько сильным, что ее зеленые глаза словно изменили цвет и стали голубыми. Она носила бирюзовые серьги, но цвет глаз был даже насыщеннее цвета камня.

Прошло несколько секунд, Том сообразил, что все еще держит ее за руку, и разжал пальцы.

— Я должна была непременно вас найти, — проговорила Сэлли. — И не могла ждать.

— Что-нибудь неотложное?

— Но не по ветеринарной части.

— Тогда в чем дело?

— Расскажу на обратном пути.

— Черт возьми! — взорвался Том. — Ни за что не поверю, что Шейн позволил вам взять мою лучшую лошадь и скакать на ней вот так, без седла и уздечки! Вы могли убиться!

— Шейн мне ее не давал, — улыбнулась женщина.

— В таком случае каким образом вы ее получили?

— Украла.

Том на мгновение пришел в ужас, а затем рассмеялся.

Солнце уже закатилось, когда они вместе выехали обратно в Блафф. Какое-то время оба скакали молча, наконец Том произнес:

— Ну хорошо, давайте послушаем, что такого неотложного произошло, что заставило вас украсть лошадь и рисковать своей шеей?

— М-м-м... — неуверенно протянула она.

— Я весь обратился в слух, мисс... Колорадо. Если это, конечно, ваше настоящее имя.

— Понимаю, имя необычное. Мой прадедусшка играл в водевилях. Он был дипломированным врачом, у него была большая практика, и он объезжал больных в индейском наряде, а Колорадо взял себе в качестве сценического псевдонима. Но это все-таки лучше, чем наша прежняя фамилия — Смиты. Вы можете звать меня Сэлли.

— Договорились, Сэлли. А теперь расскажите вашу историю. — Том внезапно понял, что с удовольствием смотрит, как она сидит на лошади. Эта девушка словно родилась наездницей. Должно быть, было потрачено немало денег, пока она усвоила вот такую прямую, непринужденную, красивую посадку.

— Я — антрополог, — начала Сэлли. — Точнее, этнофармаколог. Изучала обычную медицину у профессора Джулиана Клайва в Йельском университете. У того самого, который несколько лет назад разгадал иероглифы майя. Отличная работа. Все газеты об этом кричали.

— Еще бы!

У нее был приятный, четко очерченный профиль, маленький носик и смешная манера выпячивать нижнюю губу. Когда она улыбалась, на щеке появлялась ямочка, но только у одного уголка рта. Темно-золотистые волосы падали на изящные плечи крутой волной и струились на спину. Сэлли была потрясающе привлекательной женщиной.

— У профессора Клайва было самое большое собрание записей на древнем языке майя: те, что были сделаны на камнях, в древних рукописях, на горшках и табличках. Его библиотеку посещали ученые со всего мира.

Том представил трясущегося от старости ученого, который шаркал ногами среди гор пыльных манускриптов.

— Самые большие дошедшие до нас тексты на языке майя содержались в так называемых кодексах — подлинных индейских книгах, которые вырезались на сделанных из коры страничках. Большинство сожгли испанцы, потому что считали их книгами дьявола. Но до сих пор то там, то сям находят экземпляры, хотя ни одного полного. В прошлом году профессор Клайв нашел вот это в картотеке своего умершего коллеги.

Сэлли достала из нагрудного кармана сложенный лист бумаги и подала Тому. Это оказалась старая пожелтевшая фотокопия выполненного иероглифами текста с растительным орнаментом на полях. Страничка показалась Тому чем-то знакомой, и он принялся

вспоминать, где мог видеть ее раньше.

— За всю историю человечества письменность была независимо друг от друга придумана всего три раза. И один раз — индейцами майя. Это их иероглифы.

— Я не слишком бегло читаю на майя. Что тут сказано?

— Описываются целебные свойства некоторых произрастающих в джунглях Центральной Америки растений.

— И на что они способны? Исцеляют рак?

— Если бы, — улыбнулась Сэлли. — Здесь говорится о дереве кикте, что в переводе значит «кровоавое дерево». На этой странице приводится инструкция, как варить кору, затем в качестве связующей массы добавлять к ней золу и присыпать раны.

— Интересно! — Том вернул ей листок.

— Не только интересно, но с точки зрения медицины вполне оправданно. В коре содержится слабый антибиотик.

Они ехали по гладкому каменистому плато. Где-то в отдаленном каньоне заунывно завывала парочка койотов. Теперь Тому и Сэлли пришлось держаться друг за другом. Том ехал впереди, слушая, что рассказывала ему Сэлли:

— Это страница из медицинского труда, который, судя по всему, был написан около восьмисотого года нашей эры, то есть в период высшего рассвета классической цивилизации майя. Он содержит две тысячи медицинских рецептов и составов. И не только из растений, но из всего, что встречается в джунглях: насекомых, животных и даже минералов. Возможно, какие-то составы помогают от рака, по крайней мере от некоторых его форм. Профессор Клайв просил меня выяснить, у кого находится весь текст целиком, и договориться с владельцем о его переводе и публикации. Это единственная известная полная фармакопея майя. И она может стать достойным венцом его и без того блестящей карьеры.

— Подозреваю, и вашей тоже? — заметил Том.

— Безусловно. Эта книга содержит накопленные столетиями медицинские тайны джунглей. Речь идет о самых богатых в мире тропических лесах, в которых встречаются сотни тысяч видов флоры и фауны, причем многие из них до сих пор не известны науке. Майя знали каждое растение, каждое животное — все, что водится в тропическом лесу. И изложили свои знания в этой книге.

Девушка поравнялась с ним, и от порывистого движения ее волосы разлетелись в стороны.

— Вы понимаете, что это значит?

— Полагаю, что современная медицина ушла далеко вперед по сравнению с тем, что знали древние майя, — буркнул Том.

Сэлли Колорадо презрительно фыркнула:

— Двадцать пять процентов лекарств являются продуктами растительного происхождения. Между тем только полпроцента из встречающихся на Земле двухсот шестидесяти пяти тысяч растений исследованы с точки зрения лечебной пользы. Вдумайтесь, какой потенциал! Самое эффективное и успешное в истории лекарство — аспирин — было выделено из коры дерева, которое аборигены использовали, чтобы снимать боль. Кортизон получили из ямса, а сердечное средство дигиталис — из наперстянки. Пенициллин первое время производили из плесени. Том, эта фармакопея, возможно, самая великая находка медицины за все времена.

— Понимаю.

— Когда мы с профессором Клайвом переведем и опубликуем этот труд, в медицине произойдет революция. Но если вас и это не убедило, вот еще аргумент: тропические леса Центральной Америки исчезают под пилой лесозаготовителей. Эта книга их спасет. Станет очевидным, что тропические леса выгоднее сохранить, чем вырубать на древесину. Фармацевтические компании заплатят странам огромные суммы за разработку недр.

— И сами получают изрядные прибыли. Но какое отношение эта книга имеет ко мне?

Над Хобгоблин-Рокс поднялась луна, окрасив скалы в серебристый цвет. Вечер

выдайся на редкость красивым.

— Дело в том, что кодекс принадлежит вашему отцу. — Том остановил лошадь и посмотрел на девушку.

— Максвелл Бродбент украл ее из гробницы майя почти сорок лет назад. Он написал письмо в Йельский университет с просьбой сделать перевод, но в то время тайна иероглифов майя была еще не открыта. Тот, кто получил письмо, решил, что это фальшивка, и, не удосужившись ответить, убрал в картотечный ящик. А через сорок лет его нашел профессор Клайв. И моментально понял: книга настоящая. Сорок лет назад не было никакого смысла подделывать иероглифы майя, поскольку их никто не мог прочитать. А в наше время профессор Клайв может. Он единственный на свете человек, который бегло читает на языке майя. Но сколько я ни пыталась обнаружить вашего отца, он словно в воду канул. И в отчаянии я выследила вас.

Том посмотрел на нее в сгущающихся сумерках и расхохотался.

— Что я такого смешного сказала? — вскинулась девушка.

— Сэлли, у меня для вас плохие новости.

Когда Том закончил рассказ, воцарилось долгое молчание. Наконец Сэлли проговорила:

— Вы, должно быть, шутите?

— Нисколько.

— Он не имел права!

— Имел или не имел, но сделал.

— И что вы собираетесь предпринять?

— Ничего, — вздохнул Том.

— Что значит «ничего»? Вы же не собираетесь отказаться от наследства?

Том ответил не сразу. Они достигли верхней точки плато и остановились, любуясь видом. Вниз к реке Сан-Хуан сбегали мириады каньонов и в лунном свете казались черными паутинками травления на серебристой гравюре. Еще ниже мерцала кучка желтых огоньков Блаффа, а на окраине городка — несколько огоньков в домах, которые были базой его скромной ветеринарной практики. Слева фантастическим скелетом возвышался хребет Комб-Ридж. Это в который раз напомнило Тому, почему он здесь. После первого потрясения от того, что сделал с наследством отец, он взял свою любимую книгу — «Государство» Платона — и снова перечитал отрывок из мифа об Эросе, где Одиссею задают вопрос, какого существования он хотел бы пожелать в своей следующей жизни. Что же ответил великий Одиссей — воин, любовник, мореплаватель, открыватель новых земель и царь? Он хотел бы жить неизвестным человеком в каком-нибудь затерянном углу, и чтобы его не замечали другие. Он желал только мирной, простой жизни.

Платон его одобрил — и Том тоже.

Вот потому-то он и приехал в Блафф. Жизнь с Максвеллом Бродбентом в роли отца сделалась невыносимой: нескончаемая драма увещаний, проповедей, соперничества, критики и назиданий. Том уединился в Блаффе, чтобы избавиться от всего, что терзало его в отцовском доме, оставить все это в прошлом. И еще, разумеется, Сару. Сара... Отец дошел до того, что начал выбирать сыновьям подружек, но каждый раз выбор оказывался катастрофической ошибкой.

Он поднял глаза на Сэлли — свежий ночной ветерок шевелил ее волосы. Лунный свет заливал лицо. Радуюсь изумительному виду, она приоткрыла губы. Одну руку положила на бедро, стройная, уверенно держится в седле. Господи, да она, оказывается, красива.

Том сердито отогнал эту мысль. Он вел такую жизнь, какую хотел. Не удалось стать палеонтологом — воспротивился отец, — жаль. Но работать ветеринаром в Юте — тоже неплохо. Он не собирался ничего портить. Слава Богу, довольно испытал в прошлом.

— Да, — ответил он после долгой паузы, — я собираюсь отказаться от наследства.

— Почему?

— Не знаю. Не могу объяснить.

— Попробуйте.

— Для этого надо понимать моего отца. Всю жизнь он старался контролировать все, что делали я и мои два брата. Руководил нами. Строил за нас планы. Но что бы мы ни делали, оставался недоволен. Мы были для него недостаточно хороши. А теперь еще вот это! Я больше не собираюсь играть в его игры. С меня хватит.

Том замолчал и удивился себе: почему он так много сказал этой девушке?

— Продолжайте, — попросила она.

— Отец требовал, чтобы я стал врачом. А я хотел учиться на палеонтолога и охотиться за окаменелостями динозавров. Он считал это смешным, называл инфантилизмом. Мы сошлись на ветеринарном институте. Он, естественно, ожидал, что я окажусь в Кентукки и стану лечить скаковых лошадей стоимостью в миллион долларов. Или займусь исследовательской работой в области ветеринарии, сделаю великое открытие и настолько прослаблю фамилию Бродбентов, что она войдет в учебники. А я вместо этого поехал в резервацию на-вахо. Здесь я делаю то, что хотел и люблю делать. В этом месте и лошади, и люди нуждаются во мне. А пейзажи в южной Юте — самые красивые в мире. И здесь самые большие россыпи окаменелостей юрского и мелового периодов. Однако отец считал, что работа в резервации — свидетельство моего провала и разочарования. Она не прибыльна, не престижна и не привлекательна. Выходит, что я его обманул: взял деньги на обучение в ветеринарном институте, а затем улизнул в какую-то дыру...

Том осекся. Он в самом деле что-то слишком разговорился.

— И поэтому вы собираетесь упустить из рук наследство? Пусть уплывает неизвестно куда? Фармакопсия и все остальное?

— Именно так.

— Именно так?

— Многие люди обходятся без наследства. Моя ветеринарная практика — неплохой источник существования. Я люблю этот край, люблю свою работу. Чего еще остается желать?

Сэлли не ответила и пристально на него посмотрела. Ее волосы слабо светились в свете луны.

— Позвольте вас спросить, и сколько же вы теряете?

При мысли о размере суммы Том почувствовал укол боли. И не впервые.

— Сто миллионов долларов, как с куста.

Девушка присвистнула и надолго замолчала. В каньоне завыл койот, ему ответил другой. Наконец она проговорила:

— А вы человек с характером... — Том пожал плечами.

— А что собираются предпринять ваши братья?

— Филипп сговорился со старинным компаньоном отца — будут сообща заниматься поисками могилы. Вернон, как я слышал, решил искать самостоятельно. Так что можете присоединиться к одному из них.

— Уже пыталась, — ответила Сэлли. — Вернон уехал из страны неделю назад. Филипп тоже испарился. Они направились в Гондурас. Так что вы были моим последним шансом.

— Гондурас? Ничего себе прыть, — покачал головой Том. — Вот вернутся с добычей, возьмете у них кодекс. Я вас благословляю.

Снова последовало долгое молчание.

— Я не могу рисковать. Ваши братья не представляют, что поставлено на карту. Всякое может случиться.

— Извините, Сэлли. Ничем не могу помочь.

— Мы с профессором Клайвом нуждаемся в вашей помощи. Мир нуждается в вашей помощи.

Том взглянул в рожицы хлопковых деревьев в пойме реки Сан-Хуан. Где-то далеко, в зарослях можжевельника, закричала сова.

— Я принял решение, — проговорил он.

Сэлли не сводила с него глаз. Волосы растрепались по плечам и спине, она по привычке выпятила нижнюю губу. Лес мерцал, залитый лунным светом, ветер шевелил кроны, по ее фигуре скользили размытые лунные зайчики.

— Не передумаете?

— Не передумаю, — вздохнул Том.

— Тогда хотя бы помогите мне здесь. О большем не прошу. Съездите со мной в Санта-Фе. Вы познакомите меня с адвокатами и друзьями отца. Расскажите о его привычках и путешествиях. Уделите мне два дня. Помогите хотя бы в этом. Всего два дня.

— Нет.

— Бывали случаи, что лошадь погибала у вас на руках?

— Много раз.

— Любимая лошадь?

Том сразу вспомнил своего Педернела, который умер от не поддающегося лечению антибиотиками мыта. У него больше никогда не будет такого красивого коня.

— А теперь представьте, что, если бы существовали более совершенные лекарства, животное осталось бы в живых.

Том повернул голову в сторону далеких огней Блаффа. Что ж, в чем-то она права, и два дня — не такой большой срок. — Хорошо. Ваша взяла. Но только два дня.

9

Льюис Скиба, управляющий фармакологической фирмой «Лэмп — Дэнисон», неподвижно сидел в своем кабинете и смотрел на вереницу серых небоскребов вдоль авеню Америка на Манхэттене. Дождь к вечеру разошелся, и город совершенно потемнел. Единственным звуком в комнате было потрескивание огня в камине из сиенского мрамора — печальном напоминании о лучших временах. День выдался не холодным, но Скиба специально, чтобы разжечь камин, запустил кондиционер. Огонь его успокаивал. Напоминал о детстве, старом, сложенном из камней камине в дощатом домике на берегу озера. Снегоступы над огнем, кричащие с воды гагары. Вот если бы снова оказаться в том месте...

Рука невольно потянулась к маленькому ящичку в тумбе стола, пальцы сомкнулись на пластмассовой бутылочке. Скиба большим пальцем откинул крышечку, вытряхнул маленький сухой шарик, положил в рот и разжевал. Горько, но снимает чувство тревоги. Это и еще виски. Он повернулся влево, сдвинул стенную панель, достал бутылку шестидесятилетнего «Макаллана» и стакан для виски и налил изрядную порцию. Напиток был насыщенного цвета красного дерева. Примесь прохладной воды «Эвиан» разбавила аромат. Скиба поднес стакан к губам и стал пить большими глотками, наслаждаясь вкусом хмеля, торфяников, высокогорных пустошей, студеного моря и изысканного испанского амонтильядо.

Ощувив покой, он стал мечтать о большом плавании — чтобы унести далеко-далеко в море света. Для этого всего-то и надо дожевать лежащие в бутылочке две дюжины таблеток и запить остатками виски, и он навеки погрузится в синюю глубину. И никаких прошений в конгресс о применении Пятой поправки¹⁴, никаких оправданий перед советом директоров, что он всего лишь не справившийся со своими обязанностями, заблудший управляющий, — никакой грязи, как с Кеннетом Леем. Он станет сам себе судьей, присяжными и палачом. Его отец, армейский сержант, учил его ценить свою честь.

¹⁴ Инкорпорированная 15 декабря 1791 г. Пятая поправка к Конституции США гласит: «Ни одно лицо не должно привлекаться к ответственности за преступление, караемое смертью, либо за иное позорящее преступление иначе как по представлению или обвинительному заключению Большого жюри... равным образом ни одно лицо не должно за одно и то же правонарушение дважды подвергаться угрозе лишения жизни или телесного наказания, не должно принуждаться в каком-либо уголовном деле свидетельствовать против себя, не должно лишаться жизни, свободы либо собственности без надлежащей правовой процедуры...»

Единственное, что могло спасти фирму, но в итоге окончательно утопило, — прорыв с новым препаратом, который, как они считали, у них в кармане. Флоксатен. С таким козырем, решили их умные головы, можно безопасно снизить вложения в исследовательскую работу, чтобы поднять текущие прибыли. Они считали, что аналитики этого не заметят. Поначалу все так и было. Сказочное время — их акции подскочили выше крыши. Затем они стали сокращать амортизационные вложения, но аналитики по-прежнему молчали, и рынок рос. Затем стали списывать убытки на крохотных незарегистрированных партнеров на Каймановых и Антильских островах, а займы заносить в разряд прибыли, спускали всю наличность на собственные акции, чтобы еще сильнее вздуть цены. Разумеется, при этом повышалась оценочная стоимость всего капитала, и это еще сильнее поднимало цену на акции. Это была большая игра. Они нарушили все законы, правила и установления. А если бы появилось какое-нибудь новое правило — их знаменитый гений придумал бы, как обойти и его. Они стали такими же перспективными, как «Брэр биэр». «Заколачиваем зеленые каждую минуту».

Но лафа кончилась. Не осталось ни одного правила, которое можно было бы нарушить. Рынок наконец проснулся. У них в рукаве не было ни одного фокуса. Над зданием фирмы по авеню Америка, 725, кружили черные вороны, и в их карканье слышалось его имя.

Дрожащей рукой Скиба вставил ключ в замочную скважину и выдвинул ящик. Прожевал еще одну горькую пилюлю и запил новой порцией виски.

Звонок объявил о приходе Граффа. Гения их фирмы, который довел ее до такого состояния.

Скиба отхлебнул воды, прополоскал во рту, проглотил. Потом еще и еще. Пригладил волосы, откинулся на стуле и сделал лицо. Он уже ощущал, как возникает легкость в груди и, распространяясь к кончикам пальцев, взбадривает и наполняет тело золотистым сиянием.

Он повернулся на стуле, взгляд на мгновение упал на улыбающихся из серебряных рамок троих веселых детей. Затем нехотя скользнул по столу, и Скиба посмотрел на вошедшего в кабинет Майка Граффа. Этот человек казался на удивление хрупким и был затянут в безупречного покроя шерсть, шелк и хлопок. Он считался восходящей звездой и был протееже самого Лэмпа. О нем писал «Форбс», его обхаживали аналитики и инвесторы. Его винный подвал прославлял «Бон аппетит», а дом — «Архитекчерал дайджест». Но теперь протееже Лэмпа больше не восходил к высотам. Наоборот, вместе со Скибой, взявшись за руки, летел с обрыва Большого каньона.

— Что там такого срочного, что не могло подождать до нашего послеобеденного совещания? — поинтересовался Скиба.

— К вам пришел некий тип. У него интересное предложение.

Скиба закрыл глаза. Он внезапно ощутил себя до смерти уставшим. Все хорошие чувства разом испарились.

— Послушайте, Майк, — буркнул он, — а вам не кажется, что с нас уже довольно ваших предложений?

— Это совсем иного рода. Поверьте.

«Поверьте!» Скиба безнадежно махнул рукой и в тот же момент услышал скрип открываемой и закрываемой двери. Перед ним стоял какой-то дешевый хлыщ: пиджак с огромными лацканами и непомерно много золота. На голове три волосинки, но зачесаны поперек широких просторов плешивого черепа, а хозяин, вероятно, считал, что этим решил проблему лысины.

— Господи, Майк... — забормотал Скиба.

— Это мистер Марк Хаузер, — перебил его Графф, выступая вперед. — Частный детектив. В прошлом работал в Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия. Он хочет нам кое-что показать. — Графф принял из рук Хаузера листок бумаги и передал его Скибе.

Скиба посмотрел на текст. Страница была покрыта странными значками, на полях рисунки каких-то листьев и виноградной лозы. Бред какой-то. Этот Графф совершенно

свихнулся.

— Это страница из манускрипта майя девятого века, — продолжал между тем Майк. — Что-то вроде их фармакопей. Там две тысячи страниц, и все они посвящены лекарствам тропического леса — как и из чего их готовить.

Когда важность произнесенных слов дошла до Скибы, его бросило в жар. Не может быть!

— Не сомневайтесь. Здесь тысячи древних медицинских прописей на основе активных веществ, которые содержатся в растениях, животных, насекомых, плесени, грибах — всего не перечислишь. Врачебная мудрость древних майя в одном томе.

Скиба поднял глаза, посмотрел на Граффа, перевел взгляд на Хаузера.

— Откуда это у вас?

Гость сложил на груди пухлые ручки; от него несло то ли одеколоном, то ли средством после бритья. Дешевка!

— Этот том принадлежит моему другу. — Хаузер говорил писклявым голосом с раздражающим бруклинским акцентом. «Тоже мне, не половозрелый Аль Пачино».

— Мистер Хаузер, потребуется десять лет и полмиллиарда на научные разработки, чтобы запустить какое-нибудь из этих лекарств в производство, — заметил Графф.

— Справедливо, — согласился гость. — Однако представьте, как в таком случае поднимутся ваши акции. У меня сложилось впечатление, что в вашу речушку вылили порядком дерьма! — Пухлая ручка широким жестом обвела кабинет.

Скиба в упор посмотрел на него. Наглый проходимец. Сейчас он вышвырнет его за дверь!

Сегодня утром акции «Лэмпа» стояли на отметке четырнадцать и три четверти доллара. В прошлом декабре они продавались за пятьдесят. В ваших активах два миллиона акций по цене от тридцати до тридцати пяти, которые вы намеревались выкинуть на рынок в следующие два года, но это абсолютно бессмысленно, если не поднять на них цену. К тому же ваш противораковый препарат флоксатен оказался фуфлом, и на днях Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами издаст на него запрет.

Скиба вспыхнул и вскочил со стула.

— Как вы смеете бросать мне в лицо ложь в моем кабинете? Откуда у вас такая клеветническая информация?

— Мистер Скиба, — мягко перебил его Хаузер, — давайте перестанем валять дурака. Манускрипт, о котором мы ведем разговор, поступит в мое распоряжение через четыре недели. Я хочу продать его вам и не сомневаюсь, что вы в нем нуждаетесь. Хотя с тем же успехом могу отнести в «Джендайн» или «Кембридж фармасьютикалс».

Скиба проглотил застрявший в горле ком. Удивительно, как быстро возвращалась к нему ясность мышления.

— А откуда мне знать, что это не афера? — спросил он.

— Я все проверил, — вступил в разговор Графф. — Дело надежнее золота.

Скиба посмотрел на торгаша в безвкусном наряде.

— Изложите ваше предложение, мистер Хаузер.

— Кодекс находится в Гондурасе.

— Значит, вы продаете кота в мешке?

— Чтобы добыть манускрипт, мне необходимы деньги, оружие и оборудование. Я сам изрядно рискую. И кое-что уже предпринял. Поверьте, это предприятие не из дешевых.

— Не пытайтесь меня обжулить!

— Это еще вопрос, кто из нас жулик. Вы по самую шею завязли в нарушениях. Если в совете директоров узнают, каким образом в последние несколько кварталов вы с мистером Граффом взвинчивали цены на акции за счет ассигнований на научные разработки, вы покинете это здание в наручниках.

Скиба посмотрел на Майка. Тот побелел как полотно. В тишине кабинета было слышно, как потрескивали поленья в камине. Управляющий почувствовал, как у него

задергался мускул под коленом. Гость между тем продолжал:

— Получив манускрипт и установив его подлинность, что вы, разумеется, пожелаете сделать, вы переведете на указанный мной счет в офшоре пятьдесят миллионов долларов. Вот вам мое предложение. И никаких обсуждений! Ответьте — вы согласны или нет?

— Пятьдесят миллионов! Это же безумие! Речи быть не может!

Хаузер поднялся и направился к двери.

— Подождите! — вскочил вслед за ним Графф. — Это же еще не на камне вырублено! — Он гнался за человеком в безвкусном костюме, и из-под его ухоженной шевелюры градом катился пот.

Хаузер не останавливался.

— Пойдите! Мы всегда открыты...

Перед носом Майка захлопнулась дверь. Хаузер исчез. Графф повернулся к Скибе. У него тряслись руки.

— Надо его остановить!

Несколько мгновений управляющий не отвечал. Хаузер сказал чистую правду. Если станет известно, что в их распоряжении оказалась древняя фармакопея, одно это поднимет цены на их акции. Но пятьдесят миллионов — это шантаж. Сотрудничать с подобным типом просто отвратительно. Однако порой обстоятельства бывают сильнее человека.

— Вы же знаете, Майк, есть всего один способ, как отдать долг, зато миллион, как его не отдавать.

Графф едва сумел изобразить улыбку на поблескивавшем бусинками пота лице.

Скиба наклонился к аппарату внутренней связи.

— Человек, который только что вышел из моего кабинета... Не выпускайте его из здания. Скажите, что мы согласны на его условия. И проводите ко мне. — Он положил трубку и повернулся к Майку: — Надеюсь, ради нашего с вами блага, что этот тип не обманщик.

— Не обманщик, — подтвердил Графф. — Я все тщательно изучил. Фармакопея действительно существует. И эта страничка подлинник.

Прошло еще несколько секунд, и Хаузер переступил порог.

— Вы получите свои пятьдесят миллионов, — отрывисто бросил ему Скиба. — А теперь садитесь, обсудим наши планы.

10

Чарли Фернандес чувствовал себя выжатым как лимон. Панихида затянулась, погребение продлилось еще дольше. Он до сих пор ощущал на правой ладони песчинки от комьев брошенной на гробы земли. Всегда мучительно хоронить своих, а сегодня их оказалось двое. Ему оставалось дежурить полсмены и присутствовать в суде. Чарли посмотрел на своего напарника Уилсона. Тот углубился в бумаги. Славный парень; жалко только, что у него почерк как у дошкольника.

Раздался звонок, и Дорин объявила:

— Пришли два человека, хотят видеть... м-м-м... Барнаби и Фентона.

Господи, только этого не хватало!

— По какому делу?

— Они не сказали. Фернандес тяжело вздохнул:

— Пусть войдут.

Уилсон бросил писать и поднял глаза:

— Мне уйти?

— Оставайся.

Пришедшие показались на пороге — странная парочка: женщина и высокий блондин в ковбойских сапогах. Фернандес что-то проворчал, выпрямился на стуле и пригладил волосы.

— Присаживайтесь.

— Мы хотели повидаться с лейтенантом Барнаби, а не...

— Я в курсе, с кем вы хотели повидаться. Садитесь. — Гости нехотя сели.

— Я офицер Фернандес, — обратился полицейский к блондину. — Позвольте вас спросить, по какому вопросу вам нужен лейтенант Барнаби? — Он говорил привычно официальным тоном — медленно, веско, безапелляционно.

— Мы бы предпочли иметь с ним дело лично, — ответил посетитель.

— Ничего не выйдет.

— Почему? — вспыхнул блондин.

— Потому что он мертв.

— Как так? — Гости удивленно вытаращились на полицейского.

Боже мой! Фернандес почувствовал, что невероятно устал. Барнаби был хорошим парнем. Тяжелая потеря.

— Автомобильная авария, — вздохнул он. — Может быть, вы мне расскажете, кто вы такие и чем я могу вам помочь?

Гости переглянулись. Заговорил блондин:

— Я — Том Бродбент. Примерно десять дней назад лейтенант Барнаби расследовал дело о возможном проникновении в дом на старом шоссе Санта-Фе. Он приезжал туда по вызову. Я хочу знать, подал ли он рапорт об этом случае?

Фернандес поднял глаза на Уилсона.

— Рапорта не было, — ответил тот.

— Он что-нибудь рассказывал?

— Сказал, что произошло недоразумение. Мистер Бродбент перевез некоторые из принадлежащих ему произведений искусства, а сыновья по ошибке решили, что они украдены. Я на прошлой неделе объяснил вашему брату, что поскольку преступления не было, то и дела заводить не имело смысла.

— Моему брату? Которому?

— Имя вылетело из головы. С длинными волосами и бородой. Похож на хиппи.

— Вернон?

— Именно.

— А можно поговорить с напарником лейтенанта Фентоном?

— Он тоже погиб в катастрофе.

— Позвольте узнать, что произошло?

— Машина перевернулась на повороте Монахинь на Ски-Бейсин-роуд.

— Мне очень жаль.

— Нам тоже.

— Так, значит, по поводу расследования в доме Бродбента не осталось никакого отчета?

— Абсолютно ничего. — Фернандес помолчал и спросил: — Чем еще могу вам помочь?

11

Хлам горел в двадцатипятигаллонных бочках, которые стояли в ряд вдоль грязного побережья Пуэрто-Лемпиры, и из каждой в сторону города поднималась струйка едкого дыма. Толстая женщина готовила еду на решетке над одной из них, и смрадный ветер доносил до Вернона запах свиных шкварок. Он шел с Учителем по тянувшейся параллельно берегу грязной улице. А за ними бежали и толкались ватаги детей. За детьми увязались стаи собак. Дети кричали: «Дай конфетку! Дай доллар!» Они преследовали их почти час. Вернон раздал им несколько пакетиков сладостей и все долларовые купюры. Но задобрить преследователей не удалось — его щедрость возымела противоположное действие, и толпа малолеток разрослась до пугающих размеров.

Верном с Учителем вошли на выдающийся в грязную лагуну мол, в конце которого

были привязаны долбленные каноэ с подвесными моторами. Мужчины отдыхали в гамаках, а черноглазые женщины смотрели на них с порогов. К ним подскочил человек с удавом на шее.

— Змея, — предложил он. — Пятьдесят долларов.

— Нам не нужна змея, — ответил Учитель. — Нам нужна лодка. Вагса. Мы ищем Хуана Фрейтага Чартерса. Ты знаешь Хуана Фрейтага?

Человек раскрутил удава с шеи и протянул вперед, словно предлагал гирлянду сосисок.

— Змея! Тридцать долларов!

Учитель прошел мимо. Но продавец удава не отставал:

— Змея! Двадцать долларов! — Драная рубашка чудом держалась у него на плечах.

Вернон попытался обойти его вслед за Учителем, но человек ухватил его длинными смуглыми пальцами. Пришлось в который раз лезть в карман за деньгами. Нотам не нашлось ни одной долларовой банкноты, и Вернон протянул настырному торговцу пятерку. Дети устремились вперед и принялись канючить с удвоенной силой.

— Черт подери! Перестань раздавать деньги! — рассердился Учитель. — Нас обчистят до нитки.

— Извините.

Учитель схватил старшего из детей за шиворот и нетерпеливо закричал:

— Хуан Фрейтаг Чартере! Где? Donde? — Он повернулся к Вернону: — Повтори еще раз, как по-испански будет «лодка».

— Вагса.

— Вагса! Donde barca?

Испуганный мальчик показал грязным пальцем на шлакоблочный домик по другую сторону мола. Учитель выпустил его ворот и поспешил по грязной мостовой набережной. За ним устремился Вернон, а за Верноном — дети и псы. Дверь в кабинет была открыта, и они вошли. Из-за стола поднялся мужчина с мухобойкой в руках. Он пугнул детей и захлопнул дверь. Вернулся на свое место и расплылся в улыбке. У него была маленькая голова, подтянутая фигура, светлые волосы, арийская внешность, но говорил он с испанским акцентом:

— Располагайтесь.

Вернон и Учитель устроились на шатких стульях за приставным столом, на котором были навалены журналы по подводному плаванию.

— Чем могу служить, джентльмены?

— Мы хотим нанять пару лодок с проводниками, — объявил Учитель.

— Хотите заняться дайвингом или половить тарпона? — улыбнулся Хуан Фрейтаг.

— Ни то ни другое. Мы хотим подняться по реке. Улыбка словно приклеилась к губам хозяина кабинета.

— Подняться по Патуке? — Да.

— Понятно. Вы искатели приключений? — Учитель покосился на Вернона.

— Что-то в этом роде.

— И как высоко вы хотите подняться?

— Пока не знаем. Возможно, до самых гор.

— В таком случае вам потребуется каноэ с подвесным мотором, поскольку для обычной лодки река мелковата. Мануэль!

Из задней комнаты появился юноша. Его руки были вымазаны рыбьей кровью, и на них поблескивала чешуя.

— Это Мануэль. Он с кузенком Рамоном будет сопровождать вас. Они хорошо знают реку.

— Сколько времени потребуется, чтобы подняться по реке?

— До Пито-Соло — неделя. Дальше начинается Меамбарское болото.

— А если еще выше?

— Вы же не собираетесь пересекать болото? — всплеснул руками Хуан Фрейтаг.

— Напротив, — возразил Учитель. — Возможно, что именно так мы и поступим.

— Что ж... — кивнул хозяин кабинета и состроил гримасу, которая красноречиво говорила, что его работа заключается именно в том, чтобы ублажать ненормальных американцев. — Но имейте в виду, что там горы и только горы. Придется взять припасов и еды не меньше чем на месяц.

В побеленной комнате жужжала оса — билась о стекло, падала, переворачивалась, взлетала и опять бросалась на прозрачную преграду. Молниеносным движением мужчина достал ее мухобойкой. Оса упала на пол, закружилась и в агонии стала жалить себя. Из-под стола высунулся начищенный ботинок и с хрустом пресек жизнь насекомого.

— Мануэль, позови Рамона! — Хуан Фрейтаг повернулся к Учителю: — Сеньор, мы можем снабдить вас всем необходимым. Палатками, спальными мешками, москитными сетками, бензином, продуктами, батарейками, охотничьими принадлежностями — всем, что только потребуется. Продадим по кредитной карточке. — Он любовно погладил новенький аппарат для считывания информации с кредитных карт, шнур от которого соединялся с блестящим разъемом в стене. — Вам ни о чем не придется беспокоиться. Мы все берем на себя. — Фрейтаг улыбнулся. — Подарим приключение, но позаботимся, чтобы оно не оказалось авантюрой.

12

Мотор мерно гудел — машина катила на север по пустыне Сан-Хуан-Бейсин в сторону границы Юты. Пустынное шоссе пролегало по обширным, поросшим полыньей и колючками прериям. Впереди, на фоне голубого неба, маячил вознесенный ввысь темный силуэт скалы. Том сидел за рулем и испытывал огромное облегчение оттого, что все осталось позади. Он выполнил то, что обещал, — помог Сэлли выяснить, куда делся его отец. А дальше пусть поступает, как считает нужным. Может подождать, пока его братья вернутся из джунглей с кодексом майя, — разумеется, если им удастся отыскать могилу. Или попытается их догнать. В любом случае он — вне игры. Еще немного — и возвратится к мирной, простой жизни в пустыне. Том покосился на сидящую рядом Сэлли. Весь последний час девушка молчала. Она не рассказала о своих планах, а Том вовсе не был уверен, что хочет о них знать. Он желал одного — поскорее вернуться к себе: к ежедневным заботам лечебницы, в прохладу дома под сенью хлопковых деревьев. Он отдал так много сил, чтобы наладить свою безыскусную жизнь, что теперь не позволит отцу с его сумасшедшими идеями перевернуть все вверх дном. Пусть братья, если им так нравится, пускаются в это приключение. Пусть даже заберут себе наследство. Ему доказывать нечего. После эксперимента с Сарой у него не осталось никакого желания прыгать головой в омут.

— Значит, он отправился в Гондурас, — проговорила Сэлли. — И у вас нет никаких идей, ни малейшей догадки, куда именно?

— Я уже рассказал вам все, что знаю, — поморщился Том. — Сорок лет назад отец какое-то время пробыл в Гондурасе со своим партнером Марком Хаузером. Они искали гробницы и питались бананами. Как я слышал, их крупно надули: продали фальшивую карту с пометками, где будто бы спрятаны сокровища. Они несколько месяцев блуждали по джунглям, чуть не погибли, потом из-за чего-то поцапались и расстались. Вот и все.

— Вы уверены, что он ничего не нашел?

— Так утверждал отец. Горы южного Гондураса никогда никто не населял.

Сэлли, не отрывая глаз от набегающей под колеса машины голой пустыни, кивнула.

— Так что же вы намереваетесь делать? — не утерпел Том.

— Поеду в Гондурас.

— Одна?

— А почему бы и нет?

Том не ответил. В конце концов, это ее дело.

— У вашего отца были неприятности из-за того, что он обирал гробницы?

— Время от времени фэбээровцы начинали к нему цепляться, но он был хитроумным человеком и всегда выворачивался. Помню, агенты обыскали наш дом и нашли несколько статуэток из нефрита, которые он только что привез из Мексики. Мне тогда было десять лет, и я жутко испугался, когда они утром, еще затемно, постучали в дверь. Но доказать ничего не сумели, и вскоре отец все получил обратно.

— Люди вроде вашего отца — бич археологии, — покачала головой девушка.

— Боюсь, что не вижу большой разницы между тем, что творил отец и что делают археологи, — возразил Том.

— Огромная разница! — вспыхнула Сэлли. — Грабители нарушают общую картину, вырывают предметы из их окружения. Близкого друга профессора Клайва избили в Мексике крестьяне за то, что он пытался удержать их от разграбления храма.

— Печально слышать. Но трудно судить бедняков, если они пытаются таким способом накормить голодающих детей. А тут еще являются какие-то амегисано с севера и учат их, как жить.

Сэлли выпятила губу, и Том понял, что она не на шутку рассердилась. Машина шелестела покрышками по блестящему асфальту. Том включил кондиционер. Поскорее бы все это кончилось. Ему совершенно ни к чему осложнения в виде Сэлли Колорадо.

Девушка тряхнула длинными золотистыми волосами, и от этого в салоне распространился легкий аромат духов и шампуня.

— Все-таки кое-что не дает мне покоя. Никак не выходит из головы...

— Что?

— Барнаби и Фентон. Вам не кажется странным, что они погибли сразу после того, как были вызваны расследовать так называемую кражу в доме вашего отца? Мне не нравится, что эти события произошли так близко по времени.

— Простое совпадение, — покачал головой Том.

— Что-то в этом совпадении вызывает подозрения.

— Сэлли, я знаю Ски-Бейсин-роуд. Поворот Монахинь — дьявольская штучка. Не они первые, кого он угробил.

— А что они там делали — на Ски-Бейсин-роуд? Ведь лыжный сезон уже закончился?

— Если это вас так волнует, позвоните офицеру Фернандесу. Он все объяснит.

— Так я и сделаю. — Сэлли достала из сумочки сотовый телефон и набрала номер. Том слушал, как ее переадресовывали от одного дежурного к другому, пока наконец не ответил Фернандес. — Говорит Сэлли Колорадо, — произнесла она в трубку. — Вы меня помните?

Последовала пауза.

— Я хотела задать вопрос по поводу смерти Барнаби и Фентона.

Снова пауза.

— Почему они поехали на лыжную трассу, ведь сезон уже закончился?

Долгое, долгое ожидание. Том поймал себя на том, что старается прислушиваться, хотя это было совершенно бесполезно.

— Да, очень трагично, — повторила за собеседником Сэлли. — Так в какое место они собрались на рыбалку?

Опять тишина.

— Спасибо.

Сэлли медленно закрыла телефон. Том посмотрел на нее, и у него засосало под ложечкой: лицо девушки совершенно побелело.

— Их послали на трассу проверить акт вандализма, по вызов оказался ложным. На обратном пути по дороге вниз у них отказали тормоза. Полицейские пытались замедлить движение, притирая машину к ограждению, но уклон был слишком крут.

И пока они спустились к повороту Монахинь, успели набрать девяносто миль в час.

— Боже мой!

— После полета с четырех сотен футов и взрыва от машины мало что осталось. Никто ничего не заподозрил. Смерть полицейских показалась тем более трагичной, так как на

следующий день они собирались поехать на рыбалку, о которой мечтали всю жизнь. Ловить тарпонов в Гондурасе.

Том проглотил застрявший в горле ком и задал вопрос, который ему очень не хотелось задавать:

— Куда именно?

— В местечко под названием Брус-Лагуна.

Том снизил скорость, посмотрел в зеркало заднего вида и, работая одновременно педалями газа и тормоза, с визгом покрышек развернулся на месте.

— Вы с ума сошли? Что вы делаете?

— Еду в ближайший аэропорт. Тот, кто убил полицейских, может точно так же убить моих братьев.

— Думаете, кто-то пронюхал о спрятанном наследстве?

— Нет никаких сомнений. — Том прибавил скорость. — Мы едем в Гондурас вместе.

13

Филипп Бродбент пошевелился, в четвертый или пятый раз пытаясь удобнее устроиться на дне каноэ, сгреб вещи помягче и устроил себе что-то наподобие скамьи. Суденышко скользило вверх по реке между двумя стенами зеленой поросли — урчал мотор, нос резал спокойную черную воду. Казалось, что они плыли внутри пещеры и от ее стен гулко отражались враждебные крики, визг и свист обитателей джунглей. Над лодкой постоянно вилось гудящее облако moskitov, и насекомые тянулись за ней как хвост. Воздух был спертый, жарким и влажным. Дышать им было все равно что moskitnym бульоном.

Филипп достал трубку и набил из фирменной табакерки «Данхилл», которую извлек из кармана купленного в модном магазине костюма сафари. Не спеша раскурил и, выпустив струю дыма в жужжащую массу moskitov, стал смотреть, как в ней образовалась брешь, которая тут же сомкнулась, как только дым рассеялся. Moskitovый берег оправдывал свое название, а репеллент, который Филипп нанес на одежду и кожу, почти не защищал. Зато был маслянистым и пугающе пахучим, наверное, проникал в кровь и отравлял организм.

Филипп пробормотал проклятие и снова затыкнулся. «Черт бы побрал отца с его штучками».

Он снова пошевелился, но так и не нашел удобной позы. С носа пришел Хаузер и растянулся рядом. Он пах не антимоскитной бурдой, а одеколоном и казался настолько же свежим, насколько вспотевший Филипп мучился от жары.

— Гонз целый день искал следы Макса. Узнаем больше, когда завтра доберемся до Пито-Соло.

— Как они могут искать следы на реке?

— Искусство, Филипп, — улыбнулся Хаузер. — Где-то срезанная лиана, где-то след от лодки на берегу или отметина в песке под водой там, где стоял кол, к которому привязывали суденышко. Течение настолько медленное, что следы на дне остаются неделями.

Филипп раздраженно пососал мунштук. Он выдержит эту последнюю пытку отца, зато потом будет наслаждаться свободой. Свободой жить той жизнью, которую хочет вести, — не слушать наставления и упрёки старого зануды и не ждать мелочных подачек от новоявленного Скруджа¹⁵. Филипп любил отца и в глубине души переживал его болезнь и смерть, но это не меняло его отношения к странной проделке старика. Отец за свою жизнь совершил много бредовых поступков, но этот превзошел все остальные. Достойный прощальный жест Максвелла Бродбента.

Филипп курил и смотрел, как четыре солдата на носу играли засаленными картами.

¹⁵ Персонаж «Рождественских повестей» Ч. Диккенса. Благодаря скаредности Скруджа его имя стало нарицательным.

Другая лодка с восемью солдатами на борту плыла в пятидесяти ярдах впереди, и за ней по воде стлался грязный след выхлопа. Главный «следопыт» Гонз лежал на носу лодки на животе, внимательно смотрел в черную реку, иногда макал в воду палец и пробовал на вкус.

Внезапно один из солдат на носу их долбленки крикнул и, вскочив, принялся взволнованно показывать на что-то плывущее по воде. Хаузер бросил на Филиппа взгляд, поднялся, вытащил прицепленное к поясу мачете и полез на нос. Лодка повернула к барахтавшемуся в реке зверьку. Хаузер встал поудобнее, расставил ноги и, когда каное поравнялось с отчаянно боровшимся за жизнь животным, наклонился, быстро рубанул по воде тесаком и вытащил существо, напоминающее крысу величиной в два фута. Удар его почти обезглавил — голова держалась на лоскутке кожи. Зверек дернулся и затих. А Филипп испытал смутное чувство страха, когда Хаузер швырнул трупик в его сторону. Мертвое тельце шлепнулось о дно, голова оторвалась и, разбрызгивая кровь и скаля желтые крысиные зубы, покатила к его ногам.

Хаузер ополоснул мачете в воде, снова вложил в ножны на поясе и, перешагнув мертвого зверька, вернулся к Филиппу.

— Пробовали когда-нибудь золотистого зайца? — ухмыльнулся он.

— Нет. И думаю, что и впредь не возникнет желания.

— Если его освежевать, выпотрошить, нарезать кусками и пожарить на углях, получится любимое кушанье Максвелла. Немного похоже на курицу.

Филипп не ответил. Хаузер говорил так про любое тошнотворное мясо, которое им приходилось есть: «похоже на курицу».

— О! — воскликнул он, взглянув на рубашку Филиппа. — Прошу прощения.

Филипп опустил глаза: на грудь попала капелька крови и впилась в ткань. Он потер пятно, но только размазал.

— Попросил бы вас быть поаккуратнее, когда швыряетесь обезглавленным зверьем, — проворчал он, обмакнув в воду платок и пытаясь уничтожить кровь.

— Очень трудно сохранять гигиену в джунглях, — ответил Хаузер.

Филипп еще немного потер платком рубашку, но вскоре бросил свое занятие. Он хотел одного — чтобы Хаузер оставил его в покое. Этот человек нагонял на него страх.

А тот тем временем достал из кармана пару компакт-дисков.

— Не желаете пугнуть эту прущую на нас дикость и послушать Баха или Бетховена?

14

Том Бродбент растянулся на слишком пухлых подушках дивана-кровати в «президентском» номере отеля «Шератон ройал» в Сан-Педро-Сула и изучал карту страны. Максвелл прилетел в городок Брус-Лагуна на Москитовом берегу в устье реки Патуки. А затем исчез. Поговаривали, что поднялся вверх по реке, которая в этих южных обширных горных, диких территориях Гондураса была единственной дорогой.

Том вел пальцем по голубой ниточке на карте — через болота, холмы и высокогорные плато, пока река не растворилась в паутинке притоков, которые сами исчезали в рваной линии горных хребтов. На карте не было ни дорог, ни городов — воистину затерянный мир.

Том выяснил, что отстает от Филиппа на неделю, а от Вернона — почти на две. Он серьезно беспокоился за братьев. Только кто-то очень крутой мог решиться расправиться с полицейскими и совладать с этим делом так быстро и умело. Киллер оказался явно профессионалом. Теперь у него на очереди братья.

Из ванной, завернувшись в полотенце и мурлыкая что-то под нос, появилась Сэлли, прошла через гостиную и скрылась в спальне. Влажные, блестящие волосы рассыпались по плечам. Том проводил ее взглядом. Ростом девушка была выше Сары.

Он резко одернул себя — не смей об этом думать!..

Через десять минут Сэлли вышла в легком костюме цвета хаки, рубашке с длинными рукавами, полотняной шляпе со спущенной на лицо москитной сеткой и плотных перчатках.

Наряд был закуплен во время утреннего похода по магазинам.

— Ну, как я выгляжу? — спросила она, поворачиваясь.

— Как в парандже.

Девушка закатала вверх сетку и сняла шляпу.

— Вот так-то лучше.

— У меня не выходит из головы ваш отец. Судя по всему, он был эксцентричным человеком, — заметила она, кинув перчатки и шляпу на диван. — Расскажите мне о нем. Вы не сердитесь, что я спрашиваю?

Том вздохнул:

— Когда он входил в комнату, все поворачивали головы в его сторону. Он излучал нечто особенное — властность, силу, уверенность в себе. Не могу сказать, что именно. Люди благоговели перед ним, даже если понятия не имели, кто он такой.

— Я знаю этот тип людей.

— Куда бы он ни поехал и что бы ни делал, его повсюду преследовали журналисты. Иногда папарацци дежурили у наших ворот. И когда мы выходили в школу, чертоты фотографии гнались за нами по всему старому шоссе Санта-Фе, словно мы — принцесса Диана или кто-то в этом роде. Смешно!

— Да, неприятно.

— Иногда не столько неприятно, сколько забавно. Его женитьбы всегда производили фурор — люди качали головами и цокали языками. Отец брал в жены исключительно красивых женщин, но ни одну из них до этого не видели на публике. Никаких актрис или моделей. Моя мать, например, до замужества работала в приемной зубного врача. Отцу нравилось внимание. Время от времени он набрасывался на какого-нибудь папарацци, а потом возмещал ущерб. Отец гордился собой. Был, как Онассис, больше, чем сама жизнь.

— Что произошло с вашей матерью?

— Умерла, когда мне было четыре года. Она была единственной из его жен, с которой он не развелся. Полагаю, не успел.

— Простите, что затронула эту тему.

— Я ее почти не помню — только на уровне чувств, ощущение теплоты и ласки.

Сэлли покачала головой:

— Все равно не понимаю: как ваш отец мог таким образом поступить со своими сыновьями?

Том опустил взгляд на карту.

— Он хотел, чтобы все его поступки и все, чем он владел, было из ряда вон выходящим. Это относилось и к нам. Но мы не оправдали его надежд. И вот его последний вздох — скрывшись с богатством, отец попытался принудить нас совершить нечто такое, о чем еще долго судачил бы мир. Чем он мог бы гордиться. — Том горько рассмеялся. — Если об этом деле пронюхает пресса, поднимется потрясающий шум. Просто грандиозный. Шутка ли — где-то в Гондурасе спрятано богатство на полмиллиарда долларов. Сюда сбегутся толпы народа со всего света и начнут искать.

— Должно быть, трудно жить с таким отцом?

— Нелегко. Не могу припомнить, сколько теннисных матчей мне пришлось сыграть, когда он поднимался и уходил до окончания, потому что не хотел наблюдать, как я проигрываю. Он был беспощадным шахматистом, но, когда брал над нами верх, бросал игру. Не терпел, чтобы мы сдавались даже ему. Когда мы приносили домой отметки, отец никак их не комментировал, но по глазам я видел, что он разочарован. Все, что было хуже круглых пятерок, казалось ему катастрофой. И он не мог себя принудить об этом говорить.

— А у вас бывали круглые пятерки?

— Однажды. Он положил мне руку на плечо и любовно пожал. Вот и все. Но этот жест стоил многого.

— Извините, но это ужасно.

— Каждый из нас находил утешение в своем. Я — в собирании окаменелостей. Хотел

стать палеонтологом, потом решил работать с животными. Они нас не судят. Лошади не требуют, чтобы человек изменился, и принимают его таким, каков он есть.

Том умолк. Его удивляло, насколько ранило, даже в тридцать три года, воспоминание о детстве.

— Извините, — смутилась Сэлли. — Я не собиралась вторгаться в вашу жизнь.

— Я никоим образом не собирался его чернить, — махнул он рукой. — По-своему он был хорошим отцом. Может быть, слишком нас любил.

Сэлли помолчала и поднялась.

— Что ж, прежде всего нам необходимо найти провожатого, который помог бы подняться по реке Патуке. Но я совершенно не представляю, с чего начать. — Она взяла телефонную книгу и принялась листать. — Раньше ничего подобного мне делать не приходилось. В каком разделе смотреть? «Путешествия и приключения»?

— По-моему, надо найти забегаловку, где ошиваются здешние репортеры. Журналисты — самые смекалистые на свете люди.

— Один — ноль в вашу пользу.

Сэлли наклонилась, извлекла из сумки носки, рубашку, брюки, легкие кроссовки и грудой бросила перед ним. — Теперь можете расстаться с вашими крутыми сапогами.

Том сгреб одежду и пошел в свою комнату переодеваться. Костюм состоял в основном из карманов. А когда он снова появился в гостиной, девушка покосилась на него и заявила:

— Несколько дней в джунглях, и вы не будете казаться таким нелепым.

— Спасибо. — Том подошел к телефону и позвонил портье. Оказалось, что журналисты собираются в баре под названием «Лос-Чаркос».

«Лос-Чаркос» оказался не дырой, как ожидал Том, а изысканным, отделанным деревянными панелями заведением, примыкавшим к вестибюлю симпатичного старого отеля. Кондиционеры нагоняли арктическую стужу, в воздухе витал аромат дорогих сигар.

— Буду говорить я, — предложила Сэлли. — Мой испанский лучше вашего.

— И выглядите вы лучше меня.

— Не люблю шуток относительно пола, — нахмурилась девушка.

Они сели в баре.

— Hola¹⁶, — поздоровалась Сэлли с прищурившимся из-под тяжелых век барменом. — Мне нужен журналист из «Нью-Йорк тайме».

— Мистер Сьюэлл? Не видел его с самого урагана, сеньорита.

— А репортер «Уолл-стрит джорнал»?

— У нас от них никого нет. Мы бедная страна.

— А кто есть?

— Роберто Родригес из «Эль Диарио».

— Нет-нет, мне нужен кто-нибудь из американцев. Человек, который знает страну.

— А англичанин сойдет?

— Вполне.

— Вон там, — бармен повел подбородком в сторону, — Деррик Дан. Он пишет книгу.

— О чем?

— О путешествиях и приключениях.

— Он что-нибудь еще написал? Можете назвать какие-нибудь произведения?

— Его последняя книга — «Медленные воды».

Сэлли оставила на стойке двадцатидолларовую банкноту и направилась к Дану. Том последовал за ней. Пока везет, подумал он.

Англичанин устроился в уютном уголке и потягивал напиток. Это был мужчина со светлой копной волос и мясистым лицом. Поравнявшись со столом, Сэлли остановилась как вкопанная, махнула в сторону сидевшего рукой и воскликнула:

¹⁶ Эй, привет (исп.).

— Ба! Да это же Деррик Дан!

— Да, я привык откликаться на это имя, — подтвердил англичанин. С его носа и щек не сходил багрянец.

— Как здорово! «Медленные воды» — моя любимая книга! Мне она очень нравится!

Деррик поднялся. Он оказался плотным мужчиной, аккуратным и подтянутым, в поношенных брюках цвета хаки и рубашке с короткими рукавами. Характерный типаж Британской империи.

— Весьма благодарен, — проговорил он. — А вы кто такая?

— Сэлли Колорадо. — Девушка пожала протянутую руку. «Вот, уже весь светится, словно идиот», — подумал Том. Он чувствовал себя неловко в новом костюме, от которого за милю несло магазином мужской одежды. Дан, напротив, выглядел так, будто дошел до края света и вернулся обратно.

— Не присядете за мой столик? — предложил он.

— Почтем за честь, — обрадовалась Сэлли. Англичанин усадил ее на банкетку подле себя.

— Мне то же, что и у вас, — промурлыкала девушка.

— Джин с тоником. — Англичанин махнул рукой бармену и поднял глаза на Тома. — И вы присоединяйтесь.

Том сел, но ничего не сказал. Он успел разочароваться в собственной идее — не понравилась пунцовая физиономия этого Дана, который так заглядывался на Сэлли, и не только на ее лицо.

Подошел бармен, и Дан заговорил с ним по-испански:

— Джин с тоником мне и леди. А вам?.. — Он посмотрел на Тома.

— Лимонад, — угрюмо отозвался тот.

— *Y una limonada*, — перевел Дан, и по его тону Том ясно понял, что подумал англичанин о его питейных пристрастиях.

— Как удачно, что мы с вами встретились! — продолжала восхищаться Сэлли. — Счастливый случай!

— Так вы читали «Медленные воды»? — улыбнулся Дан.

— Одна из лучших книг о путешествиях.

— Никаких сомнений, — подхватил Том.

— И вы тоже читали?

Том заметил, что его собеседник успел слизнуть полстакана.

— Разумеется, читал, — хмыкнул он. — Особенно понравилось то место, где вы пишете, как вляпались в слоновье дерьмо. Очень весело.

— В слоновье дерьмо? — оторопел Дан.

— Разве не в вашей книге написано про слоновье дерьмо?

— В Центральной Америке слоны не водятся.

— О! Значит, я перепутал с другим автором. Прошу прощения.

Том заметил на себе взгляд зеленых глаз Сэлли, но не мог сказать, сердится она или пытается сдержать смех.

Англичанин повернулся на стуле — теперь он все внимание уделял ей, а Том видел только его квадратные плечи.

— Вам будет интересно узнать: я работаю над новой книгой.

— Потрясающе! — восхитилась Сэлли.

— Я назвал ее «Москитовые ночи». Она посвящена Москитовому берегу.

— Как раз туда мы и направляемся! — от волнения захлопала в ладош и, как маленькая, а Том пригубил напиток и пожалел, что выбрал лимонад. Сейчас ему не помешало бы что-нибудь покрепче. И зачем только он согласился, чтобы разговор вела Сэлли?

— В восточном Гондурасе пять тысяч квадратных миль болот и высокогорных джунглей, которые остаются неисследованными. Большой части этой территории нет даже

на аэрофотосъемке.

— Подумать только!

Том отставил лимонад и принялся искать глазами официанта.

— Книга описывает мое путешествие по Москитовому берегу — там, где джунгли наступают на лабиринт лагун. Я стал первым белым человеком, прошедшим по этому краю.

— Невероятно! Как вам это удалось?

— На каноэ с мотором. Единственный способ передвижения в той местности, если не считать собственных ног.

— И когда вы предприняли это удивительное путешествие?

— Примерно восемь лет назад.

— Восемь лет?

— Да. У меня возникли проблемы с издателями. Понимаете, хорошую книгу не так просто пристроить. — Дан опрокинул в рот остатки джина с тоником и дал знак бармену повторить. — Суровый край.

— В самом деле?

Он принял ее восклицание как поощрение.

— Для тех, кто не знает: там полно москитов, клещей, мошкар, оводов и манговых мух. Они не опасны для жизни, но способны сделать жизнь невыносимой. Как-то раз меня укусила в лоб манговая муха. Сначала показалось, что это обыкновенный комар. Но укус начал краснеть и опухать. Волдырь невероятно жгло. Через месяц он прорвался, и из него вылезла и упала на землю личинка. Уж раз случилось такое несчастье и тебя укусили, пусть все идет своим чередом. Попытайся выковырять яйцо — только занесешь грязь.

— Надеюсь, укус не поразил мозг? — спросил Том. Дан не обратил на него внимания.

— Еще там встречается болезнь Чага.

— Болезнь Чага?

— *Typanosoma cruzi*. Насекомое, переносчик заразы, кусает человека и одновременно гадит на ранку. Возбудители живут в его кале. Когда человек расчесывает укус, он заражает себя. Больной не подозревает ничего плохого, пока через десять или двадцать лет не начинает проявляться недуг. Вздувается живот, возникают проблемы с дыханием, становится трудно глотать. В конце концов отекает сердце и — бац! Смерть! Способы лечения неизвестны.

— Очень мило, — заметил Том. Ему наконец удалось привлечь внимание бармена. — Виски! Сделайте двойной.

Англичанин покосился на него и продолжал:

— Вы знакомы с такой тварью, как ямкоголовая гадюка?

— Не могу похвастаться, — отозвался Том. Он уже понял, что страшилки джунглей были коньком Дана.

— Самая ядовитая из известных человеку змея. Коричневая с желтым. В молодости живет на ветвях. И если потревожить, падает на голову жертвы. Ее укус в течение тридцати секунд прерывает сердечную деятельность. Другая змея — бушмейстер — самая крупная из ядовитых. Двенадцати футов длиной и толщиной с человеческое бедро. Но не такая смертоносная. После ее укуса жертва живет еще минут двадцать.

Дан причмокнул и сделал новый глоток.

Сэлли пробормотала что-то насчет того, как все это ужасно.

— Ну а про рыбу-колючку вы, разумеется, слышали. Правда, этот рассказ не для дам! — Англичанин подмигнул Тому.

— Валяйте, — разрешил тот. — Она привыкла к грубостям. — Сэлли бросила на него выразительный взгляд.

— Обитает в здешних реках. Представьте приятное летнее утро. Вы решили искупаться. И вот рыба плывет прямо к вашему члену, ошетиливается шипами и, вонзив в уретру, встает на якорь. Ваш мочеиспускательный канал надежно перекрыт.

Виски застряло в горле у Тома.

— Теперь, если достаточно быстро не найти хирурга, ваш мочевой пузырь лопнет.

— Хирурга? — пискнул Том.

— Именно.

— И какого рода операция требуется? — У Тома пересохло во рту.

— Ампутация.

Том с трудом проглотил виски и сделал новый глоток. Дан громко рассмеялся:

— Не сомневаюсь, вы наслышаны о пираньях, лейшманиях, электрических угрях, анакондах и прочих тварях. Их опасность сильно преувеличивают. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Пираньи нападают лишь в том случае, если жертва кровоточит. Анаконды — редкость на севере и не питаются людьми. Единственное преимущество в Гондурасе — здесь нет пиявок. Зато опасайтесь обезьяньих пауков.

— Извините, но давайте отложим пауков на следующий раз, — предложил Том и посмотрел на часы. Он заметил, что мистер Деррик Дан положил под столом ладонь на колено Сэлли.

— Не обижайтесь, дружище, но эта страна не для маменькиных сынков.

— Я и не думаю обижаться. Просто достаточно наслушался о вашем свидании с рыбой-колючкой.

— Неудачная шутка, — без улыбки проговорил англичанин.

— Скажите, — весело перебила их Сэлли, — вы все это время путешествовали в одиночку? Дело в том, что мы ищем проводника. Вы не посоветуете, где его можно найти?

— А куда вы направляетесь?

— В Брус-Лагуну.

— Совсем в сторону от традиционных туристических маршрутов? — Дан подозрительно прищурился. — Вы, часом, не писательница?

— Нет, что вы! — рассмеялась Сэлли. — Я — археолог, а он — ветеринар по части лошадей. Просто мы любим приключения.

— Археолог? В здешних местах нет никаких развалин. На болотах ничего не построить. Во внутренних горных районах никогда не жили цивилизованные люди. На Серро-Асуль самые густые на земле тропические джунгли, а склоны настолько крутые, что почти невозможно карабкаться вверх и спускаться вниз. На сотню миль ни одного плоского клочка земли, где можно поставить палатку. Дорогу приходится прорубать, и в трудных местах за день не проходишь и мили. Но уже через неделю проданный мачете коридор настолько зарастает, что никто не скажет, что тут ступала нога человека. Если вам нужны развалины, поезжайте в Копан. Если хотите, за обедом расскажу вам об этом месте.

Дан так и не убрал руку с колена Сэлли — все это время тискал и поглаживал.

— Что ж, может быть, — согласилась она. — А пока вернемся к проводнику. Вы можете нам кого-нибудь порекомендовать?

— Провожатого? Конечно. Вам нужен дон Орландо Окотал. Индеец из племени таваха. Абсолютно надежен, никогда не обманет, не то что другие. Знает страну как свои пять пальцев. Был моим проводником во время последнего путешествия.

— Где его можно найти?

— Он живет выше по реке Патук в местечке, которое называется Пито-Соло — последнем поселении перед бескрайним пространством болот. Примерно сорок миль от Бруса. Следуйте основному руслу, иначе живыми не выберетесь. В это время года вода высокая, и во все стороны от реки отходят многочисленные протоки. Край совершенно не исследован, и от болот до Серро-Асуль и реки Гуайамбре лежат сорок тысяч квадратных миль терра инкогнита.

— Мы еще не решили, куда поедem.

— Итак, дон Орландо. Вот кто вам нужен. — Дан повернулся на стуле и обратился к Тому мясистое лицо. — Знаете, я немного поиздержался. Почта задерживает гонорар за продажу книги. Будьте любезны, теперь закажите вы.

На экране спрятанного в кабинете среди вишневых панелей компьютера Льюис Скиба наблюдал, что происходит с акциями фармацевтической компании «Лэмп — Дэнисон». Они упали почти до десяти долларов. И прямо на его глазах потеряли еще восемь десятых пункта.

Не желая быть свидетелем того, как стоимость акций его компании скатится до однозначного числа, он выключил компьютер. Рука сама потянулась к шкафчику, где стояла бутылка виски. Но Скиба одернул себя. Рановато. Еще не время. Ему нужна светлая голова.

Поползли слухи, что у флоксатена возникли проблемы в Администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами. Тут же, словно мухи на труп, на акции компании «налетели медведи»¹⁷. На разработку флоксатена ушло двести миллионов долларов. Лэмп сотрудничал с лучшими учеными и специалистами изтрехуниверситетов Лиги плюща¹⁸. Придумывались всевозможные тесты, результаты оформлялись наивыгоднейшим для компании образом. Прикармливались друзья из Администрации по контролю за лекарствами. Но как ни крутили, как ни переставляли цифры, флоксатен спасти не удалось — проект оказался провальным. И вот он остался сидеть на своих шести миллионах акций, которые оказался не в состоянии сбыть — все помнили, что случилось с Мартой Стюарт¹⁹, — и на двух миллионах ценных бумаг, которые настолько обесценились, что стоили меньше туалетного рулончика в его сортире из каррарского мрамора.

Больше всего на свете Скиба ненавидел спекулянтов. Это были стервятники, трупные мухи, падалычики биржи. Он бы много дал, чтобы увидеть, как акции «Лэмпа» стабилизируются и начнут подниматься. Как спекулянтов охватывает паника и они сами оказываются в «медвежьих объятиях»²⁰. Представил, как им придется покрутиться — любо-дорого подумать. И вот когда фармакопоя окажется в его руках и он объявит о ее существовании, эта прекрасная мечта станет явью. Тогда «медведи», поджав хвост, кинутся в рассыпную и месяцы, а то и годы близко не покажут носа.

На столе негромко зазвонил телефон. Скиба посмотрел на часы. Вызов по спутниковой связи не опоздал. Ему очень не хотелось разговаривать с Хаузером — не нравился ни сам человек, ни его принципы. Но приходилось. Хаузер настаивал на том, чтобы работать в тесном контакте. И хотя Скиба считался решительным администратором, на этот раз колебался — существуют такие вещи, которые лучше не вытаскивать на свет Божий. Но в конце концов согласился — только бы удержать Хаузера от незаконных и необдуманных поступков. Он хотел получить кодекс чистым.

Он поднял трубку:

— Скиба слушает.

Из-за скрэмблера²¹ голос Хаузера звучал, как у утенка Дональда. Частный детектив, как обычно, не терял времени на любезности.

¹⁷ «Налет медведей» — активная продажа ряда ценных бумаг с целью понижения их цен и последующего приобретения на более выгодных условиях.

¹⁸ Группа самых престижных колледжей и университетов на северо-востоке США.

¹⁹ Популярная американская телеведущая, автор советов по домоводству. Воспользовавшись незаконно полученной информацией, стала покупать акции, с которыми играли на понижение, в результате чего была привлечена к ответственности.

²⁰ Ситуация на финансовом рынке, при которой спекулянты, играющие на понижение, сталкиваются с повышением или стабильностью цен и вынуждены сдать свои позиции с убытком.

²¹ Телефонный или радиошифратор.

— Максвелл Бродбент с группой горных индейцев поднялся по реке Патуке. Мы идем по его следу. Пока не можем сказать, куда он направился, но предполагаем, что в горные районы.

— Возникли проблемы?

— Один из его сыновей, Вернон, сильно расстарался и обогнал нас на неделю. Но похоже, джунгли справятся с этой проблемой за нас.

— Не понимаю, вы о чем?

— Он нанял двух пьяниц-проводников из Пуэрто-Лемпира, и они завели его в Меамбарское болото. Теперь им вряд ли выйти на солнечный свет.

Скиба поперхнулся. Он выслушал гораздо больше информации, чем ему требовалось.

— Послушайте, мистер Хаузер, давайте придерживаться фактов, а фантазируют пусть другие.

— Небольшая заминка с другим его сыном, Томом. Он взял с собой женщину — специалиста по этнофармакологии с дипломом Йельского университета.

— По этнофармакологии? И она знает о кодексе?

— А с чего бы еще он ее с собой потащил?

— Это довольно неприятно, — поморщился Скиба.

— Согласен. Но ничего, я все устрою.

— Мистер Хаузер! — вспыхнул Скиба. — Я полагаюсь на ваш богатый опыт, а у меня сейчас совещание.

— Об этих людях необходимо позаботиться.

Скибе не нравилось, что разговор упорно возвращается к одному и тому же предмету.

— Понятия не имею, о чем идет речь! — возмутился он. — Не знаю и знать не хочу! Оставляю все детали на ваше усмотрение.

Хаузер усмехнулся:

— Ответьте мне, Скиба, сколько людей в Африке умирают в данную минуту, потому что вы требуете двадцать три тысячи долларов ежегодно за противотуберкулезный препарат, производство которого обходится вам в сто десять долларов? Вот о чем я толкую. И если я прошу позаботиться о каких-то людях, то это всего-навсего значит добавить несколько цифр к уже имеющемуся немалому числу.

— Черт возьми, Хаузер! Это возмутительно! — взорвался Скиба, но тут же осекся. Он позволяет загнать себя в ловушку. Не надо забывать, что это всего лишь слова.

— Миленькое дельце, Скиба, — не отступал частный детектив. — Вы желаете получить кодекс чистеньким и законным. Чтобы потом никто не возник и не предъявил на него свои права. Но при этом требуете, чтобы ни один человек не пострадал. Не волнуйтесь, ни один белый не будет лишен жизни без вашего согласия.

— Давайте договоримся! — огрызнулся администратор. — Вам не добиться моей поддержки на убийство — будь то белый или не белый. — По спине Скибы катился пот. Почему он позволяет этому Хаузеру брать над собой верх? Пальцы сами собой нащупали ключи, и он открыл шкафчик.

— Понятно. И тем не менее...

— У меня совещание. — Скиба разъединился. Хаузер там один, его некому одернуть, и он действует бесконтрольно — готов на все, что угодно. Этот человек — психопат. Скиба разжевал пилюлю, проглотил горечь, запил «Макалланом» и, тяжело дыша, откинулся в кресле. В камине весело потрескивали дрова.

Разговор об убийстве разволновал до тошноты. Надеясь успокоиться, Скиба посмотрел на огонь. Хаузер пообещал спрашивать его разрешения, а он такого разрешения никогда не даст. Ни компания, ни его личное благополучие этого не стоят. Взгляд скользнул по фотографиям в серебряных рамках. Со снимков улыбались трое взъерошенных детей. Скиба сделал усилие и начал дышать ровнее. Хаузер крут на слова, но это одни разговоры. В итоге никто не пострадает. Детектив заберет кодекс, «Лэмп — Дэнисон» наконец воспрянет, и через два или три года Скиба станет притчей во языцех на Уолл-стрит как человек, который

спас от разорения свою компанию.

Он посмотрел на часы. Торги закрылись. С любопытством и в то же время неохотно Скиба включил экран. За последние двадцать минут их акции немного выросли в цене и остановились на отметке десять с половиной. Он вздохнул с облегчением. Что ж, день выдался не такой уж плохой.

16

Сэлли с недоверием посмотрела на ветхий самолет, который двое рабочих выкатили из убогого серого ангара.

— А не стоило ли сначала выяснить, что у них за транспорт, прежде чем покупать билеты? — заволновался Том.

— Я нисколько не сомневаюсь, что машина в порядке. — Девушка произнесла это так, словно изо всех сил старалась себя успокоить.

Долговязый пилот, их бывший соотечественник, представился Джоном. Он был одет в драную майку и шорты и носил две длинные косички и бороду. Том посмотрел на него и перевел кислый взгляд на летательный аппарат.

— Все понимаю, выглядит дерьмово, — ухмыльнулся Джон и постучал по фюзеляжу костяшками пальцев, отчего железо гулко громохнуло. — Но самое главное — это то, что под капотом. Будьте спокойны, я сам его обслуживаю.

— Не представляете, как вы меня утешили, — отозвался Джон.

— Так вам надо в Брус?

— Точно.

Пилот покосился на их багаж.

— Собираетесь ловить тарпона?

— Нет.

— Лучшая рыбалка в мире. Правда, кроме нее, там ничего нет. — Джон открыл багажное отделение в фюзеляже и жилистыми руками принялся запихивать туда вещи. — И что же вы там собираетесь делать?

— Сами пока точно не знаем, — быстро ответила Сэлли. Чем меньше говорится об их планах, тем лучше. Не хватало только золотой лихорадки на здешней реке.

Пилот засунул последний мешок, несколько раз подпихнул, чтобы он уместился, и с грохотом дешевой пивной жестянки захлопнул крышку. Хлопать пришлось три раза, прежде чем замок защелкнулся.

— Где собираетесь остановиться в Брусе?

— Тоже еще не решили.

— Не любите планировать наперед? — хмыкнул Джон. — Что ж, в любом случае там выбирать не из чего — одна гостиничка, «Ла Перла».

— И сколько звезд ей дает «Мишлен»?

Пилот хохотнул, распахнул пассажирскую дверцу и откинул лесенку. Том и Сэлли поднялись на борт. Джон последовал за ними, и, когда он устроился в кабине, Тому показалось, что от него потянуло марихуаной. «Только этого не хватало!»

— Вы давно летаете? — спросил он.

— Двадцать лет.

— Когда-нибудь попадали в аварию?

— Однажды налетел на свинью в Парадизо. Тамошние придурки не скосили поле, и чертова животина улеглась в высокой траве. А свинья-то была немаленькая.

— Вам присвоена квалификация?

— Скажем так, я знаю, как управляться с самолетом. А большего в джунглях никто не требует.

— Вы заполнили план полета? — Джон покачал головой.

— Зачем? Надо держаться линии побережья.

Самолет взмыл в воздух. День стоял чудесный, и у Сэлли захватило дух, когда она увидела, как искрится поверхность Карибского моря. Они низко и ровно летели над изрезанной лагунами извилистой линией берега, а зеленые островки казались оторвавшимися от суши и уплывшими в море кусочками джунглей. Сэлли видела убегавшие в глубь материка дороги и по сторонам — раскинувшиеся поля и рваные лоскутки недавних вырубок. А дальше — неровную линию гор, вершины которых скрывались в облаках.

Девушка покосилась на Тома. Солнце выбелило и испещрило золотыми бликами его светло-каштановые волосы. Сэлли нравилась его жилистая, долговязая фигура и по-ковбойски гибкая манера двигаться. Но она не понимала, как человек собирался послать прощальный поцелуй сотне миллионов долларов. Это произвело на нее большее впечатление, чем все остальное. За свою жизнь Сэлли успела понять, что люди, у которых водятся деньги, пекутся о них куда больше, чем те, у кого их никогда не было.

Том обернулся и посмотрел на нее; Сэлли поспешила улыбнуться и выглянула в окно. По мере того как удалялась линия берега, местность становилась все более дикой, лагуны — шире и запутаннее. Наконец показалась самая большая. Ее покрывали зеленые точки поросших деревьями островков, а с другой стороны подпитывала большая река. Самолет накренился на крыло, и в том месте, где река впадала в лагуну, показался городок — немногочисленные жестяные крыши блестели на фоне лоскутной мешанины полей. Пилот сделал круг и повел самолет вниз к полю, которое, когда они подлетели ближе, оказалось прятавшейся в траве посадочной полосой. Сэлли показалось, что они снижаются слишком быстро. Земля все ближе, ближе, вот полоса уже под ними, но самолет только увеличил скорость. Девушка вцепилась в подлокотники кресла. Кроны деревьев приближались с катастрофической быстротой.

— Господи! — пискнула Сэлли. — Вы не впишетесь в полосу!

Самолет взмыл вверх, и верхушки деревьев промелькнули под ними меньше чем в пятнадцати футах. Пока они набирали высоту, девушка услышала в наушниках, как рассмеялся Джон:

— Расслабься, Сэл, это мы просто немножко пожужжали, чтобы очистить полосу. Я запоминаю уроки.

— Могли бы и предупредить, — пожаловалась она, когда самолет сделал круг и снова пошел на посадку.

— Я же вам рассказывал о свинье.

Багаж они оставили в «Ла Перле» — шлакоблочном бараке, который гордо именовал себя отелем. А затем отправились к реке выяснить, где можно нанять лодку. Идти пришлось по грязным улочкам Бруса. Перевалило за полдень; воздух от жары стал недвижимо сонным. Ни ветерка. Было видно, как над лужами курился парок. У Сэлли из-под рукавов, по спине и между грудей струился пот. Она не сомневалась, что все разумное в этот час замирает на сиесту.

Реку они обнаружили там, где в противоположном конце от гостиницы кончался городок. Она была шириной футов двести и текла между крутых земляных берегов. С обеих сторон ее теснили плотные стены джунглей, и от воды цвета красного дерева заметно тянуло тиной. Хотя сонная поверхность, казалось, неподвижно застыла, то там, то сям возникали водовороты и воронки, и вниз по течению медленно скользили зеленый лист или веточка. По берегу к реке круто спускались мостки из бревен и заканчивались над водой шаткой платформой из бамбука, служившей пристанью. Там были привязаны четыре остроносых каноэ, каждое примерно тридцать футов в длину и четыре в ширину. Суденышки выдолбили из стволов гигантских деревьев, корму в отличие от носа сделали тупой и снабдили планширом, чтобы прикручивать небольшой подвесной мотор. В носовой части и на корме устроили из досок сиденья.

Том и Сэлли подошли ближе рассмотреть лодки, и девушка заметила, что три из них были снабжены шестисильными подвесными моторами «Эвинруд». Зато на четвертой, которая была и длиннее, и тяжелее, стоял восемнадцатисильный движок.

— Похоже, вот это здешнее гоночное судно, — показала она рукой. — То, что нам нужно.

Том оглянулся. Все окрестности словно вымерли.

— Вон там кто-то есть. — Сэлли кивнула в сторону стоявшего в пятидесяти ярдах вниз по реке открытого бамбукового навеса. Рядом с навесом возле груды пустых консервных банок курился костерок. В тени меж деревьями был привязан гамак, и в этом гамаке спал мужчина.

Сэлли подошла к гамаку.

— Hola.

Прошло несколько мгновений, и он открыл глаза. — Si?

— С кем мы можем поговорить насчет фрахта лодки? — спросила она по-испански.

Ворча и что-то недовольно бормоча, мужчина сел в гамаке, почесал темя и улыбнулся:

— Я хорошо говорить американски. Мы говорить американски. Когда-нибудь я ехать в Америку.

— Отлично, — похвалил его Том и добавил: — Нам надо в Пито-Соло.

Мужчина зевнул и снова почесался.

— Я вас везти.

— Мы хотим зафрахтовать большую лодку. Ту, на которой восемнадцатисильный мотор.

— Глупая лодка.

— Нам все равно, глупая она или нет, — возразил Том. — Мы хотим ее.

— Я дать вам моя лодка. А та лодка военных. — Человек протянул руку. — Есть конфетка?

Сэлли достала кулек, который специально купила для этих целей.

Лицо хозяина лодки расплылось в улыбке. Он запустил руку в пакет, немного повозился, вытащил пять или шесть конфет, развернул и разом пихнул в рот. Его щеки сразу раздулись, и он довольно кивнул:

— Виепо²².

— Мы хотим отплыть завтра утром, — объяснил Том. — Сколько времени займет путешествие?

— Три дня.

— Три дня? Я думал, туда всего сорок или пятьдесят миль.

— Вода спадает. Можно застрять. Местами идти на шестах. Много-много вброд. Мотор никак нельзя.

— Вброд? — забеспокоился Том. — Скажите, здесь водятся рыбы-колючки?

Хозяин лодки непонимающе поднял на него глаза.

— Не бойтесь, — успокоила Тома Сэлли. — Придется надеть плотное белье, вот и все.

— O si! — рассмеялся индеец. — Кандиру! Любимая байка гринго. Я каждый день плавать река, и мой chuc-chuc на месте и прекрасно работает. — Откровенным жестом он показал, где находится его исправно работающий орган, и покосился на Сэлли. — Хотеть пробовать?

— Обойдусь! — фыркнула девушка.

— Так, значит, эта рыба — выдумка? — обрадовался Том.

— Нет, рыба настоящая. Только не надо писать в воду. Рыба чует запах, приплывает и — хлоп! Если не писать, когда купаться, нет проблем.

— Кто-нибудь, кроме нас, приезжал сюда недавно? Я имею ввиду гринго.

— Да. Мы много работать. В прошлом месяце приезжал белый человек. С ним было много ящиков и индейцев с гор.

— Каких индейцев? — заволновался Том.

²² Хорошо (исп.).

— Голых горных индейцев. — Хозяин каноэ сплюнул.

— Где он взял лодки?

— Привел новые каноэ из Ла-Сейбы.

— Эти лодки вернулись?

Индеец улыбнулся и потер большой палец о средний и указательный, давая этим международным жестом понять, что без вознаграждения рта больше не раскроет, и Сэлли вложила ему в руку пять долларов.

— Лодки не вернулись. И те, кто пошел вверх по реке, — тоже.

— А еще кто-нибудь приезжал?

— Si. На прошлой неделе здесь был Иисус Христос и с ним пьяные проводники из Пуэрто-Лемпира.

— Иисус Христос? — изумилась Сэлли.

— Да. С длинными волосами, с бородой, в хитоне и в сандалиях.

— Не иначе Вернон, — с улыбкой объяснил Том. — С ним еще кто-нибудь был?

— Святой Петр. — Том закатил глаза.

— А еще?

— Si. Два гринго на двух каноэ и с ними двенадцать солдат из Ла-Сейбы.

— Как выглядели эти гринго?

— Один очень высокий, курит трубку, все время сердится. Другой — ниже. И на нем четыре золотых кольца.

— Филипп, — определил Том.

Они быстро сговорились насчет цены до Пито-Соло, и Том дал индейцу десять долларов задатка.

— Отплываем, как только рассветет.

— Вуено. Я готов.

Возвратившись в прикидывавшийся гостиницей шлакоблочный барак, Том и Сэлли с удивлением увидели неподалеку джип, в котором сидели офицер и двое солдат. Рядом собралась толпа ребятишек. Дети пихались и перешептывались, явно чего-то ожидая. Тут же, сцепив пальцы, стояла побелевшая хозяйка гостиницы.

— Мне это что-то не нравится, — проговорила Сэлли.

Офицер вылез из машины и подошел к ним. Это был человек с отличной выправкой, в безупречной форме и начищенных до блеска невысоких сапогах. Он коротко кивнул:

— Я имею честь приветствовать сеньора Тома Бродбента и сеньориту Сэлли Колорадо? Я лейтенант Веспан. — Военный пожал им по очереди руки и отступил на шаг. Ветер подул в их сторону, и Том почувствовал запах одеколона «Олд спайс», сигарного табака и рома.

— В чем дело? — поинтересовалась Сэлли.

Офицер широко улыбнулся, продемонстрировав ряд серебряных зубов.

— Должен с прискорбием сообщить, что вы арестованы.

17

Том в изумлении уставился на миниатюрного лейтенанта. Небольшая собачонка, которой почему-то не понравился один из солдат, подкралась к военным, оскалилась и тявкнула. Офицер отшвырнул ее своим образцовым сапогом, и его подчиненные расхохотались.

— По какому обвинению? — спросил Том.

— Мы обсудим это в Сан-Педро-Сула. А сейчас прошу следовать за мной.

Возникло неловкое молчание.

— Нет, — наконец ответила Сэлли.

— Сеньорита, не создавайте трудностей.

— Я не создаю никаких трудностей. Просто никуда не поеду.

— Сэлли, — шепнул ей Том, — позвольте вам заметить, что у этих людей оружие.

— Вот и отлично. Пусть стреляют в меня, а потом объясняются с правительством США! — Она раскинула руки, изображая мишень.

— Умоляю вас, сеньорита!

Солдаты нервно переминались с ноги на ногу.

— Палите, чего ждете?

Лейтенант кивнул подчиненным. Те скинули с плеч автоматы, подошли и схватили Сэлли. Девушка закричала и стала отчаянно сопротивляться. Том шагнул вперед:

— Руки прочь от нее!

Не слушая, солдаты подхватили пленницу и поволокли к машине. Сэлли отчаянно извивалась. Том ударил ближайшего и повалил на землю. Девушка вырвалась, а он тем временем занялся другим. Но в следующую секунду сам очутился на земле и уставился в жаркое голубое небо. Над ним склонилось злое, раскрасневшееся лицо лейтенанта. У основания черепа, куда офицер ударил его рукояткой пистолета, пульсировала боль.

Сэлли прекратила сопротивляться и сильно побледнела.

— Чертов ублюдок! Мы сообщим о вашем нападении в американское посольство!

Военачальник, словно сожалея о глупости всего происходящего, печально покачал головой:

— А теперь давайте поедem без драки.

Том и Сэлли позволили препроводить себя в машину. Офицер втолкнул Тома на заднее сиденье, а девушку усадил рядом.

Их рюкзаки и вещмешки уже успели принести из гостиницы. Джип тронулся и повернул в сторону взлетной полосы на поле, где в траве поджидал серый военный вертолет. Когда они подъехали ближе, стало видно, что пилот открыл капот и возится с мотором. Джип остановился рядом.

— В чем дело? — резко спросил по-испански офицер.

— Прошу прощения, *teniente*²³, небольшая проблема.

— Какая проблема?

— Нужна запчасть.

— А без нее лететь нельзя?

— Нет, *teniente*.

— Чертова железка! До каких пор будет ломаться твой вертолет?

— Прикажете запросить по радио прислать самолет с деталью?

— Запрашивай, дьявол тебя поберет, придурок!

Пилот забрался в вертушку, переговорил по радио и вылез из кабины.

— Прилетит завтра утром, *teniente*. Это самое раннее.

Лейтенант запер Тома и Сэлли в деревянном сарае рядом со взлетно-посадочной полосой, а снаружи поставил сторожить двух солдат. Когда дверь захлопнулась, Том сел на пятидесятилитровый бак и потер ушибленное место.

— Как вы себя чувствуете? — спросила его Сэлли.

— Так, словно у меня не голова, а медный гонг, в который только что крепко ударили.

— Предательский удар. — Том кивнул.

Послышался шорох, дверь снова отворилась, и на пороге появился лейтенант. Он отошел в сторону, пропустив солдата, который принес их спальные мешки и фонарь.

— Прошу прощения за неудобства.

— Вы будете просить прощения тогда, когда я сообщу о вашем поведении! — огрызнулась Сэлли.

Офицер не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

— И позвольте посоветовать вести себя без глупостей. Будет очень неприятно, если кто-нибудь окажется застреленным.

²³ Лейтенант (исп.).

— Вы не посмеете нас убить, хвастливый фашист! — Лейтенант улыбнулся, и в полумраке сарая блеснули его зубы.

— Всем известно, что здесь происходят несчастные случаи. Особенно с не подготовленными к суровости Москитового берега американцами.

Он попятился, вышел из сарая и захлопнул за собой дверь. Том услышал из-за двери приглушенные голоса: офицер предупреждал подчиненных, что, если те заснут или надерутся на дежурстве, он лично отрежет им яйца, засушит и повесит на дверях вместо молоточка.

— Чертов фашист! — повторила Сэлли. — Спасибо, что пришли на выручку.

— К сожалению, не очень помог.

— Крепко он вас? — Девушка осмотрела голову Тома. — Здоровенная шишка.

— Ничего, все в порядке.

Сэлли села рядом, и он почувствовал тепло ее тела. Повернулся и в полутьме сарая стал любоваться ее четко очерченным профилем. Она взглянула на него. Ее лицо было совсем рядом, и он заметил изгиб губ, ямочку на щеке и россыпь веснушек на носу. Ее по-прежнему окружал аромат мяты. Не сознавая, что делает, Том приблизился и коснулся губами ее губ. На мгновение Сэлли застыла, а затем резко отстранилась.

— Это была не слишком удачная мысль.

Что это на него нашло? Смущенный Том застенчиво отвернулся. Неловкое молчание прервал стук в дверь.

— Ужин! — объявил солдат.

Дверь на секунду растворилась — в сарай хлынул свет — и тут же захлопнулась. Том услышал, как солдат снова запер их тюрьму.

Он посветил фонариком и обнаружил поднос. Ужин состоял из двух бутылок теплой «Пепси», нескольких бобовых лепешек и горстки тепловатого риса. Ни один из них не испытывал желания есть. Боль в голове прошла, и по мере того, как она стихала, Том приходил в бешенство. Как эти солдафоны посмели?! Они с Сэлли ничего не нарушили. Ему пришло в голову, что их незаконный арест организовал загадочный враг — тот, что расправился с Барнаби и Фентоном. Значит, его братья еще в большей опасности, чем он считал.

— Дайте мне фонарь.

Сарай был построен — более убого не придумаешь: каркас с прибитыми досками, а сверху — жестяная крыша. В голове у Тома стала зарождаться идея — план побега.

18

В три часа утра они заняли свои места: Сэлли у двери. Том у задней стены. Том шепотом досчитал до трех, и они разом принялись стучать, причем Сэлли старалась делать это как можно громче, чтобы заглушить его попытку оторвать доску. Обе канонады слились в одну и гулко отдавались в закрытом пространстве сарая. Как и надеялся Том, посеревшая обшивка поддалась.

В деревне залаяли собаки. Один из солдат разразился руганью.

— Что вы там вытворяете?

— Мне надо в туалет! — закричала Сэлли.

— Ничего не выйдет, облегчайтесь там!

Том снова шепотом досчитал до трех. Раз, два, три. Сэлли грохнула в дверь, и он оторвал вторую доску.

— Прекратить! — приказал солдат.

— Мне надо выйти, cabron²⁴! — не сдавалась девушка.

²⁴ Козел (исп.).

— Прошу прощения, сеньорита, вам придется делать все внутри. У меня приказ: ни при каких обстоятельствах не открывать дверь.

Раз, два, три — удар!

Отлетела третья доска. Дыра оказалась достаточно велика, чтобы можно было протиснуться. Собаки в городке заливались в истерическом лае.

— Еще один удар, и я вызову *teniente*!

— Но мне необходимо выйти.

— Ничем не могу помочь.

— Вы не солдаты, а варвары!

— У нас такой приказ, сеньорита.

— Так отвечали солдаты Гитлера.

— Сэлли, пошли, — прошептал Том и махнул в темноте рукой.

— Гитлер был не таким уж плохим человеком. У него все поезда отправлялись по расписанию.

— Это у Муссолини, идиот! — огрызнулась Сэлли. — Вы оба кончите свою жизнь на виселице, и туда вам и дорога.

— Сэлли, — позвал Том.

— Нет, вы слышали, что говорил этот фашист? — возмущалась она.

Том толкнул ее в пролом и подал спальные мешки. И они, пригнувшись, побежали по лесной тропинке в сторону городка. Брус не мог похвастаться электричеством, но небо оставалось чистым, и улочки заливал лунный свет. Собаки залаяли, как только Сэлли принялась колотить в дверь, и теперь их брехня не вызвала тревоги. Несмотря на шум, никто не вышел из домов.

«Здесьние люди твердо усвоили, что им ни в коем случае не следует совать нос не в свои дела», — подумал Том.

Через пять минут они были у лодок. Том посветил фонариком на военное каноэ — то, у которого был восемнадцатисильный мотор. Суденышко оказалось в хорошем состоянии, и оба пластиковых бака до краев наполнены бензином. Он начал отвязывать носовой швартов и вдруг услышал шепот в темноте:

— Вам эта лодка не нужна.

Это был тот самый человек, которого он нанял накануне.

— Еще как нужна, — так же тихо ответил Том.

— Пусть на ней плавают глупые солдаты и застревают на каждом повороте. А вы берите мою лодку и тогда никогда не застрянете. Так можно убежать. — Он с гибкостью кошки прыгнул на пристань.

— Вы поплывете с нами? — спросила Сэлли.

— Нет, я сказать глупым солдатам, что меня обокрали. — Он отстегнул баки с военного каноэ и поставил в заднюю часть своей долбленки. И прибавил к ним бак с другой лодки. Том и Сэлли спустились в каноэ. Том достал бумажник и предложил хозяину каноэ деньги.

— Не теперь, — ответил тот. — Если меня обыщут и найдут деньги, то тут же расстреляют.

— Как мы сможем с вами расплатиться?

— Вы мне заплатите миллион долларов. Меня зовут Мануэль Ваоно. Я всегда здесь.

— Погодите минутку. Миллион долларов?

— Вы богатые американцы. Вы легко заплатить миллион долларов. Я, Мануэль Ваоно, спасти вашу жизнь. А теперь уходите. Быстрее!

— Как нам найти Пито-Соло?

— Следующая деревня по реке.

— Но как мы узнаем...

Однако индеец не потрудился дать других объяснений. Оттолкнул их от пристани большой голой ступней, и лодка скользнула в темноту. Том опустил мотор в воду, подкачал

в карбюратор бензин, закрыл воздушную заслонку и дернул стартер. Двигатель запустился с первой попытки. И в тишине над рекой понесся звонкий, громкий перестук.

— Уходите! — раздался с берега голос Мануэля.

Том включил передачу вперед, дал полный газ. Длинный долбленный корпус дернулся, задрожал и побежал по воде. Том правил, а Сэлли стояла на носу и освещала фонариком путь. Не прошло и минуты, как с пристани послышались вопли Мануэля:

— Сюда! На помощь! Меня обокрали! У меня стащили лодку!

— Боже, не мог подождать подольше, — пробормотал Том.

С берега донеслась какофония возбужденных голосов, затем запрыгал светлячок газового фонаря. Другие фонари осветили кучку собравшихся на самодельной пристани людей. Кто-то закричал, но внезапно все стихло. Властный голос, голос лейтенанта Веспана, приказал по-английски:

— Пожалуйста, возвращайтесь, иначе я прикажу своим людям стрелять.

— Он блефует, — не поверила Сэлли.

Что до Тома, то он вовсе не испытывал ее оптимизма.

— Не думайте, что я шучу! — повторил *teniente*.

— Не посмеет! — бросила девушка.

— Раз... два...

— Пустой треп!

— Три... Тишина.

— Ну, что я говорила?

И вдруг пугающе близко и громко рванула автоматная очередь.

— Черт! — выругался Том и бросился на дно. Каное вильнуло в сторону, он быстро потянулся к рукоятке мотора и выправил курс. Сэлли по-прежнему открыто стояла на носу.

— Том, они стреляют в воздух. Побоятся попасть в нас. Мы же американцы!

Раздался второй залп. На этот раз Том явственно услышал, как пули шлепались вокруг по воде. Внезапно Сэлли оказалась рядом с ним на дне.

— Боже, они в самом деле целятся в нас!

Том резко повернул рукоятку мотора, и лодка заложила крутой вираж. Грянуло еще две очереди. Пули, словно пчелы, прожужжали где-то слева над головой. Солдаты явно стреляли на звук мотора, прочесывая из автоматов темную воду. Не оставалось сомнений, что они не шутили — в самом деле собирались их убить.

Том, стараясь сбить солдат с прицела, повел лодку зигзагом, а Сэлли при каждом повороте поднимала над бортом голову и светила вперед, чтобы рассмотреть, куда они плывут. Стоило лодке пройти изгиб реки, и они, хотя бы на время, оказались бы в безопасности.

Новый залп. Несколько пуль ударили в планшир, и от него на головы беглецов полетели щепки.

— Мы до вас доберемся! — Теперь голос лейтенанта звучал не так громко, как прежде. — Схватим, и тогда вы весь короткий остаток жизни будете жалеть, что сбежали!

Том досчитал до двадцати и рискнул приподнять голову. Курс каное повторял изгиб реки, и они постепенно уходили из-под огня. Он старался, насколько возможно, держаться под прикрытием берега. Но вот лодка завершила поворот, огни на пристани в последний раз моргнули сквозь листву и исчезли.

Удалось!

Раздалось несколько очередей наугад. Но слева от лодки стояла преграда леса, и было слышно, как пули щелкали о стволы деревьев. Эхо отразилось от воды, и все стихло.

Том помог Сэлли подняться. Ее лицо совершенно побелело и в тусклом свете казалось призрачным. Он посветил фонариком вокруг: по обеим сторонам темной реки возвышалась стена леса. Сквозь листву мелькнул клочок неба, мигнула единственная звезда и тут же скрылась за черными кронами. Тонко пел подвесной мотор. Теперь они были на реке одни, и их окутала влажная непроглядная ночь.

Том взял Сэлли за руку, почувствовал, как она дрожит, но в следующую секунду понял, что и его руки дрожали точно так же. В них стреляли солдаты, пытались убить. Том миллион раз видел подобные сцены в кино, но совсем иное дело, когда оружие направлено на тебя.

Луна закатилась за стену джунглей, и реку сковала удушающая тьма. Том, боясь наткнуться на сук или наскочить на пороги, то и дело включал фонарик. Над ними жужжала огромная туча moskitov, и, казалось, двигаясь за лодкой, они прихватывали тысячи новых.

— А что, в ваших многочисленных карманах не найдется баллончика с репеллентом? — пошутил Том.

Но к его удивлению, Сэлли кивнула:

— В джипе мне удалось утаить сумочку. Засунула в штаны. — Она извлекла из огромного кармана на бедре тугую косметичку, раскрыла молнию, стала рыться внутри и выкладывать на колени вещи: тюбик с очищающими воду таблетками, несколько коробок не боящихся влаги спичек, скрученную пачку сто долларовых банкнот, карту, плитку шоколада, паспорт и бесполезные кредитные карточки. — Я даже не помню, что тут у меня есть.

Она разбирала содержимое, а Том в это время держал фонарь. Репеллента среди вещей не оказалось. Сэлли чертыхнулась и принялась запихивать содержимое косметички обратно. В это время на дно упала фотография. Том направил на нее луч: со снимка смотрел поразительно симпатичный молодой человек с черными бровями и точеным подбородком. Торжественное выражение глаз, насуспенный лоб, поджатые чувственные губы, твидовый пиджак и поворот головы чуть с наклоном — все говорило о том, что он воспринимает себя очень серьезно.

— Это кто? — спросил Том.

— Ах, это... — замялась Сэлли. — Это профессор Клайв.

— Профессор Клайв? А почему он такой молодой? Я представлял его пыхающим трубкой хромым старикашкой в жилете на пуговицах.

— Ему не понравились бы ваши слова. Клайв — самый молодой за всю историю кафедры профессор с ученым званием. Он поступил в Стэнфордский университет в шестнадцать лет, в девятнадцать получил диплом, а в двадцать два обзавелся степенью доктора философии.

— Да, но почему вы таскаете с собой фотографию своего профессора?

— Потому что мы с ним обручены, — ответила Сэлли. — Надеюсь, это вас не задает?

— Ни в коей мере. — Том понял, что краснеет. Оставалось надеяться на спасительную темноту. Он чувствовал, что девушка с любопытством косится на него в призрачных сумерках ночи.

— Вы как будто удивлены?

— М-м-м... Есть немного... Вы ведь не носите обручальное кольцо.

— Профессор Клайв не верит в буржуазные предрассудки.

— А как он отнесся к тому, что вы отправились со мной в путешествие? — Том понял, что ляпнул что-то не то, и запнулся.

— А вы полагаете, что мне требуется получать у «своего мужчины» разрешение на каждую поездку? Или считаете меня не заслуживающей доверия в сексуальном отношении? — Сэлли склонила голову и пристально посмотрела на него.

Том отвернулся.

— Извините, что спросил.

— И правильно, что извиняетесь. Я считала вас более современным человеком.

Он сосредоточился на управлении лодкой и, обернувшись к мотору, попытался скрыть замешательство и разочарование. Над рекой повисла тишина, за ними плыла болотная духота ночи. Где-то в темноте закричала птица, сноп псе стихло, и тогда Том услышал шум.

Он тут же выключил двигатель; сердце бешено колотилось. Снова тот же звук — характерная скороговорка стартера подвесного мотора. И опять над водой разлилась тишина. Лодка ткнулась носом в берег.

— Они нашли бензин и собираются за нами в погоню.

Том нащупал на дне шест, оттолкнулся и вывел каноэ на стремнину. Лодка вильнула в сторону; он удерживал ее на середине русла и прислушивался.

Опять повторился звук стартера. Послышался рев, сразу же перешедший в ровное бормотание. Не оставалось сомнений, что это заработал лодочный двигатель.

Том взялся за ручку стартера.

— Не надо, — остановила его Сэлли. — Они нас услышат.

— Мы не сумеем уйти от них на шестах.

— И на моторе не уйдем. Со своим восемнадцатисильным движком они нас в два счета догонят. — Она посветила фонариком по сторонам. Вода поднялась, добралась до деревьев и затопила джунгли. — Но зато мы можем спрятаться.

Том оттолкнулся шестом и направил долбленку к затопленному лесу. Перед ними открылась неширокая, залитая водой прогалина, которую в более засушливые времена можно было бы принять за ручей. Том поднялся по ней вверх, пока нос лодки не ударился о какой-то предмет — ушедшее под воду бревно.

— Выходим, — предложил он.

Здесь глубина не превышала фута, но ниже следовали еще два фута топкой грязи, в которой они увязли, выпустив на поверхность облако пузырьков. В нос ударил затхлый запах болота. Корма каноэ все еще была в реке, а там ее немедленно бы засекли.

— Поднимайте и толкайте.

Совместными усилиями они подняли нос над бревном и, пихая, перетащили лодку в глубь протоки. Затем снова залезли в долбленку. Звук восемнадцатисильного мотора стал громче. Лодка военных быстро поднималась вверх по реке.

Сэлли взяла второй шест, и они стали продвигаться в глубь затопленного леса. Том выключил фонарь, и секунду спустя из-за деревьев ударил мощный луч света.

— Мы слишком близко. Нас могут увидеть. — Он хотел энергично оттолкнуться, но шест застрял в грязи. Том выдернул его, бросил на дно лодки, ухватился за лиану и, подтягиваясь, повел лодку в чащу кустов и папоротников. «Эвинруд» был совсем рядом. Прожектор прошелся по джунглям, но Том успел схватить Сэлли и потянул на дно. И, обняв, сам растянулся рядом. Он молился, чтобы солдаты не разглядели в темноте прицепленный к их корме светлый движок.

Грохот мотора стал еще громче — лодка с солдатами замедлила ход. Прожектор прошелся по тому участку леса, где прятались беглецы. Том слышал приглушенный гул голосов и потрескивание рации. Луч выхватил кусок джунглей — показалось, что это декорации какого-то фильма, — а затем двинулся дальше. Слава Богу, вернулась темнота. Перестук двигателя стал затихать.

Том поднял голову и заметил, что пятно света над головой изменило угол — значит, лодка преследователей свернула за поворот.

— Они уходят, — обрадовался он.

Сэлли села и откинула с лица спутавшиеся пряди волос. Над ними гудело плотное облако moskitov. Том чувствовал их повсюду: в волосах, в ушах, они пытались забраться к нему в нос, ползали по шее. Каждый удар убивал не меньше дюжины. Когда он пытался дышать, то набирал полный рот кровососов.

— Надо выбираться отсюда, — простионала Сэлли, хлопая себя по спине.

Том принялся обламывать сухие ветки с кустов.

— Что это вы делаете?

— Хочу соорудить костер. — Где?

— Увидите. — Набрав сушняка, он перегнулся через борт и зачерпнул пригоршню болотной тины. Размазал ее лепешкой по дну, сверху уложил слой листьев и на них построил из прутиков вигвам.

— Спички.

Сэлли подала ему коробку, и он развел огонь. Как только костер разгорелся, Том добавил в него зеленых листьев и тростника. Завитки дыма стали подниматься вверх и

собираться облаком в неподвижном воздухе. Том сорвал с ближайшего куста большой лист и, действуя им как веером, погнал дым в сторону Сэлли. Страшная масса moskitov отпрынула. У дыма оказался приятный терпкий запах.

— Ловкий фокус, — похвалила девушка.

— Его показал мне отец, когда мы путешествовали на каноэ по северному Мэну. — Он сорвал с куста еще несколько листьев и добавил в костер.

Сэлли достала карту и принялась изучать при свете фонаря.

— У реки много боковых протоков. Думаю, пока мы не доберемся до Пито-Соло, нам надо избегать главного русла.

— Отличная мысль. И еще — теперь мы пойдем на шестах. Включать двигатель очень опасно.

Девушка кивнула.

— Вы поддерживайте огонь, а я стану управляться с шестом. Потом поменяемся. Будем плыть без остановки, пока не окажемся на месте.

— Хорошо.

Том вытолкнул каноэ из леса и, придерживаясь стены деревьев и прислушиваясь, не раздастся ли звук чужого мотора, повел дальше. Вскоре показалась узкая боковая протока, которая ответвлялась от основного русла, и он повернул в нее.

— Думаю, — сказал он, — лейтенант Веспан не собирался везти нас в Сан-Педро-Суда. Скорее, он намеревался выкинуть нас из вертолета. Если бы не та неисправная деталь, мы бы уже были мертвы.

19

Вернон вскинул глаза к огромному своду над головой и обнаружил, что на Меамбарское болото опускается ночь. Вместе с сумерками вернулся писк насекомых, и из глубин окружающих их бесконечных акров подрагивающей и шевелящейся меж огромных стволов топи, словно отравляющий газ, поднялись насыщенные парами разложения миазмы. Где-то в глубине болота раздался едва слышный крик жертвы, за которой гнался ягуар.

Вторую ночь подряд они не могли найти сухого места, чтобы разбить лагерь. Приходилось загонять каноэ под гигантские папоротники и надеяться, что их листья укроют от непрекращающегося дождя. Но надежды не оправдывались — с листьев текло струями, — и в лодке не было спасения от воды.

Учитель свернулся на куче вещей, укрылся мокрым одеялом и, несмотря на удушающий зной, дрожал. Вокруг гудели тучи moskitov и особенно усердствовали у его лица. Вернон видел, как они ползали по губам Учителя, пытаясь залезть в глаза. Он нанес на кожу немного репеллента, но это нисколько не спасло: что не смыл дождь, тут же скатилось с каплями пота.

Вернон поднял голову. Двое проводников сидели на носу, играли при свете фонаря в карты и пили. С самого начала путешествия он почти не видел их трезвыми и с ужасом обнаружил, что в одной из десятигаллонных пластмассовых канистр вместо воды плескалась агуардьенте²⁵ домашнего производства.

Он сгорбился и обхватил себя руками. Тьма была еще не полной — ночь наступала не спеша. На болотах не бывало закатов: свет изменялся от зеленоватого к синему, затем к бордовому и только потом к черному. А на рассвете все повторялось в обратном порядке. Здесь даже в ясные дни не проглядывало солнце и стоял глубокий зеленый полумрак. Отчаянно хотелось света и глотка свежего воздуха.

После четырех дней блужданий по болоту проводники признались, что заблудились, и сказали, что надо поворачивать обратно. Повернули, но, судя по всему, еще глубже

²⁵ Латиноамериканская водка.

забрались в топь. Сюда они пришли совсем не таким путем. Объясниться с проводниками не удавалось. Хотя Вернон сносно говорил по-испански, а они немного знали английский, оба постоянно были под градусом и от этого не могли внятно выразить свои мысли ни на одном из этих языков. Чем вернее они сбивались с пути, тем задиристее отрицали этот факт и больше пили. А потом заболел Учитель.

С носа донеслось ругательство. Один из проводников швырнул на дно карты, схватился за винтовку и вскочил. Лодка покачнулась.

— Cabron! — закричал другой и взялся за мачете.

— Прекратите! — приказал им Вернон, но проводники, как всегда, не послушались.

Они ругались и пьяно толкались. Винтовка выстрелила, но пуля ушла в болото. Индейцы еще немного поворчали, потузили друг друга, а затем, не прекращая препирательств, сели, собрали карты и как ни в чем не бывало принялись сдавать.

— Что там за пальба? — спросил Учитель.

— Ничего особенного, — ответил Вернон. — Опять напились.

Больной поежил и плотнее закутался в одеяло.

— Надо забрать у них оружие.

Вернон промолчал. Бесполезно пытаться отнять у них винтовку, даже когда они пьяны. Особенно когда они пьяны.

— Москиты, — проговорил Учитель неверным шепотом. Вернон выдавил на ладони немного репеллента и смазал ему лицо и шею. Больной вздохнул с облегчением, по его телу пробежала короткая дрожь, он закрыл глаза.

Вернон стянул с себя рубашку и, спиной ощущая ливень, стал прислушиваться к звукам джунглей — никогда не слыханным раньше воплям спаривающихся или пожирающих друг друга тварей. Он думал о смерти. И ему казалось, что вот-вот будет найден ответ на мучивший его всю жизнь вопрос. Но найден самым неожиданным и ужасным способом.

20

Два дня на реке держался плотный спасительный туман. Том и Сэлли, отталкиваясь шестами и сохраняя строгий режим тишины, плыли вверх по извилистым боковым протокам. Они не останавливались ни на минуту, а спали по очереди. Еды почти не было — только плитка шоколада, которую Сэлли разделила на дольки, и фрукты, которые она собрала по дороге. Они не замечали признаков погони, и Том начал надеяться, что солдаты отчаялись их найти и вернулись в Брус. Или где-то застряли. Река изобиловала отмелями, топями и скрывавшимися под водой стволами деревьев. Ваоно не обманул: тяжелому каноэ тут не было дороги.

На третье утро туман стал подниматься и обнажил подступившие к черней воде, источавшие капли влаги стены джунглей. Вскоре над водой показался домик на сваях с плетеными стенами и соломенной крышей. За ним к воде круто сбегала дорожка из булыжника. Здесь оказался такой же шаткий причал, как в Брусе, — платформа из бамбуковых жердей опиралась на вбитые в прибрежную топь тонкие стволы деревьев.

— Как вы считаете, нам стоит останавливаться? — спросил Том.

Сэлли поднялась и окинула взглядом окрестности. На причале рыбачил мальчик.

— Это Пито-Соло? — спросила она. Но рыболов, заметив приближающуюся лодку, бросил снасть и кинулся наутек.

— Надо попробовать, — предложил Том. — Если мы не раздобудем что-нибудь поесть, нам конец. — Он оттолкнулся шестом и подвел каноэ к причалу. Оба выпрыгнули на платформу, и она заскрипела и опасно закачалась. Шаткий настил вел к выступавшему из затопленных джунглей крутому, грязному берегу. Сколько хватало глаз, вокруг никого не было. Скользя и оступаясь, они поднялись по раскисшей тропинке. Все здесь было пропитано сыростью. Но на самой вершине стоял навес. Там горел костер, в гамаке сидел

старик. Над костром на шесте поджаривалась туша какого-то животного. Том почувствовал соблазнительный аромат жаркого. И почти не потерял аппетита, когда понял, что животное — не что иное, как обезьяна.

— Hola, — поздоровалась Сэлли.

— Hola, — ответил старик.

— Это Пито-Соло? — спросила она по-испански. Последовало долгое молчание.

— Он не говорит по-испански, — решил Том.

— В какой стороне город? Donde? Где?

Старик показал куда-то в туман. Раздался крик зверя, и Том подскочил.

— Здесь тропинка, — сказала Сэлли.

Они пошли по тропе и вскоре оказались в поселении, расположенном на возвышении над затопленными джунглями. Городок представлял собой скопище хижин с обмазанными глиной плетеными стенами и соломенными или жестяными крышами. Из-под ног во все стороны разбегались куры, возле домов крались и подозрительно косились тощие собаки. Деревня кончилась также неожиданно, как началась, и перед ними встала плотная стена джунглей.

— И что теперь? — спросила Сэлли.

— Надо постучаться. — Том выбрал дом наугад и стукнул в дверь.

Тишина.

Послышался шорох. Он обернулся, но сначала ничего не заметил. И только спустя минуту понял, что на них из джунглей смотрят сотни черных глаз. Все это были дети.

— Жалко, что у меня нет конфет, — пробормотала Сэлли.

— Достаньте доллар. Девушка послушалась.

— Эй, кто хочет американский доллар?

Лес взорвался криком, и из листвы, вересца и подпрыгивая, выскочила целая сотня малышни.

— Кто говорит по-испански? — спросила Сэлли и показала доллар.

Все дружно начали выкрикивать испанские слова. Но вот из орущей кучи выступила девочка постарше.

— Чем могу вам помочь? — поинтересовалась она степенно и с достоинством. На вид ей было лет тринадцать. Симпатичная, в майке на бретельках, в шортах, с золотыми серьгами в ушах. На плечи спускались две тугие каштановые косы.

Сэлли дала ей доллар. Толпа ребятни ответила вздохом разочарования. Но как будто даже с чувством юмора. Лед был растоплен.

— Как тебя зовут?

— Марисоль.

— Красивое имя. — Девочка улыбнулась.

— Мы ищем дона Орландо Окотала. Ты можешь нас к нему проводить?

— Он больше недели назад уехал с янки.

— Каким янки?

— Сердитым высоким гринго с покусанным лицом и золотыми кольцами на руках.

Том чертыхнулся и посмотрел на Сэлли.

— Не иначе Филипп успел увести нашего проводника. — Он взглянул на девочку. — Они сказали, куда направляются?

— Нет.

— Послушай, в городе есть кто-нибудь из взрослых? Мы едем вверх по реке, и нам нужен проводник.

— Я отведу вас к дедушке, дону Альфонсо Босвасу. Он старший в деревне и все знает.

Том и Сэлли последовали за девочкой. Весь ее вид говорил, что она знает, что делает. И эту уверенность подчеркивала горделивая осанка. Из развалюх доносились запахи готовящейся еды, и Том чуть не упал от голода в обморок. Девочка привела их к самому убогому дому в деревне — не дому, переплетению прутьев, между которыми вовсе не

осталось замазки. Он был выстроен на краю непомерных просторов грязи, служившей городской площадью, в центре которой росли заляпанные все той же грязью банановые и лимонные деревья.

Девочка пропустила их в дверь, и они вошли в дом. Посреди хижины на слишком низком для него стуле сидел старик. Из огромных прорех в брюках выглядывали костлявые колени, на лысеющем черепе торчали несколько клоков седых волос. Он курил вырезанную из стебля кукурузного початка трубку, и от этого дом был полон смолистого дыма. Старик был небольшого роста и носил очки, которые увеличивали его глаза и придавали удивленный вид. Трудно было представить, что этот человек возглавлял деревенскую общину — он казался самым последним бедняком.

— Дон Альфонсо Босвас? — спросил его Том.

— Кто? — закричал старик, схватил мачете и принялся размахивать над головой. — Босвас? Этот безобразник? Его нет. Давным-давно забрали из города. Вот уж был ничемный человек и слишком зажился. Знай себе сидел, курил и заглядывался на проходящих девчонок.

Том оторопело посмотрел на старика и повернулся к девочке. Та стояла на пороге и изо всех сил старалась сдерживать смех. Старик положил мачете и расплылся в улыбке.

— Проходите. Я дон Альфонсо Босвас. Садитесь. Знаете, я старый человек и люблю пошутить. У меня двадцать внуков и внучек и шестьдесят правнуков. И никто ко мне не приходит, поэтому приходится шутить с незнакомцами. — Он говорил на забавном устаревшем испанском, используя вышедшие из обращения грамматические обороты.

Том и Сэлли заняли шаткие стулья.

— Я Том Бродбент, — представился Том. — А это Сэлли Колорадо.

Старик встал, церемонно поклонился и снова сел.

— Мы направляемся вверх по реке.

— М-м-м... — промычал старик. — Янки вдруг сошли с ума — все бросились вверх по реке, чтобы заплутать в Меамбарском болоте и чтобы их там сожрали анаконды. В чем дело?

От неожиданного вопроса Том растерялся.

— Мы пытаемся найти его отца, — ответила за него Сэлли. — Максвелла Бродбента. Он проплыл здесь на долбленых каноэ с индейцами примерно месяц назад. Может быть, при нем было много больших ящиков.

Старик склонил набок голову, вздохнул и посмотрел на Тома.

— Подойди сюда, мой мальчик. — Он крепко ухватил его худой рукой и притянул к себе. Комично увеличенные очками глаза пристально смотрели на Тома.

У того возникло ощущение, что старик проникает к нему в самую душу. Но вот хватка ослабла.

— Я вижу, вы с женой голодны. Марисоль! — Старик что-то сказал девочке по-индейски и опять повернулся к Тому: — Так это, значит, ваш отец проезжал здесь? А вы мне не кажетесь сумасшедшим. У сумасшедших отцов рождаются сумасшедшие дети.

— У меня была нормальная мать.

Дон Альфонсо громко расхохотался и хлопнул себя по колену.

— Отлично! Вы тоже шутник. Да, они останавливались здесь. Белый человек был похож на медведя, и его голос разносился на целую милю. Я сказал ему, что он ненормальный, если собирается на Меамбарское болото, но он меня не слушал. Наверное, большой начальник у вас в Америке. Мы хорошо провели с ним вечер, много смеялись, и он дал мне вот это... — Старик потянулся в угол, где стояли джутовые мешки, порылся между ними, достал какой-то предмет и показал на ладони. На него упал луч света, и он засветился цветом голубиной крови. Старик вложил камешек Тому в руку.

— Звездный рубин, — прошептал тот. Это был камень из коллекции Максвелла Бродбента и стоил небольшого, но, может быть, и не такого уж и маленького состояния. У Тома защемило сердце: это было так похоже на отца — дарить экстравагантные подарки понравившимся людям. Как-то раз он подал пять тысяч долларов попрошайке, потому что

ему понравилось его остроумное замечание.

— Да, рубин, — подтвердил старик. — И с его помощью мои внуки поедут в Америку. — Он отобрал камень и спрятал его среди джутовых мешков. — Почему ваш отец это делает? Я его спросил, но он увиливал, как носуха.

Том посмотрел на Сэлли. Как ему объяснить?..

— Мы его ищем. Отец... болен, — сказал он.

Услышав это, дон Альфонсо вытаращил глаза, снял очки, протер сальной тряпкой, отчего они стали грязнее, чем были, и снова водрузил на нос.

— Болен? Заразился?

— Нет. Как у вас говорят, он немного loco²⁶. Любит играть в игры со своими сыновьями.

Старик покачал головой:

— Мне часто случалось видеть, как янки совершают странные поступки. Но этот самый необычный. Вы что-то недоговариваете. Если хотите, чтобы я вам помог, расскажите.

Том вздохнул и снова покосился на Сэлли. Девушка кивнула.

— Он умирает. И отправился вверх по реке со всем своим состоянием. Хочет там спрятаться, а нам сказано: если мы хотим получить наследство, то должны найти его могилу.

Дон Альфонсо кивнул, словно то, что он услышал, было самой обычной вещью на свете.

— Да-да, так когда-то поступали и мы, таваха, — хоронили себя со своим добром, — и это всегда злило наших сыновей. Но потом пришли миссионеры и объяснили, что Иисус даст нам новые вещи на небесах. И поэтому не надо хоронить с умершими их добро. Я видел его изображения — он нарисован бедняком, без кастрюль, без свиней, без кур, даже без башмаков и жены. Но может быть, пусть лучше человека похоронят со всем скарбом, чем потом из-за него передерутся сыновья. Они уже при жизни начинают цапаться. Поэтому я раздал все, что имел, сыновьям и дочерям, а сам живу как нищий. Теперь им не из-за чего ссориться, и они не желают мне смерти. Старик закончил речь и вложил в рот трубку.

— А другие белые здесь были? — спросила Сэлли.

— Десять дней назад останавливались два каноэ с четырьмя людьми — двумя белыми и двумя горными индейцами. Я было подумал, что молодой — Иисус Христос, но в миссионерской школе сказали, что такие люди называются хиппи. Они отдохнули день и поплыли дальше. Потом появились четыре лодки с двумя гринго и солдатами. Они наняли дона Орландо в проводники. И вот я задаю себе вопрос: почему столько ненормальных американцев спешат на Меамбарское болото? Они тоже ищут могилу вашего отца?

— Да. Это мои братья.

— Тогда почему вы не вместе? — Том не ответил.

Вместо него заговорила Сэлли:

— Вы упомянули о горных индейцах, которые плыли с первой партией. Вы знаете, откуда они?

— Дикие голые люди со склонов. Они раскрашивают себя в красный и черный цвета. Они не верят в Христа. Мы-то здесь все немного христиане — не слишком, но достаточно, чтобы поладить с миссионерами из Северной Америки, когда они привозят еду и лекарства. Мы поем и хлопаем в ладоши Иисусу. Так я заработал свои новые очки. — Он снял очки и подал Тому посмотреть.

— Дон Альфонсо, — сказал Том, — нам нужен проводник, который провел бы нас вверх по реке. И еще припасы и оборудование. Вы можете нам помочь?

Индеец долго пыхал трубкой и наконец кивнул:

— Хорошо, я вас провожу.

— Нет-нет! — испугался Том и окинул взглядом тщедушную фигуру. — Я не об этом

²⁶ Сумасшедший (исп.).

просил. Мы не можем уводить вас из деревни. Вы нужны здесь.

— Я? Здесь? Деревня только обрадуется, если избавится от старого дона Альфонсо.

— Но вы здесь самый главный.

— Чушь!

— Путешествие предстоит долгое. Не по вашему возрасту.

— Я еще силен, как тапир. И достаточно молод, чтобы еще раз жениться. И если честно — с удовольствием завел бы себе старушку, чтобы она заняла пустое место в гамаке и каждый вечер укачивала меня вздохами и поцелуями.

— Дон Альфонсо...

— И чтобы эта старушка по утрам щекотала меня и лизала язычком в ухе. Тогда я буду просыпаться с первыми птичками. Не сомневайтесь, я, дон Альфонсо Босвас, отведу вас на Меамбарское болото.

— Нет! — возразил Том твердо, как только мог. — Нам нужен молодой проводник.

— Не отвертитесь. Я видел во сне, что вы придете, и я вас поведу. Так что решено. Я говорю по-испански и по-английски. Но предпочитаю испанский. Английский меня пугает. Такое впечатление, что человека душат.

Том в отчаянии посмотрел на Сэлли. Старик был просто невыносим.

В эту минуту возвратилась Марисоль. Она пришла с матерью. Обе несли покрытые пальмовыми листьями деревянные подносы, а на них лежали свежие горячие лепешки, жареное мясо, бананы, орехи, свежие фрукты.

Том никогда в жизни не испытывал подобного голода. Они с Сэлли предались пиршеству, дон Альфонсо присоединился, а девочка с матерью молча удовлетворенно наблюдали. Когда Том и Сэлли покончили с первой порцией, женщина забрала подносы и наполнила снова. А затем повторила это в третий раз.

Завершив трапезу, дон Альфонсо откинулся на стуле и вытер рот.

— А теперь к делу, — как можно тверже начал Том. — Сон не сон — вы с нами не пойдете. Нам нужен молодой человек.

— Или женщина, — добавила Сэлли.

— Я возьму с собой двух юношей, Чори и Пинго. Но я, кроме дона Орландо, в деревне единственный, кто знает путь через Меамбарское болото.

— Вынужден отклонить ваше предложение.

— У вас мало времени. За вами гонятся солдаты.

— Они уже здесь были?

— Сегодня утром. И еще вернутся.

Том посмотрел на Сэлли, затем снова перевел взгляд на дона Альфонсо.

— Мы ничего плохого не сделали. Я объясню...

— Не надо ничего объяснять. Солдаты — плохие люди. Надо собираться немедленно. Марисоль! — позвал он девочку.

— Да, дедушка?

— Нам нужны непромокаемый брезент, спички, бензин, масло для двухтактного двигателя, инструменты, сковородка, кастрюля, ложки и вилки и канистры с водой... — Старик продолжал перечислять необходимые вещи и продукты.

— У вас есть лекарства? — спросил Том.

— Много, благодаря миссионерам с севера. Чтобы получить их, мы очень сильно хлопаем Христу. Марисоль скажет людям, чтобы они принесли все это и продали по честной цене.

Девочка бросилась из дома так, что косички разлетелись в стороны. А через десять минут вернулась. За ней тянулась вереница стариков, старух и детей, и каждый что-то нес в руках. Дон Альфонсо остался в доме и наблюдал за процессом купли-продажи, а Марисоль организовывала очередь.

— Покупайте то, что нужно, а другим велите уйти, — поучала она. — Платите то, что просят, не торгуйтесь, у нас это не принято. Говорите либо «да», либо «нет».

Она прикрикнула на разбредающихся людей, и они немедленно выстроились в линию.
— Будет вождь в деревне, — сказал по-английски Том, глядя, как девочка справляется со стариками.

— Она уже вождь, — отозвалась Сэлли.

— Мы готовы, — сообщила Марисоль и дала знак первому в очереди подойти. Он протянул пять джутовых мешков. — Четыреста, — назвала цену девочка.

— Долларов?

— Лемпир²⁷.

— А сколько это в долларах?

— Два.

— Берем.

Следующий в очереди принес большой мешок бобов, мешок непросеянного сушеного зерна и безбожно измятую кастрюлю с крышкой. Родной ручки не было, но на ее месте красовалась другая — изящно вырезанная из дерева и покрытая лаком. Доллар.

— Берем.

Индеец оставил вещи и ушел. Третий предложил две майки, двое старых, замызганных шортов, кепку водителя грузовика и пару новеньких, с иголки, кроссовок «Найк».

— Все на меня, — удивился Том. — И кроссовки тоже. Вот уж не думал обнаружить здесь «Эр Джордан».

— Они их здесь шьют. Вспомните скандалы с магазинами летних товаров.

— Ну да, конечно.

Торговля продолжалась. Индейцы принесли пластиковую пленку, мешки с бобами и рисом, сушеное и вяленое мясо — Том решил не интересоваться, что это было за животное, — бананы, огромную канистру бензина, банку с солью. Предлагали суперсильный репеллент от насекомых «Рейд», но от него было решено отказаться.

Внезапно все замолчали. Послышатся тихий звенящий звук подвесного мотора.

— Быстро за мной в лес! — торопливо распорядилась девочка.

Толпа рассеялась, и деревня словно вымерла — опустела и погрузилась в тишину. Марисоль по едва заметной тропинке провела их в джунгли, где под кронами деревьев стояли сумерки. Вокруг раскинулись сплошные болота, но Марисоль уверенно выбирала надежные места. Звуки деревни замерли за спиной — теперь их окутывал непроницаемый полог леса. Через десять минут пути девочка остановилась.

— Подождем здесь.

— Сколько?

— Пока не уйдут солдаты.

— А как насчет лодки? — спросила Сэлли. — Они узнают нашу лодку.

— Мы ее уже спрятали.

— Вовремя сообразили. Спасибо.

— Не за что, — с достоинством ответила Марисоль и, опутив глаза и замерев, как олень, стала ждать.

— Куда ты ходишь в школу? — поинтересовалась немного спустя Сэлли.

— Ниже по реке, в баптистскую.

— Миссионеров? — Да.

— Ты христианка?

— Конечно. — Марисоль подняла голову и серьезно посмотрела на Сэлли. — А вы? Девушка замялась.

— Ну... мои родители были христианами.

— Это хорошо, — улыбнулась Марисоль. — Я бы не хотела, чтобы вы отправились в ад.

²⁷ Денежная единица Гондураса.

— Вот что я хочу у тебя спросить, — заговорил Том. — Это правда, что в деревне, кроме дона Альфонсо, нет больше никого, кто бы знал дорогу через Меамбарское болото?

— Правда, — кивнула девочка.

— А через болото трудно пройти?

— Очень.

— А почему он так стремится нас сопровождать?

— Не знаю! — Она мотнула головой. — Он видит сны, и у него случаются всякие видения. Вот и на этот раз так.

— Он в самом деле видел сон, что ему надо с нами идти?

— Да. Когда первый белый человек появился в нашей деревне, он сказал, что за ним последуют его сыновья. И вот вы здесь.

— Удачная догадка, — проговорил по-английски Том. Где-то вдалеке грянул выстрел и эхом прокатился по лесу.

Затем другой. Джунгли издали звук, сделав его похожим на гром, и раскаты стрельбы еще долго не затихали среди деревьев. Выстрелы произвели на Марисоль ужасное впечатление. Девочка побледнела, задрожала и вся как-то перекосилась. Том испугался: неужели есть погибшие?

— Они же не станут стрелять в людей?

— Не знаю, — ответила Марисоль.

Том заметил, как ее глаза наполнились слезами. Сэлли схватила Тома за руку.

— Из-за нас могут пострадать другие. Нам нужно выйти.

— Нет! — резко бросила девочка. — Может быть, они стреляют в воздух. Нам остается одно — ждать! — По щеке Марисоль скатилась единственная слеза.

— Не надо было здесь останавливаться, — перевала на английский Сэлли. — Мы не имели права подвергать других опасности. Давайте выйдем и встретимся с солдатами лицом к лицу.

— Согласен. — Том повернул к деревне.

— Если мы выйдем, нас перестреляют. Мы беспомощны перед солдатами, — пробормотала Марисоль.

— Им это с рук не сойдет... — Голос Сэлли дрожал. — Я сообщу обо всем в американское посольство. Солдат накажут.

Марисоль не ответила. Снова застыла, как олень, только едва заметно подрагивала. Даже плакать перестала.

21

Льюис Скиба остался в кабинете один. До конца рабочего дня было еще далеко, но он, чтобы избавить людей от встречи с журналистами, отправил всех по домам. Выключил из розетки рабочий телефон и закрыл обе ведущие в кабинет двери. Компания рушилась извне, а он спрятался в кокон тишины и окутал себя золотистым маревом собственных забот.

Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям даже не стала дожидаться конца торгов и объявила расследование по поводу неустойчивого состояния курса компании «Лэмп — Дэнисон». Решение показалось громом среди ясного неба, а стоимость акций скатилась до семи с четвертью доллара и продолжала падать. Компания походила на стонущего, умирающего кита, вокруг которого кружат оголтелые, безжалостные акулы — те самые «медведи» — и рвут кусок за куском. Такое первобытное, дарвиновское насыщение. И каждый откушенный ими доллар проделывал стотысячную дыру в рыночных фондах компании. Скиба был бессилен.

Юристы «Лэмп — Дэнисон» сделали свое дело — выступили с обычным заявлением, что обвинения не имеют под собой оснований и что компания полна решимости восстановить доброе имя. Графф тоже сыграл свою роль, категорически утверждая, что компания ни на йоту не отступила от общепринятых принципов. Потрясенные аудиторы

выразили негодование, отметив, что они полагались на финансовые отчеты и утверждения «Лэмп», и если допущены нарушения, значит, они, как и все остальные, введены в заблуждение. Все эти фразы Скиба слышал много раз, когда разорялись другие компании и от них, как крысы с корабля, бежали легионы бывших союзников. Все было обкатано и загнано в жесткие рамки не хуже японского театра кабуки. Каждый, кроме Скибы, действовал по заведенному сценарию. И теперь все ждали, чтобы высказался великий управляющий. Не терпелось заглянуть за кулисы и убедиться, что компанией руководил шарлатан.

Нет, господа, не выйдет. Не дождетесь, пока он дышит. Болтайте что хотите, орите, он не раскроет рта. А потом появится фармакопоя, и цены на их акции удвоятся, утроятся, учетверятся...

Скиба посмотрел на часы. Оставалось две минуты.

Голос раздался так ясно, словно звонивший говорил из соседнего кабинета. Только скрэмблер снова сделал его похожим на писк утенка Дональда. Но даже по телефону Скиба ощутил напор наглеца.

— Привет, Льюис, как дела?

Управляющий не обратил внимания на фамильярность.

— Когда я получу кодекс?

— Скиба, у нас тут ситуация. Средний брат Вернон, как я и предполагал, увяз в болоте по самую задницу. Думаю, что с ним все в порядке. А вот другой брат, Том...

— Я не хочу обсуждать братьев. Мне на них наплевать. Я спрашиваю о кодексе.

— А надо бы обсуждать. Вы знаете, что поставлено на карту. Так вот, я хочу сказать, что Тому удалось ускользнуть от солдат, которых я нанял, чтобы его остановить. Они преследуют его по реке и, надо надеяться, поймают, но парень проявил гораздо больше расторопности, чем я предполагал. Последняя точка, где его можно перехватить, — край болота. Нельзя рисковать и позволять ему с девицей ускользнуть в горы. Вы меня слушаете?

Скиба убавил на телефоне звук — его безмерно раздражал этот наглый квакающий голос. Никто в жизни не вызывал у него такой ненависти, как Хаузер.

— Другая проблема — старший сын Филипп. Он мне нужен, но только до тех пор, пока полезен; я не могу позволить ему «внезапно возникнуть» — ваше выражение или мое? — и заявить свои права на кодекс. Все это относится к Вернону и Тому. И к той девице, которую тащит с собой Том.

Последовало молчание.

— Вы понимаете, о чем я толкую?

Скиба ждал, стараясь сдержаться. Все эти разговоры — пустая трата времени. И очень опасная.

— Вы на проводе, Льюис?

— Почему вы не занимаетесь всем этим сами? — зло отозвался Скиба. — К чему эти звонки? Ваше дело, Хаузер, — добыть фармакопю. А как — не мое дело.

Частный детектив хмыкнул и рассмеялся:

— Очень мило! Но вы так легко не выкрутитесь. Будете знать обо всем, что происходит. Хотите остаться чистеньким? Ничего не выйдет! В случае чего и вам не отвертеться — не свалить вину на того парня. Когда настанет время, вы дадите мне приказ их убрать. Это единственный выход, и вы об этом знаете.

— Прекратите немедленно! Не будет никаких убийств!

— Ах, Льюис, Льюис...

Скиба ощутил дурноту. Тошнота волнами подступала к горлу. Краем глаза он видел, что курс акций еще понизился. Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям даже не сняла компанию с торгов, не огородила от урагана. От него зависели судьбы двадцати тысяч сотрудников и миллионов больных. А еще были жена, дети, дом, на два миллиона ценных бумаг и на шесть миллионов акций...

Скиба услышал в трубке гортанный звук, наверное, смех. И вдруг почувствовал

слабость. Как он мог такое позволить? Как случилось, что этот человек совершенно отбился от рук?

— Не смейте никого убивать, — пробормотал Скиба и поперхнулся. В любой момент его могло стошнить. Существовал же законный способ все устроить. Пусть сыновья найдут кодекс, он с ними договорится, заключит соглашение... Но управляющий понимал, что ничего такого не случится. Над компанией нависла туча расследования, ее акции падают в цене...

Голос внезапно сделался заискивающим:

— Я понимаю, как трудно принять такое решение. Если вы серьезно, я немедленно поворачиваю обратно, и забудем о кодексе. Seriously.

Скиба попытался проглотить застрявший в горле ком. Он чувствовал, как этот ком его душил. Из серебряных рамок на столе ему улыбались его взъерошенные сыновья.

— Только скажите слово, и я еду обратно. Вы вправе все отменить.

— Никаких убийств.

— Так вы примете решение или нет? Чего тянуть? Скиба с трудом поднялся на ноги. Он пытался дойти до флорентийской, обитой кожей и отделанной золотом урны, но добрал только до камина. Его стошнило прямо на шипящие и потрескивающие дрова. Потом он вернулся к телефону, хотел что-то сказать, но передумал и дрожащей рукой положил трубку на аппарат. Рука скользнула к верхнему ящику и нащупала прохладный пластиковый пузырек.

22

Через полчаса Том заметил движение в лесу и увидел, как по тропинке ковыляет закутанная в пончо пожилая женщина. Марисоль с рыданием рванулась навстречу, и они стали быстро говорить на своем языке. Затем девочка с выражением огромного облегчения повернулась к Тому и Сэлли:

— Как я и говорила, солдаты стреляли в воздух, чтобы нас поугаждать. А затем они ушли. Их убедили, что вас в деревне нет и вы не проплывали мимо. И они отправились вниз по реке.

Войдя в деревню, они сразу увидели дон Альфонсо. Старик стоял и безмятежно курил, словно ничего не произошло. При их появлении его лицо расплылось в улыбке.

— Чори! Пинго! Давайте сюда! Подходите и знакомьтесь с вашими новыми боссами янки. Чори и Пинго не говорят по-испански. Они знают только таваха, но я всегда покрикиваю на них по-испански, чтобы они знали, кто здесь главный. И вы должны поступать точно так же.

Из двери хижины показались два образцовых представителя рода человеческого. Они были по пояс обнаженными, и их мускулистые тела блестели от масла. Тот, кого звали Пинго, имел на руках западные татуировки, а на лице индейские и сжимал в кулаке мачете длиной три фута. Другой закинул за плечо древнюю винтовку «спрингфилд», а в руке держал топор пожарного.

— Сейчас погрузим лодку и сразу отчалим, — сообщил дон Альфонсо.

Сэлли покосилась на Тома.

— Похоже, дон Альфонсо все-таки пойдет с нами проводником.

Старый индеец кричал и жестикулировал, указывая Чори и Пинго, где складывать на берегу вещи. Их каноэ вернулось, словно никуда не исчезало. Через полчаса все было погружено, сложено в кучу в середине долбленки и покрыто старой пластиковой пленкой. Тем временем на берегу собрались люди, разожгли костер и стали готовить на нем еду. Сэлли повернулась к Марисоль.

— Ты замечательная девчушка, — сказала она. — Ты спасла нас. Знаешь, тебе в жизни будет удаваться все, что ты захочешь.

Девочка пристально посмотрела на нее.

— Я хочу только одну вещь.

— Какую?

— Поехать в Америку. — Она больше ничего не сказала, но не сводила с Сэлли умных глаз.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — ответила та. Марисоль уверенно улыбнулась и расправила плечи.

— Мне дон Альфонсо обещал. А у него есть рубин.

На берегу собралась целая толпа. Их отъезд превратился в настоящий праздник. Несколько женщин готовили на костре обед на всех. Бегали дети — играли, смеялись и гонялись за курами. Когда у воды была уже вся деревня, к людям вышел дон Альфонсо, и они расступились. Старик был в новых, с иголки, шортах и майке с надписью «Не бойся!». И когда ступил на бамбуковую пристань, на его морщинистом лице играла улыбка.

— Все пришли со мной попрощаться, — сказал он Тому. — Теперь вы понимаете, какой я уважаемый человек в Пито-Соло? Их самый лучший дон Альфонсо Босвас. Значит, вы не ошиблись, наняв меня в проводники вести вас через Меамбарское болото.

Поблизости разорвалось несколько петард, люди засмеялись. Женщины принялись раздавать еду. Индеец взял Тома и Сэлли за руки.

— Пора в лодку.

По-прежнему обнаженные по пояс Чори и Пинго уже заняли свои места в лодке — один на носу, другой на корме. Дон Альфонсо помог американцам спуститься в каноэ, а готовые к отплытию молодые индейцы держали в руках швартовы. Последним на борт ступил дон Альфонсо и повернулся к толпе. Люди умолкли: вождь собирался сказать речь. Когда наступила полная тишина, он заговорил на самом правильном испанском:

— Друзья и сограждане! Много лет назад было предсказано, что к нам в деревню явятся белые люди и я поведу их в долгое путешествие. Этот момент настал. Мы уходим в опасное плавание по Меамбарскому болоту. Нас ждут приключения, и мы увидим нечто такое, что до нас не видели глаза ни одного смертного.

Вы можете меня спросить: зачем нам понадобилось пускаться в это путешествие? Я вам отвечу. Мы пытаемся спасти отца вот этого юноши. Старик потерял рассудок, бросил жену и родных, бежал со всем своим добром и оставил их без гроша. Жена каждый день проливает слезы — она не в состоянии накормить семью и защитить от диких зверей. Их дом разваливается. Солома на крыше сгнила и пропускает дождь. Никто не желает брать в жены его сестер, и вскоре им придется заняться проституцией. Этот юноша, добрый сын, приехал, чтобы излечить отца от безумия и забрать в Америку, где он достойно состарится и умрет в гамаке и не будет больше позорить и заставлять голодать семью. Тогда его сестры найдут себе мужей, племянники и племянницы выжгут в лесу делянки, и он, вместо того чтобы работать жаркими днями, будет играть в домино.

Жители деревни слушали речь с открытыми ртами. «А дон Альфонсо умеет рассказывать истории», — подумал Том.

— Давным-давно, мои друзья, мне приснился сон, будто я покидаю вас и отправляюсь на край земли. И теперь, когда мне сто двадцать один год от роду, этот сон становится явью. Не многие в моем возрасте справятся с подобным делом. Но в моих жилах по-прежнему течет много крови. И была бы жива моя Росита, она улыбалась бы каждый день. До свидания, друзья мои. Ваш возлюбленный дон Альфонсо Босвас покидает деревню со слезами печали на глазах. Не забывайте меня и рассказывайте обо мне своим детям, и чтобы они рассказывали обо мне своим детям до скончания века.

Раздались громкие аплодисменты. Взорвались петарды, залаяли собаки. Кое-кто из мужчин принялся выстукивать палками сложный ритм. Лодку оттолкнули на стремнину, и Чори запустил мотор. Нос разогнал волну. Каноэ давно скрылось за ближайшим поворотом, а дон Альфонсо все стоял, махал рукой и посылал воздушные поцелуи ликующей на берегу толпе.

— У меня такое ощущение, что мы улетаем на шаре с Волшебником из страны Оз, —

заметила Сэлли.

Дон Альфонсо наконец сел и смахнул слезы с глаз.

— Э-хе-хе... вот видите, как они любят своего вождя?.. — Он прилег на грудь припасов, достал трубку из кукурузного початка, набил табаком и с задумчивым видом раскурил.

— Вам в самом деле сто двадцать один год? — спросил его Том.

— Разве кто-нибудь знает, сколько ему на самом деле лет? — отозвался индеец.

— Я знаю.

— Потому что сосчитали каждый, который прошел после вашего рождения?

— Не я — за меня сосчитали другие.

— Значит, сами вы точно не знаете?

— Знаю. Дата моего появления на свет значится в моем свидетельстве о рождении, которое подписал принимавший мои роды врач.

— И где теперь этот врач?

— Понятия не имею.

— Так вы верите подписанному невесть кем бесполезному клочку бумаги?

Том был побит его сумасшедшей логикой.

— В Америке такие, как вы, занимаются определенной профессией. Мы называем их юристами.

Старый индеец хлопнул себя по колену.

— Отличная шутка! Вы, Томасито, такой же весельчак, как ваш отец. Вот уж кто был неунывающим человеком. — Дон Альфонсо смеялся и посасывал трубку. А Том достал карту Гондураса и принялся ее изучать.

Дон Альфонсо скептически смотрел, а затем выхватил ее из рук американца. Повертел так и сяк.

— Это что, Северная Америка?

— Нет, южный Гондурас. Вот река Патука и Брус. Деревня Пито-Соло должна быть где-то здесь, но она не помечена. И Меамбарское болото тоже.

— Значит, согласно этой карте, нас вовсе не существует на свете. И Меамбарского болота тоже не существует. Берегите этот ценный листок, смотрите, как бы не подмок. Может, когда-нибудь пригодится развести костер. — Он рассмеялся собственной остроте и кивнул Чори и Пинго, которые заразились его весельем и тоже принялись хохотать, хотя не поняли ни слова из того, что он сказал.

Дон Альфонсо громко смеялся и бил себя по ляжкам, пока у него на глазах не выступили слезы.

— Приятно начинаем путь, — заметил он, овладев собой. — Нам надо много веселиться и шутить. Иначе болото сведет нас с ума и мы погибнем.

23

Лагерь, как всегда, был разбит на сухом месте среди болота с военной пунктуальностью. Филипп сидел у костра, курил трубку и прислушивался к ночным звукам джунглей. Он в который раз удивлялся, насколько Хаузер был опытен во всем, что касалось передвижений в тропическом лесу, как обустривал ночлег и отдавал распоряжения солдатам. Филиппа он ни о чем не просил, а его попытки хоть чем-то помочь сразу отвергал. Не то чтобы Филипп горел желанием ползать по болоту и добывать на ужин гигантских крыс — просто он терпеть не мог ощущать себя бесполезным. Не такое испытание придумал для него отец. Вряд ли он предполагал, что его сын будет сидеть у костра и курить, а работать за него станут другие.

Филипп швырнул палку в костер. Черт с ним, с испытанием! То, как обошелся Максвелл Бродбентс своими сыновьями, стало самым безумным поступком с тех самых пор, как король Лир разделил свое царство.

Окотал, их проводник, которого они взяли в убогом поселении на берегу реки, сидел в сторонке, поддерживал в костре огонь и варил рис. Станный это был человек — небольшого роста, молчаливый, с подлинным чувством собственного достоинства. Что-то привлекало в нем Филиппа. Окотал был из тех мужчин, которые обладают непоколебимым внутренним сознанием собственной значимости. Он, безусловно, знал свое дело и день за днем, нимало не сомневаясь, вел отряд по невероятным хитросплетениям проток и не обращал внимания на наставления, вопросы и замечания Хаузера.

Филипп выбил остатки табака и, радуясь, что догадался захватить с собой «Дакхилл еарли морнинг», уложил трубку. А все-таки надо постараться бросить курить, тем более что у отца рак легких. Но только когда вернутся. Здесь табак — единственный способ отогнать москитов.

Послышались крики; Филипп обернулся и увидел, что Хаузер возвращается с охоты, а за ним четыре солдата несут убитого тапира. Они подвесили животное на переброшенной через ветку веревке. Хаузер оставил солдат и подсел к Филиппу. От него распространялся легкий запах табака, крови и лосьона после бритья. Частный детектив достал сигару, обрезал кончик и закурил. Набрал полные легкие дыма и выпустил через нос, как дракон.

— Мы превосходно справляемся. Как вы считаете, Филипп?

— Замечательно! — Филипп убил москита и в который раз удивился, как это Хаузеру удастся избегать укусов, хотя он вроде бы даже не пользуется никакими репеллентами. Наверное, настолько прокурился, что в крови накопилась смертельная концентрация никотина. Он смотрел, как Хаузер затягивается толстой, как у Черчилля, сигарой. Так курильщики обычно затягиваются сигаретами. Странно, что одни легко переносят то, от чего другие умирают.

— Вам знакома дилемма Чингисхана? — спросил частный сыщик.

— Как будто нет.

— Когда Чингисхан готовился умирать, он пожелал, чтобы его похоронили, как подобает правителям, — вместе с сокровищами, наложницами и конями, чтобы и на том свете он мог пользоваться всеми этими богатствами. Но в то же время он прекрасно понимал, что его гробницу почти наверняка разграбят и таким образом лишат в загробной жизни всех радостей. Он долго размышлял и не мог прийти ни к какому решению. Наконец призвал к себе великого визиря — самого мудрого человека в царстве.

«Как мне поступить, чтобы мою могилу не разграбили?» — спросил его Чингисхан.

Визирь долго думал и наконец дал ответ. Чингисхан был удовлетворен. Когда правитель умер, визирь привел в действие свой план. Он послал десять тысяч работников в далекие алтайские горы и приказал высечь в скале гробницу. А затем наполнил ее золотом, драгоценными камнями, винами, шелками, слоновой костью, сандаловым деревом и благовониями. Для улады великого Чингисхана в потустороннем мире принесли в жертву сто прекрасных девственниц и тысячу коней. Состоялись пышные похороны. Работникам дали вина. Затем тело умершего поместили в гробницу, замуровали и тщательно скрыли вход. Всю округу завалили грязью, и больше тысячи всадников скакали по долине взад и вперед, чтобы скрыть следы захоронения.

Когда работники и всадники вернулись, визирь встретил их с войском Чингисхана и убил всех до одного.

— Какая гнусность!

— А затем сам совершил самоубийство.

— Идиот! Мог бы разбогатеть. Хаузер усмехнулся:

— Да, но он был верным слугой своему господину и понимал, что подобный секрет нельзя доверять даже самому преданному из людей. Он мог проболтаться во сне или выдать тайну под пыткой. Или над ним могла взять верх его собственная алчность. Он был слабым звеном в собственном плане и поэтому обрек себя на смерть.

Филипп услышал тупые удары и, обернувшись, увидел, что охотники потрошат добычу мачете. Внутренности животного шлепались на землю. Он вздрогнул, отвернулся и подумал:

все-таки что-то есть в вегетарианстве.

— Итак, в плане Чингисхана было одно уязвимое место: он должен был довериться хотя бы еще одному человеку. — Хаузер выпустил клуб едкого дыма. — И вот вам мой вопрос, Филипп: кто тот единственный человек, которому доверял ваш отец?

Хороший вопрос. Филипп и сам уже довольно долго думал над ним.

— Явно не подруга и не бывшая жена. На врачей и адвокатов он постоянно жаловался. Секретари от него то и дело уходил и. Друзей не было. Единственный человек, которому он доверял, был его пилот.

— Но я установил, что он не участвовал в деле. — Хаузер языком перебросил сигару в уголок рта. — Однако слабое звено обязательно должно быть. Скажите, Филипп, не мог ли ваш отец жить тайной жизнью? Завести никому не известную любовь? И от этой связи родить сына, которого ценил больше трех других?

От такого предположения Филипп похолодел.

— Понятия не имею. — Хаузер помахал сигарой:

— Есть о чем подумать, Филипп.

Бродбент не ответил. Тема разговора навела его на мысль спросить о том, о чем раньше он спрашивать не хотел.

— Что произошло между вами и моим отцом?

— Вы в курсе, что мы дружили с детства? — Да.

— Вместе выросли в Эри. Играли в своем квартале в стикбол²⁸, ходили в одну школу. И в первый раз в публичный дом тоже отправились вместе. Мы думали, что хорошо друг друга знаем. Но когда оказались в джунглях и нас прижало так, что пришлось бороться за жизнь, выяснилось многое такое, чего мы раньше в себе не подозревали. В таких обстоятельствах начинаешь понимать, кто ты есть на самом деле. Именно это случилось с нами. Мы оказались в сердце джунглей и там — потерявшие дорогу, искусанные, голодные, полуживые от лихорадки — выяснили, кто есть кто. И знаете, что я выяснил? Я выяснил, что презираю вашего отца.

Филипп поднял на Хаузера глаза. Частный сыщик спокойно, без всякого волнения выдержал его взгляд. Его лицо хранило обычное непроницаемое выражение. У Филиппа по спине поползли мурашки.

— И что же такого вы обнаружили в себе, Хаузер?

Он заметил, что его вопрос застал сыщика врасплох. Тот рассмеялся, швырнул окурки сигары в костер и встал. — Очень скоро поймете сами.

24

Каное пробиралось по непроницаемо-черной воде, мотор надрывно гудел. Река разветвлялась и разветвлялась, пока не превратилась в лабиринт протоков и стоячих заводей, где, сколько хватало глаз, чернели акры подрагивающей вонючей жижи. Повсюду вились тучи насекомых. Пинго стоял на носу без рубашки и, если поперек протоки в воде попадалась лиана, перерубал ее мачете. Иногда река настолько мелела, что не удавалось пользоваться мотором; Чори поднимал винт, и они шли на шестах. Дон Альфонсо сидел на обычном месте на покрытой брезентом куче вещей и, скрестив, как мудрец, ноги, яростно попыхивал трубкой и вглядывался вперед. Несколько раз Пинго пришлось вылезать из лодки и прорубать проход в притопленных стволах деревьев.

— Что это за чертовы насекомые? — воскликнула Сэлли, изо всей силы хлопая себя по руке.

— Тапирные мухи. — Индеец достал из кармана прокуренную трубку из кукурузного

²⁸ Упрощенная форма бейсбола. Уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

початка и протянул ей. — Сеньорита, чтобы отогнать насекомых, надо курить.

— Нет уж, спасибо. Курение вызывает рак.

— Напротив, очень полезно — способствует хорошему пищеварению и долгой жизни.

— Ну конечно...

По мере того как они углублялись в болото, растительность становилась все гуще, образуя стены из блестящей листвы, папоротников и лиан. Воздух был спертым, недвижимым, в нем чувствовался запах метана. Лодка двигалась будто в супе.

— Откуда вы знаете, что мой отец плыл именно этим путем? — спросил Том.

— В Меамбарском болоте есть много путей, но выводит из него всего один. Я знаю этот путь, и ваш отец тоже знал, — объяснил дон Альфонсо. — Я умею разбирать знаки.

— Разбирать что?

— Перед нами здесь проплыли три группы. Первая — месяц назад. Вторая и третья — с разницей в несколько дней примерно неделю назад.

— Откуда вы знаете? — удивилась Сэлли.

— Могу читать на воде. Замечаю зарубку на притопленном стволе, оборванную лиану. Отметину от шеста на песке под водой или борозду от кия в грязи на мелководье. Такие следы в стоячей воде сохраняются неделями.

Девушка показала рукой в сторону:

— Смотрите, это бамия, *bursera simaruba*. Майя лечились его соком от укусов мух. Давайте подойдем и наберем.

Дон Альфонсо вынул трубку изо рта.

— Мой дед собирал такое растение. Мы называем его *lucawa*. — Он посмотрел на девушку с уважением. — А я и не знал, что вы целительница.

— По правде сказать, нет. Во время учебы в колледже я некоторое время жила на севере с майя. Изучала медицину. Я — этнофармаколог.

— Этнофармаколог? Что-то слишком серьезное для женщины.

Сэлли нахмурилась:

— В нашем обществе женщины способны делать все, что мужчины. И наоборот.

Индеец удивленно изогнул брови:

— Ни за что не поверю.

— Тем не менее это так, — стала настаивать она.

— Разве в Америке женщины ходят на охоту, а мужчины рожают детей?

— Я не это имела в виду.

Дон Альфонсо торжествующе сунул мундштук в рот. Он понимал, что спор выигран. И нарочито комично подмигнул Тому. Сэлли тоже бросила на него взгляд.

«Нет уж, разбирайтесь сами», — раздраженно подумал Том.

Чори подвел каноэ к дереву. Сэлли надрубила мачете кору и содрала вертикальную полоску. Оттуда стал красноватыми капельками сочиться сок. Девушка собрала несколько капелек на лезвие, закатала брюки и втерла в укусы. Затем принялась растирать шею, запястья и тыльные стороны ладоней.

— Вы похожи на пугало, — заметил Том.

— Ваша очередь, — отозвалась Сэлли и добыла с помощью мачете еще несколько капель клейкого сока.

— Меня? Вот этим? — ужаснулся Том.

— Давайте, давайте, подходите. Он сделал шаг вперед.

Сэлли втерла ему жидкость в жестоко искусанную шею. Зуд и жжение прошли.

— Ну как?

Том поворачивал головой:

— Липко, но, в общем, хорошо. — Ему понравилось ощущать на шее прикосновение прохладных ладоней.

Сэлли подала ему мачете с остатками сока на лезвии.

— Ноги и руки можете обработать сами.

— Спасибо! — Он нанес себе снадобье на кожу и удивился, насколько оно эффективно действует.

Дон Альфонсо тоже смазался соком.

— Невероятно! Янки разбирается в лечебных тайнах растений. Настоящая целительница. Я прожил сто двадцать один год, но ничего такого не встречал.

В тот день им попалась первая скала. На заросшую поляну на сухом месте сквозь листву просачивался солнечный свет.

— Вот здесь мы устроим лагерь, — объявил дон Альфонсо. Каноз причалило к скале, его привязали. Чори и Пинго с мачете в руках вскарабкались по камням и принялись вырубать молодую поросль. Дон Альфонсо внимательно осматривал все вокруг: то что-то шевелил на земле ногой, то подбирал ветку или лист.

Сэлли огляделась:

— Потрясающе! Здесь полно zorillo. Это так называемый скунсовый корень — одно из главных лечебных средств, которым пользовались майя. Листья клали в травяные ванны, а корень употребляли как болеутоляющее и лекарство от язвенной болезни. Майя называли его pauche. А вот supresayo. — Она принялась рвать с куста листья, скручивать и нюхать. — А там — дерево *Sweetia panamensis*. Здесь просто удивительная экосистема. Не возражаете, если я немного пособираю?

— Чувствуйте себя как дома, — бросил Том. Сэлли вошла в лес.

— Похоже, здесь кто-то останавливался до нас, — повернулся Бродбент к дону Альфонсо.

— Да. Эту площадку в первый раз расчистили месяц назад. Я заметил круг от кострища и след от палатки. А в последний раз люди здесь были неделю назад.

— Неужели все это выросло за неделю? Индеец кивнул:

— Лес не переносит пустоты.

Дон Альфонсо обошел кострище, что-то поднял с земли и подал Тому. Колечко с сигары «Куба либре». Заплесневелое и полурассыпавшееся.

— Сорт моего отца, — кивнул Том. У него возникло странное чувство. Отец был здесь, в этом самом месте разбивал лагерь, курил сигару и оставил после себя вот эту маленькую улику. Он положил колечко от сигары в карман и принялся собирать дрова для костра.

— Прежде чем поднимать ветку, — посоветовал ему дон Альфонсо, — ударьте по ней палкой. Так вы прогоните муравьев, змей и veinte cuantos.

— Veinte cuantos?

— Двадцать четыре. Это насекомые, похожие на термитов. Мы зовем их так, потому что, если они кусают, человек на двадцать четыре часа теряет способность двигаться.

— Прелестные твари.

Через час из джунглей появилась Сэлли. Она несла на плече длинный шест, к которому были привязаны связки растений, коры и корней. Дон Альфонсо оторвался от кастрюли, в которой варил попугая, и поднял на нее глаза.

— Целительница да и только! Вы напоминаете мне деда дона Кали, который точно так же каждый день возвращался из леса. Только вы красивее. Он был старым и морщинистым, а вы — крепкая и зрелая.

Сэлли занялась растениями — развесила их над костром подсушить. Затем повернулась к Тому:

— Невероятное разнообразие. — Джулиан будет доволен.

— Очень за него рад. — Том перенес внимание на Чори и Пинго. Молодые индейцы строили шалаш, а дон Альфонсо выкрикивал указания и осыпал их замечаниями. Они начали с того, что вкопали в землю шесть крепких кольев, между ними соорудили подвижную раму из палок и накинули на нее пластиковое полотнище. Между кольями натянули гамаки — каждый со своей москитной сеткой. Наконец повесили вертикальное полотно, отгородив для Сэлли личный уголок.

Когда работа была выполнена, Пинго и Чори отступили, и дон Альфонсо придиричиво

осмотрел шалаш, кивнул и повернулся к белым:

— Вот вам дом не хуже, чем в Америке.

— В следующий раз я буду помогать Чори и Пинго, — заявил Том.

— Если вам так хочется! — Индеец хитро подмигнул американцу. — Там личные апартаменты нашей целительницы. Но если ей понадобится принимать гостя, их легко расширить.

Том почувствовал, что краснеет.

— Меня вполне устраивает спать одной, — холодно обронила Сэлли.

Дон Альфонсо казался обескураженным. Он наклонился к Тому, словно хотел поговорить с ним с глазу на глаз, но все в лагере прекрасно слышали, что он сказал:

— Она очень красивая женщина, Томас, хотя и старовата.

— Мне двадцать девять лет! — возмутилась Сэлли.

— Ах, сеньорита, оказывается, вы даже старше, чем я думал. Тебе надо спешить, Томас. Еще немного — и она выйдет из возраста, когда выходят замуж.

— В нашем обществе двадцатидевятилетние считаются молодыми!

Дон Альфонсо продолжал скорбно трясти головой. Том был больше не в силах сдерживать смех и расхохотался.

— Что здесь такого смешного? — набросилась на него Сэлли.

— Столкновение культур, — проговорил он, переводя дыхание.

Девушка перешла на английский:

— Я нисколько не одобряю ваш похотливый треп с этим грязным старикашкой. — Она повернулась к дону Альфонсо: — Для человека в возрасте ста двадцати одного года вы очень много думаете о сексе.

— Мужчина никогда не прекращает думать о любви, сеньорита. Даже когда стареет и его член сморщивается, словно плод юкки, который положили сушиться на солнце. Пусть мне сто двадцать один год, но крови во мне не меньше, чем в юноше. Знаешь, Томас, я бы женился на такой женщине, как Сэлли. Только предпочел бы, чтобы ей было шестнадцать и у нее были тугие, вздернутые груди.

— Дон Альфонсо, — перебила его Сэлли, — а нельзя, чтобы девушке вашей мечты было хотя бы восемнадцать?

— Тогда у меня не будет уверенности, что она девственница.

— В нашей стране большинство женщин выходят замуж, если им по крайней мере восемнадцать лет. Неприлично предлагать вступать в брак шестнадцатилетней.

— Ах да, я не подумал, что в вашем северном климате женщины созревают медленнее. А у нас в шестнадцать лет...

— Прекратите! — закричала Сэлли и закрыла уши ладонями. — Довольно, дон Альфонсо! Я по горло сыта вашими рассуждениями о сексе.

Старый индеец пожал плечами:

— Да, целительница, я старик, но это означает, что я могу говорить и шутить, как мне угодно. У вас в Америке другие традиции?

— У нас в Америке старики не твердят постоянно о сексе.

— О чем же они говорят?

— О внуках, о погоде, о Флориде... Дон Альфонсо покачал головой:

— Как, должно быть, скучно стареть в Америке.

Сэлли повернулась и пошла к шалашу. Но прежде чем скрыться внутри, сердито посмотрела на Тома. В нем поднялось раздражение. Что такого он сказал или сделал, что его ставят на одну доску со всякими озабоченными?

Индеец снова пожал плечами, раскурил трубку и громко продолжил речь:

— Ничего не понимаю. Ей двадцать девять лет, но она до сих пор не замужем. Ее отцу придется раскошелиться на огромное приданое, только чтобы сбыть ее с рук. Рядом с ней вы — почти старик и тоже без жены. Так почему бы вам двоим не сойтись? Или вы гомосексуалист?

— Нет, дон Альфонсо.
— Не стесняйтесь, Томас. Если вы гомосексуалист, Чори вас удовлетворит. Он у нас такой.
— Спасибо, не надо.
— Тогда вообще ничего не понимаю, — покачал головой индеец. — Почему вы упускаете возможность?
— Сэлли обручена с другим мужчиной. — Дон Альфонсо удивленно изогнул бровь.
— Ах вот как! И где же теперь этот мужчина?
— В Америке.
— Значит, он ее не любит.
Том вздрогнул и покосился на шалаш. Голос старого индейца обладал особым свойством проникать в самые дальние концы их лагеря.
— Он меня любит, и я его люблю, — сказала Сэлли из шалаша. — А вас обоих попрошу заткнуться.
Из джунглей послышался винтовочный выстрел. Дон Альфонсо поднялся на ноги.
— А вот и наше второе. — Он взял мачете и пошел на звук. А Том тем временем решил растянуть в хижине свой гамак.
Сэлли развешивала на одной из перекладин собранные ею растения.
— Этот дон Альфонсо — распутный тип и сексуальный маньяк, — заметила она. — Да и вы не лучше.
— Не забывайте, — возразил Том, — это он ведет нас через Меамбарское болото.
— От этого его шуточки мне нравятся ничуть не больше. И ваши ухмылки тоже.
— Вряд ли от него можно ждать рассуждений в духе феминистской политкорректности.
— Но что-то я не слышала разговоров, что вы чрезмерно стары для женитьбы, хотя вы старше меня на целых четыре года. Почему всегда только женщины считаются перезревшими для замужества?
— Сэлли, перестаньте выступать.
— Не перестану.
Их перепалку прервал голос дон Альфонсо:
— Первое готово: вареный попугай и тушеная маниока. На второе — жаркое из тапира. Вкусно и питательно. Перестаньте ссориться и идите есть.

25

— Buenos tardes²⁹, — пробормотал Окотал, подсаживаясь рядом с Филиппом к костру.
— Buenos tardes, — ответил тот и удивленно вытащил трубку изо рта. За всю дорогу Окотал заговорил с ним впервые.
Путешественники достигли большого озера на краю болота и разбили лагерь на песчаном островке, где был твердый, настоящий берег. Воздух посвежел, москиты исчезли; в первый раз за неделю Филипп поворачивался в любую сторону и видел больше чем на двадцать футов. Единственное, что портило вид, — цвет воды: лизавшие песок волны больше напоминали черный кофе. Как обычно, Хаузер с двумя солдатами отправился на охоту, а остальные разожгли костер и сели играть в карты. От зноя в зеленовато-золотистых сумерках клонило в сон. Приятное местечко, подумал Филипп.
Окотал наклонился и прошептал:
— Вчера вечером я подслушал, о чем говорили солдаты.
— И о чем же? — Филипп удивленно поднял брови.
— Только не подавайте виду. Они собираются вас убить. — Он произнес это так тихо и

²⁹ Добрый вечер (исп.).

так поспешно, что ошеломленный американец решил, что ослышался. Но постепенно смысл сказанного начал доходить до его сознания. — И меня тоже, — продолжал Окотал.

— Вы уверены? — Окотал кивнул.

Филипп начал лихорадочно размышлять. Можно ли доверять этому Окоталу? Не произошло ли ошибки? С какой стати Хаузеру его убивать? Чтобы завладеть наследством? Вполне возможно. Благородства в Хаузере ни на грош. Краем глаза Филипп видел, что солдаты продолжали играть, а их оружие лежало у ствола дерева. Нет, это невероятно — словно сюжет приключенческого кинофильма. Хаузеру уже обещан миллион долларов. Нельзя же просто так убивать людей!

— Что вы намерены делать? — спросил он Окотала.

— Захватить лодку и бежать. Спрятаться на болоте.

— Прямо сейчас?

— А чего тянуть?

— Но солдаты рядом. Они не позволят нам уйти. Что вы конкретно слышали? Возможно, это недоразумение?

— Слушайте, вы, полудурок. У нас нет времени! — прошипел Окотал. — Если вы со мной — бежим. Если нет — adios!

Он неторопливо, даже будто бы с ленцой поднялся и побрел к берегу, где стояли каноэ. Филипп в панике переводил взгляд с него на солдат. Те были по-прежнему увлечены игрой и ничего не замечали. С места, где они сидели под деревом, лодки были не видны.

Что делать? Его словно парализовало. Все произошло так внезапно, без предупреждения. Какой-то абсурд! Неужели Хаузер действительно настолько хладнокровно безжалостен? Или это Окотал старается получить какую-то выгоду?

Окотал уже крался вдоль берега и время от времени оглядывался на деревья. И тут Филиппа осенило. Способен ли Хаузер на убийство? У этого человека явно не все в порядке столовой. Филипп внезапно вспомнил, с каким удовольствием он отрубал голову несчастному золотистому зайцу, улыбку, когда увидел капельку крови на его рубашке, и с каким выражением произнес: «Вы меня еще узнаете».

Окотал уже столкнул каноэ в воду и неслышно залез внутрь. Взял шест и готовился оттолкнуться.

Филипп встал и быстро повернул к берегу. Каноэ уже отчалило, и Окотал приготовил шест, чтобы вывести суденышко на середину протоки. Но, заметив Филиппа, дождался, чтобы тот тоже успел забраться на борт. А затем что было сил напряг мышцы, воткнул шест в песчаное дно и направил каноэ в болото.

26

На следующее утро хорошая погода кончилась, на небе собрались облака, кроны деревьев сотряс гром, и на головы путешественников пролился дождь. К тому времени, когда Том со спутниками тронулись в путь, река посерела, вспенилась под ливнем, и шум дождя заглушил все в лесу. Хитросплетение проток показалось еще запутаннее, а сами они уже прежнего. Том не мог себе представить, что болото может быть настолько гиблым и, словно лабиринт, непроходимым. Ему едва верилось, что дон Альфонсо знал, куда надо повернуть.

К полудню дождь внезапно прекратился, как будто закрыли кран. Но еще несколько минут вода с шумом водопада бежала со стволов деревьев, а потом, приглушая все вокруг, падала каплями с листьев, образуя в воздухе туманную дымку.

— Мухи вернулись, — заметила Сэлли и хлопнула себя по руке.

— Jejejes. Черные мухи, — объяснил дон Альфонсо и, раскурив трубку, окутал себя густым облаком дыма. — Отхватывают от людей целые куски мяса. Рождены дыханием самого дьявола после того, как он всю ночь пил несвежую агуардьенте.

По временам путь преграждали свисавшие над водой ветви лиан и воздушные корни, которые образовывали доходящий до самой поверхности воды живой занавес. Пинго

оставался на носу и прорубал дорогу мачете, а Чори отталкивался сзади шестом. Каждый удар тесака распугивал древесных лягушек, насекомых и других тварей — они прыгали в реку и устраивали пиршество пираньям. Поверхность тут же вскипала и начинала бешено бурлить, где под воду уходило злополучное существо. Пинго напрягал могучие мышцы и рубил направо и налево, швыряя в реку куски лиан и висящие над водой цветы. В одной особенно узкой протоке он взмахнул мачете и вдруг закричал:

— Heculu!

— Avispa! Осы! — подхватил дон Альфонсо, пригнулся и закрыл руками голову. — Не двигайтесь.

Из листвы вынырнуло небольшое черное облако. Том тоже скрючился и уткнулся лицом в ладони. Его несколько раз больно куснули в спину.

— Только не бейте их, а то они совершенно взбесятся! — закричал старый индеец.

Путешественникам не оставалось ничего иного, как ждать, когда осы перестанут их жалить. Насекомые исчезли также внезапно, как и появились, и Сэлли принялась лечить укусы собранным ею целебным соком. Каное поплыло дальше.

Примерно в полдень в кронах над головой послышался странный звук: какое-то сосание и причмокивание, словно целая толпа ребятишек набила рты леденцами и наслаждалась их вкусом — только несравненно громче. Этот звук сопровождался шелестом в ветвях, и в какой-то момент даже показалось, что налетел ураган. В листве мелькали темные тени.

Чори оставил шест, и в его руках появились маленький лук и стрела. Индеец натянул тетиву и прицелился вверх.

— Mono chucuto, — прошептал дон Альфонсо Тому, но тот не успел ответить. Чори выстрелил, и над головами показалась еще живая черная обезьяна. Как она ни хваталась и ни цеплялась за деревья, все равно неуклонно скользила вниз сквозь листву и наконец упала в воду в пяти футах от лодки. Чори потянулся и выхватил из реки ком шерсти, прежде чем поверхность вокруг забурилась, и все поняли, что, кроме индейца, тут были и другие охотники.

— Ehi! Ehi! — широко улыбнулся Чори. — Uakaris!

— Их здесь двое! — взволнованно воскликнул дон Альфонсо. — Смотри, Томасино, какой удачный выстрел: мать и детеныш.

Детеныш в страхе кричал и все еще цеплялся за шерсть матери.

— Обезьяна? Вы убили обезьяну? — возмутилась Сэлли.

— Да, целительница. Представляете, как нам повезло?

— Повезло? Но это же ужасно! — Лицо старого индейца потухло.

— Вы не любите обезьян? Если их мозг поджаривать прямо в черепе, получается очень вкусное кушанье.

— Мы не едим обезьян!

— Почему?

— Это... почти каннибализм. — Девушка повернулась к Тому: — И вы позволили ему в нее стрелять?

— Я никому ничего не позволял, — ответил он.

А Чори так и не понял, о чем шла речь, и по-прежнему светился гордой улыбкой. Он швырнул обезьяну на дно каное, и глаза убитого животного обратились на людей. Они уже затуманились, язык вывалился изо рта. Малыш наконец отлепился от матери и громко вопил, закрывая голову лапами.

— Ehi! Ehi! — повторил Чори и поднял мачете, собираясь нанести смертельный удар.

— Нет! — Том быстро взял детеныша на руки. Маленькая обезьянка тут же успокоилась и перестала плакать. А индеец от удивления застыл с поднятым мачете.

Дон Альфонсо подался вперед:

— Я не очень понимаю, почему вы толкуете о каннибализме?

— Мы считаем, что обезьяны — почти люди.

Старый индеец повернулся к Чори и начал объяснять. Тот перестал улыбаться, и у него на лице появилось растерянное выражение.

— Не знал, что в Северной Америке обезьяна считается священным животным, — продолжал дон Альфонсо. — Это правда, они похожи на людей. Вот только Бог вместо ног приделал им руки. Извините, я не знал, иначе не позволил бы ее убивать. — Он что-то резко бросил Чори. Каноэ двинулось дальше, а дон Альфонсо швырнул мертвую обезьяну за борт, и она немедленно исчезла в бурлящем водовороте.

Том почувствовал, что детеныш все крепче прижимается к нему и тянет лапу. Он вгляделся в черную мордашку. Обезьянка была совсем маленькой — ростом всего восемь дюймов и весила не больше трех-четырех фунтов. У нее была мягкая, короткая шерсть, карие глазки, маленькие, как у людей, уши и розовый нос. А пальцы на руках были не толще зубочисток.

Том заметил, что Сэлли смотрит на него и улыбается:

— Обзавелись новым дружком?

— Ну уж нет!

— А вот и да!

Обезьянка оправилась от испуга, поднялась по руке Тома и принялась тыкаться ему в грудь. Черные ручонки копались и шарили в складках одежды, а губы при этом издавали чмокающий звук.

— Она вас чистит. Ищет вшей, — заметила Сэлли.

— Надеюсь, останется разочарована, — отозвался Бродбент.

— Думает, что вы ее мать, — вступил в разговор дон Альфонсо.

— Как вы можете есть таких красивых существ? — возмутилась девушка.

— В джунглях, целительница, любое существо красиво, — пожал плечами старый индеец.

Том чувствовал сквозь рубашку щекочущие прикосновения. Цепляясь за пуговицы, обезьянка поднялась к клапану огромного, тропического покроя, кармана и нырнула внутрь. Устроилась в кармане, сложила лапки и, слегка задрав нос, поводила вокруг глазами.

Сэлли захлопала в ладоши и рассмеялась:

— Том, она вас полюбила!

— А что они едят? — повернулся тот к дону Альфонсо.

— Все. Насекомых, листья, личинок. У вас не возникнет проблем с кормежкой вашего нового приятеля.

— А кто сказал, что это я должен за него отвечать?

— Детеныш выбрал вас, поэтому теперь вы принадлежите ему.

Обезьянка высовывалась из кармана и, словно самая главная, озирала владения.

— Ах ты, волосатик, — сказала по-английски Сэлли.

— Волосатик. Так мы его и назовем.

Ближе к вечеру, когда они оказались в особенно извилистой протоке, дон Альфонсо приказал остановиться и минут десять изучал воду: пробовал на вкус, плевал жеванные бумажные шарики и наблюдал, как они опускаются ко дну. Затем разогнулся.

— У нас проблема.

— Мы заблудились? — забеспокоился Том.

— Нет, это они заблудились.

— Кто?

— Один из ваших братьев. Свернул здесь налево к Пласа-Негро — Черной площади, гнилому сердцу болота, где обитают демоны.

Протока вилась, зажата между огромными стволами деревьев под пологом ползучих растений. Над черной водой курился зеленоватый туман, и казалось, что здесь начинается водная дорога в ад.

«Не иначе Вернон», — подумал Том. Вернон всегда терялся — в буквальном и переносном смысле слова.

— Как давно они здесь проплывали?
— Не меньше недели назад.
— Здесь поблизости можно где-нибудь остановиться?
— Впереди, в четверти мили, есть небольшой островок.
— Пристанем там, разгрузим лодку, оставим в лагере Пинго и Сэлли, а сами налегке пойдем искать моего брата. Мы не можем терять времени.

Когда они подошли к покрытому грязью, насквозь пропитанному водой островку, дождь полил с такой силой, что казалось, на их головы обрушился настоящий водопад. Дон Альфонсо кричал и, энергично жестикулируя, руководил разгрузкой, а затем вновь положил в каноэ все, что могло потребоваться во время спасательной экспедиции.

— Мы будем отсутствовать два или три дня, — объяснил он. — Надо подготовиться к ночевкам на борту. Не исключено, что будет идти дождь.

— Какая неожиданность, — хмыкнула Сэлли. Том отдал ей обезьянку.

— Берегите ее, пока меня нет, — попросил он.

— Хорошо, — кивнула девушка.

Каноэ отошло от берега. Том смотрел, как неясная фигура на островке растворяется в струях дождя.

— Том, а вы берегите себя! — крикнула Сэлли, хотя ее уже было не видно.

Чори энергично отталкивался, и лодка, лишившись груза, быстро двигалась по протоке. Через пять минут над головой послышались пронзительные вопли — с ветки на ветку перепрыгивал черный шарик. Вот он оказался на дереве над самым каноэ и спрыгнул в суденышко. Это был Волосатик.

— Ах ты, негодник, не мог дожидаться, сразу же удрал, — проворчал Том и посадил маленькую обезьянку обратно в карман. Волосатик уютно свернулся и тут же затих.

Каноэ все глубже проникало в гнилое болото.

27

Когда суденышко достигло ведущей к Черной площади протоки, гроза превратилась в настоящую бурю. То и дело сверкали молнии, гром эхом прокатывался по лесу. Разряды следовали друг за другом через секунду. Казалось, это гремит орудийная канонада. В двухстах футах над головой гнулись и сотрясались верхушки деревьев.

Вскоре протока стала делиться на множество мелких, прорезавших бесконечное пространство подрагивавшей вонючей грязи. Дон Альфонсо поминутно приказывал остановиться и старался разглядеть на неглубоком дне отметины от шеста. Дождь не давал передышки, а ночь подкралась так незаметно, что Том удивился, когда услышал, как старый индеец дал команду остановиться на ночлег.

— Переночуем в каноэ, как дикари, — бросил дон Альфонсо. — Это место — как раз то, что нужно: над головой ни одной толстой ветки. Мне бы не хотелось, чтобы меня разбудило смрадное дыхание ягуара. Нам следует остерегаться, Томасино. Умирать здесь никак нельзя, иначе наши души никогда отсюда не выберутся.

— Постараюсь изо всех сил.

Том завернулся в москитную сетку, устроился на куче утвари и попытался уснуть. Дождь наконец утих, но он промок до самых костей. Весь лес был наполнен звуком падающих капель, и под их аккомпанемент раздавались крики, визг и рык невидимых зверей. Иногда казалось, что это вопят люди. А может быть, так оно и было и они слышали жалобы заблудших душ, о которых говорил дон Альфонсо.

Том думал о брате Верноне, может быть, больном, может быть, даже умирающем. Вспомнил его мальчиком — с дружелюбным, полным надежд, но постоянно потерянным выражением лица. И в конце концов окунулся в тревожные сновидения.

Труп они нашли на следующее утро. Он плыл по воде, и на его горбу пестрели красные и белые полосы. Чори подвел лодку к утопленнику, и все увидели, что горб — это не горб, а

надувшаяся от выделявшихся газов разложения рубашка. Как только каноэ приблизилось, в воздух взлетели сердитые мухи. Чори осторожно поставил суденышко бортом к труп. Вокруг тела плавало не меньше дюжины дохлых пираний. Рыбы разинули рты, их выпученные глаза затянулись пленкой. Снова начал моросить дождь.

У трупа были черные короткие волосы. Слава Богу, это не Вернон. Дон Альфонсо что-то приказал Чори. Молодой индеец ткнул мертвеца шестом, и из намоченной рубашки с бульканьем вышел зловонный газ. Затем он подвел шест под труп, нашел точку опоры и перевернул тело. В воздух с гудением взмыли тучи мух, в воде блеснуло серебро — это кинулись врассыпную кормившиеся трупом испуганные рыбы. Том застыл от ужаса — теперь мертвец плавал лицом вверх, только вряд ли кто-нибудь осмелился бы назвать его маску лицом. Пирании выели до костей и лицо, и грудь, и живот. От носа остался один огрызок, губы и язык исчезли, на месте рта образовалась дыра. В глазнице застрял пескарик и изо всех сил старался вырваться на свободу. Вонь разложения хлестнула, словно мокрая тряпка. Вода снова вспенилась — рыбы принялись за нетронутую сторону, и на поверхность всплыли клочки растерзанной рубашки.

— Один из ребят из Пуэрто-Лемпира, — определил дон Альфонсо. — Умер от укуса ядовитой змеи. И его бросили здесь.

— Откуда вы знаете, что он погиб от укуса змеи? — поинтересовался Том.

— Видите дохлых пираний? Эти рыбы впились в его тело там, куда ужалила змея, и отравились. И если их сожрет какой-нибудь зверь, он тоже отравится.

Чори оттолкнул мертвеца, и они поплыли дальше.

— Нехорошее место для смерти. Надо отсюда выбираться до темноты. Очень бы не хотелось встретить во мраке дух этого покойника... и чтобы он расспрашивал у меня дорогу.

Том не ответил, он был потрясен видом покойника. И старался подавить чувство уныния. Вернон был крайне неосмотрительным и легко поддавался панике. Все это могло случиться и с ним.

— А вот почему они не повернули отсюда обратно, я вам сказать не могу. Наверное, в их каноэ сидел демон и нашептывал в уши всякое вранье.

Они медленно продвигались дальше. Болото казалось бесконечным. Лодка чертила килем по дну и частенько застревала, так что пассажирам надо было вылезать из нее и толкать. То и дело приходилось возвращаться и повторять мучительный маршрут. Внезапно дон Альфонсо насторожился. Чори перестал отталкиваться шестом, и индейцы прислушались. Теперь и Том услышал: где-то далеко звал на помощь обезумевший от ужаса человек.

Он вскочил на ноги и сложил ладони рупором:

— Вернон!

Наступила внезапная тишина.

— Вернон! Это я — Том!

Снова раздались отчаянные, нечеловеческие вопли.

— Это он! — бросил спутникам Бродбент. — Нам надо спешить.

Чори сильно оттолкнулся, и вскоре в болотных сумерках проступил неясный силуэт каноэ. На носу кричал и размахивал руками человек. Это оказался Вернон. Он был в истерике, но по крайней мере держался на ногах.

— Быстрее! — умолял Том.

Чори изо всех сил упирался шестом, и вскоре они подплыли к стоявшему суденышку. Том перетянул брата в свое каноэ, и тот упал в его объятия.

— Скажи, что я не умер! — кричал он.

— Ты не умер. Ты в порядке, — успокаивал его Том. — Мы нашли тебя.

Вернон разразился рыданиями, а Том сжимал его в объятиях, и у него возникло ощущение дежа-вю: как-то раз, когда брат возвращался из школы, за ним по улице погнались хулиганы. Прибежав домой, он, рыдая и дрожа щуплым телом, кинулся к Тому. Тогда Тому пришлось выйти из дома и, младшему, драть за своего старшего брата.

— Все в порядке, — повторял он. — Все в порядке. Мы с тобой. Ты в безопасности.

— Слава Богу! А то я уже решил, что конец!.. — Вернон прерывисто вздохнул.

Том помог ему сесть. Его поразила внешность брата. Шея и лицо распухли от укусов, из царапин сочилась кровь, одежда невыразимо грязная, волосы слиплись, на голове колтун. Худоба казалась сильнее обычного.

— Ты как. ничего? — спросил Том.

— Ничего, если не считать, что меня чуть не сожрали заживо. А так — жив, только очень испугался. — Вернон провел рукавом по почерневшему лицу, но не стер грязь, а только сильнее размазал. И снова захлебнулся рыданием.

Том внимательно посмотрел на брата: его больше беспокоил рассудок Вернона, а не физическое состояние. И решил: как только они возвратятся в лагерь, он отправит Вернона с Пинго в цивилизованный мир.

— Дон Альфонсо, — кивнул он индейцу, — поворачивайте назад...

— А как же Учитель? — перебил его Вернон.

— Учитель? — не понял брат.

— Он болен. Там, в лодке.

Том перегнулся через борт и заглянул в каноэ. На дне, под грудой сырых вещей, в насквозь промокшем спальном мешке лежал человек. Его лицо чудовищно распухло, седые волосы и борода спутались. Он был в полном сознании и молча мрачно смотрел на Тома.

— Кто это?

— Мой Учитель из ашрама.

— Какого черта он здесь делает?

— Мы с ним вместе.

— И что с ним такое?

— Лихорадка. А два дня назад перестал говорить.

Том взял аптечку и перелез в другое каноэ. Учитель следил за каждым его движением. Том потрогал его лоб — человек буквально горел. Пульс нитевидный, быстрый. Том выслушал его стетоскопом. В легких оказалось чисто, и сердце билось нормально, хотя слишком часто. Том ввел больному антибиотик широкого спектра и противомаларийный препарат. Без серьезных анализов больше он ничем помочь не мог.

— Что это за вид лихорадки? — спросил Вернон.

— Можно понять, только сделав анализ крови.

— Он умрет?

— Не имею представления. — Том перешел на испанский и повернулся к дону Альфонсо: — Вы способны определить, что у него такое?

Индеец перелез в их каноэ и склонился над больным. Похлопал по груди, заглянул в глаза, пощупал пульс, посмотрел на ладони и поднял голову.

— Да, я прекрасно знаю этот недуг.

— Как он называется?

— Смерть.

— Нет! — заволновался Вернон. — Не говорите так! Он не умрет?

Том уже пожалел, что спросил мнение дона Альфонсо.

— Мы заберем его в лагерь. Пинго поведет его каноэ, а я — наше. — Он повернулся к брату: — Мы нашли одного мертвого проводника. А где другой?

— На него ночью прыгнул ягуар и затащил на дерево. — Вернон поежился. — Мы слышали, как он кричал, и хруст костей. Это было так... — Он не договорил. — Том, вытаски меня отсюда.

— Сейчас, сейчас, — отозвался брат. — Я отправлю тебя и Учителя с Пинго в Брус.

В лагерь они приплыли уже затемно. Том поставил палатку, и они перенесли из лодки Учителя и положили внутрь. Больной отказывался от еды, по-прежнему молчал, только смотрел так, что сжималось сердце. Том сомневался, что он сохранил рассудок.

Вернон решил провести ночь в той же палатке, а наутро, как только солнце окрасило

верхушки деревьев, позвал на помощь. Первым прибежал на зов Том. Учитель в крайне возбужденном состоянии сидел в спальном мешке. Его лицо побледнело, кожа высохла. Глаза блеснули, словно осколки синего фарфора, и дико блуждали, ни на чем не останавливаясь. Пальцы хватили воздух. Внезапно больной заговорил.

— Вернон, ты где? — выкрикнул он и стал шарить руками. — Боже мой, Вернон, где я?

Том с ужасом понял, что больной ослеп. Вернон встал на колени и взял несчастного за руку.

— Я здесь, Учитель. Мы в палатке. Мы отвезем вас в Америку. Все будет хорошо.

— Какой же я был дурак! — От напряжения губы Учителя перекошились, при каждом звуке изо рта вылетали брызги слюны.

— Учитель, пожалуйста... Пожалуйста, не волнуйтесь. Мы едем домой — в ашрам.

— Я имел все! — ревел больной. — Деньги! Трахал девочку-подростка. Дом на море. Меня окружали обожатели. У меня было абсолютно все! — У него выступили вены на лбу; изо рта сочилась слюна и свисала с подбородка. Тело сотрясали жестокие конвульсии, и Тому показалось, что он слышит, как бряцают кости. Незрячие глаза, словно бильярдные шары, бешено вращались в орбитах.

— Учитель, мы отправим вас в больницу. Не говорите... все будет хорошо...

— Но мне показалось мало. И я, идиот, захотел еще. Захотел сто миллионов долларов! И вот взгляните, что со мной приключилось! — Проревев последнее слово, он опрокинулся навзничь. Послышался шлепок вроде того, с каким падает на пол уснувшая рыба. Учитель остался лежать с широко открытыми глазами, но они стекленели.

Учитель умер.

Вернон смотрел в ужасе, не в состоянии произнести ни слова. Том положил руку на плечо брату и почувствовал, что тот дрожит. Они стали свидетелями очень дурной смерти.

Дон Альфонсо тоже дрожал.

— Надо уходить, — проговорил он. — Явился злой дух и забрал этого человека, а он не хотел уходить.

— Приготовьте одну из лодок для возвращения в Брус, — попросил его Том. — Пинго отвезет туда Вернона, а мы, если не возражаете, продолжим путь.

— Так будет лучше, — кивнул индеец. — Болото — неподходящее место для вашего брата. — Он отдал приказ, и перепуганные, как все остальные, Чори и Пинго бросились к каноэ.

— Не могу понять!.. — простонал Вернон. — Учитель был хорошим человеком. Почему же он умер таким недостойным образом?

Брата постоянно обводили вокруг пальца разные мошенники, подумал Том. Обычные жулики и всякие духовные учителя и гуру. Но теперь не время об этом говорить.

— Иногда нам кажется, что мы знаем человека, а на самом деле совершенно не представляем, кто он такой. — сказал он.

— Я провел с ним три года. И я его знал. Должно быть, все дело в лихорадке. Он бредил, его разум затуманился. И он не ведал, что говорил.

— Надо его похоронить и ехать.

Вернон принялся копать могилу, Том и Сэлли взялись ему помогать. Они расчистили небольшую площадку за лагерем и, действуя топором Чори, вырубали корни. Затем стали углубляться в липкую, раскисшую почву. Вскоре неглубокая яма была готова. Они перетаскивали в нее Учителя, засыпали вязкой массой и завалили принесенными с берега небольшими булыжниками. Дон Альфонсо, Чори и Пинго уже сидели в каноэ и явно проявляли нетерпение.

— Ты в порядке? — Том обнял брата.

— Да, — ответил тот. — И я принял решение. Я не возвращаюсь — еду с вами.

— Вернон, мы обо всем условились.

— Не вижу смысла ехать обратно. Я совершенно на мели. У меня нет даже машины. В ашрам мне дорога закрыта.

- Что-нибудь придумаешь.
- Уже придумал. Плыву с вами.
- Ты не в том состоянии. Только что был на грани смерти.
- Я должен. И совершенно оправился.

Вот в этом Том сомневался и продолжал колебаться.

- Пожалуйста, Том!..

В просьбе Вернона слышалась такая искренность, что Том удивился и неожиданно для себя обрадовался. Он сжал брату плечо.

- Хорошо. Будем делать все вместе, как хотел отец. Дон Альфонсо хлопнул в ладоши:

— Может, хватит разговоров? Пора плыть. — Том кивнул, и индеец дал приказ отчаливать.

— Поскольку у нас теперь две лодки, я тоже могу работать шестом, — предложила Сэлли.

- Шест — это мужская работа, — буркнул старый индеец.

— Вы, дон Альфонсо, неисправимый свинтус и сексуальный шовинист, — парировала девушка.

— Свинтус и сексуальный шовинист? — Индеец наморщил лоб. — Это что еще за зверь? Мне следует обидеться?

- Непременно.

Дон Альфонсо энергично оттолкнулся, и каноэ быстро скользнуло вперед. Он улыбнулся:

- Я в восторге. Большая честь, если тебя обижает красивая женщина.

28

Марк Аврелий Хаузер посмотрел на белую грудь своей рубашки и, заметив жучка, снял его с ткани, раздавил между лопатообразным большим и указательным пальцами и, получив удовольствие от приятного хруста, отшвырнул в сторону. И снова обратил свое внимание на Филиппа Бродбента. Жалкое ничтожество — куда девался весь его гонор? Грязный, искусанный Филипп скрючился на земле со связанными руками и ногами. Хаузер не мог понять, почему некоторые люди не способны соблюдать в джунглях личную гигиену.

Он посмотрел в ту сторону, где трое солдат держали их проводника Орландо Окотала. Этот Окотал доставил ему немало неприятностей — едва не улизнул, пришлось гнаться за ним по пятам. Пропал целый день. Роковая ошибка Окотала заключалась в том, что он решил, что гринго, этот белый янки, не способен выследить его на болоте. Видимо, не слышал о таком местечке, которое называется Вьетнам.

Тем лучше. Но теперь все кончилось. Болото осталось почти позади, так что Окотал был больше не нужен. А урок, который ему преподнесет Хаузер, пойдет на пользу и Филиппу.

Марк вдохнул насыщенный запахом джунглей воздух.

— Помните, Филипп, когда мы укладывали поклажу в каноэ, вы меня спросили, зачем нам наручники и цепи?

Бродбент не ответил. Хаузер тогда сказал, что наручники — это средство держать в узде солдат, нечто вроде походной гауптвахты. И что, конечно, он не собирается их использовать.

- Теперь вы понимаете, для кого они? — хмыкнул Хаузер. — Они для вас.

- Почему бы вам меня не убить и не покончить со всем разом?

- Все мое время. Не так легко убить последнего в роду.

- Что это значит?

— Рад сообщить, что я позаботился о ваших братьях, которые следовали за нами по болоту. Когда угаснет последний из рода Бродбентов, я возьму то, что принадлежит мне по праву.

— Вы психопат.

— Отнюдь. Я разумный человек, который собирается исправить причиненное ему великое зло. Кстати, с вашей помощью.

— Что это за зло?

— Мы с вашим отцом были партнерами. Но он лишил меня доли от нашей первой находки.

— Это случилось сорок лет назад.

— Что только усугубляет преступление. Сорок лет я боролся за выживание, а он купался в роскоши.

Филипп напряг все силы, но только громыхнул цепями.

— Как интересно повернулось колесо Фортуны. Сорок лет назад ваш отец надул меня и лишил состояния. Я попал в приятное местечко под названием Вьетнам. А он занял место среди богачей. А теперь я готов вернуть все назад. И даже с процентами. Забавная ирония. Филипп, только подумайте: это все поднесли мне вы на серебряной тарелочке.

Филипп промолчал.

Хаузер снова вздохнул. Ему нравилась жара и нравился этот воздух. В джунглях, как нигде, он чувствовал себя здоровым и живым. Не хватало только легкого аромата напалма. Он повернулся к одному из солдат:

— А теперь займемся Окоталом. Филипп, вам стоит на это посмотреть.

Два каноэ были готовы, вещи уложены. Солдаты швырнули проводника и Филиппа в одно из них, запустили моторы и повернули на край озера, где начинались перемежавшиеся заводями многочисленные протоки. Хаузер стоял на носу и указывал путь:

— Туда!

Он вел отряд к обособленной от большой воды тихой заводи — знал, что в таких местах, когда спадает вода, пираньи съедают все, что можно, и начинают пожирать друг друга. И горе тому зверю, который ненароком угодит в это место.

— Глушите моторы! Бросайте якоря!

Моторы замолчали, и тишину нарушили лишь два всплеска якорей.

Хаузер повернулся к проводнику. Представление должно получиться интересным, решил он.

— Поднимите!

Солдаты поставили Окотала на ноги. Марк подошел и посмотрел ему в лицо. Одетый в европейскую рубашку и шорты индеец держался спокойно и прямо — глаза не выдавали ни страха, ни ненависти. Этими несчастными таваха, подумал Хаузер, руководит неестественное чувство долга и чести. Марку не нравились такие люди. Совершенно негибкие — на них невозможно положиться. Вот и Макс был из таких.

— Ну что ж, дон Орландо, — начал он с насмешливой ухмылкой, — имеете что-нибудь сказать?

Индеец посмотрел на него немигающим взглядом. Хаузер достал перочинный нож.

— Свяжите его как следует.

Солдаты набросились на жертву, завели за спину руки, стянули в лодыжках ноги.

Хаузер открыл лезвие и с неприятным звуком «жиг-жиг» поточил острие о куртку. Попробовал о большой палец, улыбнулся и, шагнув к Окоталу, сделал длинный надрез сквозь рубашку на груди. Рана была неглубокой, но зеленая ткань рубашки немедленно почернела от крови.

Индеец не шелохнулся.

Хаузер сделал новые надрезы: на плечах, на руках и на спине. И снова Окотал никак не показал, что ему больно. Подобной стойкости Марк не видел с тех самых пор, когда присутствовал на допросах пленных вьетконговцев.

— Пусть кровь немного потечет.

Солдаты ждали. Рубашка все больше темнела. Где-то в чаще закричала птица.

— Бросайте!

Трое солдат толкнули индейца, и он опрокинулся за борт. Вслед за всплеском последовало несколько секунд тишины, а затем на поверхности возник водоворот. Сначала медленный, он становился все быстрее, так что вся заводь вскипела. В коричневой мути, словно блестящие монетки, мелькали серебристые спины. А затем все закрыло красное облако. На поверхность стали выскакивать обрывки зеленой ткани и куски розовой плоти, которые тут же исчезали в ненасытных пастьях.

Вода кипела добрых пять минут, а затем успокоилась. Хаузер остался доволен. Он повернулся к Филиппу посмотреть, какова его реакция. И был удовлетворен.

Вполне.

29

Три дня отряд продолжал плыть сквозь самое сердце болота и все глубже забирался в переплетающуюся сеть протоков. Путешественники ночевали на покрытых грязью островках, которые едва возвышались над уровнем воды, и, поскольку Чори не мог добыть дичь, варили на мокрых, чадающих сучьях рис и бобы. Несмотря на непрекращающийся дождь, вода понижалась и обнажала поваленные в болото деревья, которые, чтобы удалось двигаться дальше, приходилось рубить. И куда бы они ни плыли, за лодками следовали тучи злобно гудящих черных мух.

— Вот теперь мне кажется, что я способна закурить, — пожаловалась Сэлли. — Уж лучше умереть от рака, чем такое терпеть.

Дон Альфонсо торжествующе улыбнулся и достал из кармана трубку.

— Вот увидите: курение способствует долгой, счастливой жизни. Я начал курить больше ста лет назад.

Из джунглей донесся гулкий, рокошующий звук, словно там кашлял человек, только гораздо громче и протяжнее.

— Что это?

— Ягуар. И притом голодный.

— Удивительно, как много вы знаете о лесе, — заметила Сэлли.

— Да, это так, — вздохнул старый индеец. — Но в наши дни больше нет желающих познавать лес. У моих внуков и правнуков на уме одно: футбол и толстые белые ботинки с птичкой на боку. От таких гниют ноги. Их делают на фабриках в Сан-Пед-ро-Сула. — Он кивнул на кроссовки Тома.

— «Найк»?

— Да. Неподалеку от Сан-Педро-Сула у всех деревенских мальчишек заболели ноги. Пришлось их переобуть, и теперь они разгуливают в деревянных башмаках.

Дон Альфонсо покачал головой и неодобрительно прищмокнул. Каное двигались сквозь заросли каких-то ползучих растений, и Пинго, не переставая, размахивал мачете. Впереди мелькнула солнечная дорожка — сверху сквозь листву пробился луч. Когда они подплыли ближе, Том понял: в джунглях рухнуло гигантское дерево и оставило брешь в сплошном пологе ветвей. Ствол лежал поперек протоки и загораживал путь. Дерево такой толщины им еще не приходилось встречать.

Дон Альфонсо пробормотал проклятия. Чори схватил топор и, прыгнув с носа лодки на ствол и стоя босыми ногами на осклизлой поверхности, принялся рубить так, что во все стороны полетели щепки. Через полчаса образовалась достаточно глубокая выемка, чтобы провести в нее каное.

Путешественники вылезли из лодок и принялись толкать. Но сразу за деревом попали на глубокое место. Том погрузился по пояс и старался не думать о рыбах-колючках, пираньях и прочей заразе, которая водилась в мутной, как суп, воде.

Вернон шел впереди, держался за планшир и тоже толкал каное. Внезапно справа от себя Том увидел в черной воде слабое волнение, и сразу же раздался пронзительный крик дона Альфонсо:

— Анаконда!

Том мигом перевалился через борт, а брат замешкался на долю секунды. Вода забурилась и вздыбилась. Вернон закричал, но его крик тут же оборвался, и он исчез в мутной глубине. Мелькнуло толстое, как ствол молодого деревца, тело змеи, но она тут же нырнула и скрылась.

— Ehi! Она схватила Вернито!

Том сдернул с пояса мачете и бросился в воду. Яростно бил ногами, стараясь погрузиться как можно глубже, но в бурой мути видел не больше чем на фут. Он держал на середину и свободной рукой шарил впереди, стараясь обнаружить змею. Вот ладонь коснулась чего-то скользкого и холодного. Том рубанул мачете, но тут же понял, что это не анаконда, а притопленный ствол дерева. Оттолкнулся, поплыл дальше, отчаянно вглядываясь в мутную воду. Легкие были готовы взорваться. Он выскочил на поверхность, глотнул воздуха и снова нырнул. Где же змея? Как долго она находится под водой? Минуту? Две? Выдержит ли Вернон? Томом двигало отчаяние, и он продолжал плыть среди отвратительных осклизлых стволов.

Но вот одно из бревен дернулось от его прикосновения — не бревно: твердая, как красное дерево, труба из сплошных мускулов. Том чувствовал, как под ладонью под толстой кожей сокращаются мышцы. И что было сил воткнул мачете в мягкое подбрюшье. Несколько секунд ничего не происходило, а затем тело анаконды развернулось и хлестнуло, как бич. От удара Том погрузился в воду, и последний воздух пузырями вышел из легких. Он еле-еле добрался до поверхности и жадно вдохнул. Змея бешено билась, и вода вокруг буквально кипела. Только тут Том понял, что потерял мачете. Анаконда свивалась в кольца и разворачивалась в блестящую арку. Над водой на секунду показался Вернон, закрученный в этот живой жгут, — сначала спина, затем голова. Миг — и он снова погрузился в кипящую муть.

— Дайте мне мачете!

Пинго протянул ему мачете ручкой вперед. Том схватил нож и начал рубить появляющиеся на поверхности кольца.

— Голову! — крикнул ему дон Альфонсо. — Попробуйте добраться до головы!

До головы! Но с какой стороны у нее голова? Внезапно Тома осенило: он кольнул змею мачете — раз, другой, пока она не пришла в бешенство, и тогда над поверхностью показалась отвратительная голова гада — маленькая, с раззявленной пастью и раскосыми глазами. Пресмыкающееся высматривало, кто осмелился его мучить. Анаконда бросилась на Тома, и он изо всех сил погрузил мачете в ее красную пасть и еще дальше — в пищевод. Змея сомкнула челюсти, но он, несмотря на боль в кисти, не выпускал рукоять и вращал лезвие. Плоть подалась, и из пасти хлынула холодная змеиная кровь. Анаконда принялась дергать головой и чуть не вырвала его руку из сустава. Том собрался и все силы вложил в последний мощный удар. Лезвие проткнуло кожу змеи и вышло за головой. Том сделал еще поворот и почувствовал, как конвульсивно сжимаются и разжимаются челюсти. Ему удалось обезглавить анаконду. Другой рукой он разжал челюсти и, вынув из пасти кисть, стал лихорадочно оглядываться, надеясь, что над взбаламученной поверхностью покажется голова брата.

И он действительно появился, но плыл лицом вниз. Том подхватил его и перевернул на спину. Лицо Вернона побагровело, глаза были закрыты. Он казался мертвым. Том подтащил его к каноэ, а Сэлли и Пинго подняли на борт. Том влез следом, упал и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел, что над ним склонилась Сэлли. Ее золотистые волосы струились, словно водопад. Девушка промывала спиртом отметины от змеиных зубов на его руке. Выше плеча рубашка была разодрана, и из глубоких порезов сочилась кровь.

— Вернон?..

— С ним все в порядке, — ответила она. — Им занимается дон Альфонсо. Наглотался воды, сильно укушен в бедро, но это все.

Том попытался сесть. Рука горела огнем. Черные мушки наседали настырнее обычного,

и он глотал их при каждом вдохе. Мягко, но настойчиво Сэлли снова уложила его на дно.

— Не шевелитесь. — Она втянула из трубки дым и, отгоняя насекомых, окружила сизым облаком. — Ваше счастье, что у анаконды, можно сказать, молочные зубы. — И снова протерла укусы.

— Ох! — Том лежал и смотрел, как над головой медленно перемещался зеленый свод. Теперь сквозь листву не было видно ни клочка голубого неба.

30

Вечером Том лежал в гамаке, холил забинтованную руку и смотрел, как оправившийся от потрясения Вернон весело помогал дону Альфонсо варить подстреленную Чори на обед неизвестную птицу. В шалаше было душно, хотя все боковые полотнища были подняты.

Том уехал из Блаффа всего месяц назад, но теперь ему чудилось, что прошла целая вечность. Лошади, гребни красного песчаника на фоне голубого неба, щедрое солнце и летающие с вершин Сан-Хуана орлы... Все осталось позади. Казалось, все это случилось с кем-то другим. Он приехал в Блафф со своей невестой Сарой. Лошади и просторы нравились ей не меньше, чем ему. Но Сара посчитала Блафф слишком спокойным и однажды уложила вещи в машину и уехала. Том тогда только что взял в банке большую ссуду на обустройство ветлечебницы и никак не мог последовать за ней. Да и не хотел. Когда Сара уехала, он понял: если необходимо выбирать между ней и Блаффом, он предпочитает Блафф. Это произошло два года назад, и с тех пор он не знакомился с женщинами — убедил себя, что женщины ему не нужны. Достаточно того, что он ведет размеренную жизнь и наслаждается красотой природы. Ветеринарная практика отнимала много сил — работа изматывала, а вознаграждения не было почти никакого. Тома это устраивало, но он так и не избавился от юношеской мечты о палеонтологии — по-прежнему хотел охотиться за погребенными в горах костями огромных мамонтов. Может быть, отец был прав: эту мечту надо было перерасти в двенадцать лет.

Том повернулся в гамаке — от движения рука заболела сильнее — и посмотрел на Сэлли. Перегородку в шалаше закатали вверх для вентиляции, и он видел, что девушка тоже легла отдохнуть с книгой, которую захватил в дорогу Вернон. Это был триллер под названием «Утопия». Утопия. Он считал, что именно утопию нашел в Блаффе. А на самом деле просто бежал туда от чего-то. Может быть, от отца.

Но так и не сумел убежать.

Краем уха он слышал, как дон Альфонсо отдавал приказания Чори и Пинго, и вскоре в шалаш проникли запахи готовящейся еды. Сэлли читала, переворачивала страницы, поправляла волосы и снова смотрела в книгу. Как она все-таки красива, хотя изрядно действует на нервы.

Девушка отложила книгу.

— Что смотрите?

— Интересный роман?

— Замечательный. Как вы себя чувствуете?

— Отлично.

— Вы действовали совсем в духе Индианы Джонса. — Том пожал плечами:

— А что оставалось делать? Сидеть сложа руки и смотреть, как змея пожирает брата? — Он вовсе не хотел говорить о недавнем приключении и попросил: — Расскажите мне о своем женихе. Этом самом профессоре Клайве.

— Что вам сказать? — Воспоминания заставили Сэлли улыбнуться. — Я приехала в Йельский университет, чтобы с ним работать. Он был моим консультантом, когда я писала докторскую диссертацию. Разве можно не влюбиться в такого блистательного человека? Никогда не забуду, как мы с ним познакомились. Это случилось на факультетской вечеринке. Я заранее решила, что встречу типичного профессора. И вдруг вау! Он был похож на Тома Круза.

— Bay!

— Конечно, наружность ничего не значит. В Джулиане главное не внешность, а мозги.

— Ну разумеется! — Том невольно залюбовался ею. И решил: все призывы Джулиана к интеллектуальной чистоте — сплошное ханжество. Он такой же мужчина, как и все, только больше кривит душой.

— Недавно он опубликовал книгу «Расшифровка языка майя». Гений в подлинном смысле слова.

— Вы уже назначили день свадьбы?

— Джулиан не верит в такие предрассудки. Мы просто ходим к мировому судье.

— А как насчет родителей? Они не будут разочарованы?

— У меня нет родителей.

Том почувствовал, что краснеет.

— Извините.

— Не стоит извиняться. Отец умер, когда мне было одиннадцать. Мать скончалась десять лет назад. Я к этому привыкла, насколько можно привыкнуть к смерти родителей.

— И вы в самом деле хотите выйти за этого типа? Возникла неловкая пауза. Сэлли покосилась на Тома.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего. — Пора менять тему разговора. — Расскажите мне о вашем отце.

— Он был ковбоем.

«Ну конечно, — подумал Том, — богатеньким ковбоем, который объезжает скаковых лошадей». А вслух произнес:

— Не знал, что они до сих пор существуют.

— Существуют, — ответила Сэлли. — Только они совсем не такие, как показывают в кино. Ковбои — это трудяги, у которых рабочее место — седло. Они зарабатывают меньше прожиточного минимума, в свое время бросили школу, у них проблемы со спиртным, и еще до сорока лет они получают жестокие увечья либо погибают от травм. Отец был старшим ковбоем на коллективном ранчо в Аризоне и сломал себе шею, когда полез чинить ветряную мельницу. Это не входило в его обязанности, но судья решил, что виноват он сам, поскольку был выпивши.

— Извините. Я не хотел лезть не в свои дела.

— Все нормально. Мне даже полезно об этом говорить. Так по крайней мере учит мой психоаналитик.

Том не мог определить, шутит Сэлли или говорит серьезно. И решил на всякий случай поостеречься. Кто его знает — может, в Нью-Хейвене все поголовно ходят к психоаналитикам.

— А я подумал, что ваш отец сам владел ранчо.

— Решили, что я — богатенькая дочка?

— Ничего подобного! — вспыхнул он. — Просто вы — выпускница Йеля и так превосходно держитесь в седле... — Том вспомнил Сару. Он был сыт по горло богатыми девицами и заключил, что Сэлли такая же.

Сэлли рассмеялась, но смех прозвучал горько.

— Мне приходилось биться за каждую малость в жизни. Это касается в том числе и Йеля.

Том покраснел еще сильнее. Он понял, что судил опрометчиво: Сэлли вовсе не похожа на Сару.

— Несмотря на свои недостатки, отец был замечательным родителем. Научил ездить верхом, стрелять, считать поголовье стада, лечить и стричь скот. Когда он умер, мама переехала в Бостон, где у нее жила сестра. Работала официанткой в «Красном омаре», чтобы как-то меня поддержать. Я пошла в Фрамингемский государственный колледж, потому что после своего убогого образования в бесплатной школе не могла бы учиться ни в каком другом месте. Потом мама умерла. От аневризмы. Все случилось очень неожиданно. Во

всяком случае, для меня. Словно конец света. А затем произошло кое-что хорошее: к нам пришла преподавательница антропологии, которая показала мне, насколько интересно учиться. И поверила в меня — поняла, что я не просто тупая блондинка. Она советовала мне стать врачом — я уже занималась на подготовительных медицинских курсах, но внезапно увлеклась биологической фармакологией и таким образом пришла к этнофармакологии. Просидела всю задницу, но поступила в Йельский университет. И там впервые встретилась с Джулианом. Никогда не забуду того дня. Он рассказывал на факультетской вечеринке забавнейшие истории. Я присоединилась к остальным и стала слушать. Джулиан говорил, как ездил в Копан. Он был таким... сногшибательным! Словно ученый прежних времен.

— Ну еще бы, — хмыкнул Том.

— А теперь вы расскажите о своем детстве, — попросила Сэлли.

— Я бы предпочел о нем не говорить.

— Так нечестно. Том вздохнул:

— У меня было очень скучное детство.

— Что-то не верится.

— С чего начать? Мы были, как говорится, рождены для жизни в поместье. Огромный дом, бассейн, повар, садовник, постоянный управляющий, тысяча акров земли. У отца на нас были большие планы. Он собрал целую полку книг, как поставить на ноги детей, и прочел все до единой. И во всех говорилось, что надо начинать с больших ожиданий. Когда мы были еще совсем маленькими, он крутил нам Баха и Моцарта, а в комнатах развесил репродукции картин старых мастеров. Когда учились читать, развесил по всему дому наклейки со всевозможными словами. Я просыпался и первое, что видел: «зубная паста», «кран», «зеркало» — слова таранились на меня из всех углов. В семь лет каждый из нас должен был выбрать какой-нибудь музыкальный инструмент. Я захотел играть на барабанах, но отец настаивал на чем-нибудь классическом. Пришлось музицировать на фортепьяно. Вернон учился на гобое, Филипп — на скрипке. И по воскресеньям, вместо того чтобы идти в церковь — отец был убежденным атеистом, — мы одевались и давали ему концерт.

— Боже!

— Вот именно: «Боже!» То же самое со спортом. Каждый из нас должен был выбрать свой вид спорта. Не ради забавы и не для развития, а чтобы преуспеть. Мы учились в лучших частных школах. У нас был поминутно расписан каждый день: уроки верховой езды, домашние учителя, личные спортивные тренеры, футбол, теннисные лагеря, компьютерные лагеря, лыжные походы в Таос и Кортина-д'Ампеццо.

— Какой ужас! А ваша мать? Что она собой представляла?

— У нас было три матери. Мы братья только наполовину. Можно сказать, что отцу не везло в любви.

— И всех вас троих он оставил при себе?

— Макс всегда получал то, что хотел. Разводы были некрасивыми. Матери играли в наших жизнях небольшую роль. Моя умерла, когда я был совсем маленьким. Отец намеревался воспитывать нас самостоятельно и не терпел никакого вмешательства. Поставил себе цель вырастить трех гениев, которые изменят мир. Сам выбирал нам карьеру, даже подружек.

— Сочувствую. Какое ужасное детство...

Том поерзал в гамаке. Его неприятно кольнуло ее замечание.

— Я бы не назвал Кортина-д'Ампеццо на Рождество ужасным местом. Все-таки такое воспитание нам кое-что дало. Я полюбил лошадей. Филипп влюбился в искусство Ренессанса. А Вернон... он ощутил любовь к бродяжничеству.

— Так он и подружек вам выбирал?

Том пожалел, что упомянул об этой детали.

— Пытался.

— И как, удавалось?

Том чувствовал, что краска опять заливает щеки, но никак не мог себя перебороть. Он

вспомнил Сару — такую блестящую, красивую, совершенную, талантливую и богатую.

— Кто она была? — спросила Сэлли. Женщины всегда все чувствуют.

— Девушка, с которой меня познакомил отец. Дочь его товарища. Смешно, но было время, когда наши желания совпадали. Я уехал с ней, и мы обручились.

— И что произошло потом?

Том внимательно посмотрел на Сэлли. Откуда в ней такой неподдельный интерес и что он означает?

— Не сложилось. — Он не стал объяснять, что застукал невесту в своей постели с другим мужчиной. Сара тоже получала все, что хотела. «Жизнь коротка, — говорила она. — Я хочу испытать все. Что в этом плохого?» И ни в чем себе не отказывала.

Сэлли по-прежнему испытующе смотрела на него.

— Ваш отец неплохо потрудился, — наконец проговорила она. — Он мог бы сам написать книгу, как воспитывать детей.

Том рассердился. Понимал, что не стоит это говорить, но не сдержался:

— Отцу бы понравился Джулиан.

— Простите, не поняла. — Сэлли смотрела на него во все глаза.

А Том, позабыв о здравом смысле, продолжал:

— Я хочу сказать, что отец желал, чтобы мы стали такими, как Джулиан. В шестнадцать окончил Стэнфордский университет, знаменитый профессор из Йеля, гений в подлинном смысле слова, как вы изволили выразиться.

— Считаю ниже своего достоинства отвечать! — возмутилась Сэлли. Ее лицо побагровело от злости. Она схватила роман и снова начала читать.

31

Филиппа привязали к дереву, руки скрутили за спиной. Черные мушки ползали по каждому открытому дюйму его тела, тысячи заживо поедали лицо. Он никак не мог бороться, когда насекомые забирались к нему в глаза, в нос, в ушные раковины. Тряс головой, старался проморгаться, скинуть с лица, но все напрасно. Веки настолько распухли, что почти закрылись. Хаузер с кем-то вполголоса говорил по спутниковому телефону. Филипп не разбирал слов, но уловил напористый тон. Он закрыл глаза. Ему все стало безразлично. Хотелось одного — чтобы тюремщик как можно скорее прекратил его мучения. Желал спасительной пули в лоб.

Льюис Скиба сидел за столом и смотрел в окно на юг, где на горизонте громоздились пики Манхэттена. Хаузер не звонил четыре дня. А до этого просил хорошенько все обдумать. В это время они пережили самый печальный период за всю историю компании. Акции упали в цене до шести долларов, Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям прислала повестку о вызове в суд³⁰ и арестовала все компьютеры и жесткие диски корпорации. Сукины дети забрали даже его компьютер. Ничем не сдерживаемые «медведи» продолжали безумствовать. Журнал Администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами официально объявил провальным проект флоксатена. Рейтинги «Стэндард энд Пур»³¹ низвели ценные бумаги «Лэмпа» до уровня хлама. И впервые пошли разговоры о главе 11³².

³⁰ В США правом вызова в суд обладают не только судебные, но и законодательные инстанции.

³¹ «Стэндард энд Пур» — ведущая корпорация по установлению кредитных рейтингов ценных бумаг. Рассчитывает и публикует фондовые индексы, издает аналитические материалы и справочники по ценным бумагам, компаниям и банкам.

³² Речь идет об одиннадцатой главе Закона о банкротстве.

Утром пришлось сказать жене, что обстоятельства складываются таким образом, что нужно немедленно выставить на торги их аспенский³³ домик. В конце концов, это четвертый дом в их семье, и они проводят в нем не больше недели в году. Но жена не поняла, и кончилось тем, что она ушла ночевать в гостевую комнату. Господи, что же это делается! А как она себя поведет, если придется продавать последний дом? Если придется забирать детей из частной школы?

И все это время Хаузер не звонил. Что, черт подери, он делал? Неужели случилось непоправимое? И он бросил предприятие? Скиба почувствовал, как у него на лбу выступил пот. Ему было отвратительно, что судьба компании и его личная судьба оказались в руках такого человека.

Раздался звонок телефона с шифратором, и Скиба буквально подпрыгнул. Было десять часов утра. По утрам Хаузер никогда не звонил, но управляющий сразу понял, что это именно он.

— Да? — Он старался, чтобы голос не звучал взволнованно.

— Скиба?

— Это я.

— Ну, как дела?

— Отлично.

— Все обдумали?

Скиба проглотил застрявший в горле ком. Екнуло сердце, язык не выговаривал слова. Он уже выпил свою норму, но лишний глоток не повредит. Не выпуская трубки, Скиба открыл ящик и, не заботясь о том, чтобы развести спиртное, налил стакан.

— Я понимаю, это неприятно. Но время настало. Вы хотите фармакопею или нет? Я могу все бросить и ехать обратно. Что скажете?

Скиба вылил в рот жгучую золотистую жидкость и обрел голос. Но заговорил надтреснутым шепотом:

— Я повторяю вам снова и снова: это не имеет ко мне никакого отношения. Вы в пяти тысячах миль отсюда, и у меня нет возможности контролировать ваши действия. Поступайте как знаете. Только привезите кодекс.

— Не слышу. Мешает скрэмблер...

— Делайте что требуется, а меня увольте! — проревел Скиба.

— Ах, нет-нет, так не пойдет. Я же вам объяснял, что мы компаньоны.

Управляющий стиснул трубку мертвой хваткой. Он весь дрожал. И даже вообразил, еще усилие — и он придушит этого Хаузера.

— Так избавляться от них или нет? — продолжал игривый голос. — Если не избавиться, они подадут на вас в суд, и вы прекрасно понимаете, что проиграете. У меня такое впечатление, что вы хотели получить фармакопею и потом не иметь осложнений с законом.

— Я предложу им отступные. Они заработают миллионы.

— Они не захотят иметь с вами дел. У них другие планы на кодекс. Разве я вам не говорил? Эта женщина... Сэлли Колорадо... у нее большие планы.

— Какие планы? — Скибу колотила дрожь.

— Такие, что в них нет места компании Лэмпа. Это все, что вам надлежит знать. Понимаете, Льюис, у вас те же проблемы, что у всех бизнесменов: вы не умеете принимать жестких решений.

— Речь идет о человеческих жизнях.

— Я знаю. Мне это тоже дается нелегко. Но нужно из двух зол выбирать меньшее. Несколько человек исчезнут в непроходимых джунглях. Это на одной чаше весов. На другой

³³ Аспен — курорт в центре штата Колорадо на западных склонах гор Савач.

— спасительное лекарство для миллионов больных, двадцать тысяч рабочих мест, акционеры, которые станут молиться на вас, а не требовать вашей крови, и ваша слава на Уолл-стрит, потому что это вы спасли компанию от разорения.

— Дайте мне еще один день.

— Нет. Время пришло. Помните, я говорил, что их необходимо остановить прежде, чем они попадут в горы? Так вот, успокойтесь. Мне даже не придется это делать самому. Со мной здесь несколько солдат. Дезертиры. Я с ними едва справляюсь. Они ненормальные и готовы на все, что угодно. Здесь такие вещи случаются сплошь и рядом. Если я теперь поверну обратно, они все равно их убьют. Так скажите, как мне поступить? Избавиться от них и привезти кодекс? Или вернуться ни с чем? Ответ за вами.

— Делайте!

Послышалось потрескивание атмосферных помех.

— Нет уж, Льюис, вы четко скажите, что конкретно я должен делать?

— Делайте! Убейте их ко всем чертям! Убейте Бродбентов!

32

Через два с половиной дня после нападения змеи, когда они шли на шестах по очередной бесконечной протоке, Том заметил, что вокруг светлеет — это сквозь кроны деревьев стали пробиваться солнечные лучи. И вдруг с поразительной неожиданностью каноэ вырвались из объятий Меамбарского болота. Это было все равно что вступить в новый мир. Они очутились на краю огромного болота, вода в котором казалась черной, как чернила. Сквозь облака просвечивало вечернее солнце, и Том испытал облегчение оттого, что выбрался на открытое пространство и наконец покинул зеленую темницу трясины. Свежий ветер отогнал черных мушек. На противоположном берегу голубели холмы, а за ними к облакам поднималась едва различимая горная гряда.

Дон Альфонсо встал на носу и распростер руки. С трубкой из кукурузного початка в морщинистом кулаке он был похож на растрепанное огородное пугало.

— Лагуна-Негра! — закричал он. — Мы пересекли Меамбарское болото. Я, дон Альфонсо Босвас, точно и безошибочно указал путь.

Чори и Пинго опустили в воду моторы, включили зажигание, и каноэ устремились к далекому берегу — Том устроился на груди вещей и наслаждался встречным потоком воздуха, а обезьянка Волосатик вылезла из кармана, забралась ему на макушку, причмокивала и довольно бормотала. Том подумал, что успел позабыть ощущение ветра на коже.

Они остановились на ночлег на песчаном берегу на другой стороне. Чори и Пинго отправились на охоту и через час вернулись с освеженным, выпотрошенным и разрубленным на кровавые куски оленем, которого несли в пальмовых листьях.

— Отлично! — воскликнул дон Альфонсо. — Томас, сегодня мы полакомимся отбивными из оленины, а остаток мяса завялим на дороге.

Том с интересом наблюдал, как индейцы с помощью мачете умело нарежали мясо длинными лоскутами, бросали на решетку, а затем подбрасывали в костер сырых дров, отчего очаг начинал сильно дымить.

Вскоре отбивные были готовы, и дон Альфонсо раздал их спутникам. Во время ужина Том наконец задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— А куда мы отправимся отсюда?

Дон Альфонсо швырнул в темноту кость.

— В Лагуну-Негра впадает пять рек. Нам предстоит выяснить, по которой из них поднялся ваш отец.

— Где они берут начало?

— В горах. Одна течет из Кордильер, другая со Серро-Патука, третья со Серро-де-лас-Неблинас. Самая длинная — Макагури. Она берет начало в Серро-Асуль. Это

на полпути к Тихому океану.

— Они проходимы для лодок?

— Говорят, что в низовье да.

— Что значит говорят? — удивился Том. — Вы никогда там не бывали?

— Из моего народа там никто никогда не бывал. Это опасный край.

— Почему? — спросила Сэлли.

— Звери не боятся людей, случаются землетрясения и извержения вулканов, и там обитают злые духи. Есть целый город демонов, откуда никто не возвращался.

— Город демонов? — заинтересовался Том.

— Да. Сиудад-Бланка. Белый город.

— Что это за город?

— Некогда построен богами, а теперь лежит в руинах. Вернон обсосал кость, затем швырнул ее в огонь и обыденным тоном произнес:

— Вот вам и ответ.

— Ответ на что?

— Куда отправился наш отец.

Том во все глаза уставился на брата:

— Смелое предположение. Откуда ты можешь знать?

— Я не знаю. Но отца всегда тянуло в такие места. Любил подобные байки. Старался их проверить. А ведь такие истории часто основываются на реальности. Готов поспорить, он нашел затерянный город — нечто вроде огромной руины.

— Но в этих горах не должно быть никаких руин.

— Кто это сказал? — Вернон взял с пальмового листа новый кусок мяса и отправил в рот.

А Том вспомнил краснолицего Деррика Дана и его легкомысленное утверждение, что анаконды не питаются людьми. И повернулся к дону Альфонсо:

— Точно известно, что этот город существует?

— Так говорят. — Индеец торжественно кивнул, и его лицо превратилось в морщинистую маску.

— Где он находится?

Дон Альфонсо покачал головой:

— Этого никто не знает. Город не имеет постоянного места, все время перемещается среди вершин Серро-Асуль и прячется в горных туманах.

Том покосился на Вернона:

— В таком случае это миф.

— О нет, Томас, город существует на самом деле. Говорят, что попасть в него можно, только перейдя бездонное ущелье. Но тот, кто оступится, умрет от страха и будет бесконечно падать вниз, пока от него не останется один скелет. Но и этот скелет будет продолжать лететь, пока не рассыплется на кости. В конце концов не останется ничего, кроме костной пыли. И этой пыли суждено вечно сыпаться во мрак.

Дон Альфонсо подбросил полено в костер. Том смотрел, как дерево сначала задымилось, а потом по нему побежали язычки пламени. Что же это за Белый город?

— В наши дни и в нашем веке не осталось затерянных городов, — произнес он.

— Вот в этом вы ошибаетесь, — возразила Сэлли. — Их десятки, а может быть, сотни. В таких местах, как Камбоджа, Бирма, пустыня Гоби и Центральная Америка. Например, город Кью.

— Никогда не слышал о таком.

— Вот уже тридцать лет оттуда нескончаемым потоком поступает награбленное, и это сводит археологов с ума. Они понимают, что где-то, скорее всего в равнинной части Гватемалы, должен находиться огромный затерянный город индейцев майя. Однако никак не могут найти. А кладоискатели тем временем разбирают его по камешку и продают на черном рынке.

— Отец частенько болтался в барах, — напомнил Вернон. — Заказывал выпивку индейцам, лесорубам и золотоискателям и внимательно прислушивался к их рассказам о затерянных городах. Даже выучил какой-то индейский язык. Помнишь, Том, как он вворачивал за обедом индейские словечки?

— Я считал, что он все сочиняет.

— А теперь задумайся: зачем ему строить себе могилу, когда он мог использовать готовую — ту, что некогда сам ограбил?

Несколько мгновений никто не отвечал, Затем Том захлопал в ладоши:

— Браво, Вернон!

— И еще учти: он взял себе в помощники местных индейцев. У костра воцарилось молчание, только потрескивали сучья в огне.

— Но отец никогда не упоминал о Белом городе, — наконец произнес Том.

— Еще бы! — улыбнулся Вернон. — И знаешь почему? Это то место, где он сделал свое первое открытие, которое дало начало всему. Он приехал туда нищим, а оттуда вывез полную лодку сокровищ, и это позволило ему открыть галерейное дело.

— В этом есть смысл.

— Черт возьми, еще сколько смысла! Я ручаюсь, он вспомнил истоки своей карьеры, когда решил устроить себе могилу. Превосходный план! В этом так называемом Белом городе наверняка найдутся готовые гробницы. Отец знал, где они находятся, потому что в свое время сам же их и обворовал. Ему оставалось заручиться помощью местных индейцев и устроиться в одной из них. Том, уверяю тебя, Белый город существует на самом деле.

— Я согласна, — кивнула Сэлли.

— Я даже знаю, как он заплатил индейцам за помощь, — продолжал Вернон.

— Как? — спросил Том.

— Помнишь счет, который полицейский из Санта-Фе нашел в доме отца? В нем значилась французская и немецкая кухонная утварь. Он расплатился со здешними жителями кастрюлями.

Дон Альфонсо несколько раз нарочито кашлянул и, когда привлёк к себе внимание, изрек:

— Все эти разговоры никчему.

— Почему?

— Потому что ни одному смертному не дано найти Белый город. Ваш отец не мог туда попасть. А если бы попал, демоны убили бы его и забрали душу. Там дуют такие ветры, что сбивают с ног и отбрасывают назад, туманы затмевают глаза и разум, горные источники размывают память. Нет, — он энергично затряс головой, — это совершенно невозможно.

— По какой реке туда надо плыть?

Индеец насупил брови, большие глаза за грязными линзами очков стали недовольными.

— К чему вам бесполезная информация? Я же сказал, что это невозможно.

— Отнюдь. И это именно то место, куда мы отправимся. — Дон Альфонсо целую минуту не сводил с Тома глаз.

— Туда ведет Макатури, но это всего лишь половина дороги. По ней нельзя подняться выше водопадов. А дальше до Серро-Асуль еще много дней пути по горам, долинам и снова по горам. Невозможный путь. Ваш отец не мог его преодолеть.

— Дон Альфонсо, вы не знаете нашего отца.

Индеец набил трубку и устремил встревоженный взгляд на огонь. Он заметно потел. Рука, держащая трубку, дрожала.

— Завтра, — объявил Том, — мы пойдем вверх по Макатури. Наша цель — Серро-Асуль. Вы с нами, дон Альфонсо?

— Конечно, — тихо проговорил индеец, не отрывая глаз от костра. — Идти с вами — моя судьба. Разумеется, мы все умрем, прежде чем доберемся до Серро-Асуль. Я старый человек и готов умереть и предстать перед святым Петром. Но мне грустно, что погибнут Пинго и Чори. Погибнут Вернон и целительница. И очень грустно, что погибнете вы, потому

что теперь я ваш друг.

33

Мысли о Белом городе не давали Тому уснуть. Вернон был прав. Все точно совпадало. И было настолько очевидно, что Том удивлялся, почему не додумался сам.

Он метался и ворочался, не давая уснуть Волосатику. Тот недовольно попискивал, наконец взобрался по столбу, к которому был привязан гамак, и заночевал там. Примерно в четыре утра Том поднялся, развел огонь на старом кострище и поставил кипятить воду. Все еще раздраженная обезьянка спустилась вниз, залезла к нему в карман и подняла голову, чтобы ей почесали под подбородком. Вскоре появился дон Альфонсо, сел рядом, принял из рук Тома чашку кофе. И они долго молчали в полумраке джунглей.

— Я давно хотел вас спросить, — начал Том. — Когда мы отплывали из Пито-Соло, вы говорили так, словно не намерены возвращаться. Почему?

Старый индеец отхлебнул напиток, в глазах отразились тлеющие угли костра.

— Настанет время, Томасино, и вы узнаете ответы на этот и многие другие вопросы.

— Почему вы отправились с нами?

— Это было предсказано.

— Недостаточно веская причина.

Дон Альфонсо повернулся и посмотрел на Тома.

— Судьба — это не причина. Это объяснение. Давайте больше не будем об этом говорить.

Макатури оказалась самой широкой из пяти впадающих в Лагуну-Негра рек. Она была более проходимой для лодок, чем Патука, — глубокая и чистая, без песчаных перекатов и каверзного топляка. Они плыли на моторах вверх по течению, и выглянувшее из-за холмов солнце окрашивало их в золотисто-зеленые тона. Дон Альфонсо возвышался на привычном месте на груди припасов, но его настроение изменилось. Он больше не философствовал о жизни, не рассуждал о сексе, не жаловался на непочтительность сыновей и не рассказывал, как называются животные и птицы. Сидел, курил и встревоженно смотрел вперед.

Несколько часов путешественники почти не говорили. Но вот за поворотом показалось упавшее поперек реки дерево. Оно рухнуло совсем недавно, потому что зеленые листья еще не успели завянуть.

— Странно, — пробормотал дон Альфонсо и дал знак Чори, чтобы тот подождал Пинго и пропустил его вперед. Каное сбавило скорость. Вернон привалился к планширу и наслаждался солнцем. Когда их каное вырвалось вперед, он помахал рукой.

Пинго направил лодку к противоположному берегу, где ствол был тоньше и легче было прорубить проход.

Внезапно дон Альфонсо ухватился за ручку мотора и вывернул до отказа вправо. Каное заложило крутой вираж и чуть не перевернулось.

— Ложитесь! — закричал он. — Все вниз!

В тот же миг из леса ударила автоматная очередь. Том бросился к Сэлли и прижал ее ко дну. Пули прошили борт и окатили их градом щепок. Он слышал, как они шлепались о воду и как кричали нападавшие. Дон Альфонсо скрючился на корме и, не выпуская румпель, правил под прикрытие берега.

Из второй лодки донесся душераздирающий крик — значит, там кого-то задело. Том защищал собой Сэлли и не видел ничего, кроме светлой копны ее волос и долбленого дна в зазубринах. Крик не прекращался — нечеловеческий вопль страха и боли. «Это Вернон, — подумал Том. — Вернона подстрелили». Стрельба продолжалась, но теперь пули летели у них над головами. Каное чиркнуло по дну, затем еще раз. Винт на мелководье ударил по камню. Автоматные очереди и крики прекратились одновременно. Лодки успели укрыться за берегом.

Дон Альфонсо встал, оглянулся и что-то прокричал на языке таваха. Ему никто не

ответил.

Том осторожно поднялся и поднял Сэлли. У нее на щеке алела капелька крови — туда угодила отлетевшая от борта щепка.

— Вы в порядке? — спросил он. Девушка молча кивнула.

Каное плыло вдоль высокого берега, почти цепляя склонившиеся к воде кусты. Том сел, обернулся к следовавшей за ними лодке и позвал:

— Вернон! Тебя ранило? — Он заметил кровь на руке человека, державшего руль мотора, и крикнул громче: — Вернон!

Брат, дрожа, поднялся со дна лодки. Он был перепуган.

— Господи, Вернон, ты цел?

— Пинго ранен.

— Сильно?

— Судя по всему, да.

Послышался кашель заводимого лодочного мотора, взревел двигатель, затем другой. Дон Альфонсо правил как можно ближе к берегу. Вернон перехватил румпель и повел каное вслед за ними.

— Нам не уйти! — выдохнул Том. Сэлли повернулась к Чори:

— Дай мне твою винтовку.

Индеец непонимающе на нее посмотрел. Не теряя времени, девушка взяла его винтовку, передернула затвор и устроилась на корме.

— Этим их не остановить, — буркнул Том.

— Хотя бы, черт возьми, задержу, — ответила Сэлли. Том заметил, как из-за поворота показались лодки, солдаты подняли автоматы.

— Ложитесь!

Он услышал единственный выстрел винтовки Сэлли; раскат эхом прокатился под покровом ветвей и осыпал их листьями. Но выстрел произвел желаемый эффект: лодки преследователей в панике вильнули под прикрытие берега. Сэлли опустилась рядом с Томом.

Дон Альфонсо как можно ближе прижимался к лесу. Винт то бил по камням, то бешено взывал, когда выскакивал из воды. Вновь над головой завизжали пули. Глухо лязгнуло — это одна из них ударила в мотор. Двигатель захлебнулся, и из-под капота пыхнуло огнем. Лодку стало разворачивать бортом к медленному течению. Пламя распространялось с невероятной быстротой и уже показалось из плавающих бензопроводов. В это время нос лодки, где сидели Пинго и Вернон, ударил в заднюю часть их корпуса. Пожар перекинулся к ним и стал подбираться к канистрам с горючим.

— За борт! — крикнул Том.

Путешественники выскочили из суденышек на мелководе, Чори и Вернон подхватили Пинго и вынесли его на берег. Новые автоматные очереди прошли над головами, и сверху на людей посыпались камни и песок. Однако выстрел Сэлли отрезвил солдат и заставил держаться на расстоянии. Это дало возможность беглецам взобраться на обрыв, они укрылись за деревьями и перевели дыхание.

— Надо спешить! — повернулся к остававшимся Том. Назад он посмотрел всего один раз: их каное, охваченные огнем, медленно плыли вниз по течению. Раздался приглушенный хлопок — на одной из лодок взорвался топливный бак, и высоко к небу поднялся огненный шар. Каное с солдатами опасно вильнуло к берегу. Сэлли, которая так и не рассталась с оружием индейца, встала на колени и послала сквозь листву еще одну пулю.

Беглецы отступали в джунгли и, продираясь сквозь чащу, по очереди несли Пинго. Сзади кричали и стреляли наугад, потом взорвался второй бензобак. Судя по всему, солдаты пристали к берегу и нехотя пустились в погоню. Но по мере того как беглецы углублялись в лес, беспорядочная стрельба становилось тише и вскоре вовсе смолкла.

Они остановились на маленькой, заросшей травой поляне. Том и Вернон уложили Пинго на землю, и Том тщетно пытался нащупать у него пульс. Пульса не было. Он

осмотрел рану — повреждения оказались ужасными: разрывная пуля вошла в спину между лопатками и своей разрушительной силой вырвала на груди кусок мяса так, что образовалась дыра больше шести футов в диаметре. Траектория проходила прямо сквозь сердце — оставалось удивляться, как индеец сумел прожить после ранения еще несколько секунд.

Том поднял глаза на Чори. Лицо индейца оставалось абсолютно бесстрастным.

— Мне очень жаль, — проговорил Бродбент.

— У нас нет времени для сантиментов, — оборвал его дон Альфонсо. — Нам надо идти.

— И бросить тело?

— С ним останется Чори.

— Но солдаты совсем рядом...

Дон Альфонсо не дал ему договорить:

— Чори сделает, что положено. — Он повернулся к Сэлли: — Его ружье останется у вас. Чори мы больше не увидим.

— Так нельзя! — запротестовал Том, но старый индеец взял его за плечо, и хватка оказалась на удивление, как тиски, крепкой.

— Чори предстоит свести счеты с убийцами брата.

— Без оружия?

Чори тем временем достал из кожаной сумки измятую коробку с патронами и подал Сэлли.

— Тихая стрела в джунглях действенное ружье. Он убьет довольно врагов, чтобы умереть с достоинством. Таков наш обычай. Не вмешивайтесь. — Дон Альфонсо повернулся и, не оглядываясь, направился в лес, взмахнул machete и вошел в образовавшийся проход. Остальные последовали за ним, стараясь не отстать — старик двигался быстро и бесшумно, словно летучая мышь. Том понятия не имел, куда они направлялись. Несколько часов отряд шел по лесу: то спускался в овраги, то переправлялся через быстрые речушки, то прорубался сквозь заросли бамбука и папоротников. На них сыпались муравьи, заползали под рубашки и нещадно кусали. Пару раз дон Альфонсо протыкал machete и отбрасывал с дороги небольших змей. Прошел короткий дождь, и они промокли. Затем выглянуло солнце, и от них повалил пар. Не давали покоя мучительно жалившие насекомые. Никто не разговаривал — сил хватало только на то, чтобы не отстать от проводника.

Дон Альфонсо остановился через несколько часов, когда над верхушками деревьев стало меркнуть небо. Не говоря ни слова, сел на поваленное дерево, вынул трубку и разжег. Том смотрел, как вспыхнула спичка, стараясь прикинуть, сколько их еще осталось. Вместе с лодками они потеряли почти все свои припасы.

— А что теперь? — спросил Вернон.

— Устроим бивуак, — ответил старый индеец и ткнул machete себе под ноги. — Разводите костер. Вот здесь.

Вернон принялся за дело. Том стал ему помогать.

— Ты, — дон Альфонсо указал machete на Сэлли, — пойдешь на охоту. Ты хоть и женщина, но стреляешь, как мужчина. И у тебя отвага мужчины.

Том посмотрел на девушку. Ее щеки были перепачканы, белокурые волосы спутаны, на плече ружье. На лице отразилось все, что чувствовал он сам: потрясение от неожиданного нападения, ужас от гибели Пинго, страх из-за того, что они потеряли все припасы, и отчаянное желание выжить. Сэлли кивнула и исчезла в лесу. Дон Альфонсо повернулся к Тому:

— Ты будешь строить со мной шалаш.

Через час наступила ночь. Беглецы сидели у костра и доедали тушеное мясо какого-то большого грызуна, которого удалось подстрелить Сэлли. Дон Альфонсо сидел перед кучей пальмовых листьев, обрывал мякоть и плел гамаки. Он был молчалив, только время от времени отдавал приказания.

— Что это были за солдаты? — спросил Том.

— Те солдаты, что поднимались вверх по реке с вашим третьим братом Филиппом, — ответил, не отрываясь от работы, индеец.

— Не может быть! — запротестовал Вернон. — Филипп никогда бы не позволил на нас напасть.

У Тома упало сердце. В поисковой партии Филиппа, видимо, вспыхнул бунт или случилось что-нибудь похуже. И теперь брат в страшной опасности либо уже в могиле. Значит, их неизвестный враг — Хаузер. Это он убил двух полицейских из Санта-Фе, устроил их арест в Брусе и совсем недавно приказал напасть на них на реке.

— Вопрос состоит в том, — сказала Сэлли, — либо мы идем вперед, либо возвращаемся...

Том кивнул.

— Идти вперед — самоубийство, — заявил Вернон. — У нас ничего нет: ни еды, ни одежды, ни палаток, ни спальных мешков.

— Но там Филипп, — возразил Том. — Он попал в беду. Теперь совершенно очевидно, что за убийством двух полицейских из Санта-Фе стоит Хаузер.

Наступило молчание.

— Может быть, стоит вернуться, запастись едой и оружием? — предложил Вернон. — С голыми руками мы никак ему не поможем.

Том покосился на дона Альфонсо и по его нарочито безразличному выражению лица понял, что у него другое мнение. Он заметил, что старик всегда строил такую мину, когда был не согласен.

— Дон Альфонсо!

— Да?

— А вы как считаете?

Старый индеец отложил гамак и потер ладонь о ладонь.

— Я никак не считаю. Могу только изложить факты.

— И каковы же они?

— За нами смертельно опасное болото, вода в котором понижается с каждым днем. У нас нет каноэ. На то, чтобы сделать новое, потребуется не меньше недели. Но мы не можем сидеть неделю на одном месте. Солдаты нас непременно обнаружат. При работе над каноэ валит густой дым — по нему нас легко засекут. Остается двигаться пешком через джунгли в сторону Серро-Асуль. Вот таковы факты.

34

Марк Хаузер сидел на бревне у огня, держал в зубах толстую сигару и занимался неполной разборкой автомата «стейр». Оружие в этом не нуждалось, но Хаузер превратил занятие в постоянно повторяющийся физический цикл, который в какой-то мере заменял ему медитацию. Большинство деталей автомата было выполнено из отличного пластика, и это нравилось его хозяину. Хаузер отвел назад затвор, взялся за цевье, большим пальцем надавил на кнопку запора ствола, повернул ствол по часовой стрелке и отделил от ствольной коробки. Его порадовало, как мягко разъединились детали оружия.

Время от времени он поглядывал в сторону джунглей, но оттуда не доносилось ни звука. Днем Хаузер слышал, как рычал ягуар. Это был голос досады на неудачную охоту и голода, и Хаузер не хотел, чтобы его пленника сожрали. Во всяком случае, до того момента, пока он не поймет, куда подевался Макс. Он подбросил дров в костер, чтобы рассеять тьму и отогнать крадущегося хищника. Справа от лагеря слышался шум Макатури; вода тихо плескалась о берег и журчала в ленивых водоворотах. Ночь на этот раз выдалась прекрасной. Бархатное небо запылили яркие звезды, и светлячки их отражений плясали на поверхности реки. Было уже почти два, но Хаузер принадлежал к тем счастливицам, кому требовалось всего четыре часа сна в сутки.

Он еще подбросил дров в огонь и извлек из автомата затвор. Пальцы тихонько ласкали

пластмассовые и металлические детали — теплый пластик и холодный металл. Он наслаждался запахом ружейного масла и легкими щелчками легко разъединяемых, хорошо пригнанных друг к другу частей. Хаузер взвесил каждую на ладони, проверил, вычистил и принялся собирать. Работал неторопливо, даже немного сонно — никакой лагерной спешки.

Послышался негромкий звук — пение моторов возвращавшихся лодок. Хаузер прервал работу и прислушался. Операция завершена, его люди не опоздали. Он был доволен: операция оказалась настолько простой, что ее не сумели бы провалить даже эти гондурасские придурки.

Или все-таки провалили? Вот из сумрака над водой материализовалось каноэ, но не с пятью, а всего с тремя солдатами на борту. Лодка пристала к большому камню, который служил причалом. Два солдата выпрыгнули на берег и, освещаемые пламенем костра, помогли третьему. Хаузер услышал стоны. Трое, а он посылал пятерых.

Он вдвинул затвор в затворную раму и присоединил ствол. Все движения были выполнены на ощупь, а Хаузер в это время смотрел на приближавшихся к огню солдат. Они явно нервничали. Один поддерживал раненого товарища. Стрела длиной три фута проткнула ему бедро — оперение колыхалось за спиной, а металлический наконечник выглядывал спереди. На разорванной штанине запеклась кровь.

Солдат ничего не говорил и стыдливо волочил ногу. Хаузер ждал. Теперь ему стало очевидно, что, понадеявшись на гондурасских солдат, он жестоко ошибся: недоумки не сумели провести самую простую операцию. Повернув ствол, он поставил его на замок и со щелчком присоединил магазин. Положил оружие на колени и, испытывая холод в груди, ждал.

Молчание было мучительным, один из гондурассцев не выдержал и заговорил. Это был лейтенант.

— Начальник... — начал он. Хаузер выслушал объяснения.

— Мы убили двоих и сожгли их лодки с продовольствием. Их тела в каноэ.

— Чьи тела? — спросил Хаузер после паузы. Последовала неловкая пауза.

— Двоих индейцев таваха. Американец не ответил. Это был провал.

— Старик, что был при них, заметил засаду, прежде чем мы успели открыть огонь, — продолжал оправдываться лейтенант. — Они свернули. Мы преследовали их по реке. Но им удалось выбраться на берег и скрыться в джунглях. Мы погнались за ними и напоролась на одного из таваха. На нашу беду, он был вооружен луком и стрелами. И мы никак не могли его обнаружить, пока он не уложил двоих наших и не ранил третьего. Только после этого мы его убили. Начальник, вы же знаете этих лесных индейцев — тихие, словно ягуары...

Он замолчал и стоял, переминаясь с ноги на ногу, а солдат со стрелой в бедре невольно застонал.

— Так что, начальник, двоих мы убили, а остальных загнали в джунгли без еды, без амуниции, без ничего. И теперь они там непременно подохнут.

Хаузер поднялся:

— Извините меня, *teniente*, этот человек нуждается в немедленной помощи.

— *Si, senor.*

Не выпуская автомата, американец обнял раненого свободной рукой и увел от поддерживавшего товарища. Наклонился и тихо проговорил:

— Пошли, я о тебе позабочусь. Лейтенант с кислым лицом остался у костра.

Хаузер подталкивал раненого в темноту. Тот хромал и постанывал, кожа горела огнем — у него явно поднялась температура.

— Расслабься, — повторял Хаузер. — Сейчас все устроим. — В пятидесяти ярдах от лагеря он посадил солдата на бревно. Раненый шатался, скрежетал зубами, но с его помощью мог хотя бы сидеть.

— Сеньор, прежде чем вы начнете вырезать стрелу, дайте мне виски, — пробормотал в страхе перед болью солдат.

— Это займет не больше секунды. — Хаузер дружески похлопал его по плечу. — Мы

быстро, быстро приведем тебя в порядок! — Он наклонился с мачете над стрелой.

— Нет, сеньор, пожалуйста, сначала виски!.. — Раненый весь напрягся.

Он смотрел на мачете, скрежетал зубами и больше ничего не замечал. А Хаузер тем временем поднял автомат так, что дуло оказалось в дюйме от затылка солдата. Перевел оружие на автоматический огонь и нажал на спуск. Рванула короткая очередь. Пули ударили сбоку и снесли солдата с бревна. Он упал ничком на землю и замер. Воцарилась тишина.

Хаузер возвратился в лагерь и вымыл руки. Снова сел у костра, взял свою недокурную сигару и зажег от тлеющей веточки. Двое товарищей убитого не смотрели на него, но другие, услышав шум, стали высовывать из палаток головы. Они держали в руках оружие и тревожно оглядывались.

— Все в порядке, — махнул им рукой Хаузер. — Тут одному из вас потребовалась срочная операция. И я провел ее безболезненно и вполне успешно.

Он вынул изо рта сигару, глотнул из висевшей на поясе фляжки и снова затянулся дымом. Это взбодрило его, но не сильно. Хаузер в который раз совершал одну и ту же ошибку: поручал гондурасцам дело, и они его преспокойно проваливали. А сам он не мог разорваться и все успеть. Всегда одна и та же проблема. Он повернулся к лейтенанту и улыбнулся:

— Вот видите, *teniente*, я очень хороший хирург. Так что, если потребуется помощь, я к вашим услугам.

35

Следующий день они провели в лагере. Дон Альфонсо нарубил гигантскую кучу пальмовых листьев и сидел перед ней, скрестив ноги: он плел заплечные мешки и новые гамачи. Сэлли сходил на охоту и принесла небольшую антилопу, которую Том разделал и закоптил на огне. Вернон собирал фрукты и корень маниоки. К концу дня у них появились кое-какие запасы еды на дорогу.

Они осмотрели все, что имели. У них оказалось несколько коробок не боящихся воды спичек, коробка с тридцатью патронами. В рюкзаке у Тома — походная плитка с набором алюминиевых кастрюлек и сковородок, две канистрочки с керосином и баллончик с репеллентом от насекомых. Вернон бежал в лес с биноклем на шее. Дон Альфонсо сохранил несколько плиток шоколада, три трубки, две пачки табака, точильный камень и рыболовные лески с крючками. Все это хранилось в его грязной кожаной сумке, которую он успел спасти из горящего каноэ. Кроме того, у каждого нашлись обычные спички, которые в момент нападения хранились у них в поясах.

На следующее утро они отправились в путь. Том прорубал дорогу только что заточенным мачете, а дон Альфонсо шел следом и указывал, куда повернуть. После нескольких часов махания рукой Том вышел на старую звериную тропу, которая вилась в прохладе меж деревьев с гладкими, будто без коры, стволами. Здесь царил полумрак и не было почти никакого подлеска. Стояла полная тишина. Казалось, что они идут среди колонн в просторном зеленом храме.

Сразу после полудня тропа вывела их к подножию горной цепи. Местность стала повышаться, и под ногами вместо лесного травяного ковра стали попадаться замшелые булыжники. Тропа сделалась прямой, как стрела. Дон Альфонсо поднимался с удивительной скоростью, и его спутникам стоило усилий от него не отстать. Чем выше они забирались, тем становилось прохладнее. На смену величественным деревьям джунглей пришли их высокогорные карликовые собратья с покрытыми мхом ветвями. Ближе к вечеру отряд оказался на каменистом плато, где каждый валун формой напоминал лист. Впервые беглецы смогли обернуться и бросить взгляд на джунгли, из которых только что вышли.

Том вытер лоб. Крутой изумрудный склон убежал из-под ног и в трех тысячах футах внизу вливался в зеленый океан жизни. Над головой плыли громадные кучевые облака.

— Не представляла, что мы так высоко, — проговорила Сэлли.

— Спасибо Пресвятой Богородице, добрались, — ответил дон Альфонсо и стал снимать рюкзак из пальмовых листьев. — Здесь хорошее место, чтобы разбить лагерь. — Он сел на ствол, достал трубку, раскурил и принялся отдавать приказания: — Том и Сэлли идут на охоту. Ты, Вернон, сначала разведешь огонь, а потом начнешь строить шалаш. Я буду отдыхать.

Он откинулся назад, лениво пыхнул дымом и прикрыл глаза. Сэлли забросила ружье за плечо, и они пошли по звериной тропе.

— Не имел случая поблагодарить вас за ваш выстрел в солдат, — начал Том. — Получается, что вы спасли нам жизнь. Вы мужественный человек.

— Вы говорите, как дон Альфонсо, — нахмурилась девушка. — Не можете поверить, что женщина способна управляться с оружием?

— Я не об умении стрелять, а о вашей выдержке. И должен признать, что вы меня поразили.

— К вашему сведению, мы живем в двадцать первом веке, и сейчас женщины делают удивительные вещи.

— А что, в ваших краях все такие вспыльчивые? — покачал головой Том.

Сэлли холодно посмотрела на него зелеными глазами:

— Может, займемся охотой? Своей болтовней вы распугиваете дичь.

Он подавил очередное замечание и стал любоваться ее стройным телом. Нет, эта шагающая по джунглям женщина нисколько не напоминала Сару. Прямолинейная, открытая, задиристая. А Сара была, наоборот, уклончиво-обходительной: никогда не говорила то, что думала, ни слова правды, и была приятна даже тем, кого сама терпеть не могла. Обман ее забавлял.

Они шли дальше. Шаги в чаще приглушали пружинившие под ногами мокрые листья. Внизу сквозь ветки поблескивала саблевидная дуга Макатури.

С лесного склона выше над ними послышался кашель. Он очень напоминал человеческий, но был громче и гортаннее.

— Кто-то из кошачьих, — проговорила Сэлли.

— В смысле ягуар? — уточнил Том. — Да.

Они шли бок о бок и отводили с пути ветки и листья папоротников. На горных склонах стояла удивительная тишина. Даже птицы перестали щебетать. Вверх по стволу дерева юркнула ящерица.

— Как здесь странно, — сказал Том. — Совершенно нереально.

— Поднебесный лес. Мы на большой высоте. — Сэлли взяла винтовку на изготовку и пошла вперед. Том следовал за ней.

Снова раздался кашель — басовитый, раскатистый. Теперь это был единственный звук в притихшем лесу.

— Кажется, ближе, — предостерег Том.

— Ягуары боятся нас больше, чем мы их, — заметила девушка.

Они взобрались по покрытой скатившимися сверху валунами круче, протиснулись между замшелыми камнями и оказались перед зарослями бамбука. Сэлли обошла их стороной. Облака висели над самой головой, между деревьями просачивались жгутики тумана. В воздухе пахло сыростью. Пейзаж под ними растворился в белом молоке. Сэлли остановилась, подняла винтовку и ждала.

— В чем дело? — прошептал Том.

— Там... впереди...

Они прокрались немного дальше и натолкнулись на второе нагромождение валунов. Камни сгрудились, навалились друг на друга и образовали фантастические соты из нор и лазов.

Том стоял за спиной у Сэлли и ждал. Туман быстро наполнил, оставляя от деревьев одни силуэты, и, иссушая сочный зеленый цвет, превращал пейзаж в монотонную голубовато-серую картинку.

— Среди камней что-то движется, — прошептала Сэлли.

Они пригнулись и ждали. Том чувствовал, как вокруг уплотняется промозглая сырость, проникает сквозь одежду и пробирает до самых костей.

Прошло десять минут, в разломе появилась голова, и на них уставились два блестящих черных глаза. Затем оттуда, пригнувшись, вышло животное, напоминавшее гигантскую морскую свинку.

Грохнула винтовка. Животное пошатнулось и перевернулось кверху брюхом.

Сэлли, не в силах сдержать улыбку, поднялась.

— Отличный выстрел, — похвалил ее Том.

— Спасибо.

Он отстегнул мачете и направился посмотреть, что за зверя им удалось добыть.

— Я пойду вперед.

Том кивнул и перевернул ногой добычу. Зверек напоминал очень большого грызуна. Он был толстеньким, кругленьким, с густой шерстью и желтыми резцами. Тому было вовсе не по нраву то, что предстояло сделать. Но он собрался с духом, выпотрошил добычу, отсек лапы и голову и снял шкуру. В нос ударил терпкий запах крови. Несмотря на голод, Том почувствовал, как у него пропадает аппетит. Он не считал себя брезгливым — работая ветеринаром, повидал достаточно крови, — но предпочитал лечить, а не принимать участие в убийстве.

Раздался низкий рык. Том замер. За рыком последовал кашель. Он не взялся бы определить, откуда доносились звуки — откуда-то со склона, выше их. Том поискал глазами Сэлли. Она оказалась в двадцати ярдах в стороне у скалы. Изящная фигурка бесшумно двигалась в тумане и вдруг пропала из виду.

Том разделил добычу на куски и завернул в пальмовые листья. Его расстроило, как мало получилось мяса. Стоило ли вообще убивать зверька? Он надеялся, что Сэлли удастся добыть кого-нибудь крупнее, например оленя.

Упаковывая мясо, он услышал новый звук — тихое, мягкое мурлыканье. *И* так близко, что он вздрогнул. Том ждал, прислушивался, все его тело напряглось. Внезапно джунгли разорвал дикий рев, который тут же перешел в голодный рык. Том вскочил на ноги, стараясь определить направление, но кругом были одни валуны — ягуар умело прятался.

Том посмотрел вниз, где скрылась в тумане Сэлли. Ему не понравилось, что хищник не убежал даже после выстрела. Он оставил освежеванного зверька и, держа наготове мачете, направился за девушкой.

— Сэлли!

Ягуар снова заревел, на этот раз как будто прямо над ним. Том инстинктивно упал на колени и прикрылся мачете, но различил только покрытые мхом камни и бесформенные деревья.

— Сэлли! — позвал он громче. — Вы в порядке? Тишина.

Он в панике кинулся вниз по склону.

— Сэлли!

— Я здесь, — ответил едва различимый голос.

Том продолжал бежать. Оступался, скользил на мокрой листве, камни разлетались из-под ног и скатывались по круче. Туман сгущался с каждой минутой. Снова послышался рыкающий, очень напоминающий человеческий, кашель.

— Сэлли!

Девушка материализовалась из дымки и недовольно нахмурилась. В руке она держала ружье.

— Ваши вопли не дали мне выстрелить. — Том остановился и вложил мачете в ножны.

— Я беспокоился, вот и все. Мне не нравится, как рычит ягуар. Он охотится.

— Ягуары не охотятся на людей.

— Вы же слышали, что рассказывал брат. Как погиб их проводник.

— И, честно говоря, не поверила. Ну ладно, — продолжала она, — можно

поворачивать обратно. В таком тумане мне все равно никого не убить.

Они поднялись к тому месту, где лежал разделанный грызун, но мясо исчезло. Остались только разодранные и разбросанные окровавленные пальмовые листья.

— Вот что он наделал! — рассмеялась Сэлли. — Отогнал вас и съел наш обед.

Том смущенно покраснел:

— Меня не отогнали. Я побежал искать вас.

— Да ладно вам, — бросила девушка. — Я бы, наверное, поступила точно так же.

Он с раздражением отметил слово «наверное». Едкое замечание чуть не слетело с языка. Но Том удержался, однако дал себе слово, что больше не позволит ей насмешничать. Они повернули в лагерь и держались той же тропы, по которой пришли. Но когда оказались у первого каменного завала, снова подал голос ягуар. И его рык прозвучал в тумане на удивление ясно и близко. Сэлли остановилась и подняла винтовку. Охотники ждали. На листьях собиралась влага, стекала на землю, и от этого весь лес наполнялся стуком капель.

— Сэлли, он и раньше нас не боялся.

— Вы по-прежнему полагаете, что он на нас охотится? — Да.

— Чушь! Зачем ему тогда поднимать такой шум? И к тому же он только что поел. — Девушка криво усмехнулась.

Они стали осторожно приближаться к валунам. На камнях никого не было, но между ними зияли бесчисленные норы и лазы. — подстрахуемся и обойдем завал, — предложил Том.

— Хорошо.

Они стали забирать выше, чтобы оставить нагромождение валунов под собой. Туман продолжал сгущаться. Том чувствовал, как намокает единственная оставшаяся у него одежда. Послышался шорох, он замер.

Сэлли тоже остановилась.

— Идите за мной.

— Но у меня оружие.

— Говорю вам, держитесь за мной!

— С чего бы это? — возмутилась она, но повиновалась. Том сжал в кулаке мачете, и они двинулись вперед. Со всех сторон их окружали деревья — кургузые, с нависающими над головой покрытыми мхом ветвями. Туман настолько сгустился, что их верхушки исчезли в белом молоке. Том понял, что они оказались с наветренной стороны от ягуара: он сделал круг, чтобы постоянно ощущать их запах, если не было возможности за ними наблюдать.

— Сэлли, я чувствую, что он охотится на нас.

— Это просто смешно.

Том застыл. Впереди, примерно в двадцати ярдах, показался ягуар. Он стоял на ветви над тропинкой, спокойно на них смотрел и подергивал кончиком хвоста. От такой великолепной картины у Тома перехватило дыхание.

Сэлли выстрелила, не поднимая ствола, и Том понял почему. Ей не могло прийти в голову убить такого красивого зверя.

Ягуар помедлил, а затем легко перепрыгнул на другую ветку и, не сводя с них глаз, пошел по ней. Мускулы играли под золотистой шкурой — казалось, это переливается жидкий мед.

— Какой красавец! — задохнулась от восхищения Сэлли.

Зверь был на самом деле красив. Легким движением он перескочил на другую ветку — ту, что была к ним еще ближе, — и присел. Ягуар не испытывал ни малейшего страха и не пытался прятаться. Открыто смотрел на них и не шевелился, только по-прежнему подергивался кончик хвоста. Тому показалось, что он прочитал в глазах хищника презрение.

— Он нас совершенно не боится, — прошептала Сэлли.

— Потому что никогда не встречал людей. — Том осторожно попятился, девушка последовала за ним. А ягуар остался на ветке и смотрел на них, пока не исчез в клубящейся дымке.

В лагере они рассказали о своей встрече дону Альфонсо. Старик озабоченно нахмурился.

— Нам надо проявлять осторожность, — заявил он. — Больше нельзя упоминать о звере, иначе он будет нас преследовать. Гордый хищник не любит, когда о нем плохо говорят.

— Я считала, что ягуары не нападают на людей, — заметила Сэлли.

Индеец рассмеялся и хлопнул ее по колену:

— Отличная шутка! Как ты думаешь, что он видит, когда смотрит на нас?

— Не знаю.

— Он видит слабый, неповоротливый, глупый, нелепо стоящий кусок мяса без рогов, клыков и когтей.

— Так почему же он не напал?

— Как всем кошкам, ягуару нравится сначала поиграть с добычей.

Сэлли поехала.

— Знаешь, целительница, это не очень приятно, когда тебя жрет ягуар. Сначала он выедает язык, хотя его жертва в это время не обязательно мертва. Так что если в следующий раз представится возможность убить ягуара, не сомневайся.

Ночью лес настолько притих, что Том никак не мог уснуть. Решив, что ему поможет свежий воздух, он выбрался из гамака, вышел из шалаша и застыл от представившегося глазам зрелища. Джунгли мерцали фосфоресцирующим сиянием, словно на все вокруг просыпали светящийся порошок. Обозначились контуры поваленных стволов и пней, опавших листьев и грибов. А дальше светящиеся предметы сливались в одно мерцающее зарево. Казалось, что на землю опустились небеса.

Через пять минут Том снова забрался в самодельную палатку и потряс Сэлли за плечо. Она перевернулась, волосы сбились в золотистый узел. Как все остальные, она спала в одежде.

— В чем дело? — спросила она заспанным голосом.

— Выйдите, там есть на что посмотреть.

— Я сплю.

— Это стоит того. Вы должны подняться.

— Я ничего никому не должна. Отстаньте!

— Хоть раз мне поверьте.

Недовольно бормоча, Сэлли вылезла из гамака, вышла наружу и в изумлении замерла.

— Боже! Ничего красивее не видела! Словно смотришь на Лос-Анджелес с высоты тридцати тысяч футов.

Марево слегка подсвечивало ее лицо, и оно бледно выделялось на фоне темных деревьев. Волосы каскадом ниспадали на плечи, но теперь они казались серебристыми, а не золотыми.

Подчиняясь минутному импульсу, Том взял ее за руку. И в этом обычном движении ощутил так много эротичного.

— Том! — Да?

— Почему вы позвали меня на это посмотреть?

— Ну... — Он колебался. — Хотел, чтобы вы порадовались вместе со мной.

— И только? — Сэлли пристально посмотрела на него. Ее глаза лучились как-то по-особому. Или это была всего лишь игра света? — Спасибо, Том, — наконец проговорила она.

И в тот же миг тишину ночи разорвало рычание ягуара. На фоне мерцавшей земли, словно черная дыра, кралась непроглядная тень. Ягуар повернул к ним офомную голову, и его глаза вспыхнули: в орбитах, точно в двух маленьких вселенных, отразились тысячи искорок.

Том тихонько потянул Сэлли к кострищу, шевельнул ногой тлеющие угли, вспыхнуло пламя, и ягуар исчез.

Вскоре к ним у костра присоединился дон Альфонсо.

— Все еще играет со своей добычей? — пробормотал старик.

36

Когда на следующее утро они отправились в путь, туман был настолько густым, что куда бы они ни поворачивали головы, видели не больше чем на десять футов. Отряд продолжал подъем, придерживаясь едва заметной звериной тропы.

Вскоре они преодолели гребень и начали спуск. Том слышал, как внизу шумит водопад. Через несколько минут они оказались на берегу перекатывавшейся по камням реки.

— Свалим дерево, — сказал дон Альфонсо и, оглянувшись, подыскал нетолстое и притом стоявшее таким образом, чтобы упало в нужную сторону. — Рубите с этой стороны, — приказал он.

Все дружно навалились, и через пятнадцать минут дерево рухнуло, образовав своего рода мост через ревущие речные пороги.

Несколькими ударами мачете дон Альфонсо срубил молодое деревце и соорудил из него шест длиной двенадцать футов. Он подал шест Вернону.

— Ты первый.

— Почему я?

— Чтобы проверить, насколько надежен мост.

Вернон вытаращился на него, но старый индеец только рассмеялся и похлопал его по плечу.

— Прежде сними ботинки. Бог не даром сотворил людей босоногими.

Вернон снял кроссовки, связал шнурки и повесил на шею. Дон Альфонсо вручил ему шест.

— Иди медленно и тут же останавливайся, если почувствуешь, что ствол раскачивается.

Вернон ступил на бревно и, балансируя шестом, как канатоходец, пошел вперед. Его ступни белели на темном дереве.

— Скользко, как на льду, — заметил он.

— Помедленнее, помедленнее, — наставлял его дон Альфонсо.

Вернон сделал несколько шагов, и ствол начал прогибаться и вихлять. Минута-другая, и Вернон оказался на противоположном берегу и кинул обратно шест.

— Твоя очередь, — сказал индеец и подал шест Тому.

Тот снял обувь и поднял шест. Он чувствовал себя по-идиотски в роли циркача. Осторожно попробовал ногой бревно, переступил по холодной, осклизлой коре. От каждого движения дерево тряслось и раскачивалось. Он двигался, переживал и снова шел вперед. Примерно на полпути спящий в кармане Волосатик высунул наружу голову и огляделся. Увидев под собой бурную реку, обезьянка пронзительно взвизгнула и полезла вверх — по лицу, на самую макушку. От неожиданности Том слишком низко опустил конец шеста. В панике попытался его поднять, но поторопился, и конец резко взмыл вверх. Стараясь снова обрести равновесие, Том сделал два быстрых шага. Бревно его сильно подбросило.

И он упал.

Долю секунды парил в воздухе, а потом его поглотило нечто черное и ледяное. Поток подхватил, потащил за собой, тело невесомо кувыркалось в воде, все вокруг ревело, его колотило о камни. Том отчаянно забил руками, пытаясь подняться, но понятия не имел, в какой стороне поверхность. И вдруг река вынесла его на топляк. Он вцепился в комель руками, но тут же почувствовал жестокий удар в грудь. Из легких разом выдавило весь воздух. Том отчаянно пытался оттолкнуться, освободиться, но течение не выпускало из обволакивающих объятий скользких ветвей. Он был словно заживо погребен. Перед глазами плясали всполохи света. Он закричал, но только набрал полный рот воды. Бился в ловушке ветвей, отчаянно пытаясь выбраться на воздух, но потерял всякое представление о том, где

верх, где низ. Крутился, извивался, однако чувствовал, как убывают силы, тело становится невесомым и он уплывает куда-то далеко-далеко.

И вдруг вокруг шеи обвилась чья-то рука, его грубо вернули в мир, протащили по воде и по камням и опустили на землю. Том лежал, видел знакомое лицо, но не сразу понял, что это Вернон.

— Том! — кричал брат. — Смотрите, у него открыты глаза! Господи, он не дышит!..

Внезапно рядом оказалась Сэлли, и Том почувствовал давление на грудь. Все происходило на удивление странно, как в замедленной съемке. Вернон наклонился над ним и заставлял грудь то подниматься, то опускаться. Завел за голову руки. И тут у него внутри все взорвалось — он закашлялся. Брат повернул его на бок. Кашель бил с такой силой, что голову сдавила ледяная боль. Возвращение к жизни давалось не просто.

Том попытался сесть. Вернон подсунул руку ему под плечи и помог приподняться.

— Что случилось?

— Твой глупый братец, вот этот самый Вернон, прыгнул в реку и выловил тебя из-под дерева. Мне ни разу в жизни не приходилось видеть такого безрассудства.

— В самом деле? — Том посмотрел на Вернона. Брат насквозь промок, на лбу алела ссадина. Борода слиплась то ли от воды, то ли от крови.

С помощью брата Том поднялся и посмотрел на кипящую стремнину: в этом месте река образовывала бурную круговорот, в которой он заметил поваленные стволы и торчащие ветви. Том снова поднял глаза на брата. И только тут до него стало доходить.

— Ты прыгнул туда? — Вернон лишь пожал плечами.

— Ты спас мне жизнь.

— Как ты мою, — ответил брат, словно защищаясь. — Ради меня ты обезглавил змею. А я всего-то взял и прыгнул.

— Пресвятая Дева Мария — ты только посмотри! Не могу в это поверить, — заявил дон Альфонсо.

Том снова закашлялся.

— Спасибо тебе, Вернон.

— Смерть сегодня посрамлена! — воскликнул старый индеец и показал на скрючившуюся на камне у воды обезьянку. — Даже этот карапуз посмеялся над ней.

На Волосатика жалко было смотреть. Он забрался к Тому в карман и, сердито ворча, устроился на привычном месте.

— Нечего жаловаться, — пожурил его Том. — Сам виноват.

Обезьянка дерзко чмокнула губами.

За рекой тропа снова начала подниматься — отряд продолжал углубляться в горы. Вместе с сумерками подобрался холод. Том не успел обсохнуть и начал дрожать.

— Помните зверя, о котором мы вчера говорили? — спросил как бы невзначай дон Альфонсо.

Том не сразу сообразил, что он имел в виду.

— Это самка. Она до сих пор идет за нами.

— Откуда вы знаете?

— У нее зловонное дыхание.

— Вы ее чувствуете? — спросила Сэлли. Индеец кивнул.

— И как долго она будет нас преследовать?

— Пока не насытится. Она беременна и поэтому постоянно голодна.

— Потрясающе! Стало быть, мы для нее — маринованные огурчики и мороженое?

— Вознесем молитвы Божьей Матери, чтобы ей на пути попался неуклюжий муравьед. — Дон Альфонсо повернулся к Сэлли: — Держи ружье заряженным.

Тропа продолжала подниматься через лес, и, по мере того как нарастала высота, искривленные деревья стояли гуще. Том заметил, что стало светлее. Казалось, пахло совсем по-другому — повеяло легким ароматом духов. И вдруг туман расступился, и они вышли на солнце. Том изумленно застыл. Перед ними расстилался белый океан. Над ватным,

подушкообразным горизонтом садилось солнце, опускаясь в оранжевый раскаленный огонь. Лес был окутан алмазными бликами.

— Мы поднялись выше уровня облаков! — воскликнула Сэлли.

— Разобьем лагерь на самой вершине, — предложил дон Альфонсо и прибавил шаг.

Тропа взобралась на луг, где ветер шевелил полевые цветы, и неожиданно путники оказались на самой высокой точке горы, откуда открывался вид на северо-запад, на целый океан облаков, торчавших на небе, словно острова.

— Серро-Асуль, — проговорил старый индеец, и его голос дрогнул.

37

Льюис Скиба потерянно смотрел на мерцающий огонь. Весь день он ничего не делал: не отвечал на телефонные звонки, ни с кем не встречался и не составлял документов. Мог думать только об одном: «Сделал это Хаузер или нет? Совершил уже убийство?» Скиба обхватил руками голову и вернулся мыслями в те дни, когда перед ним открывались огромные возможности: мир, казалось, созрел, будто плод, и его осталось только сорвать и съесть. А что теперь? Он напомнил себе, насколько выросла при нем компания, похвалил себя за то, что дал работу и надежду тысячам людей, что создал лекарства, которые вылечили страдавших страшными недугами больных. Вспомнил, что у него три прекрасных сына. И все же всю прошлую неделю он просыпался с одной-единственной мыслью: «Я — убийца!» Как бы ему хотелось взять свои слова назад... Но у него не было такой возможности: Хаузер не звонил, а другого способа связаться с ним не существовало.

Зачем он приказал Хаузеру это совершить? Почему позволил себя сломать? Скиба убеждал себя, что Хаузер так или иначе бы их убил. Что сам он не стал причиной смерти людей, и вообще все эти разговоры с Хаузером — пустые разглагольствования. Он из тех ненормальных, кто любит поговорить о жестокостях и побренчать оружием, однако дальше этого дело не идет.

Зазвонил аппарат внутренней связи, и Скиба нажал на клавишу дрожащей рукой.

— Мистер Феннер из «Диксон Эссет менеджмент». Ему назначено на два часа.

Скиба проглотил застрявший в горле ком. Эту встречу он пропустить не мог.

— Проводите его ко мне.

Феннер выглядел как большинство знакомых ему биржевых аналитиков: маленький, сухонький, распространяющий вокруг себя ощущение безмерной самоуверенности. В этом заключался ключ к успеху. Феннеру хотелось верить. Скиба оказал ему немало мелких услуг: делился горячей информацией, устроил его детей в эксклюзивную частную школу на Манхэттене, отстегнул пару сотен тыщенок на любимую благотворительность его жены. В обмен Феннер постоянно советовал покупать акции «Лэмпа» и тем самым засадил своих незадачливых клиентов в кучу дерьма. Хотя сам успел от них избавиться и при этом недурно заработал. В общем, он был успешным биржевым аналитиком.

Феннер сел рядом с ним у камина.

— Как дела, Льюис? Похоже, радоваться нечему?

— Похоже, Стэн.

— Не хочу в такой ситуации тратить время на любезности. Мы слишком давно друг друга знаем. Что мне сказать своим клиентам: почему им не стоит сбывать с рук акции «Лэмпа»? Назови хотя бы одну вескую причину.

Управляющий поперхнулся.

— Что тебе предложить, Стэн? Минеральной воды? Шерри? — Феннер покачал головой:

— Инвестиционный комитет наезжает на меня. Ваши акции на поле. Ребята в ужасе, и я, честно говоря, тоже. Я же тебе доверял, Скиба!

Вот подонок! Будто он все последние месяцы не знал, в каком положении находится компания! Соблазнился подачками, которые швырял ему Скиба, и инвестиционным

бизнесом, который предоставлял Диксону Лэмп. Алчный сукин сын! С другой стороны, если Диксон изменит рекомендации и вместо «покупать» будет предлагать «воздержаться» или «продавать» — это добьет компанию. И тогда разговор серьезно пойдет о главе 11.

Скиба закашлялся. Ему никак не давалось это слово. И он кашлем пытался скрыть поразивший его паралич. Феннерждал.

— У меня для тебя кое-что есть, — начал управляющий. Аналитик чуть склонил голову набок.

— Но это между нами, строго конфиденциально. Стоит использовать мою информацию, и это дело будет расценено явным случаем инсайдерских торговых операций³⁴.

— Инсайдерские торговые операции считаются таковыми, если идет торговля. Я же стремлюсь, чтобы мои клиенты сохранили акции «Лэмпа». А для этого мне нужна какая-то веская причина.

Скиба сделал глубокий вдох.

— Через несколько недель Лэмп объявит, что получил в распоряжение уникальную рукопись объемом две тысячи страниц, которая была составлена древними майя. Манускрипт описывает растения и живые организмы тропического леса, которые содержат лечебно-активные компоненты. Дает рекомендации, как их извлечь, определяет дозы и называет побочные эффекты. Это полная сумма медицинских познаний древних майя — итог их опыта жизни в самом насыщенном биологическими формами уголке планеты. Лэмп будет владеть им от макушки до пят — все законно и чисто: никаких отступных, никаких партнеров, тягб и закладных.

Скиба замолчал. Выражение лица Феннера нисколько не изменилось. Если какие-то мысли и вертелись у него в голове, это никак не отразилось на его физиономии.

— Когда вы объявите об этом? Можешь назвать дату?

— Нет.

— Но это точно?

— Вполне.

Ложь далась легко. Фармакопоя оставалась их единственной надеждой. Если дело с кодексом сорвется, все остальное не будет иметь значения.

Последовала долгая пауза. Феннер снизошел до некоего подобия улыбки, и это немного нарушило суровость его аскетического лица. Он поднялся и взял кейс.

— Спасибо, Льюис, теперь я могу вздохнуть свободнее.

Скиба смотрел, как он осторожно выходит из двери.

Если бы он только знал...

38

Когда они спустились со склона, джунгли сильно изменились. Местность стала труднопроходимой: на пути то и дело попадались глубокие овраги и бурные реки, а между ними громоздились скалистые кряжи. Отряд по-прежнему шел по звериной тропе, но она настолько заросла, что временами приходилось прорубать себе дорогу. Путники скользили и падали на крутых подъемах, а потом также скользили и падали на крутых спусках.

Целыми днями они пробивались вперед. Здесь не было плоских площадок, чтобы разбить лагерь, поэтому приходилось ночевать на склонах; гамаки натягивали между деревьями и спали прямо под дождем. По утрам в джунглях поднимался туман и стоял полумрак. В тяжелые дни удавалось пройти не больше пяти миль, и тем не менее к вечеру

³⁴ Покупка или продажа ценных бумаг организации ее руководителями или людьми, имеющими доступ к информации, которая недоступна широкой публике. Проведение таких операций карается лишением свободы до двадцати лет с конфискацией имущества.

все жестоко изматывались. Не было возможности охотиться. Еды не доставало. Никогда в жизни Том не испытывал подобного голода. По ночам он мечтал о бифштексе на ребрышках и жареной картошке, а днем грезил мороженым и омарами под соусом. У костра теперь говорили только о еде.

Дни сливались один с другим. Дождь ни на секунду не прекращался, туман не рассеивался. Гамаки сгнили, и их пришлось плести заново. От сырости одежда стала расплзаться. В ткани завелись вши. Швы на обуви разошлись. Переодеться было не во что, и вскоре они могли остаться нагишом. Их тела страдали от укусов, царапин, ушибов, порезов, ранок и ссадин. Выбираясь из очередного оврага, Вернон поскользнулся, чтобы не упасть, ухватился за куст, и на него дождем посыпались огненные муравьи. Насекомые так жестоко его искушали, что сутки держалась высокая температура, и он едва мог идти.

Единственная отрада была в том, что лес дарил им целебные растения. Сэлли находила их великое множество и готовила мази, которые творили чудеса и избавляли путников от мучительных укусов, ссадин и грибковых инфекций. Они пили травяной чай, который, по ее словам, избавлял от депрессии, но настроение не поднималось.

И постоянно по ночам и даже днем слышались покашливание и рык ягуара. Никто не упоминал о звере — дон Альфонсо запретил, — но он не выходил у Тома из головы. Разве в джунглях не было других животных, чтобы пропитаться? Что ему надо? Почему преследует, но не нападает?

На четвертую или пятую ночь — Том начал терять счет — они остановились на ночлег на скале, которая клином вдавалась между огромными гниющими стволами. Как обычно, шел дождь, от земли поднимался пар. Они рано поужинали — сварили ящерицу и какие-то корешки. Поев, Сэлли поднялась и взяла ружье.

— Мне нет дела до ягуара, я иду на охоту.

— Я с вами, — заявил Том.

Они направились от лагеря вдоль ручейка, который бежал по овражку. День выдался хмурым, от деревьев парило, все окутала дымка, и по лесу разлилась томность. Слышались только крики птиц и стук падающих капель.

Через полчаса, ступая по замшелым камням и упавшим стволам, охотники вышли к бурной реке и повернули вдоль нее. Они шли гуськом сквозь клубившийся туман, и Том подумал, что Сэлли и сама немного похожа на кошку — так бесшумно она кралась по лесу.

Внезапно девушка остановилась, сделала предостерегающий жест, медленно подняла ствол и выстрелила.

Из подлеска выскочил какой-то зверь, пискнул и бросился в кусты. Но вскоре его вопли затихли.

— Не знаю, что это было. Видела только что-то толстенькое с длинной шерстью.

В кустах они нашли зверя, который, вытянув ноги, лежал на боку.

— Какая-то разновидность пекари, — сказал с отвращением Том. Он никак не мог привыкнуть к роли мясника.

— Ваша очередь, — улыбнулась Сэлли.

Он достал мачете и принялся потрошить тушу, а девушка наблюдала за ним. Когда он извлекал внутренности, от них валил пар.

— В лагере обварим кипятком и выщиплем шерсть, — предложила Сэлли.

— Предвкушаю с нетерпением, — буркнул Том. Он срезал шест и связал лапы убитого зверя. В них он проделал шест, а концы водрузили себе на плечи. Пекари весила не больше тридцати фунтов, но этого хватит на добрую трапезу и останется, чтобы закоптить впрок. Путь назад лежал по тому же самому овражку, по которому они пришли в это место.

Но им удалось преодолеть не больше двадцати ярдов. Посредине тропы стоял ягуар и смотрел на них зелеными глазами. Только дергался из стороны в сторону кончик его хвоста.

— Отступаем, — прошептал Том. — Тихо и спокойно. Стоило охотникам сделать шаг назад, как ягуар мягко двинулся к ним.

— Помните, что говорил дон Альфонсо?

— Я не могу, — ответила Сэлли.

— Тогда стреляйте поверх головы.

Сэлли подняла винтовку и выпустила заряд, но в тумане и среди листвы выстрел прозвучал приглушенно. Ягуар поежился, но больше никак не показал, что испугался незнакомого звука. Продолжал смотреть на людей, только хвост дергался ритмично, словно метроном.

— Придется его обходить, — заявила девушка.

Они сошли со звериной тропы и углубились в лес. Ягуар не стал их преследовать, только проследил глазами, а вскоре вовсе скрылся из виду. Через несколько сотен ярдов Том решил вернуться к обрыву, но слева снова раздалось покашливание большой кошки, и они повернули обратно. А через четверть мили остановились. По всем расчетам, должен был показаться овраг с ручейком, но его не было.

— Надо забирать левее, — предложил Том.

Они пошли в ту сторону. Лес сделался гуще и темнее, деревья стали хоть и мельче, но росли теснее.

— Совсем не узнаю это место.

Том остановился и прислушался. Джунгли ответили сумасшедшей тишиной. В лесу не раздавалось никаких звуков — нигде не звенел ручей. Только шлепали падающие с ветвей капли.

Раскатистый кашель раздался прямо за ними. Сэлли сердито обернулась:

— Пошла прочь! Брысь!

Они шли друг за другом — Том впереди прорубал дорогу в подлеске. Время от времени он слышал, что большая кошка не отставала, только держалась левее. И мурлыкала. Но отнюдь не приветливо: низко, басовито, скорее рычала. Том понимал, что они заблудились, идут не в ту сторону. Но не останавливался. Спешил вперед, почти бежал.

Ягуар показался из тумана внезапной золотистой вспышкой и, весь напрягшись, застыл перед ними на нижней ветке дерева.

Том и Сэлли замерли, тихонько попятились, а зверь не сводил с них глаз. Затем плавными движениями в три прыжка обошел со стороны и отрезал путь к отступлению.

Сэлли вскинула ружье, но не выстрелила. Люди смотрели на хищника, а хищник смотрел на них.

— Мне кажется, пришло время разделаться с ним, — прошептал Том.

— Не могу...

Но именно такой ответ Том и хотел услышать. Ему не приходилось видеть более изящное, гибкое и великолепное животное.

Внезапно ягуар повернулся и, прыгая с ветки на ветку, стал удаляться, пока вовсе не исчез в лесу.

— Я же говорила, ему просто любопытно, — улыбнулась Сэлли.

— Хорошенькое любопытство — гнаться за нами пятьдесят миль. — Том засунул за пояс мачете и взялся за шест, на котором висела пекари. Но успокоиться не мог — мучило неприятное чувство, что дело еще не кончено.

Они не успели сделать и пяти шагов — ягуар с пронзительным мяуканьем прыгнул на них и мягко приземлился Сэлли на спину. Винтовка бесполезно выпала в воздух. Падая, девушка изловчилась повернуться на бок, сила удара отбросила ягуара в сторону, но он успел порвать ей рубашку.

Том бросился на зверя и, словно объезжающий дикую лошадь ковбой, стиснул коленями спину. Он тянулся к глазам, рассчитывая вырвать их ногтями. Но не успел: мощное тело сжалось под ним и, развернувшись, как огромная стальная пружина, с рыком подпрыгнуло в воздух. Том выхватил мачете. Дышащий жаром клубок меха падал прямо на него, и он направил острие вверх. И в следующую секунду почувствовал, как оно входит в плоть. В лицо ударила горячая струя крови. Ягуар взвизгнул и отпрянул, и Том, что было сил, повернул мачете в ране. Лезвие, видимо, повредило легкие, потому что крик

превратился в задушенное бульканье. Тело зверя обмякло. Том сбросил его с себя и выдернул мачете. Ягуар еще раздернулся и затих.

Том бросился к Сэлли. Девушка пыталась подняться, но, когда увидела его, вскрикнула:

— Том, ты в порядке?

— А ты?

— Что он с тобой сделал? — Она тянулась к его лицу, и он сразу понял.

— Это его кровь, а не моя. — Том наклонился над девушкой. — Дай-ка я взгляну на твою спину...

Сэлли перекатилась на живот. Ее рубашка была разодрана в клочья, на спине алели четыре глубокие царапины. Он убрал остатки ткани.

— Слушай, я вообще-то в порядке... — Она попыталась слабо возражать.

— Помолчи! — Том снял с себя рубашку и намочил полу в луже. — Сейчас будет больно.

Пока он промывал раны, Сэлли тихонько постанывала. Царапины оказались неглубокими — бояться следовало только заражения. Том нарвал мха и своей рубашкой привязал к ране. Потом помог девушке натянуть остатки ее рубашки и сесть. Она посмотрела на него и вздрогнула:

— Боже, ты весь залит кровью! — Сэлли покосилась на ягуара. Животное вытянулось во всю великолепную длину своего золотистого тела. Его глаза были полузакрыты. — Ты убил его мачете?

— Просто выставил мачете, он прыгнул на острие и всю работу проделал за меня. — Том обнял ее за шею. — Можешь встать?

— Конечно.

Он помог ей подняться. Сэлли пошатнулась, но устояла.

— Дай мне винтовку. Том поднял оружие.

— Я сам понесу.

— Нет, я повешу ее на другое плечо, а ты носи пекари.

Он не стал возражать. Прикрутил добычу крепче к шесту и взвалил на плечо. Потом помедлил, чтобы бросить последний взгляд на ягуара. Зверь распластался на боку в луже крови, остекленевшие глаза невидяще смотрели в небо.

— Когда выберемся отсюда, будет о чем рассказать на вечеринке, — улыбнулась Сэлли.

В лагере дон Альфонсо и Вернон молча выслушали их рассказ. Когда Том закончил, индеец положил руку ему на плечо.

— Ты ненормальный янки, Томасино. Ты об этом знаешь? — Том и Сэлли уединились в шалаше, и он снова смазал ей раны, на этот раз ее же растительными антибиотиками. А Сэлли, скрестив ноги, сидела без рубашки и зашивала дыры нитью, которую дон Альфонсо свил из коры. Время от времени она краем глаза поглядывала на Тома и изо всех сил старалась не улыбнуться.

— Я должна поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь.

— Не нуждаюсь в благодарности! — вспыхнул Том. Он в первый раз видел Сэлли без рубашки. И хотя они давно лишились возможности проявлять стыдливость, испытал сильное физическое влечение. И тут же заметил, как порозовела ее грудь и напряглись соски. Может быть, и она ощущала то же самое?

— Нуждаешься... — Сэлли отложила рубашку, повернулась к нему, обняла за шею и нежно поцеловала в губы.

Хаузер оставил своих людей у реки. Впереди, словно затерянный мир Артура Конан Дойла, взмывали под самые облака вершины Серро-Асуль. Он один пересек поляну и

вгляделся в топкую тропу на другой стороне. Непрекращавшийся дождь постоянно смывал следы, но он заметил отпечатки босых ног. Здесь прошли человек шесть, наверное, охотники. И совсем недавно — всего несколько часов назад.

Должно быть, из тех индейцев, с которыми сговорился Бродбент. Другие в этих богом забытых джунглях не живут.

Хаузер поднялся с колен и с минуту раздумывал. От погони и игры в кошки-мышки толку не будет. Переговоры тоже ничего не дадут. Значит, оставался единственный способ.

Он подал солдатам знак сниматься и сам пошел впереди. Они быстро двигались по тропе туда же, куда и босоногие охотники. А Филипп, в наручниках и под охраной, плелся в арьергарде. Обидно было поручать его солдату: толковых подчиненных и без того не хватало. Но Хаузер понимал: придет время, и Филипп может пригодиться как аргумент в торговле. Никогда нельзя пренебрегать заложником.

Он отдал команду ускорить шаг.

Все разворачивалось, как и следовало ожидать. Индейцы вовремя услышали, что они приближаются, и растворились в лесу, но Хаузер успел засечь направление. В джунглях он был опытным следопытом и знал толк в тактике блицкрига. Преследование будет жестким. Напор всегда давал результаты и с более опытным противником, что уж говорить о кучке ничего не подозревающих охотников. Его люди рассыпались по лесу, а сам Хаузер с двумя солдатами пошел в обход, отрезая индейцев.

Атака получилась яростной, молниеносной и оглушительной. Джунгли вздрогнули. И Хаузер живо вспомнил такие же стычки во Вьетнаме. Не прошло и минуты, как все было кончено. Деревья разворотило, содрало с них кору, кусты дымились, земля превратилась в пыль и едкой дымкой поднялась в воздух.

Удивительно, на что способна пара гранатометов.

Хаузер сложил вместе куски тел и пришел к заключению, что убиты четверо. Значит, ускользнули двое. Хоть раз его солдаты действовали умело. Вот на это они способны — на простое, бесхитростное убийство. Надо запомнить.

Времени было немного. Следовало ворваться в деревню на плечах оставшихся в живых, в момент самой сильной паники и страха, пока жители не успели организовать.

Он повернулся к своим людям:

— Arriba! Vamonos!³⁵

Солдаты заразились его энергией и приободрились. Наконец-то они чувствовали себя в своей стихии.

— Вперед! На деревню!

40

Дождь шел без передышки целую неделю. Но путешественники каждый день двигались вперед: поднимались по склонам, спускались в каньоны, карабкались на опасные уступы, переправлялись через бурные реки — и все это в таких труднопроходимых джунглях, что невозможно себе представить. Если за день удавалось пройти четыре мили, это считалось удачей. На восьмой день Том проснулся и увидел, что дождь наконец стих. Дон Альфонсо уже поднялся и развел большой костер. Его лицо было мрачным. Когда завтрак был съеден, он объявил:

— Прошлой ночью я видел сон.

Его серьезный тон заставил Тома насторожиться.

— Какой сон?

— Мне приснилось, что я умер. Душа отлетела на небо и стала искать святого Петра. Я нашел его у ворот в рай. Он помахал мне рукой: «Дон Альфонсо, это ты. старый негодник?»

³⁵ Вставайте! Пошли! (исп.)

— «Так точно, — ответил я. — Дон Альфонсо Босвас, который умер в джунглях вдали от дома в возрасте ста двадцати одного года и теперь хочет встретиться со своей Роситой». — «Что ты делал в джунглях, дон Альфонсо?» — спросил святой. «Шел с ненормальными янки, которые собрались на Серро-Асуль». — «И как, дошел?» — «Нет». — «Тогда возвращайся обратно, старый проходимец». — Индеец помолчал и закончил: — И я вернулся.

Том не знал, как реагировать. Сначала он решил, что весь рассказ — очередная шутка дона Альфонсо. Но затем заметил, как серьезно тот смотрит на остальных. И покосился на Сэлли.

— Вы понимаете, что означает ваш сои? — спросила девушка.

Дон Альфонсо сунул в рот корешок, прожевал, наклонился и выплюнул мякоть.

— Он означает, что мне осталось быть с вами всего несколько дней.

— Несколько дней? Не смешите.

Индеец покончил с тушеным мясом и поднялся.

— Больше не будем об этом. Нам пора на Серро-Асуль. Тот день выдался хуже предыдущего. После того как дождь прекратился, снова появились насекомые. Путники то поднимались на горные кряжи, то спускались в расселины, ноги разъезжались на размокшей тропе, все падали и скользили, и их с утра преследовали тучи крылатых кровососов. Ближе к полудню они спустились в очередной овраг, где гулким эхом раскатывался шум воды. На дне он сделался еще сильнее, и Том понял, что впереди большая река. Листва расступилась, показался берег, но идущий впереди дон Альфонсо в смятении отпрянул и дал знак остальным оставаться за деревьями.

— Что случилось? — спросил Том.

— На противоположном берегу поддеревом мертвец.

— Индеец?

— Нет. Он в европейской одежде.

— Может, засада?

— Если бы это была засада, Томас, нас бы уже не было в живых.

Том высунулся из-за ствола. В пятидесяти ярдах от переправы на другом берегу была естественная небольшая прогалина с высоким деревом посередине. Все, что он разглядел, — цветное пятно у корней. Том взял у Вернона бинокль и увидел безобразно распухшую босую ступню и обрывок штанов. Все остальное скрывалось за деревом. Он пригляделся: из-за ствола поднялся клуб дыма, затем другой, третий.

— Он жив, если только мертвые не научились курить.

— Пресвятая Дева Мария, ты прав!

Они повалили дерево через реку. Стук топора эхом отозвался в лесу, но тот, что сидел за деревом, не пошевелился.

Когда дерево рухнуло в воду и получился шаткий мост, дон Альфонсо подозрительно уставился на ту сторону.

— А если это демон?

Пользуясь шестью, они перешли поток по раскачивавшемуся бревну. В это время сидящий поддеревом человек скрылся от их взглядов.

— Давайте пройдем мимо и притворимся, что не видим его, — прошептал старый индеец. — Теперь я не сомневаюсь, что это демон.

— Чушь! — заявил Том. — Я хочу проверить, что там такое.

— Пожалуйста, Томас, не надо. Он украдет твою душу и утащит на дно реки.

— Я с тобой, — предложил Вернон.

— Целительница, — попросил индеец, — ты-то хоть останься со мной. Я не хочу, чтобы демон забрал вас всех.

Том и Вернон оставили старика недовольно бормотать, повернули вдоль берега, где река отполировала камни, вскоре попали на прогалину и обошли дерево.

И там обнаружили несчастного. Человек сидел, привалившись к дереву, курил вересковую трубку и, не мигая, смотрел на них. Несмотря на почти черную кожу, он явно не

был индейцем. Одежда висела клочьями, лицо было исцарапано и кровоточило от укусов насекомых. Голая ступня поранена и распухла. Он настолько исхудал, что ребра, как у голодающего беженца, неестественно выпирали из-под кожи. На голове колтун, в бороде застряли веточки и листья.

Появление людей не вызвало у него ни малейшей реакции. Он сидел и смотрел на них пустыми глазами. И был больше похож на мертвеца, чем на живого. Но вдруг вздрогнул. Трубка вывалилась из рта, и он прошептал:

— Привет... Как поживаете, братцы?

41

Том от удивления подпрыгнул. Он никак не ожидал, что этот живой труп заговорит голосом Филиппа. Наклонился, чтобы рассмотреть лицо, и не нашел никакого сходства. И тут же в ужасе отпрянул: на шее несчастного в язве копошились личинки.

— Филипп? — прошептал Вернон. Человек утвердительно крикнул.

— Что ты здесь делаешь?

— Умираю, — ответил он обыденным тоном.

Том опустился на колени и пристальнее взгляделся в лицо брата. Он был слишком потрясен, чтобы говорить или действовать. Просто положил ладонь несчастному на плечо.

— Что произошло?

Филипп на мгновение закрыл глаза, но тут же снова открыл.

— Потом...

— Да, да, конечно. Как я не подумал? — Том повернулся к Вернону: — Приведи сюда дону Альфонсо и Сэлли. Скажи, что мы нашли Филиппа и надо разбить здесь лагерь.

Он никак не мог оправиться от потрясения. Филипп был настолько спокоен, словно успел безропотно смириться со смертью. Это было так неестественно. В глазах стояла безмятежная покорность.

Появился дон Альфонсо и несказанно обрадовался, узнав, что речной демон оказался человеком. Он тут же принялся расчищать площадку для лагеря.

Заметив женщину, Филипп вынул трубку из рта.

— Я — Сэлли Колорадо, — представилась она и взяла его за руку.

У Филиппа хватило сил на короткий поклон.

— Сейчас мы вас вымоем и подлечим.

— Спасибо...

Сообща они перенесли больного к реке, уложили на подстилку из листьев бананового дерева и раздели. На его теле оказалось множество порезов и ссадин. Некоторые успели нагноиться, в других ползали личинки. «Личинки — это хорошо, — подумал Том, изучая раны. — Они пожирают гниль и тем самым уменьшают опасность гангрены». Он заметил, что там, где поработали личинки, ткани гранулировались и очистились. Другие раны выглядели не настолько оптимистично.

Он с ужасом посмотрел на брата. У них не было никаких лекарств — ни антибиотиков, ни бинтов, только те травы, которые собрала Сэлли.

Филиппа вымыли, а затем перенесли обратно на поляну и голого уложили у костра на подстилку из банановых листьев. Сэлли тем временем перебирала пучки трав и связки корешков.

— Сэлли умеет лечить травами, — объяснил Вернон.

— Я бы предпочел укол амоксициллина, — проворчал Филипп.

— У нас его нет.

Больной откинулся на подстилку из листьев и закрыл глаза. Том обработал раны: удалил разложившиеся ткани, промыл и избавил от личинок. Сэлли присыпала раны растительным антибиотиком и забинтовала расплюснутой корой, которую предварительно стерилизовала в кипящей воде и высушила, обкурив дымом костра. Лохмотья Филиппа

выстирали и просушили и, за неимением другого платья, снова надели на больного. Управились только к заходу солнца. Филиппа посадили, и Сэлли вручила ему кружку травяного чая.

Он мог держать ее самостоятельно и выглядел намного лучше.

— Повернитесь, — попросил он Сэлли. — Хочу проверить, у вас наверняка за спиной растут крылья.

Девушка покраснела.

Филипп глотнул раз-другой. А дон Альфонсо тем временем поймал в реке с полдюжины рыб и жарил их на вертелах над, огнем. Над поляной распространился аромат еды.

— Странно, у меня вовсе нет аппетита, — проговорил Филипп.

— Ничего странного, — ответил Том, — после того, как ты столько голодал.

Дон Альфонсо подал рыбу на листьях. Сначала все ели молча. Наконец Филипп произнес:

— Так вот к чему мы пришли. Воссоединение семьи в джунглях Гондураса. — Он оглянулся, и у него заискрились глаза. — «У».

Последовала недолгая пауза, и Вернон ответил:

— «П».

— «Ы», — сказал Том.

— «Р», — добавил Филипп.

— Черт возьми! — выругался Вернон. — Проклятый мягкий знак!

— Тебе мыть посуду! — воскликнул Филипп. Том повернулся к Сэлли.

— Это у нас была такая игра, — застенчиво улыбнулся он.

— Теперь я вижу, что вы в самом деле братья.

— Вроде того, — хмыкнул Вернон. — Хотя Филипп — та еще задница.

— Бедняга Вернон! — хохотнул Филипп. — Вечно ему выпадало торчать на кухне.

— Рад, что тебе лучше, — сказал Том.

— Намного... — Брат повернул к нему осунувшееся лицо.

— Ну, раз так, может, расскажешь, что с тобой произошло? Филипп посерьезнел, с него слетела вся игривость.

— Это история в духе «Сердца тьмы», приправленная полковником Куртцем³⁶. Вы уверены, что хотите ее слушать?

— Да, — решительно ответил Том. — Хотим.

42

Филипп тщательно набил трубку из фирменной табачной коробки «Данхилл» и раскурил. Его движения казались выверенно неторопливыми.

— Слава Богу, единственное, что у меня не отобрали, — это табак и трубку.

Он выпустил клуб дыма, прикрыл веки и собрался с мыслями.

Том воспользовался паузой и вгляделся в лицо брата. Теперь, когда грязь была смыта, он узнал утонченные аристократические черты. Борода придавала выражению некоторую беспутность, и Филипп стал удивительно походить на отца. Но лицо преобразилось. С братом случилось нечто настолько ужасное, что изменилась его внешность.

Филипп несколько раз затаился и открыл глаза.

— После того как мы расстались, я полетел в Нью-Йорк и встретился со старинным компаньоном отца Марком Аврелием Хаузером, — начал он. — Решил, что он лучше, чем

³⁶ «Сердце тьмы» — роман английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (1857—1924). Настоящее имя Юзеф Теодор Конрад Кожиневский. По мотивам этого романа был создан кинофильм Фрэнсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня», в котором в джунглях Вьетнама действует мятежный полковник Куртц.

кто-либо другой, способен проникнуть в мысли отца и догадаться, куда тот отправился. Я выяснил, что Хаузер занимается частным сыском. Он оказался довольно упитанным, напояженным мужчиной. Пару раз быстро кому-то брякнул и уже знал, что наш отец в Гондурасе. Я подумал, что он знает свое дело, и нанял его. Мы полетели в Гондурас, он организовал экспедицию и нанял двенадцать солдат и четыре лодки. Платил за все моими деньгами — вынудил меня продать маленькую замечательную акварель Пауля Клее, которую подарил мне отец...

— О, Филипп, как ты мог? — возмутился Вернон. Филипп устало закрыл глаза, и Вернон замолчал. Немного помедлив, брат продолжил:

— Итак, мы оказались в Брусе и погрузились в каноэ, чтобы приятно прокатиться вверх по реке. В какой-то захолустной заводи раздобыли проводника и стали пробираться через Меамбарское болото. И тут Хаузер себя показал. Оказывается, этот доморощенный фашист все заранее рассчитал: скормил проводника пираньям, меня посадил, как собаку, на цепь и устроил засаду, чтобы перестрелять вас.

Голос Филиппа дрогнул, и, чтобы успокоиться, он пососал мундштук своей трубки, при этом его рука заметно тряслась.

— Заковав меня в кандалы, Хаузер оставил в Лагуне-Негра пятерых местных рядовых караулить вас, а сам со мной и остальными солдатами поднялся по Макатури до самых водопадов. Мне не забыть момента, когда возвратились те, которых он посадил в засаду. Вернулись только трое, причем у одного из бедра торчала стрела длиной три фута. Я слышал каждое слово Хаузера. Он был вне себя. Увел раненого и застрелил в упор. А солдаты сообщили, что тоже уничтожили двоих, и я не сомневался, что один из вас или даже вы оба мертвы. Должен сказать, братишки, когда я вас увидел, то решил, что оказался в аду, а вы — комитет по встрече. — Филипп сухо рассмеялся. — Лодки мы оставили у водопадов и дальше пошли по отцовскому следу пешком. Хаузер, если захочет, выследит в джунглях даже мышь. Меня он берег на всякий случай — в качестве разменной монеты, если пришлось бы заключать сделку с вами. По дороге встретили горных индейцев. Несколько он убил, а остальных преследовал до самой деревни. Напал на деревню и каким-то образом сумел захватить вождя. Ничего этого я не наблюдал, поскольку, словно каторжник, сидел на цепи. Но видел результат. — Филипп поежился. — Взяв в заложники индейского вождя, Хаузер повел нас в горы к Белому городу.

— Он знает, где находится Белый город?

— Выведал у пленника. Но он понятия не имеет, где спрятана гробница отца. Эту тайну хранят вождь и несколько старейшин.

— Как тебе удалось бежать? — спросил Том. Филипп закрыл глаза.

— После того как вождь попал в плен, индейцы поднялись на войну и по дороге к Белому городу напали на Хаузера. Даже с таким мощным вооружением его отряду пришлось жарко. И, чтобы не отвлекать людей на охрану вождя, с меня сняли наручники и надели на него. А я в разгар боя сумел улизнуть. Блуждал десять дней, питался одними насекомыми и ящерицами и добрался до этого места. Три дня назад вышел к реке. Переправиться не было возможности. Я настолько оголодал, что дальше не мог идти. Сел под деревом и стал ждать конца.

— Ты сидел под этим деревом три дня?

— Три? Четыре? Бог знает сколько... В голове все спуталось.

— Господи, Филипп, как ужасно!

— Наоборот, подействовало очень освежающе. У меня не осталось никаких забот. Ни о чем. Никогда в жизни я не чувствовал себя настолько свободным, как под тем деревом. Пару-тройку раз мне даже казалось, что я счастлив.

Костер начал угасать. Том подбросил дров и вернул огонь к жизни.

— Ты видел Белый город? — спросил Вернон.

— Я убежал до того, как они туда попали.

— Как далеко отсюда Серро-Асуль?

— Десять миль до подножия и еще десять или двенадцать до самого города.

Наступило молчание. Дрова потрескивали и шипели. На дальнем дереве заунывно распевала птица. Филипп закрыл глаза и полным сарказма голосом пробормотал:

— Дорогой наш папаша, что за славное наследство ты оставил своим обожаемым сыновьям!

43

Храм был погребен в сплетении лиан. Фронтальная колоннада на пестрящих пятнами зеленого мха квадратных опорах из известняка поддерживала сохранившуюся часть каменной крыши. Хаузер стоял перед зданием и разглядывал странные письма на колоннах: необычные лица, животных, линии и точки. Они напомнили ему о кодексе.

— Оставайтесь здесь, — приказал он своим людям и прорубил дыру в растительной завесе. Внутри оказалось темно, и он повел лучом фонаря. Никаких змей и ягуаров, только скопище пауков в дальнем углу да порскнула из-под ног мышь. Сухо и незаметно для посторонних глаз. Подходящее место, чтобы разместить штаб.

Хаузер углубился в храм. В дальнем конце он обнаружил еще одну линию квадратных опор, которые образовывали разрушенный выход в сумрачный задний двор. Он миновал и их. Во дворе валялось несколько сильно попорченных временем, сыростью и дождями статуй. Огромные корни деревьев, словно анаконды, проросли сквозь камни, раздвинули стены и крышу, став частью поддерживавшей все сооружение конструкции. В противоположной стороне двора обнаружился еще один проход, который вел в камеру, где находилась статуя — лежащий на спине с чашей в руках человек.

Хаузер возвратился к солдатам. Двое держали пленного индейского вождя — согбенного старика, почти голого, если не считать набедренной повязки и перекинутого через плечо и завязанного на поясе кожаного лоскута. Его тело было сплошь в морщинах. Хаузер подумал, что он впервые видит такого старого человека, хотя понимал, что индейцу, должно быть, не больше шестидесяти. В джунглях стареют быстро.

Он поманил к себе *teniente*:

— Мы остановимся здесь. Прикажи солдатам расчистить помещение для моей койки и стола. — Хаузер кивнул на старика. — Его прикуешь в маленькой камере за двором и приставишь охрану.

Солдаты затащили индейца в храм, а Хаузер сел на каменный блок, достал из кармана рубашки пенал с новой сигарой, отвинтил крышку и вытряхнул сигару. Сама сигара была упакована в бумагу из кедрового дерева. Он понюхал упаковку, разорвал, потер на ладони и вдохнул утонченный аромат. А затем начал свой любимый ритуал раскуривания.

Выпустив клуб дыма, Хаузер взглянул на стоящую перед ним пирамиду. Она совершенно не напоминала те, что он видел в Чичен-Ице и Копане. Но, как все пирамиды майя, производила впечатление. В таких пирамидах часто встречались захоронения важных персон. Хаузер не сомневался, что старина Макс похоронил себя в одной из гробниц, которую сам же до этого обобрал. В таком случае, чтобы вместить все наследие старика, гробница должна быть просторной.

Убегавшую вверх лестницу разорвали корни дерева, выдавив со своих мест много каменных блоков и сбросив их к подножию. Наверху располагалась небольшая камера с четырьмя входами, которую поддерживали четыре квадратные каменные опоры. В ней находился небольшой каменный алтарь, на котором майя приносили в жертву врагов. Хаузер выпустил дым. Красочное зрелище. Жрец разрубал грудную кость, вскрывал грудную клетку, вырезал трепещущее сердце и с победным кличем поднимал над головой, а тело сбрасывал с лестницы. Там его ждали самые знатные члены племени и рубили тесаками в крошево.

Варвары, да и только.

Хаузер курил с удовольствием. Даже погребенный в растительности, Белый город

производил впечатление. Макс тут оттяпал самую малость. Оставалось еще много чем поживиться. Скажем, обыкновенный камень с вырезанной на нем головой ягуара мог потянуть на целую штуку. Надо принять меры, чтобы об этом месте никто не узнал.

В лучшие годы Белый город должен был поражать пышностью. Хаузер мысленно представил картину: сияющие белизной новые храмы, игры в мяч (в которых проигравшие расставались с головами), ревушие толпы зрителей, облаченные в золото, перья и нефрит процессии жрецов. Что произошло потом? Теперь потомки тех гордых людей ютятся в хижинах, а их верховный жрец ходит в лохмотьях. Удивительно, как меняется мир.

Хаузер затаился. Он признавал, что не все шло по его плану. Впрочем, не важно. Многолетний опыт подсказывал, что любая операция — это упражнение в импровизации. Те, кто считает, что способны завершить операцию по плану от а до я, и слепо следует букве, жестоко ошибаются и обычно погибают. Импровизация была сильной стороной Хаузера. А людям, как он знал, присуща непредсказуемость.

Взять хотя бы этого Филиппа. Явился к нему в Нью-Йорке петух петухом: дорогой костюм, манерничанье, деланный выговор человека из высших классов. Кто бы мог подумать, что он способен на побег? Скорее всего доходит теперь в джунглях — парень и без того тащился из последних сил, — но тем не менее Хаузер испытывал тревогу. И находился под впечатлением его поступка. Все-таки что-то от Макса передалось его беспутному отпрыску. Макс. Каким же он оказался идиотом!

Но теперь самое главное — разобраться в приоритетах. Прежде всего кодекс, а все остальное — позже. И Белый город тоже. В последнее время Хаузер с интересом следил, как грабили город Кью. Белый город и будет его городом Кью.

Он посмотрел на тлеющий кончик и поднял сигару вертикально, чтобы дым щекотал ноздри. Сигары скрашивали путешествие через джунгли, делали его даже приятным.

Подошел лейтенант:

— Готово, сэр.

Хаузер последовал за гондурасцем в разрушенный храм. Солдаты приводили в порядок первое помещение: сгребали экскременты животных, сжигали сорняки, прыскали на землю водой, чтобы прибить пыль, и устилали ее срезанными листьями папоротника. Хаузер нырнул в узкий каменный проход, прошел через внутренний двор мимо поваленных статуй и оказался в задней камере. Сморщенный старик был прикован к одной из каменных опор. Хаузер осветил на него фонарем. Старый хрен, да и только, но индеец выдержал его взгляд, и на его лице не отразилось ни капли страха. Хаузеру это не понравилось. Он вспомнил Окотала. Эти индейцы совсем такие же, как вьетконговцы.

— Спасибо, *teniente*, — поблагодарил он гондурасца.

— Кто будет переводить? Он не понимает по-испански.

— Как-нибудь разберусь.

Лейтенант удалился. Хаузер посмотрел на индейца, и тот опять не опустил глаз. В его взгляде не было ни покорности, ни страха, ни злости.

Американец присел на край алтаря, осторожно снял пепел с потухшей сигары и снова раскурил.

— Меня зовут Марк, — начал он с улыбкой. Чувствовалось, что задача предстоит не из легких. — Вот какое дело, вождь: я хочу знать, где ты и твои люди похоронили Макса Бродбента. Скажешь, и не будет никаких проблем. Мы сходим в гробницу, возьмем то, что нам нужно, и уйдем с миром. Не скажешь — с тобой и с твоим народом случится очень нехорошее. А захоронение я так и так обнаружу и разграблю.

Он смотрел на индейца и энергично пыхал сигарой, чтобы кончик разгорелся докрасна. Старик не понял ни слова, но Хаузера это не тревожило. Вождь не дурак — сообразит, что от него хотят.

— Максвелл Бродбент, — медленно повторил американец, делая нажим на каждом слове. И сопровождал слова жестом, который повсеместно означал вопрос: пожал плечами и поднял руки.

Индеец не ответил. Хаузер встал, еще сильнее раскурил сигару, подошел к старику, вынул сигару изо рта и поднес тлеющий кончик к лицу пленника.

— Хочешь попробовать сигару?

44

Филипп закончил рассказ. Солнце давно закатилось. Костер превратился в груды ярко-красных углей. Тому с трудом верилось, что брат сумел столько вынести. Первой заговорила Сэлли:

— Хаузер устраивает здесь геноцид. — Наступила неловкая пауза.

— С этим надо что-то делать.

— Например? — устало спросил Вернон.

— Пойдем к горным индейцам, предложим свою помощь и в союзе с ними одолеем Хаузера.

— Целительница, — развел руками дон Альфонсо, — нас убьют, прежде чем мы сумеем открыть рот.

— Я пойду в деревню без винтовки. Индейцы не посмеют расправиться с безоружной женщиной.

— Еще как посмеют. А мы что можем? У нас одно старое ружье против профессиональных солдат и автоматов. Мы ослабли, мы голодны. Нам не во что переодеться. Один из нас не способен передвигаться.

— И что же вы предлагаете?

— Все кончено. Надо возвращаться.

— Вы предрекали, что нам не переплыть болото.

— Мы знаем, что их лодки у водопадов на Макатури. Пойдем и украдем их.

— А потом? — спросила Сэлли.

— Я вернусь в Пито-Соло, а вы домой.

— И позволим Хаузеру убивать всех и каждого?

— Да.

— Мне это не подходит! — возмутилась Сэлли. — Мы свяжемся с правительством. Пусть сюда пошлют войска и арестуют его.

— Целительница, правительство ничего не станет предпринимать. — Дон Альфонсо выглядел очень усталым.

— Откуда вы знаете?

— Этот человек уже договорился с правительством. Нам остается одно — признать свое бессилие.

— Не собираюсь!

Индеец посмотрел на нее грустными старческими глазами. Тщательно выскоблил трубку, вытряхнул остатки табака, снова набил и раскурил от тлеющей веточки из костра.

— Много лет назад, — заговорил он, — когда я был еще мальчишкой, в нашей деревне появился первый белый человек. Он был низенького роста, в большой шляпе, с остроконечной бородкой. Мы решили, что это призрак. Он достал похожие на дерьмо кусочки желтого металла и спросил, не видели ли мы такие же. Его руки тряслись, глаза безумно блестели. Мы испугались и ответили «нет». Через месяц во время разлива его изломанную лодку принесло с верховьев. В ней был только его череп и волосы. Мы сожгли лодку и сделали вид, что ничего не произошло.

На следующий год к нам приплыл гринго в черной одежде и черной шляпе. Он был добр, давал нам еду и кресты. Макал в реку и говорил, что спасает. Он жил с нами несколько месяцев, взял себе женщину с ребенком. А потом попытался пересечь болото. Больше мы его никогда не видели.

Затем к нам стало приезжать все больше людей, которые искали желтое дерьмо. Они

называли его ого³⁷. И были еще безумнее первого. Они приставали к нашим дочерям, крали лодки и еду и уходили вверх по реке. Возвратился только один, но без языка, поэтому мы так и не узнали, что с ним произошло. На смену пропавшим приходили другие, тоже с крестами, и каждый говорил, что его крест — самый лучший, а кресты других ни на что не годятся. Опять окунали в реку. И так еще и еще, пока мы вконец не промокли и совершенно не сбились с толку. Потом у нас появился еще один белый. Он приехал один, поселился в нашей деревне, выучил наш язык и говорил, что все люди с крестами полные недоумки. Этот человек называл себя антропологом. Он прожил с нами год, совал нос в наши личные дела и задавал всякие идиотские вопросы: просек, кто с кем состоит в родстве, что с нами происходит, когда мы умираем, что мы едим и пьем, как воюем и на чем жарим свинью. Мы рассказывали, а он за нами записывал. Озорные мальчишки — и я в их числе — мололи всякую чушь. И ее он тоже записывал с серьезным лицом. Говорил, что все поместит в книгу, ее прочтут в Америке, и мы прославимся. Нам это казалось смешным.

Затем стали приезжать люди с солдатами и бумагами. У них были ружья, и мы подписывали их бумаги. После этого они объявили, что мы приняли нового вождя, гораздо более важного, чем наш деревенский. И еще, что мы согласились отдать наши земли со всеми лесами и зверями, минералами и нефтью под землей, если они там есть. Это нам тоже казалось смешным. Нам дали картину нового вождя. Он был очень страшным: лицо все рябое, как ананас. Наш настоящий вождь вздумал протестовать. Тогда его отвели в лес и застрелили.

После прибыли солдаты и люди с портфелями и сообщили, что произошла революция и у нас опять новый вождь. А старого расстреляли. Заставили поставить знаки на новых бумагах. После них хлынули миссионеры, организовали школы, привезли медикаменты. Они все время норовили схватить ребят и отправить в школу, но у них ничего не получалось.

В те дни у нас был очень мудрый вождь — мой дед дон Кали. Как-то он созвал нас всех вместе и сказал, что нам необходимо понять этих людей, которые ведут себя, как сумасшедшие, но на самом деле смекалисты, будто демоны. И кликнул добровольцев. Я тоже вызвался. И в следующий раз, когда миссионеры устроили охоту на ребят, дал себя поймать. Меня отправили в бесплатную школу в Ла-Сейбу, остригли волосы, одели в колкий костюм и жаркие ботинки и били, если я разговаривал на языке таваха. Там я оставался десять лет — научился говорить по-английски и по-испански. Воочию наблюдал, какие они, белые люди. В этом заключалась моя работа.

Вернувшись домой, я рассказал своему народу обо всем, что узнал. «Это ужасно! — испугались люди. — Что мы можем сделать?» «Предоставьте все мне, — сказал я им. — Будем сопротивляться тем, что соглашаемся».

Теперь я знал, что отвечать, если в деревню являлись люди с портфелями и солдатами. Понимал, как читать бумаги. Соображал, когда можно подписать, а когда лучше потерять бумагу и прикинуться дураком. Знал, что говорить служителям Иисуса, чтобы получить у них лекарства, еду и одежду. Каждый раз, когда мне приносили картину нового вождя, а старого приказывали выбросить, я вешал ее в своей хижине и ставил перед ней цветы.

Так я стал вождем Пито-Соло. Теперь ты видишь, целительница, я соображаю, как обстоят дела. Мы ничем не способны помочь горным индейцам. Только потеряем жизни ни за что.

— Что касается меня, я не способна просто так отмахнуться и бежать! — заявила Сэлли.

— Целительница, — дон Альфонсо положил ей ладонь на руку, — ты самая храбрая женщина из всех, каких я встречал.

— Только не начинайте снова.

— Ты даже храбрее многих мужчин. Только не надо недооценивать горных индейцев.

³⁷ Золото (исп).

Я бы не позавидовал солдату, который оказался у них в руках, потому что последнее, что он увидит на этой земле, — это то, как его мужское достоинство шипит, поджариваясь на костре.

Несколько минут никто не вымолвил ни слова. Том чувствовал, что он устал, очень, очень устал.

— В том, что случилось, наша вина, — сказал он. — Или, вернее, вина отца. Но мы все равно в ответе.

— Томас, — возразил ему индеец, — ваша вина, его вина, моя вина — это не имеет никакого значения. Мы ничего не можем сделать. Мы бессильны.

Филипп согласно кивнул:

— С меня довольно этого сумасшедшего приключения. Мы не в состоянии спасти мир.

— Поддерживаю, — кашлянул Вернон.

Том почувствовал, что все взгляды устремились на него. Получилось нечто вроде голосования. Настала очередь решать ему. Сэлли пытливо смотрела и ждала. Но Том и сам не мог согласиться бросить дело на полпути.

— Я не смогу жить с сознанием, что взял и отступил, — заявил он. — Я заодно с Сэлли.

Но счет тем не менее был три не в их пользу.

Дон Альфонсо поднялся еще до рассвета и принялся сворачивать лагерь. Обычно невозмутимый индеец был до печенок напуган.

— Ночью горные индейцы подходили к нам на полмили, — объяснил он. — Я видел их следы. Сам я не боюсь смерти. Но я уже стал причиной гибели Чори и Пинго. И не хочу новой крови на своей совести.

Том смотрел, как он швыряет в кучу их неказистый скарб, и ему сделалось нехорошо. Все кончено — Хаузер победил.

— Куда бы этот Хаузер ни отправился с фармакопеей и что бы ни предпринял, я буду следовать за ним по пятам, — заявила Сэлли. — Я от него не отстану. Пусть мы вернемся к цивилизации, но это не финал. Дело еще не кончено.

Нога Филиппа все еще была воспалена, и он не мог идти самостоятельно. Дон Альфонсо на скорую руку сплел походный гамак — нечто вроде носилок с двумя шестами, которые можно класть на плечи. Времени на сборы ушло немного. Когда настал час отправляться, Том и Вернон подняли брата. И двинулись сквозь заросли гуськом. Сэлли впереди прорубала дорогу, а дон Альфонсо замыкал отряд.

— Простите, что стал для вас такой обузой, — проговорил Филипп и достал трубку.

— Еще какой обузой, — хмыкнул Вернон.

— Мучаюсь совестью и посыпаю голову пеплом.

Том слушал братьев — их обычный полушутливый-полусерьезный треп. Иногда они говорили дружески, иногда начинали цапаться. Том радовался, что Филипп настолько оправился, что оказался способен пикироваться с Верноном.

— Надеюсь, не поскользнусь и не свалюсь в яму с грязью, — ухмыльнулся тот.

Дон Альфонсо давал последние наставления:

— Идите как можно тише. Филипп, не кури. Иначе они учуют.

Филипп выругался и убрал трубку. Начал накрапывать дождь. Нести брата оказалось намного труднее, чем предполагал Том. Ноги разъезжались на скользкой тропе, а переправа через реки по осклизлым бревнам казалась смертельным номером. Дон Альфонсо постоянно был начеку, требовал строгого режима тишины, даже мачете пользоваться запрещал. Совершенно измотавшись, они остановились на отдых на единственной попавшейся ровной площадке, которая представляла собой одну сплошную лужу. Дождь превратился в ливень, и вода потоками текла сквозь крышу наспех сооруженного Верноном шалаша. Том и Сэлли отправились на охоту, два часа бродили по лесу, но так ничего и не увидели. Опасаясь, что дым их выдаст, дон Альфонсо не позволил разводить костер. И их ужин в тот вечер составил

и напоминавшие по вкусу картон сырые корни и какие-то гнилые овощи, в которых копошились белые червячки.

Дождь продолжал лить, и реки превратились в бурные потоки. За десять часов невероятных усилий они одолели всего три мили. Следующие дни были в точности похожи на первый. Охотиться было нельзя, а дон Альфонсо не мог ничего поймать в реке. Приходилось довольствоваться корешками, травами и гнилыми фруктами. За четыре дня они прошли меньше десяти миль. И без того исхудавший Филипп быстро слабел. Лицо снова невероятно осунулось. Лишенный возможности курить, он целыми днями смотрел в зеленый полог леса и почти не отвечал, если с ним заговаривали. Братья, вынужденные нести больного, слабели, и отряд все чаще останавливался на привалы. Дон Альфонсо словно усох, у него страшно выпирали кости, кожа сморщилась и висела складками. А Том совершенно забыл, что значит чувствовать себя в сухой одежде.

На пятый день дон Альфонсо остановил отряд. Наклонился и что-то поднял с земли. Это оказалось перо с прикрепленным к нему маленьким кусочком плетеного шнура.

— Горные индейцы, — прошептал он дрожащим шепотом. — След совсем свежий.

Никто не ответил.

— Надо убираться с тропы.

Идти по тропе было отнюдь не легко, но теперь продвижение стало почти невозможным. Путники продирались сквозь такую плотную стену папоротников и лиан, что она, казалось, отталкивала их назад. Нырjali под поваленные деревья, перелезали через скользкие стволы, шлепали по топким лужам и, случалось, вязли до пояса. В ветвях жило огромное количество насекомых. Растревоженные, они падали на головы, ползали в волосах, забирались за ворот, жалили и кусали. Больше всех страдал Филипп на носилках, которые приходилось тащить сквозь густой подлесок. Но дон Альфонсо запрещал выходить на тропу.

Это было сущим адом. Дождь не давал передышки. Путники по очереди прорубали дорогу на несколько сотен ярдов вперед, затем поднимали и несли Филиппа. Снова останавливались и расчищали путь. Так продолжалось два дня. Они шли со скоростью двести ярдов в час. Ливень не прекращался ни на минуту, ноги по колени утопали в грязи и постоянно скользили. Иногда, чтобы забраться на склон, приходилось вставать на четвереньки. Они падали, съезжали вниз и начинали карабкаться снова. У Тома на рубашке оторвались все пуговицы, а кроссовки настолько разъехались, что он несколько раз поранил ступни об острые сучья. Остальные оборвались не меньше. Дни слились в одно нескончаемое усилие, и они с невероятным трудом продвигались сквозь полумрак чащи по заболоченной от дождя земле, настолько покусанные, что их кожа сделалась грубее мешковины. Теперь они поднимали Филиппа четвером и иногда отдыхали больше часа, чтобы перетащить на дюжину ярдов.

Том начал терять ощущение времени. Он понимал, что конец близок — тот момент, когда они не смогут идти дальше. Возникло странное чувство, какая-то легкость в голове. Дни и ночи слились в одну череду. Он упал в грязь и лежал до тех пор, пока его не подняла Сэлли. А через полчаса оказал такую же услугу ей.

Путники вышли на открытое пространство. В этом месте свалилось огромное дерево, и в сплошном покрове ветвей образовалась дыра. Здесь земля была почти ровной. Дерево упало таким образом, что под его гигантским стволом можно было укрыться.

Том едва держался на ногах. Все молчаливо согласилось остановиться на привал. Том настолько ослабел, что сомневался, удастся ли ему подняться, если он ляжет. Последние силы ушли на то, чтобы вырезать колья, приспособить к стволу и покрыть листьями папоротника. Около полудня путники забрались под навес и, устроившись на грязной голой земле, прижались друг к другу. Позже Сэлли и Том совершили новую попытку поохотиться, но до темноты вернулись с пустыми руками. И скрючились под деревом, чтобы переждать долгую ночь.

В свете угасающего дня Том посмотрел на Филиппа. Брат был в отчаянном положении. У него поднялась температура и начался бред. На месте щек образовались глубокие

впадины, под глазами висели тяжелые мешки, руки стали похожи на палки, а локти, наоборот, распухли. Воспаленные раны, которые они так усердно лечили, снова загноились, и в них опять завелись личинки. У Тома разрывалось сердце. Он видел, что брат умирает, и чувствовал, что ни одному из них не суждено выбраться живым из этого места.

Всех сковала немилосердная голодная апатия. Том, не в силах заснуть, всю ночь пролежал с открытыми глазами. К утру дождь перестал, и над верхушками деревьев засияло солнце. Впервые за много недель путники увидели над головами голубое небо без единого облачка. Сквозь просвет в листве струились потоки света, и в ярких столпах кружили вихри сверкающих насекомых. От гигантского ствола поднимался пар.

По иронии судьбы сквозь брешь в деревьях открывался превосходный вид на Серро-Асуль. Целую неделю они из последних сил двигались в противоположном направлении, а гора стала будто еще ближе: голубые, как граненые сапфиры, пики пронзали в выгине обрывки облаков. Том больше не испытывал желания есть. «Вот что делает с человеком голод», — подумал он.

Он почувствовал ладонь на своем плече. Это была Сэлли.

— Иди сюда, — мрачно проговорила она. Том испугался.

— Филипп?

— Нет, дон Альфонсо.

Том поднялся и поплелся за Сэлли вдоль ствола туда, где в гамаке, прямо на сырой земле, лежал индеец. Он свернулся на боку и смотрел на Серро-Асуль. Том опустил на колени и взял его за руку. У дон Альфонсо был жар.

— Извини, Томасино, я никчемный старик. Настолько бесполезный, что умираю.

— Не говорите так. — Том пощупал его лоб и ужаснулся, таким он был горячим.

— Смерть приходит и зовет за собой. И ни один человек не в силах ответить: «Зайди на следующей неделе. Сейчас я занят».

— Вы снова видели во сне святого Петра? — спросила Сэлли.

— Человеку нет необходимости видеть во сне святого Петра, чтобы понять, что наступил конец.

Сэлли покосилась на Тома.

— Можешь предположить, что с ним такое?

— Без анализов и микроскопа...

Преодолевая приступ слабости, Том поднялся. Ну вот и конец, подумал он и даже немного разозлился. Как несправедливо. Но заставил себя отбросить ненужные мысли и проверил, как дела у Филиппа. Брат спал, и у него, как и у дон Альфонсо, сильно поднялась температура. Том даже начал сомневаться, проснется ли он вообще. Вернон, несмотря на слабые протесты индейца, разжег костер, и Сэлли заварила целебный чай. Том заметил, что лицо дон Альфонсо словно провалилось внутрь, кожа лишилась всяких красок и приобрела восковую бледность. Дыхание сделалось тяжелым, но он все еще находился в сознании.

— Я выпью твой чай, целительница. Но даже твое лекарство меня не спасет.

Сэлли встала перед ним на колени:

— Дон Альфонсо, вы уговариваете себя умереть. Уговорите себя выжить.

Он взял ее за руку:

— Нет, целительница, мое время пришло.

— Вам не дано это знать.

— Моя смерть была предсказана.

— Не желаю слушать никаких глупостей. Человеку не дано знать будущее.

— Когда я был маленьким, на меня напала лихорадка, и мать отнесла меня к bruja, то есть к ведьме. Ведьма сказала, что мне не время умирать, что я умру вдали от дома, среди чужих, глядя на голубые горы. — Старик поднял глаза на Серро-Асуль в просвете верхушек деревьев.

— Речь могла идти о любых горах.

— Нет, целительница, она говорила *об этих* горах. Голубых, словно океан.

Сэлли смахнула с глаз слезы.

— Дон Альфонсо, перестаньте городить чушь. Индеец улыбнулся:

— Как приятно, если рядом со смертным ложем старика плачет красивая девушка.

— Вы не на смертном ложе, и я вовсе не плачу.

— Не тревожься, целительница, моя смерть для меня не новость. Отправляясь в это путешествие, я знал, что не вернусь. В Пито-Соло я был никому не нужным старикашкой. Я не хотел умирать в своей хижине дряхлым и выжившим из ума. Я, дон Альфонсо Босвас, хотел умереть как мужчина. — Он вздохнул и поежился. — Вот только мне не приходило в голову, что я умру под гнилым бревном в вонючей грязи и брошу вас на произвол судьбы.

— Вот и не умирайте, дон Альфонсо, мы вас любим. Черт с ней, с той ведьмой.

Индеец взял Сэлли за руку и улыбнулся:

— Целительница, ведьма ошиблась только в одном. Она сказала, что я умру среди чужих. Это неправда. Я умираю среди друзей.

Он закрыл глаза, что-то пробормотал и затих.

45

Сэлли плакала. Том встал и отвернулся, чувствуя, как растет его безрассудный гнев. Потом отошел, немного углубился в лес и там, на тихой поляне, сел на бревно и сжимал и разжимал кулаки. Старик не имел права их оставлять. Пошел на поводу у своих предрассудков. Уговорил себя умереть только потому, что увидел голубые горы.

Том вспомнил, как впервые увидел дону Альфонсо, когда тот сидел в своей хижине на маленьком стуле, размахивал мачете и шутил. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь.

Они выкопали старику могилу в раскисшей земле. Это оказалась задача не из легких. Все настолько ослабели, что едва поднимали лопату. У Тома не выходила из головы мысль: когда ему придется делать то же самое для Филиппа? Завтра? Работу они закончили к полудню. Завернули дону Альфонсо в его гамак и скатили в сочившуюся водой яму. Бросили на тело несколько цветов, завалили яму грязью. Том соорудил грубый крест, связав две деревяшки лианой, и установил в головах могилы. Все застыли в неловком молчании.

— Я бы хотел сказать несколько слов, — начал Вернон.

Он стоял и слегка покачивался. Одежда висела на его исхудавшем теле, волосы и борода в диком беспорядке. Он был похож на нищенствующего монаха.

— Дон Альфонсо... — Вернон поперхнулся и закашлялся. — Если ты все еще здесь, задержись ненадолго, прежде чем отправиться к Жемчужным вратам, и помоги нам выбраться отсюда. Нам сейчас очень туго.

— Аминь, — подхватила Сэлли.

Набежавшие черные тучи положили конец солнечной передышке. Послышался гром, и по листве над головой опять застучали капли дождя.

Сэлли подошла к Тому.

— Я снова собираюсь на охоту.

Он кивнул и, решив попытать счастья на реке, через которую они переправились с миллю назад, взял леску с крючками. А Вернон остался присматривать за Филиппом. Том и Сэлли вернулись не поздно. Девушка не добыла ничего, а Том принес одну-единственную рыбу, которая весила не более шести унций³⁸. Пока они отсутствовали, у Филиппа усилился жар и начался настоящий бред. Глаза лихорадочно блестели, он беспрестанно мотал головой и бессвязно бормотал. Теперь Том не сомневался, что брат умирает. Когда его попытались напоить заваренным Сэлли чаем, он нечленораздельно вскрикнул и выбил чашку из рук. В кастрюльке сварили рыбу с корнем маниоки и стали кормить его с ложечки. Филипп еще кричал, отпихивал ложку с бульоном, но в конце концов начал есть. Остаток они поделили

³⁸ Унция = 28, 3 грамма.

между собой и полезли под ствол дерева пережить ливень и готовиться к ночлегу.

Первым на рассвете проснулся Том. Лихорадка брата за ночь еще усилилась. Он метался, что-то бормотал, пальцы беспомощно шарили у горла. У них не было ни лекарств, ни средств диагностики. Не было даже обыкновенной аптечки. Травяные настои Сэлли оказались не в силах справиться с жаром.

Вернон развел костер, они сидели у огня и отрешенно молчали. Над головами, словно осуждающая толпа, кивали под ударами дождя темные листья папоротников, и от них в убежище царил зеленый полумрак. Первым заговорил Том:

— Придется остаться здесь, пока не поправится Филипп. — Сэлли и Вернон согласно закивали, хотя прекрасно понимали, что больному не суждено поправиться.

— Постараемся, как можем, на охоте и на рыбалке. Будем собирать съедобные растения. И используем время отдыха, чтобы восстановить силы для долгой дороги домой.

Все опять согласились.

— Договорились, — подытожил Том и поднялся. — А теперь за работу. Сэлли, ты идешь на охоту. Я беру леску и крючки. Ты, Вернон, останешься присматривать за Филиппом. Только не сдаваться!

Все стояли, пошатываясь, но Том обрадовался, заметив, что в его товарищах просыпается энергия. Он взял рыболовные снасти и углубился в джунгли. Шел по прямой от Серро-Асуль, оставляя метки на папоротниках, чтобы обозначить путь, и не переставал высматривать съедобные растения. Дождь не прекращался. Через два часа, измотанный, весь в грязи, он очутился на реке. По дороге ему удалось поймать небольшую ящерицу, которую он решил использовать в качестве наживки. Нацепил отбивающуюся рептилию на крючок и забросил в бурную реку.

Через пять часов Том понял, что пора возвращаться, иначе он не попадет в лагерь засветло. Он потерял три крючка и изрядное количество лески, но ничего не поймал. Вернон поддерживал огонь, а Сэлли еще не вернулась.

— Как Филипп? — спросил он.

— Не очень, — ответил брат.

Том посмотрел на больного. Филипп метался во сне — то приходил в сознание, то снова погружался в небытие и все время бормотал обрывки каких-то фраз. Тома испугало его лицо — такое выражение было у дон Альфонсо в последние минуты. Филипп в бреду разговаривал с отцом, жаловался и бросал упреки. Называл по именам братьев и мать, которую не видел лет двадцать. А потом ему почудилось, что он подросток и присутствует на собственном дне рождения. Ему исполнилось пятнадцать, он разворачивал подарки и вскрикивал от радости.

Расстроенный и опечаленный Том отошел к костру и сел рядом с Верноном. Брат обнял его за плечи и подал кружку с чаем.

— Вот так целый день.

Том сделал глоток. Он заметил, что его рука выглядела совсем по-стариковски — вся в пятнах, со вздувшимися венами. В животе было пусто, но он не испытывал голода.

— Сэлли еще не возвратилась?

— Нет, но я пару раз слышал, как она стреляла.

Словно в ответ на их слова в кустах раздался шорох, и появилась девушка. Не говоря ни слова, она прислонила ружье к дереву.

— Не везет? — спросил Том.

— Подстрелила пару пней, — ответила Сэлли. Том улыбнулся и взял ее за руку.

— Трепещите, пни! Великая охотница Сэлли вышла за добычей!

Она стерла с лица грязь.

— Извини.

— Завтра, — сказал Том, — надо выйти пораньше. Пойду туда, где мы нашли Филиппа. К ночи вернуться не успею. Но та река большая. Наловлю уйму рыбы.

— Отличная идея, — одобрил Вернон, но его голос дрогнул.

— Мы не сдадимся.

— Ни за что! — подхватила Сэлли.

— Не могу себе представить, — покачал головой Вернон, — что сказал бы отец, если бы увидел нас в таком положении.

Том, в свою очередь, мотнул головой. Он перестал думать о Максвелле Бродбенте. Знал бы тот, что натворил, — послал своих сыновей на смерть... Сыновья разочаровывали его при жизни и оказались не на высоте теперь, когда он лежал в могиле. Том посмотрел на огонь и спросил:

— Ты на него злишься?

— Да, — ответил Вернон после недолгого колебания. Том безнадежно махнул рукой.

— Как ты считаешь, мы сумеем его простить?

— Какое это имеет значение?

Том проснулся до рассвета со странным ощущением, будто что-то давит ему на основание черепа. Шел дождь, и было темно. Шум дождя, казалось, проникал в самую голову. Том повернулся раз-другой. Давление превратилось в настоящую головную боль. Он подтянул ноги к животу, сел и, к своему изумлению, понял, что не в состоянии держаться прямо. Повалился на спину, голова упала набок, и он провалился в черноту, которую наполняли красные и бурые всполохи и шепот голосов. Где-то встревоженно бормотал Волосатик. Том прищурился и разглядел обезьянку. Она сидела неподалеку на земле и возбужденно причмокивала губами. Он понял: что-то случилось.

Это не просто последствия голода — начиналась болезнь. Господи! Только не теперь! Том повернулся и в завихрениях тьмы попытался разглядеть Вернона и Сэлли, но ничего не увидел. В нос ударил отвратительный запах гниющих растений, дождя и земли. Капли барабанили по листьям, а казалось — насквозь пробивали голову. Тянуло ко сну. Но вот он открыл глаза и увидел перед собой Сэлли. Девушка вглядывалась в его лицо.

— Сегодня я пойду рыбачить, — пробормотал Том.

— Ты никуда не пойдешь, — ответила она, наклонилась, потрогала его лоб и не сумела скрыть страх. — Сейчас принесу тебе чаю.

Сэлли вернулась с кружкой, из которой шел пар. Том выпил горячую жидкость.

— А теперь спи.

Он заснул. А когда проснулся, стало светлее. Несмотря на удушающую духоту под деревом, его знобило. Рядом свернулась Сэлли. Она увидела, что Том открыл глаза, и улыбнулась.

— Как Филипп? — едва выговорил он.

— Все так же.

— А Вернон?

— Заболел.

— Черт! — Том с тревогой посмотрел на Сэлли. — А ты? Не заболела?

Ее лицо горело.

— Похоже на то. — Она приложила ладонь к его щеке.

— А мне лучше. Я позабочусь о тебе. Мы обязательно выберемся из этой передрыги.

Сэлли покачала головой:

— Нет, Том, не получится.

Простое признание непреложного факта прочистило его страдающую от боли голову. Вот, значит, как? Им суждено умереть на дожде под гниющим стволом, и дикие звери разорвут на части их тела. Никто даже не узнает, что с ними приключилось. Том попытался убедить себя, что это нашептывает ему его лихорадка, а на самом деле все обстоит не так плохо. Но в глубине души понимал, что это неправда. Голова кружилась. Да, им придется умереть. Он открыл глаза.

Сэлли была по-прежнему рядом и держала ладонь у его щеки. Она пристально посмотрела на него. Ее лицо было в грязи, исцарапано и искусано; волосы спутались и потускнели, глаза ввалились. Не осталось никакого сходства с той девчонкой, которая сломя

голову скакала за ним в Юте. Только насыщенно-бирюзовый цвет глаз и то, как она слегка выставляла нижнюю губу.

— У нас осталось немного времени, — заговорила Сэлли и, помолчав, добавила: — Мне надо тебе кое-что сказать, Том.

— Слушаю.

— Мне кажется, я в тебя влюбилась. — Действительность в один миг вернулась к нему.

— Ну вот, я и сказала.

— А как же...

— Джулиан? Он мужчина розовой мечты. Красивый, блестящий, правильно обо всем судит. Родители каждой девушки хотят, чтобы их дочь вышла за такого замуж. Он — моя Сара. Но то, что я испытывала к нему, совсем не то, что я испытываю к тебе. При всем твоём... ну, что ли, несовершенстве. — Сэлли улыбнулась.

После этих слов все стало ясно и просто. Том попытался ответить и наконец прохрипел:

— Я тебя тоже люблю.

— Я знаю. — Ее лицо озарилось прежним светом. — И очень рада. Извини, что цапалась с тобой. Это от моей строптивости.

Они помолчали.

— Наверное, я люблю тебя с того самого дня, когда ты украла мою лошадь и гналась за мной в Юте. Но понял это окончательно, когда ты не захотела убивать ягуара. Никогда этого не забуду.

— А я поняла, что люблю тебя, когда ты позвал меня посмотреть на светящийся лес.

— Но ничего не сказала.

— Сама не хотела верить. Ты же видишь, какая я упрямая. Не желаю признавать, даже если совсем не права.

Том почувствовал в горле ком. Закружилась голова.

— Имей в виду, я самый обыкновенный человек. В шестнадцать лет в Стэнфордский университет не поступал.

— Это ты-то обыкновенный? Ты, кто с голыми руками сражается с ягуарами и анакондами? И смело, с чувством юмора ведет отряд в самое сердце тьмы?

— Я все это делал, потому что меня вынуждали обстоятельства.

— Это тоже твоя положительная черта — ты скромн. Рядом с тобой я поняла, что за тип Джулиан. Он не захотел ехать со мной, потому что это было ему неудобно. Пришлось бы прервать работу. А на самом деле, я подозреваю, он просто испугался. Я поняла, что он из тех людей, кто ни за что не возьмется за дело, если не будет абсолютно уверен в успехе. А ты, наоборот, готов испытать невозможное.

Голова у Тома снова поплыла. Ему нравилось, что он слышат, и он попытался унять головокружение. Сэлли печально улыбнулась и опустила голову ему на грудь.

— Жаль, что у нас осталось мало времени. — Он провел ладонью по ее волосам.

— Нашли место, где влюбляться.

— Не говори!..

— Может быть, в другой жизни мы получим еще один шанс... где-нибудь, когда-нибудь... — Сознание стало меркнуть. Что он пытался сказать? Надеясь унять головокружение, Том закрыл глаза. Но от этого сделалось только хуже. Он разлепил веки, однако ничего не увидел, кроме зеленых и коричневых вихрей. Даже начал сомневаться: неужели это был только сон? Болезнь отца, путешествие в джунгли, Сэлли и умирающий брат. Да, конечно, всего лишь сон. Долгий, удивительный, но только сон. Вот сейчас он, маленький мальчик, проснется в своей постели и услышит, как кричит наверху отец: «С добрым утром! С добрым утром! Просыпайтесь! Начинается новый чудесный день!»

И, подумав об этом, Том испытал приносящее забвение счастье.

Марк Хаузер сидел на раскладном стуле в дверях разрушенного храма и впитывал утро. На соседнем дереве прыгал, пронзительно кричал и размахивал огромным клювом тукан. Занимался чудесный день. Небо отливало прозрачной голубизной, зеленые джунгли притихли. В горах было прохладнее и суше, чем на равнине, и воздух казался свежее. Вокруг плавал аромат незнакомого цветка. К Хаузеру вернулось ощущение покоя. Ночь выдалась долгой, и он чувствовал себя измотанным и разочарованным.

По опавшей листве прошелестели шаги — солдат принес ему завтрак: кофе, яйца, бекон, жареные бананы на эмалированной тарелке, к которой, словно зеленый узор, пристала веточка. Хаузер поставил тарелку на колени. Украшение на тарелке его раздражало, и, прежде чем взяться за вилку и начать есть, он щелчком пальца сбил веточку на землю. Мысли вернулись к событиям минувшей ночи. Настало время дожать вождя или остаться ни с чем. Уже через десять минут Хаузер понял, что индеец не расколется, но продолжал с ним возиться. Это было все равно что смотреть порнофильм — невозможно оторваться, а потом жаль потраченных усилий и времени. Он испытал все. Превзошел самого себя. Но теперь приходилось искать иное решение проблемы.

У входа показались двое солдат, которые тащили за собой бездыханное тело.

— Что с этим делать, начальник?

Хаузер показал вилкой в сторону и прошамкан набитым яйцами ртом:

— Спихните в ущелье.

Солдаты исчезли, и он закончил завтрак.

Белый город представлял собой обширное заросшее пространство. Макс мог похоронить себя где угодно. Беда заключалась в том, что они настолько разворошили деревню, что лишились шансов захватить нового заложника и выжать из него местоположение гробницы. С другой стороны, ему вовсе не светило две недели самому обшаривать эти обжитые крысами руины.

Макс порылся в кармане и извлек алюминиевый цилиндр. Через минуту ритуал был закончен, и он раскурил сигару. Глубоко затянулся и почувствовал, как успокаивающий никотин проникает в легкие и во все тело. Любую проблему можно представить в виде выбора и подвыбора. В данном случае у него имелись две возможности: отыскать гробницу самому либо предоставить это дело кому-нибудь другому. Но если гробницу будет искать для него другой человек — кто этот человек?

— Teniente!

Ожидавший утренних распоряжений лейтенант появился перед ним и отдал честь.

— Si, senior?

— Пошлите человека назад по тропе. Пусть узнает, как там дела у братьев Бродбентов.

— Слушаюсь, сэр.

— Не применяйте насилия, оставайтесь незаметными. Выясните, в каком они состоянии. Все ли еще идут сюда или повернули обратно? В общем, все, что возможно.

— Слушаюсь, сэр.

— Утром начнем с этой пирамиды. С ближнего конца сделаем проход динамитом. Войдем внутрь, а там будет видно. Подготовьте взрывчатку и людей. Начало операции через час. — Хаузер поставил тарелку на землю, поднялся и закинул автомат за плечо. Вышел на солнце и окинул взглядом пирамиду, прикидывая, куда заложить заряды. Найдет он в ней Макса или нет, операция займет солдат. И позабавит. Люди любят громкие взрывы.

Солнце. Он не видел его две недели. Приятно для разнообразия поработать на солнце.

47

К Тому Бродбенту пришла смерть. Но не в черном балахоне и без косы. Она явилась в облике ужасного дикаря: его лицо было раскрашено в красный и желтый цвета, щетинилось торчавшими в черных волосах зелеными перьями, сверкало остро подпиленными зубами во

рту; он смотрел на Тома зелеными глазами и дотрагивался пальцами. Но смерть не наступила, наоборот, дикарь влил Тому в рот горячую жидкость. Том поперхнулся, но проглотил. Потом еще и еще. И уснул.

Он проснулся с ощущением сухости в горле и дергающей боли в голове. Он лежал в сухом гамаке в хижине под кровлей из листьев. На нем были чистая майка и шорты. Снаружи светило солнце, джунгли наполнились звуками. Довольно долго он не мог сообразить, где он и что здесь делает. Потом мало-помалу память стала возвращаться: исчезновение отца, странное завещание, их путешествие вверх по реке, шутки и прибаутки дона Альфонсо, лесная прогалина с видом на Серро-Асуль и умирание под гниющим стволом.

Все это, казалось, случилось давным-давно — Том чувствовал себя обновленным, родившимся заново и слабым, как дитя.

Он осторожно приподнял голову — не больше чем позволяла стучащая молотом в виски головная боль. Натянутый рядом гамак был пуст. У него упало сердце. Кто умер: Сэлли, Вернон?

— Эй, — слабо проговорил он и сел. — Есть здесь кто-нибудь?

Полог приподнялся, и в хижину, словно внезапное золотое извержение, вошла Сэлли.

— Том, я так рада, что тебе лучше.

— О, Сэлли, я увидел пустой гамак и решил... Она подошла и взяла его за руку.

— Мы все живы.

— Филипп?

— Еще болен, но ему гораздо лучше. Вернону полегчает завтра.

— Что произошло? Где мы находимся?

— На земле. Поблагодари за это Бораби, когда он вернется. Он ушел на охоту.

— Бораби?

— Горного индейца. Он нашел нас и спас. Вернул к жизни.

— Почему?

— Не знаю.

— Я долго находился без сознания?

— Неделью, как и все остальные. Мы заразились лихорадкой, которую Бораби называет «биси». Он — целитель, только не такой, как я, а настоящий. Он даже говорит по-английски, только очень смешно. Бораби спас нас от смерти.

Том попытался сесть.

— Тебе еще рано. — Сэлли принудила его лечь. — Выпей вот это. — Она подала ему чашку с горячим настоем. Том проглотил жидкость и почувствовал голод.

— По запаху я могу судить, что готовится деликатес?

— Черепашовый суп а-ля Бораби. Принесу тебе немного. — Сэлли дотронулась ладонью до его щеки, и Том сразу все вспомнил.

Сэлли наклонилась и поцеловала его.

— Нам предстоит еще долгий путь, пока все это кончится. Будем делать шажок за шажком.

Он кивнул. Сэлли принесла ему черепашового супа. Том выпил и крепко уснул. А когда проснулся, головная боль прошла. Он сумел выбраться из гамака и, шатаясь, выйти из хижины. Они находились все на той же прогалине с упавшим гниющим деревом. Только теперь здесь была не сырая чащоба, а светлый, просторный лагерь. Кто-то вырубил папоротники и устлал ими землю так, что получился приятный пружинящий ковер. Две аккуратные хижины были покрыты пальмовыми листьями, вокруг кострища положены бревна, чтобы удобнее было сидеть. Солнечные лучи струились сквозь прореху в кронах деревьев, на фоне голубого неба багровела вершина Серро-Асуль. Сэлли сидела у костра, но, увидев Тома, вскочила на ноги и помогла опуститься на бревно.

— Сколько времени?

— Десять часов утра, — ответила девушка.

— Как Филипп?

— Отдыхает в гамаке. Он все еще слаб, но идет на поправку. Вернон досыпает последнюю стадию болезни. Выпей еще черепахового супа. Бораби сказал, чтобы мы ели как можно больше.

— А где этот таинственный Бораби?

— На охоте.

Том поел. На огне кипела кастрюля, в которой вместе с кусками мяса варились странные овощи и корни. Покончив с супом, Том пошел во вторую хижину навестить Филиппа. Оттянул вверх дверь из пальмовых листьев, нагнулся и оказался внутри.

Филипп лежал в гамаке и курил. Он все еще выглядел поразительно исхудавшим, но раны начали подсыхать и затягиваться коркой, а глаза больше не казались такими пустыми.

— Рад тебя видеть на ногах, Том.

— Как себя чувствуешь?

— Небольшая трясучка в коленках, а в остальном — бодряком. Ступня подживает, так что через несколько дней смогу ходить.

— Ты видел этого Бораби?

— О да! Странный парнишка. Весь размазан, диски в ушах, татуировки, всякие финтифлюшки. Сэлли готова его канонизировать, только я сомневаюсь, что он вообще католик.

— Филипп, ты выглядишь как новенький.

— И ты тоже, Том.

Наступило неловкое молчание, которое прервал крик снаружи:

— Привет, братья!

— А вот и Бораби вернулся, — объяснил Филипп.

Том высунулся из хижины и увидел, что к ним через поляну направляется удивительнейший коротышка-индеец. Верхняя часть его туловища была раскрашена красным, вокруг глаз черные круги, на груди по диагонали нарисованы свирепые желтые полосы. Из-под лент на руках торчали перья. Он был нагим, за исключением набедренной повязки. В оттянутых мочках ушей висели тяжелые гирьки, которые мотались при каждом шаге. По животу расходился замысловатый узор шрамов. Зубы к кончикам были сточены. Черные волосы пострижены ровно. Карие глаза такого необыкновенного оттенка, что казались зелеными. Его лицо было на удивление привлекательным. Гладкая кожа отливала, как у изваяния.

Он подошел к костру — низенький, но полный достоинства. В одной руке трубка для выдувания стрел длиной семь футов, в другой — мертвое животное неизвестного вида.

— Брат, я принес мясо, — сказал по-английски Бораби и улыбнулся. Опустил добычу на землю, подошел к Тому, обнял и расцеловал с каждой стороны в шею. Видимо, это было здешнее традиционное индейское приветствие. Затем отступил на шаг и приложил ладонь к груди. — Меня зовут Бораби.

— Я Том.

— А я — Джейн, — заявила Сэлли.

— Джейн? А разве не Сэлли?

— Шучу, — рассмеялась девушка.

— Я, он, она. Мы все братья, — заключил индеец и снова заключил в объятия и расцеловал Тома.

— Спасибо, что спас нам жизнь, — поблагодарил Том. Слова прозвучали блекло, но Бораби как будто остался доволен.

— Благодарю, благодарю. Ты кушать суп?

— Да. Восхитительный.

— Бораби хорошо готовить. Кушать больше.

— Где ты научился говорить по-английски?

— Мама научила.

— Ты хорошо говоришь.
— Я говорить плохо. Учиться у тебя и говорить хорошее.
— Лучше, — поправила его Сэлли.
— Спасибо. Когда-нибудь, брат, я ехать с тобой в Америку. — Тома поразило, что даже здесь, вдали от всякой цивилизации, люди стремятся попасть в Америку.

Бораби посмотрел на Волосатика, который занял свое обычное место в кармане Тома.

— Эта обезьяна плакать и плакать, когда ты болеешь. Как ее зовут?

— Волосатик.

— Почему ты ее не кушать, когда голодать?

— Я ее полюбил, — объяснил Том. — Да к тому же какое в ней мясо?

— Почему вы называли ее Волосатиком? Что значит Волосатик?

— Ничего особенного. Просто кличка для животного, у которого много волос.

— Хорошо. Волосатик. Я знать новое слово. Мне нравится учиться английский.

— Надо говорить: учить английский, — снова поправила Сэлли.

— Спасибо. Говори, когда я ошибаться.

Индеец протянул обезьянке палец. Та зажала его в крохотной ладошке, посмотрела на Бораби, заверещала и скрылась в кармане Тома. Индеец рассмеялся:

— Волосатик бояться, что я его кушать. Он знает, что мы, тара, любим обезьян. А теперь я варить еду. — Бораби вернулся к тому месту, где оставил добычу, отошел от лагеря, прихватив с собой тушу и кастрюлю, присел на корточки и начал свежевать и разрубать на части животное. При этом в кастрюлю складывал все, включая внутренности и кости.

Том присоединился к Сэлли у костра.

— Не могу взять в толк: что с нами приключилось? Откуда взялся этот Бораби?

— Я знаю не больше тебя. Бораби нашел нас, когда мы умирали под этим стволом, расчистил поляну, соорудил хижины, перенес нас внутрь, кормил и врачевал. Собрал огромное количество трав и даже наловил каких-то странных насекомых. Все это висит в его хижине на перекладинах. Он нас этим лечил. Я первая почувствовала себя лучше. Это произошло два дня назад. Я стала помогать ему готовить и ухаживать за вами. Бораби сказал, что лихорадка вроде бы скоротечная. Слава Богу, не малярия. Он утверждает, что она проходит без осложнений и не дает рецидивов. Если в первые день или два не наступает смерть, человек поправляется. Похоже, именно «биси» убила дону Альфонсо. Бораби объяснил, что у стариков сопротивляемость хуже.

При упоминании об их товарище по путешествию Том ощутил укол щемящей грусти.

— Понимаю, — кивнула Сэлли. — Я по нему тоже скучаю.

— Никогда не забуду старика и его удивительную мудрость. Трудно поверить, что его не стало.

Они смотрели, как Бораби рубит и отрезает кусочки мяса, складывает в кастрюлю и при этом напевает что-то наподобие песенки — мотив то взлетал, то падал в унисон с ветром.

— Он упоминал о Хаузере и о том, что происходит на Серро-Асуль? — спросил Том.

— Нет, ничего не говорил. — Сэлли посмотрела на него и замялась. — Совсем недавно я не сомневалась, что нам не выкарабкаться.

— Еще бы.

— Ты помнишь, что я тогда говорила?

— Помню.

Сэлли густо покраснела.

— Хочешь взять свои слова обратно? — покосился на нее Том. Она помотала головой, и ее волосы взвились в золотом вихре.

— Никогда.

— Вот и хорошо. — Он взял ее за руку. Переживания последних дней каким-то образом благоприятно повлияли на ее красоту. Том не мог объяснить почему, но Сэлли стала душевнее. Исчезла ее защитная ершистость. Впрочем, близость к смерти изменила каждого из них.

Подошел Бораби с завернутыми в лист обрезками мяса.

— Эй, Волосатик! — позвал он и причмокнул губами, совсем как это делают обезьяны.

Волосатик высунул голову у Тома из кармана. Индеец протянул угощение, обезьянка состроила опасливую гримасу, пискнула, но мясо взяла. Запихнула в рот и тут же потянулась за вторым и за третьим кусками. Она набивала рот обеими руками и при этом довольно мычала.

— Волосатик и я теперь друзья, — улыбнулся Бораби.

Ночью у Вернона наступил кризис. И наутро он проснулся хотя и слабый, но с ясной головой. Бораби хлопотал возле него, заставлял пить травяные настои и еще какое-то целебное варево. Выздоровливающие остались отдыхать в лагере, а индеец отправился добывать еду. Он возвратился после обеда с мешком из пальмовых листьев, в котором оказались фрукты, корни, орехи и свежая рыба. Остаток дня он провел у костра: жарил и вялил мясо, солил рыбу и все это заворачивал в сухие листья и перевязывал травой.

— Мы куда-нибудь собираемся? — спросил его Том. — Да.

— Куда?

— Поговорим потом, — отмахнулся индеец.

Из хижины, хромая, вышел Филипп. Его нога все еще была перебинтована, во рту он держал трубку. Он доковылял до костра и сел у огня. И, наливая в кружку заваренный Бораби чай, заметил:

— Нашего индейца стоило бы поместить на обложку «Нэшнл джиографик».

К ним присоединился Вернон и неуверенно устроился на бревне.

— Вернон, кушать! — тут же засуетился Бораби и сунул ему в дрожащие руки кружку с супом. Вернон принял еду и пробормотал благодарность.

— Добро пожаловать в страну живых, — рассмеялся Филипп.

Брат не ответил. Он был еще очень слаб и бледен. Смахнул пот со лба и проглотил очередную ложку супа.

— Итак, вот мы и собрались, — буркнул Филипп. — Трое его сыновей.

Том заметил, что в голосе брата появилось раздражение. В костре рассыпалось искрами полено.

— И во что же такое мы втравились по его милости? По милости нашего старика. Предлагаю за него тост! — Филипп осушил кружку с чаем.

Том присмотрелся к нему — Филипп поправлялся на удивление быстро. Еще недавно мертвые глаза ожили, но ожили злостью.

Он огляделся.

— И что теперь, братья мои?

Вернон пожал плечами. Его лицо посерело и осунулось, вокруг глаз обозначались темные круги. Он влил в рот новую ложку супа.

— Уберемся восwoяси, поджав хвосты, и позволим Хаузеру присвоить Липпи, Моне, Брака и все остальное? Или пойдем на Серро-Асуль, где, не исключено, кончим тем, что наши кишки развешат по кустам? — Филипп помолчал и снова раскурил трубку. — Такой выбор стоит перед нами.

Никто не ответил, и он окинул взглядом каждого по очереди.

— Я задаю серьезный вопрос, — продолжал Филипп. — Собираетесь ли вы закрыть глаза на то, как распоясался этот жирный Кортес, который вот-вот завладеет нашим имуществом?

Первым поднял глаза Вернон. Болезнь оставила на его лице отпечаток, голос звучал слабо:

— Ответ на свой вопрос сам. Это ведь ты привел сюда Хаузера.

Филипп холодно посмотрел на брата:

— Я полагал, что эпоха взаимных упреков прошла.

— А на мой взгляд, только начинается.

— Перестаньте, — оборвал их Том, — здесь не время и не место ссориться.

Вернон повернулся к Тому:

— Филипп притащил сюда этого психопата и должен за это ответить.

— Я действовал с добрыми намерениями. Понятия не имел, что этот Хаузер окажется таким монстром. И я уже ответил за свой поступок. Взгляни на меня!

Вернон покачал головой.

— Раз никто не желает брать вину на себя, значит, истинный виновник — наш отец, — продолжал Филипп. — Неужели никто из присутствующих хотя бы чуточку не злится на него? Это благодаря ему мы чуть не погибли.

— Он хотел испытать нас, — возразил Том.

— Ты его защищаешь?

— Стараюсь понять.

— Я его прекрасно понимаю. Эта идиотская экспедиция на поиски гробницы — очередное испытание из числа многих. Вспомните спортивных тренеров, инструкторов по лыжам, уроки истории искусства и верховой езды, музыки и шахмат, увещевания, назидания и угрозы. Вспомните дни, когда мы приносили из школы отметки. Он всегда считал нас неисправимыми крестинами. Взять хотя бы меня: тридцать семь лет — и все еще преподаватель в колледже. Ты, Том, лечишь лошадей в Юте. Ты, Вернон, потратил лучшие годы жизни, распевая песенки со всякими браминами.

Бораби поднялся на ноги. Он проделал это с такой осмотрительной неторопливостью, что все замолчали.

— Нехороший разговор.

— Тебя, Бораби, это не касается! — отрезал Филипп.

— Прекратить нехороший разговор.

Филипп не обратил на него внимания и продолжал, обращаясь к Тому:

— Отец мог завещать нам свои деньги, как все нормальные люди. Или выбросить их. Отлично, я бы пережил. В конце концов, это его деньги. Но он придумал, как помучить нас ими.

Бораби ожег его взглядом.

— Заткнись, брат! Или я хлестать тебя по заднице.

— Мне все равно, что ты спас нам жизнь, — оборвал его Филипп. — Не лезь в наше семейное дело! — На его лбу запульсировала жилка. Том ни разу не видел брата в таком состоянии.

— Слушать меня, мой маленький брат! — Бораби распрямился во весь свой небольшой рост и сжал кулаки.

Последовала недолгая пауза, и вдруг Филипп расхохотался. Он содрогался, тряс головой, и его тело обмякло.

— Господи! Этот парень не шутит.

— Мы все взвинченны, — начал успокаивать его Том. — Бораби прав: здесь не место спорить.

— Вечером мы говорить об очень важном, — заявил индеец.

— О чем? — спросил Филипп.

Бораби повернулся к кастрюле с супом, и его раскрашенное лицо сделалось непроницаемым.

— Увидите.

48

Льюис Скиба откинулся в кожаном кресле в своем обитом деревянными панелями кабинете и развернул газету на колонке редактора. Попытался читать, но отвлекали доносившиеся из другого конца дома всхлипы и вопли кларнета, на котором учился играть его сын. Со времени последнего звонка Хаузера прошло почти две недели. Он явно с ним играл и держал в неведении. Или что-то случилось? Он... что-то уже сделал?

Глаза Скибы бегали по строкам передовицы, но как он ни пытался справиться с приступом самобичевания, слова проходили мимо сознания, и он не понимал их смысла. Центральный Гондурас считался опасным местом. Не исключено, что Хаузер где-то оступился, совершил ошибку, чего-то недодумал, подцепил лихорадку... Мало ли что могло с ним приключиться. Факт оставался фактом — человек исчез. Две недели — немалый срок. Может быть, братья Бродбенты оказались Хаузеру не по зубам: он попытался разделаться с ними, а в итоге они убили его?

Скиба вопреки всякому здравому смыслу надеялся, что именно так и случилось. В его голове не укладывался факт, что он в самом деле приказал Хаузеру уничтожить этих людей. О чем он только думал? У Скибы вырвался невольный стон. Хоть бы этот Хаузер погиб! Слишком поздно Льюис осознал, что предпочел бы потерять все, чем стать виновником убийства. Он сам преступник. Это у него сорвалось с языка: «Убейте их!» Господи, почему Хаузер так настаивал, чтобы он произнес эти слова? Как могло произойти, что он — звезда школьной футбольной команды, выпускник Стэнфордского университета и Уартона, стипендиат программы Фулбрайта³⁹ и управляющий компанией из разряда «Форчун-500»⁴⁰ — позволил загнать себя в ловушку, поддался помешанному на убийствах дешевому психопату? Скиба всегда считал, что он — человек твердых моральных устоев и высокой нравственности, интеллектualan, то есть *хороший* человек. Он был заботливым отцом. Не обманывал жену. Постоянно ходил в церковь. Заседал в правлении и отдавал на благотворительность изрядную долю своих доходов. И вдруг какой-то доморощенный шпик срывает с него маску и демонстрирует истинное лицо. Он этого никогда не простит — ни себе, ни Хаузеру.

Скиба снова вспомнил лето из детства на озере — дощатый сарайчик, убегающий в воду причал, запах костра и сосен. Вот если бы можно было повернуть время вспять, оказаться там и начать жить сначала. Пережить все заново.

Он мучительно застонал, выбросил эту мысль из головы и глотнул виски из стоявшего у локтя стакана. Все это в прошлом и больше не вернется. Часы назад не повернуть. Что сделано, то сделано. Он получит фармакопею, манускрипт, быть может, даст новый толчок процветанию компании Лэмп и никто ни о чем не узнает. А он как-нибудь переживет. Должен пережить. Но запомнит навсегда, что способен на убийство.

Скиба сердито потрянул газетой и снова начал изучать колонку редактора.

В этот момент ожил телефон. Звонил рабочий аппарат с защищенной линией. Скиба сложил газету, поднялся, подошел и снял трубку.

Голос звучал словно издалека, но чисто, как колокольчик. Это был *его собственный* голос: «Сделай это! Убей их, черт тебя подери! Убей братьев!»

Скиба будто получил удар в солнечное сплетение. Он задохнулся, ему не хватало воздуха. Послышалось шипение, и его голос, словно призрак из прошлого, повторил: «Сделай это! Убей их, черт тебя подери! Убей братьев!»

— Узнаете? — теперь в трубке телефона с шифратором говорил Хаузер.

Скиба, пытаясь заставить легкие работать, сделал судорожный вдох.

— Привет.

— Никогда больше не звоните мне домой! — возмутился Льюис.

— Вы меня об этом не просили.

— Как вы узнали номер?

— Вы что, забыли, я же частный сыщик.

Скиба поперхнулся. Нет смысла отвечать. Теперь он понял, почему Хаузер был так

³⁹ Программа международных обменов и области образования, начатая в 1946 году по инициативе сенатора У. Фулбрайта.

⁴⁰ Список пятисот американских крупнейших промышленных компаний, ежегодно публикуемый в журнале «Форчун».

настойчив. Его заманили в ловушку.

— Мы в Белом городе. Управляющий ждал.

— И нам известно, что Бродбент отправился именно сюда. Заставил кучку здешних индейцев похоронить себя в той самой гробнице, которую ограбил сорок лет назад. В той самой, где, возможно, нашел кодекс. Чувствуете, какова ирония судьбы?

Послышался хлопок, который благодаря скрэмблеру перешел в продолжительный скрежет в трубке. Чтобы записать его голос, Хаузер, должно быть, отключал шифратор. И теперь ему ничто не мешало получить свои пятьдесят миллионов. Наоборот, у Скибы было такое ощущение, что ему предстоит заплатить больше, гораздо больше — и расплачиваться до конца жизни. Хаузер держал его за горло. Каким же он оказался идиотом — позволил перехитрить себя, как ребенок. Невероятно!

— Слышали? Этот прекрасный звук — взрыв динамита. Мои люди трудятся над пирамидой. Беда в том, что Белый город — огромное заросшее пространство, и Макс мог похоронить себя где угодно. Тем не менее спешу сообщить об изменениях в планах: после того как мы отыщем могилу и добудем кодекс, наш путь пойдет на запад через горы и Эль-Сальвадор к Тихому океану. Сначала пешком, затем вниз по реке. Это займет немного больше времени. Так что кодекс получите через месяц.

— Но вы говорили...

— Помню. Первоначально я планировал доставить кодекс вертолетом из Сан-Педро-Сула. Но в таком случае мне пришлось бы объяснять, как погибла пара-тройка гондурасских солдат. К тому же разве предугадаешь, когда какому-нибудь местному хвастливому генералишке стукнет в голову наложить лапу на чужое добро и объявить его национальным достоянием? Единственный вертолет принадлежит военным, и чтобы его заполучить, пришлось бы непременно пересечься с армией. Поэтому мы тихо и мирно повернем в неожиданную сторону — на запад. Поверьте, это лучший путь.

Скиба снова поперхнулся. Погибшие солдаты? От разговора с Хаузером его начинало мутить. Подмывало спросить, уж не дело ли это рук самого Хаузера, но слова не шли с языка.

— Кстати, если вас интересует, я не выполнил ваш приказ: трое братьев Бродбентов до сих пор живы. Живучие типы. Но я не забыл обещания и обязательно все сделаю.

Не выполнил приказ! Скиба вновь почувствовал в горле ком. Проглотил его и чуть не задохнулся. Они живы!

— Я передумал, — прохрипел он.

— Вы о чем?

— Не делайте этого.

— Чего именно?

— Не убивайте их.

— Поздновато передумали, — усмехнулся Хаузер.

— Ради Бога, не надо. Приказываю вам не трогать их! Разберемся как-нибудь иначе.

Но связь уже оборвалась. Послышался шорох. Скиба повернул мокрое от пота лицо. На пороге стоял его сын. Он был в свободной пижаме, светлые волосы торчали во все стороны, в руке он держал кларнет.

— Кого не убивать, папа?

В тот вечер Бораби порадовал их обедом из трех блюд: на первое рыбный суп, на второе мясо, приправленное крохотными вареными яйцами с птичьими зародышами внутри, и на десерт — фруктовый салат. Он заставлял их есть, пока всем чуть не стало плохо. Когда последнее блюдо исчезло в желудках, из карманов появились трубки, и табачный дым повел борьбу с налетевшими в сумерках насекомыми. Небо было чистым, из-за темного силуэта Серро-Асуль вставала горбатая луна. Трое братьев и Сэлли сидели полукругом у костра и

ждали, когда заговорит Бораби. Несколько минут индеец молча курил, затем отложил трубку и, задержав подолгу на каждом взгляд, обвел глазами всю компанию. Затянули песню ночные лягушки, и их голоса влились в хор других голосов — таинственных криков, уханья, писков и хлопанья крыльями.

— Что ж, братья, — произнес Бораби и помолчал. — Начну свою историю с самого начала — за год до того, как родился сам. В тот год белый человек в одиночку поднялся по реке и перешел через горы. В деревню тара он попал полумертвым. До него там ни разу не видели белого. Его внесли в хижину, накормили, вернули к жизни. Белый человек жил с тара, учился говорить на нашем языке. Его спросили, зачем он пришел. Он сказал: чтобы найти Белый город, который мы называем Сукиа-Тара. Это город наших предков. Теперь мы приходим в него только для того, чтобы хоронить мертвецов. Его отвели в Сукиа-Тара. Тогда никто не знал, что он намеревался обокрасть город... Вскоре белый человек взял себе женщину из тара.

— Еще бы, — хмыкнул Филипп. — Разве отец упустит возможность поамурничать?

Индеец осадил его взглядом.

— Брат, кто из нас рассказывать историю: ты или я?

— Хорошо, хорошо, продолжай, — махнул рукой Филипп.

— Я уже сказать, что белый человек взял женщину из тара. Эта женщина — моя мать.

— Он женился на твоей матери? — вытаращил глаза Том.

— А как же иначе? Поэтому мы с вами братья.

Когда слова Бораби дошли до сознания Тома, он потерял дар речи. Том во все глаза смотрел на индейца, будто увидел его впервые. Взгляд скользил по раскрашенному лицу, татуировкам, подпиленным кончикам зубов, гирькам в ушах, но вместе с тем подмечал зеленые глаза, высокий лоб, упрямую складку у рта, четкую линию скул.

— Господи, — пробормотал он.

— Что? — переспросил Вернон. — Том, что такое?

Том повернулся к Филиппу. Тот был поражен не меньше его. И, не спуская с Бораби глаз, медленно поднимался на ноги. Индеец снова заговорил:

— После того как папа жениться на маме, она родила меня и назвала как отца.

— Бораби, — пробормотал Филипп. И добавил: — Бродбент. Все надолго замолчали.

— Вы что, не понимаете? Бораби и Бродбент — одинаковые имена.

— Ты утверждаешь, что ты наш брат? — Смысл сказанного стал наконец доходить и до Вернона.

Ему никто не ответил.

Филипп подошел к индейцу, наклонился и, приблизившись вплотную, принялся разглядывать, словно перед ним был забавный уродец. Бораби вынул трубку изо рта и нервно спросил:

— Что, брат, увидел привидение?

— В каком-то смысле да. — Индеец сидел не шевелясь.

— Господи, — прошептал Филипп. — Ты наш брат. Причем старший. Оказывается, я не первенец, но никогда об этом не знал.

— Я и говорю: мы все братья. Что вы подумали, когда я сказать «мы братья»? Думали, я шутить?

— Мы решили, что ты говорил не буквально, — пробормотал Том.

— В таком случае зачем я спасать ваши жизни?

— Мы не понимали. Нам показалось, что ты святой.

— Я святой? — рассмеялся индеец. — Какой ты забавный, брат! Мы все братья. У нас один отец. Я Бораби. Вы Бораби! — Он стукнул себя в грудь.

— Наша фамилия Бродбент, — поправил его Филипп.

— Бродбейн... я плохо говорить. Но вы меня понимать. Я так долго был Бораби. Пусть и останусь Бораби.

Внезапно к небесам взлетел смех Сэлли. Девушка вскочила на ноги и обошла костер.

— Мало нам было троих Бродбентов. Появился четвертый. Заполонили весь мир.

До Вернона в последнюю очередь дошло, кем приходится им индеец, но к первому вернулось присутствие духа. Он поднялся и подошел к Бораби.

— Рад приветствовать тебя в качестве брата! — Он заключил индейца в объятия, а тот, немного удивленный, ответил по обычаю тара.

Когда Вернон отступил в сторону, к Бораби подошел Том и протянул руку.

— Что-то не так с рукой? — недоуменно спросил индеец. «Он — мой брат, но не знает даже, что такое рукопожатие», — подумал Том. С улыбкой обнял индейца и, как и Вернон, удостоился ритуального приветствия. Том отошел, снова присмотрелся к Бораби и на этот раз увидел в его лице свое отражение. Свое, отца и братьев.

Наконец очередь дошла и до Филиппа. Он тоже протянул индейцу руку.

— Я не любитель целоваться и обниматься. Мы, гринго, здороваемся друг с другом вот так. Я тебя научу. Протяни руку. — Он от души стиснул индейцу ладонь. А когда отпустил, Бораби уставился на руку, словно ожидал увидеть, что ему переломали все пальцы. — Добро пожаловать в наш клуб. Клуб затраханых в доску сынков Максвелла Бродбента. Список членов растет не по дням, а по часам.

— Что такое затраханый в доску клуб? — спросил индеец.

— Не бери в голову, — махнул рукой Филипп. Последней к Бораби подошла Сэлли и тоже обняла.

— Я тут единственная, слава Богу, не из Бродбентов, — улыбнулась она.

Все снова расселись вокруг костра и смущенно замолчали.

— Подумать только, какое воссоединение семьи, — изумленно покачал головой Филипп. — Наш дорогой папаша даже после смерти преподносит нам сюрпризы.

— Именно это я и хотел вам сообщить, — заговорил Бораби. — Наш отец не умер.

50

Наступила ночь, но ничто не изменилось в глубине гробницы, куда уже тысячу лет не проникал дневной свет. Марк Хаузер шагнул через проделанную дыру в недра пирамиды и вдохнул пыль веков. Как ни странно, воздух оказался свежим и без неприятных запахов — никаких признаков гниения и разложения. Хаузер повел лучом мощного галогенового фонаря, и в темноте вспыхнули золото и нефрит вперемешку с пылью и коричневыми костями. На богато украшенном письменами погребальном постаменте покоился мертвец.

Хаузер сделал шаг вперед и стряхнул кольцо с костяшки пальца скелета. Оно было великолепным, с вырезанной из агата головой ягуара. Он опустил его в карман и занялся другими оставшимися на теле вещами — золотым обручем с шеи, нефритовыми подвесками, нашел еще одно кольцо. Мелкие украшения спрятал в карман и не спеша обошел погребальную камеру.

Голова умершего покоилась на противоположном от входа конце возвышения. За долгие века его челюсть освободилась от пут и отвалилась, и от этого череп приобрел изумленный вид, словно мертвец так и не сумел поверить, что расстался с жизнью. Кожи почти не осталось, но на макушке сохранились ни к чему не прикрепленные, заплетенные в косички волосы. Хаузер поднял череп, челюсть клацнула и повисла на нитях сухожилий.

Бедный Йорик!

Он посветил на стены. Из-под известкового налета и плесени просвечивали тусклые фрески. В угол, после какого-то давнишнего землетрясения, скатились кувшины. Их припорошило землей, многие были разбиты. Сквозь своды пробились корни растений и спутанной массой висели в неподвижном воздухе.

Хаузер повернулся к лейтенанту:

— Это здесь единственное захоронение?

— На этой стороне пирамиды да. А другую сторону мы еще не взорвали.

Американец покачал головой. Он не сомневался, что Макса в пирамиде нет. Он,

подобно Тутанхамону, ни за что не похоронил бы себя в таком очевидном месте. В этом был весь Максвелл Бродбент.

Хаузер обратился к гондурасцу:

— Teniente, соберите людей. Нам предстоит прочесать этот город с востока на запад.

Хаузер понял, что все еще держит череп в руке, и швырнул в угол. Череп глухо ударился о каменный пол и, точно сделанный из гипса, рассыпался на куски. Нижняя челюсть отскочила в сторону, несколько раз нелепо перевернулась и застыла в пыли.

Варварские поиски продолжались, храмы рвали динамитом один за другим. Хаузер только головой качал. Он знал, что есть более действенный способ добиться успеха. Гораздо более действенный.

51

— Так, значит, наш отец не умер? — воскликнул Филипп.

— Нет.

— И не похоронил себя?

— Можно я закончить рассказ? После того как отец прожил с племенем тара год, моя мать родить меня. Но он все время говорить о Белом городе и пропадать там по несколько дней. Вождь запрещал, но он не слушал. Искал и копал золото. Потом нашел место, где есть гробницы, открыл могилу древнего правителя тара и ограбил ее. Ему помогли плохие люди из нашего племени. Он бежал по реке с сокровищем и скрылся.

— Оставив твою мать с носом и с ребенком, — хмыкнул Филипп. — Точно так он поступил с другими своими женами.

Бораби резко обернулся:

— Я рассказывать историю. А ты закрой свою молотилку.

Том испытал потрясение дежа-вю. «Закрой свою молотилку» было чистейшим максвеллизмом. Любимое выражение отца — и вдруг он слышит его из уст полуголого диковинного человека с раскрашенным лицом и оттянутыми до плеч мочками ушей. Мысли пошли кругом. Он забрался на край земли и что же здесь обнаружил? Брата!

— Больше я отца не видеть, до самого теперь. Мать умереть два года назад. И вдруг он пришел. Я рад его видеть. Он сказал, что умирает. Раскаялся. И привез обратно сокровища, которые украл у нашего народа. А взамен попросил похоронить себя в гробнице тара со всеми своими богатствами. Он говорить с вождем тара, и Ках ответил: «Да. Ты вернулся с сокровищами, и мы похороним тебя, как древнего правителя». Отец уехал и вскоре возвратился со множеством ящиков. Вождь посылал людей на побережье, чтобы помочь ему привезти богатства.

— Отец тебя вспомнил? — спросил Том.

— О да. Он очень счастлив. Мы ходить на рыбалку.

— Неужели? — раздраженно передразнил индейца Филипп. — Так-таки на рыбалку? И кто поймал самую большую рыбу?

— Я! — гордо ответил Бораби. — Убил копьем.

— Поздравляю!

— Филипп... — пробормотал Том.

— Если Бораби провел с ним хоть сколько-то времени, отец его возненавидел, как всех нас, — перебил его брат.

— Филипп, ты прекрасно понимаешь: отец не испытывает к нам ненависти, — возразил Том.

— Я чуть не отдал концы. Меня пытали. Ты хоть представляешь, какие чувства испытывает человек, который понимает, что умирает? Вот оно, отцовское наследство! А теперь к нам является размалеванный индеец, утверждает, что он наш старший брат и ходил с отцом на рыбалку, пока мы подыхали в чаще.

— Ты кончишь сердиться, брат? — спросил Бораби.

— Никогда.

— Отец тоже сердитый человек.

— Это ты мне говоришь?

— Ты сын очень похож, как твой отец. — Филипп закатил глаза:

— Вот это что-то новенькое: индейский психоаналитик из джунглей.

— Потому что ты похож, как твой отец, ты его любишь больше других. И больше других обижаешься. А теперь обижен, потому что обнаружил, что, оказывается, старший брат не ты. Старший брат я.

Последовала короткая пауза, а затем Филипп разразился грубоватым смехом:

— Ну ты и загнул! Разве я могу идти в сравнение с неграмотным, татуированным индейцем с подпиленными зубами?

Бораби помолчал.

— Так я продолжу? — наконец проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Ках устроил все, что нужно для смерти и похорон отца. Когда день настал, был большой праздник. Очень, очень большой. Пришли все тара. И отец тоже. Он очень радовался своим похоронам. Каждый получил подарки: кастрюли, сковородки и ножи.

Том и Сэлли переглянулись.

— Это в его духе, — усмехнулся Филипп. — Я так и вижу, как старый сукин сын выставлялся на собственных похоронах.

— Ты прав, Филипп. Отец радовался. Он много ел, пил, смеялся и пел. Открывал ящики и показывал священные сокровища белых людей. Всем понравилась Мать Мария с младенцем Иисусом на руках. У белых людей красивые боги.

— Липпи! — закричал Филипп. — Картина в хорошем состоянии? Как она перенесла дорогу?

— Самая прекрасная вещь, которую я когда-либо видел. Когда я смотрю на нее, то вижу нечто такое, чего раньше не замечал в белом человеке.

— Да-да, одна из лучших работ Липпи. Страшно представить, что ее засунули в сырую гробницу.

— Но Ках обмануть отца. Он обещал в конце праздника дать ему яд, чтобы тот безболезненно умереть. Но вместо этого дал другой, от которого отец заснуть. Кроме Каха, об этом никто не знает.

— Совсем как у Шекспира, — заметил Филипп.

— Спящего отца перенесли в гробницу с сокровищами. Завалили вход и замуровали в могиле. Мы все думали, что он мертв. Один Ках знал, что он не мертв, а только спит. И потом проснется в темной гробнице.

— Подождите, — вступил в разговор Вернон, — я что-то ничего не понимаю.

— А что тут понимать? — повернулся к нему Филипп. — Они похоронили отца заживо.

Все замолчали.

— Не они, — возразил Бораби. — Обмануть Ках. Племя тара ничего не знает.

— Без еды, без воды... — пробормотал Филипп. — Господи, это ужасно...

— Братья, — перебил его индеец, — наш обычай ставить в могилу много еды и много воды, чтобы есть и пить на том свете.

Том почувствовал, как у него по спине поползли мурашки.

— Ты утверждаешь, что отец жив и замурован в гробнице? — Да.

Никто не проронил ни слова. В темноте траурно заушала сова.

— Его давно похоронили?

— Тридцать два дня назад. — Тому сделалось дурно.

— Ужасная вещь, братья, — проговорил Бораби.

— Какого черта Ках это сделал? — спросил Вернон.

— Ках злится, что отец давным-давно ограбить могилу. Ках был тогда мальчиком,

сыном вождя. Ограбив могилу, он оскорбил его отца. Это месть Каха.

— А ты не мог помешать?

— Я только потом узнал. Пытался спасти отца. Но вход закрыт огромным камнем. Я не суметь отодвинуть. Как очень злиться, хотел меня убить. Сказал: я грязный человек — наполовину тара, наполовину белый. Но тут пришел сумасшедший гринго и взял Каха в плен. А я убежал. Я слышал, как гринго говорил о вас, и пошел искать.

— Как ты догадался, что мы тут?

— Слышал разговоры солдат.

Ночь сгустилась вокруг пятерых онемевших людей, только мерцало пламя костра. Слова Бораби будто повисли в воздухе и еще долго витали в темноте после того, как слетели с языка. Индеец окинул взглядом сидевших у огня.

— Братья, так умирать — страшно. Это смерть крысы, а не человека. Он — наш отец.

— Что мы можем предпринять? — спросил Филипп.

— Мы должны его спасти, — ответил Бораби, и его голос гулко отозвался в ночи.

52

Хаузер склонился над приблизительной схемой города, которую нарисовал два дня назад. Его люди дважды прочесали окрестности, но местность настолько заросла, что о составлении точной карты не могло быть и речи. Здесь оказалось несколько пирамид, десятки храмов и сотни других мест, где могли спрятать гробницу. Если не повезет, поиски растянутся на несколько недель.

В дверях появился солдат и отдал честь.

— Докладывай.

— Сэр, сыновья в двадцати милях отсюда за переправой через реку Оката.

Хаузер медленно отложил карту.

— Живы и здоровы?

— Поправляются после болезни. С ними индеец тара, который их лечит.

— Оружие?

— У женщины дурацкая допотопная винтовка, лук, стрелы, духовая трубка. Разве это оружие?..

— Хорошо. — Помимо воли Хаузер почувствовал уважение к братьям. По всем понятиям им следовало давно расстаться с жизнями. Макс был точно таким же — упорным и везучим. Могучее сочетание. В голове промелькнул образ старшего Бродбента: голый по пояс, он прокладывал дорогу сквозь джунгли. К потной спине прилипли щепки, веточки, листья. Они месяцами махали мачете, но, израненные, искушенные, больные, ничего не находили. А затем Макс бросил его, отправился вверх по реке и сорвал куш, за которым они гонялись целый год. Марк возвратился домой ни с чем и был вынужден вступить в армию... Хаузер тряхнул головой, словно старался избавиться от чувства обиды. Все это в прошлом. Зато будущее и состояние Бродбента принадлежат ему.

Его мысли прервал лейтенант:

— Прикажете послать команду солдат их убить? Обещаю, начальник, на этот раз мы не дадим маху.

— Нет, — ответил Хаузер. — Пусть явятся сюда.

— Не понимаю, — удивился teniente.

— Не трогайте их. — Хаузер повернулся к гондурасцу: — Оставьте в покое. Пусть приходят.

53

Филипп поправлялся медленнее остальных, но уже через три дня, окрепший стараниями Бораби, почувствовал, что может ходить. Солнечным утром они свернули лагерь

и отправились в расположенную у подножия Серро-Асуль деревню тара. Индейские травяные настойки, мази и чай совершили чудо — все чувствовали себя значительно лучше и поспевали за быстро шагавшим впереди с мачете Бораби. К полудню показалась широкая река, где был найден Филипп: за пять часов путники одолели расстояние, на которое во время их отчаянного отступления ушло целых пять дней. За рекой, по мере приближения к горе, Бораби начал двигаться осторожнее. Дорога пошла на подъем. В лесу как будто посветлело, стало не так мрачно. Здесь на ветках пестрели лиловые цветы, а тропинку расцветивали веселые солнечные блики.

Ночь они провели на заброшенной стоянке тара, где расположенные полукругом навесы под крышей из пальмовых листьев утопали в гниющей зелени. Мачете Бораби без устали пело — он прорубал путь в высокой по грудь траве к наиболее сохранившимся хижинам. Вот он скрылся в первой — раздался удар мачете, стук ноги о землю и невнятная ругань. То же самое произошло во второй. Когда индеец появился на пороге, у него на острие мачете извивалась змея. Бораби зашвырнул ее в лес.

— Теперь внутри чисто. Можете заходить, натягивать гамаки и отдыхать. А я приготовлю ужин.

Том посмотрел на Сэлли. Его сердце так сильно билось в груди, что, казалось, слышали все. Оба понимали, что сейчас произойдет.

Они выбрали меньшую из хижин. Внутри было тепло и пахло сухой травой. Лучики солнца проникали сквозь отверстия в кровле из пальмовых листьев и расцветивали помещение пятнышками послеполуденного света. Том натянул свой гамак и наблюдал, как Сэлли натягивает свой. Солнечные зайчики в ее волосах были словно россыпь золотых монет и искрились при каждом движении девушки. Когда работа была закончена, Том сделал к ней шаг и взял за руку. Рука слегка дрожала. Он притянул ее к себе, провел ладонью по волосам, поцеловал в губы. Сэлли прижалась к нему, их тела коснулись друг друга, и он поцеловал ее снова. На этот раз она раскрыла губы, и он ощутил ее язык. Начал целовать в подбородок, в шею. Сэлли притянула его к себе, а он, расстегивая, целовал каждую пуговицу на ее рубашке. Обнажил груди. Прижимался губами сначала сбоку, затем вокруг отвердевших сосков. Рука скользнула по гладкому животу. Он почувствовал, как ладони Сэлли гладят его по спине. Том расстегнул ее брюки и, опустившись на колени, поцеловал в пупок, стягивая с нее одежду. Сэлли рванулась к нему и развела бедра. А Том целовал ее до тех пор, пока не почувствовал, как ее ногти вонзились ему в спину. Сэлли судорожно вздохнула, и все ее тело пронзила дрожь.

Потом она раздела его; они легли вместе в теплой темноте и занимались любовью до самого заката, пока золотые монеты не превратились в красные. Через некоторое время солнце скрылось за верхушками деревьев, и сумрак хижины тревожили лишь приглушенные звуки окружавшего их причудливого мира.

54

Их разбудил бодрый голос Бораби. Наступила ночь, воздух посвежел, в хижине плавал аромат жарящегося мяса.

— Ужин!

Том и Сэлли оделись и смущенно вышли наружу. Небо сверкало звездами. Прямо над головами, словно мерцающая река, простирался Млечный Путь. Том не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел такую темную ночь и такой яркий Млечный Путь.

Бораби сидел у костра, поворачивал над огнем нанизанное на ветки мясо и в то же время мастерил дудочку из сухого стебля: проделал в нем дырки и расщепил с другого конца. Когда работа была закончена, он поднес дудочку к губам. Послышался нежный низкий звук, затем другой, третий.

— Хотите слушать музыку?

Индеец начал играть, и отдельные ноты слились в проникающий в душу мотив.

Джунгли притихли, а мелодия то взлетала, то падала и стремительно неслась вперед, как неукротимый горный ручей. На секунды музыка замирала, словно повисая в воздухе, а затем песня возобновлялась. Она завершилась несколькими низкими нотами, призрачными, как стоны ветра в пещере.

Когда Бораби кончил играть, несколько минут ничто не нарушало тишину. Но постепенно звуки джунглей вернулись в мир, где только что царила песня.

— Красиво, — похвалила Сэлли.

— Ты, должно быть, унаследовал этот дар от матери, — предположил Вернон. — У отца совершенно не было слуха.

— Да. Мама пела очень красиво.

— Тебе повезло, — продолжал Вернон. — А мы почти не знали своих матерей.

У индейца округлились глаза.

— У вас не одна и та же мать?

— Нет. Разные. Нас растил отец.

— Не понимаю, — удивился Бораби.

— Когда супруги разводятся... — начал Том и запнулся. — Короче, бывает так, что один родитель исчезает, а другой берет себе детей.

— Странно, — покачал головой индеец. — А я хотел бы, чтобы у меня был отец. — Он перевернул мясо. — Расскажите, что такое расти при отце?

Филипп отрывисто рассмеялся:

— Господи, с чего же начать? Когда я был маленьким, он мне казался очень страшным...

— Он очень любил красоту, — перебил его Вернон. — Настолько, что иногда плакал, стоя перед красивой картиной или статуей.

— Плакал, потому что не мог ими обладать, — снова хмыкнул Филипп. — Все хотел прибрать к рукам. Женщин, живопись — были бы только красивы.

— Ты слишком жестоко судишь, — вмешался Том. — Нет ничего дурного в тяге к красоте. Пусть мир — отвратительное место. Отец любил искусство ради искусства, а не потому, что это модно или приносит ему деньги.

— Он строил жизнь не по общепринятым законам, — подхватил Вернон. — Всегда маршировал под какой-нибудь иной барабан.

— Иной барабан? — махнул рукой Филипп. — Перестань! Он нахлобучивал этот иной барабан ближнему на голову, бил в свой и командовал парадом. Вот таково было его отношение к жизни.

— Что вы делали с ним?

— Он любил водить нас в походы. — Филипп откинулся назад и расхохотался. — Ужасные походы с дождями и комарами, во время которых он мучил нас походными песнями.

— Во время одного из таких походов я поймал свою первую рыбу, — сказал Вернон.

— И я тоже, — подхватил Том.

— Походы? А что такое походы? — спросил Бораби. Но на него уже никто не обращал внимания.

— Отцу требовалось бежать от цивилизации, чтобы сделать свою жизнь проще. Он был настолько сложен, что ему все время хотелось создать вокруг себя простоту. И он добивался этого тем, что уезжал на рыбалку. Очень любил ловить на мушку.

— Рыбалка — глупейшее человеческое занятие, — презрительно сморщился Филипп. — Глупее разве что Святое причастие.

— Недостойное замечание даже для тебя, — буркнул Том.

— Хочешь сказать, что занимаешься этой ерундой в зрелом возрасте? И Вернон тоже хорош — вытворяет черт-те что. Откуда такая набожность? Отец по крайней мере был безбожником. Хотя одна хорошая новость для тебя, Бораби. Он был рожден католиком, но стал сознательным, взвешенным, твердокаменным атеистом.

— Мир — это нечто большее, чем костюмы от Армани! — возмутился Вернон.
— Разумеется, есть еще Ральф Лоран.
— Постойте! — закричал Бораби. — Вы говорите все разом. Я ничего не понимаю!
— Это потому, что ты нас зацепил своим вопросом, — рассмеялся Филипп. — Хочешь спросить что-нибудь еще?

— Да. Какие вы ему сыновья?

Филипп посерьезнел. Его смех оборвался. Только слышались шорохи в невидимых в темноте джунглях.

— Я не совсем понимаю, что ты хочешь узнать, — повернулся к индейцу Том.

— Вы мне сказали, какой он вам отец. Теперь я спрашиваю, какие вы ему сыновья?

— Мы были хорошими сыновьями, — ответил Вернон. — Старались выполнять всю программу. Делали то, что он хотел. Следовали его правилам, по выходным устраивали чертовы концерты, ходили на все уроки и пытались победить во всех играх, в которых участвовали. Признаюсь, не очень успешно, но мы старались.

— Вы делали то, что он требовал. А что вы делали такого, чего он не требовал? Помогали ему на охоте? Крыли с ним крышу после урагана? Рыли ему землянку? Ухаживали за ним, когда он болел?

У Тома внезапно появилось ощущение, что его упрекают. Бораби клонил именно к этому. Интересно, подумал он, о чем в последний месяц жизни Максвелл Бродбент разговаривал со своим старшим сыном?

— Для этого отец нанимал людей, — объяснил Филипп. — У него были садовник, повар, женщина, которая убиралась в доме. А крышу чинили рабочие. И еще к нему приходила сиделка. В Америке все, что требуется, можно купить.

— Он не это имеет в виду, — снова вступил в разговор Вернон. — Он спрашивает, что мы делали для отца, когда он болел.

Том почувствовал, что краснеет.

— Когда он заболел раком? Вы приехали к нему? Остались с ним жить?

— Бораби! — Голос Филиппа внезапно сделался резким. — Навязываться отцу было абсолютно бесполезным занятием. Он не хотел нас видеть.

— И вы разрешили посторонним людям ухаживать за отцом, когда он болел?

— Я не позволю ни тебе, ни кому-либо другому читать мне нотации по поводу моих сыновних обязанностей! — возмутился Филипп.

— Я не читаю нотации. Я просто спрашиваю.

— В таком случае мой ответ — «да». Мы разрешили постороннему человеку ухаживать за ним. Он сделал наше детство невыносимым, и мы не могли дожидаться, как бы от него сбежать. Так бывает, если отец плох. Сыновья бегут от него сломя голову.

Индеец поднялся на ноги.

— Плохой или хороший — он ваш отец. Он вас кормил, защищал, растил. Сделал вас.

Филипп тоже возмущенно вскочил:

— Что значит «сделал»? Изверг выработанную организмом жидкость? Ты это имеешь в виду? Мы все не более чем случайность — каждый из нас. Что это за отец, который отрывает детей от матерей? Что это за отец, который растил нас так, словно мы подопытные кролики, из которых требуется вылепить гениев? А теперь затащил на смерть в джунгли!

Бораби выбросил вперед кулак. Все произошло настолько быстро, что со стороны показалось, что Филипп просто растворился в темноте. Индеец стоял, разжимал и сжимал кулаки — все пять футов расцвеченной красками ярости. Филипп сел на землю по другую сторону и сплюнул.

— Ух! — На его губах алела кровь, губы быстро распухали. Бораби смотрел на него и тяжело дышал.

Филипп вытер подбородок и вдруг широко улыбнулся:

— Ну вот, старший брат занял достойное место в семье.

— Не смей так говорить об отце.

— Я говорю, как мне вздумается. И неграмотный дикарь мне не указ.

Индеец снова сжал кулаки, но с места не двинулся.

Вернон помог брату подняться. Филипп прижимал к губам ладонь, но смотрел с видом победителя. А Бораби растерялся — он начал понимать, что, ударив брата, проиграл спор.

— Ну хватит! — прервала ссорящихся Сэлли. — Довольно о Максвелле Бродбенте. Сейчас не время для драк, и вы это прекрасно понимаете. — Она повернулась к индейцу: — Похоже, ужин сгорел?

Не говоря ни слова, Бораби снял обуглившиеся кусочки мяса с огня и принялся заворачивать в листья.

А в ушах Тома продолжала звучать жестокая фраза Филиппа: «Так бывает, если отец плох. Сыновья бегут от него сломя голову». «Неужели именно так мы и поступили?» — размышлял он.

55

Майк Графф устроился в кресле у камина и поджал под себя скрещенные шуплые ноги. Лицо выражало настороженность и в то же время удовлетворение. Скибу поражало, как это в сложившихся обстоятельствах ему удавалось напускать на себя уверенный вид выпускника школы бизнеса. Графф был из тех людей, которые могли бы подменить на веслах Харона и, переправляя умерших через Стикс, авторитетно убеждать, что за ближайшим поворотом им откроются небеса.

— Чем могу служить? — любезно спросил его Скиба.

— Что происходит с акциями? В последние два дня они поднялись на десять процентов.

Управляющий покачал головой. В доме пожар, а Графф уселся на кухне и жалуется, что остыл кофе.

— Радуйтесь, что выскочили сухими из воды после материала о флоксатене.

— Тем больше оснований для тревоги, глядя, как растут акции.

— Послушайте, Майк...

— Льюис, надеюсь, вы не рассказали Феннеру о фармакопее?

— Рассказал.

— Господи, вы же знаете, какой это проходимец. У нас и так довольно неприятностей, чтобы ко всему навесить на себя обвинение в инсайдерских торговых операциях.

Скиба посмотрел на своего собеседника. Ему давно следовало избавиться от Граффа. Но Графф настолько скомпрометировал их обоих, что теперь увольнение казалось невыносимым. Хотя после всего, что случилось, это не имело значения. Все было кончено: для Граффа, для компании и особенно для него самого. От абсурдности происходящего Скибе хотелось кричать. Под ними разверзлась пропасть, они летели в бездну, а Графф об этом как будто не догадывался.

— Он собирался понизить уровень доверия к нашим акциям. У меня не было другого выхода. Феннер не дурак. Он не проговорится. С какой стати ему рисковать всем из-за нескольких сотен тысяч долларов на стороне?

— Смеетесь? Да Феннер собственную бабушку свалит с ног, если потребуется выхватить у нее из-под носа валяющийся на тротуаре цент.

— Дело не в Феннере. «Медведи» сдают позиции.

— Это объясняет дело не больше чем на тридцать процентов. — Майк. Неужели вы не понимаете, что все кончено?

Графф удивленно поднял глаза:

— Вы о чем? Мы выкарабкаемся. Получим фармакопею, и все пойдет как по маслу.

Скиба почувствовал, как при упоминании о кодексе в его жилах застыла кровь.

— наших проблем не решит даже фармакопея.

— Почему? Я чего-то не знаю? Что-то переменилось? Управляющий покачал головой.

Какая теперь разница?

— Льюис, такое пораженчество на вас не похоже. Куда подевалась ваша знаменитая боевитость?

Скиба устал. Невероятно устал. Он понимал, что спор бесполезен. Все кончено. Разговаривать больше не имело смысла. Оставалось ждать конца. Они были бессильны.

— Когда мы объявим о фармакопее, акции «Лэмп» подскочат выше некуда, — продолжал Графф. — Ничто так не способствует успеху, как успех. Акционеры нас простят, и этот Дадли Законник, председатель Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, наконец прикусит язык. Вот почему меня так беспокоят возможные обвинения в инсайдерских операциях. Стоит одному проболтаться о фармакопее, другой шепнет по секрету теще, та позвонит в Дубьюк⁴¹, и пошло-поехало: обвинение готово. Это все равно что уклонение от налогов, которым готовы пригвоздить всех и каждого. Вы же помните, что приключилось с Мартой...

— Майк! — Что?

— Заткнитесь, пожалуйста.

Скиба погасил свет, выключил телефоны и ждал, когда наступит темнота. На столе стояли три предмета: флакон с пилюлями, бутылка «Макаллана» шестидесятилетней выдержки и невысокий стакан.

Настало время отправляться в дальнее плавание.

56

На следующий день они покинули заброшенную стоянку тара и вступили в предгорья Серро-Асуль. Тропато шла ровно, то поднималась, пересекала лес, луга и заросшие сорняками поля под паром. Время от времени попадались спрятанные в джунглях разрушенные хижины под крышами из пальмовых листьев.

Отряд вошел в густой, прохладный лес. Теперь Бораби встал впереди, отказавшись от обычного неслышного шага. Шумел, громко пел, без толку размахивал мачете и часто останавливался отдохнуть. Хотя Тому казалось, что это скорее не отдых, а рекогносцировка. Что-то явно беспокоило индейца.

Они вышли на поляну, и Бораби дал знак остановиться.

— Полдник! — громко объявил он и, разворачивая листья с припасами, принялся распевать во все горло.

— Мы ели два часа назад, — возразил Вернон.

— Будем есть снова! — отрезал индеец. Том заметил, что, сняв с плеча лук, он положил его вместе со стрелами довольно далеко от себя.

Сэлли села рядом с Томом.

— Что-то явно созревает.

Бораби собрал у всех рюкзаки и положил рядом со своими луком и стрелами на дальнем конце поляны. Затем подошел к Сэлли, обнял за плечи и тихо прошептал:

— Дай мне ружье.

Девушка сняла с плеча винтовку. А индеец тем временем взял у всех мачете.

— Что происходит? — спросил Вернон.

— Ничего, ничего, отдыхаем! — Бораби достал сушеные бананы. — Проголодались, братья? Ешьте, очень вкусно.

— Мне они не нравятся, — отвернулся Филипп.

А Вернон, так и не ощутивший нараставшего напряжения, накинудся на еду.

— Бесподобно! — восхищался он. — Я согласен каждый день устраивать себе второй полдник.

⁴¹ Город на востоке штата Айова с населением 57 тыс. жителей.

— Прекрасно! Два полдника! Отличная идея! — громко рассмеялся Бораби.

В этот момент все и произошло. Никто не услышал ни звука и не уловил ни малейшего движения, но Том внезапно понял, что они в ловушке. Им в грудь смотрели сотни каменных наконечников стрел, тетивы на луках были натянуты до предела. Казалось, джунгли незримо отхлынули и обнажили людей, словно камни во время отлива.

Вернон, вскрикнув, упал на землю. Его тут же окружили ошестинившиеся стрелами суровые люди, луки были нацелены в грудь и в шею.

— Не двигайся! — поспешно предупредил Бораби. И быстро заговорил с нападавшими.

Постепенно тетивы ослабели, и незнакомцы отступили назад. Бораби продолжал говорить, хотя не столь торопливо и без прежнего жара, но все так же напористо. Наконец люди сделали еще шаг назад и вовсе опустили луки.

— Теперь можете двигаться, — разрешил Бораби. — Вставайте. Только не улыбайтесь. Не протягивайте рук. Смотрите в глаза, но не улыбайтесь.

Американцы повиновались.

— Разбирайте рюкзаки, оружие, ножи. Делайте сердитые лица, не показывайте, что боитесь. Стоит вам улыбнуться, и вы покойники.

Все добросовестно следовали его указаниям. Когда Том подобрал мачете, всколыхнулся лес луков, но он засунул тесак за пояс, и оружие вновь опустилось. Том, исправно повинаясь тому, что сказал индеец, окинул воинов злобным взглядом, и те, в свою очередь, посмотрели на него так сердито, что у него чуть не подкосились колени.

Бораби говорил тихо, но зло. Он обращался к человеку, который был выше остальных. Из-под колец на его мускулистой руке торчали блестящие перья; на шее был повязан шнурок, на котором вместо украшений болтались продукты западных высоких технологий: компакт-диск с рекламой бесплатных услуг компании, калькулятор с просверленной дыркой и наборный диск от старого телефонного аппарата.

Индеец посмотрел на Тома, сделал шаг вперед и замер.

— Брат, шагни навстречу и скажи сердитым голосом, что он должен извиниться.

Том, надеясь, что Бораби понимает психологию момента, шагнул к дикарю, сморщился и процедил:

— Как ты посмел целиться в меня из лука?

Бораби перевел. Человек закричал и при этом так размахивал копьем, что чуть не задевал лицо американца.

— Кто ты такой? — перевел Бораби. — Почему без приглашения явился на землю тара? Скажи ему как можно злее, что ты пришел спасти отца. Кричи на него!

Том послушался, еще приблизился к воину и, напрягая горло, гаркнул прямо в лицо. Индеец тоже повысил голос и стал потрясать копьем перед носом Тома.

— Он говорит, что от твоего отца у тара большие неприятности и народ очень недоволен. Ори на него! Скажи, чтобы опустили луки и отложили стрелы! Обижай!

Том, весь в поту, попытался справиться со страхом и пробудить в себе гнев.

— Как ты осмеливаешься нам угрожать? — завопил он. — Мы пришли на твою землю с миром, а ты предлагаешь нам войну! Так-то тара встречают гостей! Вы кто: люди или звери?

Бораби одобрительно перевел, явно добавив что-то от себя. Луки опустились, на этот раз воины сняли с них стрелы и уложили в колчаны.

— А теперь улыбайся. Улыбайся, но не очень сильно. — Том изобразил на лице улыбку, но тут же опять посерьезнел. Бораби что-то долго говорил, затем повернулся к брату:

— А теперь обними и поцелуй этого воина по обычаю тара. — Том неуклюже обнял индейца и пару раз чмокнул в шею, как много раз проделывал с ним Бораби. На лице американца появились желтые и красные пятна. Тара ответил на приветствие и еще больше измазал его краской.

— Хорошо, — облегченно похвалил Бораби. — Теперь все в порядке. Мы идем в

деревню тара.

Деревня представляла собой открытую площадку, окруженную неровным кольцом сооруженных из пальмовых листьев хижин вроде той, в которой они спали прошлой ночью. Домики не имели окон — только отверстия на самом верху. Перед многими горели костры, у которых возились женщины. Том заметил, что они готовили пищу во французских кастрюлях, на медных сковородах для тушения и пользовались мейсеновскими ножами из нержавеющей стали. Все это привез им Максвелл Бродбент. Американцы прошли за воинами на площадь, двери хижин одна за другой открывались, и оттуда на них таращились тара. Маленькие дети ходили совершенно голыми, а те, что постарше, носили грязные шорты или набедренные повязки. Женщины прикрывали бедра кусками ткани, а обнаженные груди раскрашивали краской. У многих в губах и ушах были продеты диски. А перьями украшали себя только мужчины.

Не было никакой приветственной церемонии — воины вели их с видимым безразличием. Зато женщины и дети смотрели во все глаза.

— А что теперь делать? — спросил Том, останавливаясь посреди грязной площади и озираясь по сторонам.

— Ждать, — ответил Бораби.

Вскоре из одной хижины появилась старая беззубая женщина. Короткие седые волосы делали ее похожей на ведьму. Вокруг пояса она носила замотанную спереди набедренную повязку, голая грудь была раскрашена красным. Старуха шла с пугающей медлительностью и, не сводя глаз-бусинок с незнакомцев, прищипывала губами и что-то бормотала. Наконец она остановилась перед Томом и пронзила его взглядом.

— Не шевелись, — тихо проговорил Бораби.

Старуха подняла иссохшую руку и шлепнула Тома по колену, затем раз-другой по бедрам. Удары получились чувствительными — трудно было ожидать от древней женщины такой недюжинной силы. И при этом все время что-то бормотала себе под нос. Затем палкой ударила по голени и по ягодицам. Уронила палку, придвинулась вплотную и без всякого стыда ухватила между ног. Том весь напрягся, стараясь не дергаться, пока она исследовала его мужское достоинство. Затем последовала голова. Старуха дала знак наклониться, Том послушался, и она так рванула его за волосы, что у бедняги слезы брызнули из глаз.

Наконец старуха отступила — инспекция, судя по всему, была закончена. Она беззубо улыбнулась и заговорила:

— Она сказала, что, несмотря на твою внешность, ты явно мужчина. Она приглашает тебя и твоих братьев остаться гостями в деревне тара. И принимает вашу помощь в войне против нехороших людей, которые находятся в Белом городе. Говорит, что теперь ты в ответе.

— Кто она такая? — Том поднял на женщину глаза. Старуха не переставала изучать его с ног до головы.

— Жена Каха. Ты ей понравился, Том. Не исключено, что сегодня ночью она придет к тебе в хижину.

Это предположение развеяло напряжение, и все рассмеялись. А громче всех Филипп.

— А за что я в ответе? — спросил Том.

— Теперь ты боевой вождь. — Замечание Бораби поразило Тома.

— Как это может быть? Я здесь всего десять минут.

— Она сказала, что тара потерпели поражение в бою против белых людей. Ты тоже белый — значит, должен лучше понимать врага. Завтра ты поведешь воинов против нехороших людей.

— Завтра? — поперхнулся Том. — Большое спасибо, но я отказываюсь от такой чести.

— У тебя нет выбора. Она сказала: если ты не согласишься, воины тара убьют вас всех.

Вечером в деревне зажгли костер и устроили нечто вроде праздника. На листьях подавали разные кушанья, а главным блюдом был запеченный в яме тапир. Мужчины танцевали, а затем все вместе во главе с Бораби проникновенно играли на дудках. Через

несколько часов индеец поднял американцев. Было еще темно.

— Пора. Надо обратиться к воинам.

— Мне что, еще и речь говорить? — не поверил своим ушам Том.

— Я тебе помогу.

— Будет на что посмотреть, — хмыкнул Филипп.

В костер подкинули дрова. Вся деревня выстроилась на площади. Люди почтительно застыли, ожидая, что скажет новоиспеченный вождь.

— Том, прикажи мне отобрать десять лучших воинов для боя, — прошептал Бораби.

— Боя? Какого боя?

— Мы будем сражаться с Хаузером.

— Но мы не можем...

— Успокойся и делай так, как я говорю! — зашипел на него индеец.

Том отдал приказ. Бораби обошел толпу, бил в ладоши, хлопал воинов по плечам и через пять минут выстроил в шеренгу десять человек. Каждый с луком и стрелами, в боевой раскраске и в украшениях из перьев и обручен.

— А теперь говори речь.

— Что говорить?

— Говори долго. Как хочешь спасти отца и убить плохих людей. Ты не бояться. Все, что ты говоришь, я исправлю.

— Пообещай им в каждую кастрюлю по курице, — посоветовал Филипп.

Том вышел вперед и окинул взглядом липа стоявших перед ним людей. Гул голосов немедленно стих. На него смотрели с надеждой. У Тома по спине пробежал озноб страха. Он понятия не имел, что делать дальше.

— М-м-м... Дамы и господа...

Бораби укоризненно посмотрел на брата и что-то громко выкрикнул. Его слова возымели гораздо большее действие, чем бесцветное обращение Тома. Все застыли в ожидании, а Тома снова посетило внезапное ощущение дежа-вю — он вспомнил речь дон-Альфонсо, когда они уезжали из Пито-Соло. Вот как надо говорить, даже если все его слова обман и пустые обещания. Он вобрал в легкие воздух.

— Друзья, мы пришли на землю тара из далекой Америки! При слове «Америка» индейцы зашумели еще до того, как Бораби успел перевести.

— Мы проделали тысячи миль на самолете, на лодке, пешком. Не останавливались сорок дней и сорок ночей.

На этот раз Бораби оценил его красноречие. Теперь он безраздельно владел вниманием индейцев.

— Племена тара причинили большое зло. С другого конца света явился варвар по имени Хаузер. Он привел с собой кровожадных солдат и вознамерился ограбить гробницы вашего народа. Они похитили вашего верховного жреца и убили воинов. Сейчас они в Белом городе и оскверняют святое место своим присутствием.

Бораби перевел. Послышались одобрительные возгласы.

— Мы, четверо сыновей Максвелла Бродбента, хотим избавить народ тара от этого человека. Мы пришли, чтобы вызволить нашего отца из мрака могилы.

Том прервался, давая возможность Бораби перевести. На него, озаренные светом костра, внимательно смотрели пять сотен лиц.

— Мой брат Бораби поведет нас в горы. Там мы выследим плохих людей и решим, как с ними справиться. Завтра нас ждет бой.

Послышались странные звуки: то ли торопливое похрюкивание, то ли смешки — тара не хлопали в ладоши и таким образом выражали свое одобрение. Том почувствовал, как Волосатик в испуге глубже забился к нему в карман.

— А теперь скажи, чтобы они молились и принесли жертвы богам, — тихо проговорил Бораби.

Том прокашлялся.

— Народ тара! У каждого из вас в предстоящей войне очень важная роль. Прошу вас, молитесь за нас. Приносите жертвы богам. Делайте это каждый день до тех пор, пока мы не вернемся с победой.

Голос Бораби взлетел над толпой и буквально наэлектризовал людей. Индейцы подались вперед и возбужденно зашумели. А Том ощутил безнадежную абсурдность происходящего: тара верили ему гораздо сильнее, чем он себе.

Внезапно раздался надтреснутый голос. Толпа отхлынула, и перед Томом осталась опирающаяся на палку старая жена Каха. Она внимательно посмотрела на Тома. Помолчала, а потом размахнулась и со всей силы ударила его палкой по ягодицам. Он постарался не вздрогнуть и не поморщиться.

А старуха что-то выкрикнула сиплым голосом.

— Что она сказала? Бораби повернулся к Тому:

— Не знаю, как перевести. Это очень сильное выражение на языке тара. Значит примерно: «Убей или умри!»

57

Профессор Клайв вытянул вперед ноги и, заставив скрипнуть старый стул, завел руки за голову. Стоял буйный майский день — за окном ветер терзал листья на ветках платана. Сэлли уехала больше месяца назад, и с тех пор он не получил от нее ни слова. Не то чтобы он сильно скучал, но это его немного смущало. Когда они расставались, оба считали, что обретение кодекса станет его новым научным триумфом. Однако, поразмыслив неделю-другую, Клайв переменял мнение. Он был стипендиатом Родса⁴², профессором Йельского университета, обладал наградами и степенями и имел столько публикаций, сколько другой ученый не накопил бы за долгую жизнь. Истина заключалась в том, что ему едва ли требовался очередной научный успех. Следовало взглянуть правде в глаза — больше всего ему нужны были деньги. Американское общество не признавало простых ценностей: достойнейшая награда — а именно благосостояние — доставалась отнюдь не тем, кто ее заслуживал, то есть не ученым мужам, чей могучий ум был двигателем и сотрясателем всего, дисциплинировал и подчинял себе закоснелого зверя, чье имя *vulgus mobile*⁴³. Кто зарабатывал много денег? Спортсмены, рок-звезды, актеры и чиновники. Он достиг в своей профессии вершин, но получал меньше простого водопроводчика. Это уязвляло, казалось нечестным.

Где бы он ни появился, его поздравляли, жали руку, им восхищались. Все богачи Нью-Хейвена искали с ним знакомства, чтобы предъявить в доказательство собственного хорошего вкуса, словно он был полотном старого мастера или старинным серебряным столовым прибором. Это было не только отвратительно, но унижало и дорого стоило. Любой его знакомый имел больше денег, чем он. Не важно, сколько он заработал призов и степеней, сколько опубликовал монографий. Он не мог осилить счет в сколько-нибудь приличном ресторане Нью-Хейвена. А другие могли. И платили за него. Его приглашали в дома и на официальные благотворительные рауты и там расплачивались за столик, отмахиваясь от его неискренних протестов. И когда все кончалось, он крался в свою отвратительно буржуазную квартиру на разных уровнях с двумя спальнями в академическом гетто, а они разъезжались по своим особнякам в Гейтсе.

И вот появилось средство как-то исправить положение. Клайв посмотрел на календарь. Тридцать первое мая. Завтра поступит первая выплата от «Хартц» — гигантской

⁴² Лицо, удостоенное престижной стипендии для учебы в Оксфордском университете, предназначенной для выдающихся молодых людей из США и стран Содружества — бывших английских колоний.

⁴³ Непостоянная чернь (лат.).

швейцарской фармацевтической компании. Два миллиона долларов. Вскоре по электронной почте должно поступить зашифрованное подтверждение с Каймановых островов. Деньги, разумеется, придется потратить за пределами США. Симпатичная вилла на Костьера-Амалфитана — вложение. Миллион на виллу, миллион на расходы. Равелло — это то, что надо. Там они с Сэлли и проведут медовый месяц.

Клайв вспомнил переговоры с управляющим и советом директоров «Хартц» — все были такими по-швейцарски серьезными. Сначала они, конечно, недоверчиво пожимали плечами, но он дал им прочесть переведенную страницу ксерокопии, и по их старым седым подбородкам потекли слюнки. Фармацевтические компании держат исследовательские отделы, которые оценивают достоинства лекарств. А тут в руки шла целая медицинская «поваренная» книга, и швейцарцы поняли, что могут заработать на ней миллиарды. Кроме Сэлли, Джулиан был единственным человеком в мире, способным перевести кодекс. «Хартц» заключит сделку с Бродбентами — у такой крупной фармацевтической фирмы найдется, чем заплатить. К тому же какой Бродбентам прок от документа, который они не в состоянии перевести? Все будет сделано по закону. Компания на этом особенно настаивала. Такова уж природа швейцарцев.

Клайв попытался представить, как поведет себя Сэлли, узнав, что кодекс сгинет в утробе международной корпорации. Скорее всего ей это не понравится. Но ее должны успокоить два миллиона, которые швейцарцы обещали ему за то, что он обнаружил документ. Не говоря уже о щедром вознаграждении за перевод текста. А он докажет ей, что это был лучший вариант: «Хартц» более других способен быстро разработать и выпустить на рынок новые лекарственные препараты. Да, безошибочный вариант. Ведь производство лекарств требует немалых денег. Никто не станет заниматься этим бесплатно. Как говорится, миром движет выгода.

Что же до него, бедность была хороша, пока он оставался молодым идеалистом. Но в тридцать лет нищенствовать нетерпимо. А возраст профессора Джулиана Клайва стремительно приближался к тридцати.

58

После десяти часов блуждания по горам Том с братьями вышел на продуваемый всеми ветрами кряж. Оттуда открывался потрясающий вид: буйство гор простиралось до самого горизонта, и в сгущающихся багровых тенях их вершины чередовались с плоскими долинами.

— Сукиа-Тара, Белый город, — показал рукой Бораби.

Том сощурился от яркого послеполуденного солнца.

В пяти милях по другую сторону глубокой расселины высилась двойная белая гора. Между ее вершинами, окруженный пропастями и зазубренными пиками, приютился ровный клочок земли. Казалось, что этот лоскуток сочной зелени поднебесного леса вырвали из другого места и искусственно поместили между двумя балансирующими на краях обрыва клыками из белого камня. Том воображал, что увидит развалины белых башен и стен, но перед его глазами раскинулся однообразный зеленый бугорчатый ковер из крон деревьев.

Вернон поднял бинокль, посмотрел на Белый город и передал бинокль Тому.

Линзы скачком приблизили зеленый мыс к глазам. Том повел окулярами. В лесу росли не только деревья. Почву плотно устилали лианы и другие ползучие растения. Разрушенный город был надежно упрятан в джунглях. Но по мере того как Том изучал долину, из зелени стали слабо проступать белые вкрапления: угол строения, разрушенная стена, напоминающий окно черный прямоугольник. А дальше возвышалась пирамида, которую он первоначально принял за холм. В ее боку зияло отверстие — белая рана в живой листве. Плоский холм-останец, на котором был выстроен город, казался островом в небе. Он висел между двумя вершинами, отделенный голыми скалами от остальной части Серро-Асуль. Сначала Том решил, что в город вовсе не существует дороги, но затем заметил перекинутую

через расселину желтую ниточку — грубый подвесной мост. Вглядевшись, он понял, что мост надежно охраняется. Люди Хаузера воспользовались старым каменным укреплением, которое прежние обитатели построили для защиты Белого города, и, вырубив изрядный кусок леса у входа на переправу, обеспечили себе сектор обстрела.

Со стороны Белого города неподалеку от моста с вершины сбегала неширокая река, устремлялась в расселину и, изящно закручиваясь в белый жгутик, растворялась в дымке. Пока Том изучал окрестности, из ущелья поднялся туман и закрыл сначала подвесной мост, а затем весь Белый город. Через несколько минут он рассеялся, но затем его натянуло опять. Так повторялось снова и снова, в вечном танце света и тьмы.

Том поежился. Сорок лет назад на этом самом месте стоял их отец Максвелл Бродбент. В тот день он заметил очертания разрушенного города и сделал первое открытие, которое положило начало делу всей его жизни. И в том же городе встретил конец, заживо погребенный в темной гробнице. Белый город стал альфой и омегой карьеры этого человека.

Том отдал бинокль Сэлли, и та долго не отрывалась от окуляров. Затем опустила бинокль и повернулась к Тому. Ее глаза возбужденно блеснули.

— Это город майя, — начала она. — Нет никаких сомнений: центральная парадная площадь, пирамида, несколько многоэтажных павильонов. Чистая классика. Построившие его люди — выходцы из Копана. Я в этом уверена. Они явились сюда после падения Копана в девятисотом году нашей эры. Одна великая тайна раскрыта.

Ее глаза искрились, солнце переливалось в золотистых прядях. Том ни разу не видел Сэлли такой оживленной. Удивительно, подумал он. Особенно если вспомнить, как мало им пришлось спать прошлой ночью.

Их глаза встретились. Сэлли как будто прочитала его мысли — слегка покраснела и, улыбнувшись, отвернулась.

Потом биноклем завладел Филипп. Навел на город и шумно вздохнул:

— Там люди. Рубят деревья у подножия пирамиды. Послышался далекий хлопок динамита, и в городе белым цветком распустилось облако пыли.

— Необходимо их опередить и найти отца, — сказал Том. — Иначе... — Он так и не закончил мысль.

59

Остаток дня они провели, укрываясь за деревьями и наблюдая за людьми Хаузера. Одна группа расчищала от деревьев каменный храм у подножия пирамиды, в то время как другая раскапывала и взрывала стоявшую неподалеку пирамиду меньших размеров. Переменчивый ветер доносил звон цепных пил, и каждые полчаса раздавался взрыв, после которого в воздух поднималась туча пыли.

— Где гробница отца? — спросил Том у Бораби.

— В скалах на другом конце города. Там, где упокоились мертвых.

— Хаузер способен ее найти?

— Да. Тропа спрятана, но в конце концов он ее обнаружит. Может быть, завтра, может быть, через две недели.

С наступлением темноты в Белом городе вспыхнули два прожектора. Третий освещал подходы к мосту. Хаузер не допускал оплошностей и был прекрасно экипирован — не поленился взять даже мотогенератор.

Бродбенты поужинали молча. Том так и не разобрал, что приготовил им Бораби: то ли лягушек, то ли ящериц. Он долго смотрел на Белый город со своего наблюдательного пункта на обрыве и пришел к выводу, что город неприступен и тщательно охраняется. То, что было у всех на уме, в конце ужина произнес Филипп:

— Похоже, нам лучше уносить отсюда ноги и обратиться за помощью. Самим не справиться.

— Филипп, — возразил ему Том, — как ты полагаешь, что произойдет, когда эти люди

обнаружат и откроют гробницу?

— Ограбят ее.

— Только сначала Хаузер убьет отца. — Филипп не ответил.

— Чтобы выбраться отсюда, потребуется не меньше сорока дней. Если мы хотим спасти отца, нужно действовать немедленно.

— Том, я вовсе не желаю показаться человеком, который отговаривает спасать отца, но подумай сам: у нас одна допотопная винтовка, не больше десятка патронов и несколько размазанных воинов с луками и стрелами. А у них — автоматы, гранатометы и динамит. И к тому же они обороняют превосходно укрепленную позицию.

— Возможно, их позиция не настолько идеальная, если в город ведет тайный путь, — предположил Том.

— Никакого тайного пути нет, — вмешался Бораби. — Только мост.

— Должен быть второй проход, — не отступал Том. — Иначе каким образом строители в свое время навели этот мост?

Индеец удивленно посмотрел на него, и эта хоть и маленькая победа доставила Тому удовольствие.

— Мост построили боги, — наконец заявил Бораби.

— Боги не строят мостов.

— *Этот* мост построили боги.

— Черт тебя подери, Бораби, перестань валять дурака. Этот мост построили люди. А для этого они должны были находиться на обеих сторонах расселины.

— Ты прав, — согласился с братом Вернон.

— Боги построили мост, — продолжал настаивать индеец. Но подумал и добавил: — Тара знают, как строить мосты с одной стороны.

— Невозможно!

— Брат, ты всегда говорить так уверенно? Я тебе сказать, как тара строят мосты с одной стороны. Сначала тара стреляют стрелой, к которой привязана веревка с крюком. Зацепляют крюк на другой стороне и отправляют туда мальчика в корзине с колесиками.

— Каким образом ему удастся перебраться через ущелье?

— Он подтягивается.

— Но разве человеку под силу послать стрелу на две сотни ярдов, да еще с привязанной к ней веревкой с крюком?

— Тара стрелять специальный большой лук стрелой с перьями. Много дней приходится ждать, чтобы ветер дул в нужном направлении.

— Продолжай.

— Когда мальчик на другой стороне, воин стреляет второй раз, опять с веревкой. Мальчик связывает две веревки и заводит за маленькое колесо.

— Блок.

— Да. Теперь взрослый с помощью блока может переправить на другую сторону много вещей. Прежде всего, он переправляет толстый канат. Канат свернут в корзине и, по мере того как он движется через ущелье, сам разворачивается. Мальчик прикрепляет канат к дереву. Теперь может переправиться взрослый. С помощью второго блока он переправляет еще три каната. Теперь через ущелье натянута четыре каната. И по ним в корзине переправляются другие взрослые...

— Довольно. Я все понял, — перебил его Том.

Все надолго погрузились в молчание. Каждый понимал, в каком они оказались безвыходном положении.

— Во время атаки воины тара пытались оборвать мост? — спросил Том.

— Да. Многие погибли.

— Как насчет горящих стрел?

— Не долетают до моста.

— Не будем забывать, — напомнил Филипп, — если удастся уничтожить мост, отец

вместе с остальными окажется в ловушке.

— Знаю. Просто пытаюсь перебрать, какие есть варианты. А что, если предложить Хаузеру сделку: он отпускает отца и забирает все, что находится в гробнице? Мы подписываем документ, что передаем ему богатства, и на этом расходимся.

— Отец никогда не согласится.

— Даже если придется поплатиться жизнью?

— Он умирает от рака.

— А наши жизни не в счет?

Филипп обвел всех взглядом:

— Не вздумайте поверить Хаузеру или заключить с ним какую-нибудь сделку.

— Что ж, — подытожил Вернон, — мы не можем попасть в Белый город никаким иным путем. Лобовая атака тоже исключена. Кто-нибудь знает, как построить планер или дельтаплан?

— Нет.

— В таком случае остается единственная возможность.

— Какая?

Вернон разровнял ладонью песок у огня и принялся рисовать схему и объяснять свой план. А когда закончил, Филипп покачал головой:

— Безумие. Повторяю, давайте пойдем за помощью и вернемся с подкреплением. Хаузеру могут потребоваться месяцы, чтобы обнаружить гробницу отца...

— Филипп, — перебил его Бораби, — ты, может быть, не понял? Если мы побежим, тара нас убьют.

— Чепуха!

— Мы дали слово и не можем нарушить обещание.

— Я никакого слова не давал. Это Том все наплел. Мы можем проскользнуть мимо деревни тара и будем далеко, прежде чем индейцы обнаружат, что мы исчезли.

— Так поступают только трусы, — покачал головой Бораби. — Отец останется умирать в гробнице. Если тара нас поймает, смерть для трусов медленная и отвратительная. Нам отрежут...

— Мы уже слышаны, что они режут в таких случаях, — перебил брата Филипп.

— Воды и еды в гробнице надолго не хватит.

В костре треснуло полено. Том поднял глаза и посмотрел сквозь деревья. Внизу, на расстоянии почти пяти миль, в Белом городе сияли три алмазных огня. Снова раздался приглушенный взрыв динамита. Хаузер и его люди трудились круглые сутки. Том подумал, что они в буквальном смысле оказались перед неприступной стеной. Ни одной верной возможности — только очень сомнительный план. Но ничего другого не оставалось.

— Хватит разговоров, — заявил он. — У нас есть план. Кто со мной?

— Я — отозвался Вернон.

— И я, — подхватил Бораби.

— Я тоже, — сказала Сэлли.

Все глаза устремились на Филиппа. Он сердито махнул рукой:

— Господи, вы же знаете мой ответ!

— И каков он? — спросил Вернон.

— Хорошо, если для протокола, пожалуйста: «Нет, нет и нет». Ваш план годится только для Джеймса Бонда, а в реальной жизни никогда не получится. Даже не пытайтесь. Я не хочу к тому же потерять братьев. Прошу вас, одумайтесь.

— Филипп, мы обязаны, — проговорил Том.

— Никто нас ни к чему не обязывал. Наверное, вы сочтете это богохульством, но я все-таки скажу: отец сам заварил эту кашу.

— И поэтому мы позволим ему умереть?

— Прошу вас только об одном — не швыряйтесь своими жизнями! — Филипп всплеснул руками, вскочил и исчез в темноте.

Вернон собирался крикнуть ему вслед что-то сердитое, но Том предостерегающе дотронулся до его руки. Не исключено, что Филипп прав — миссия самоубийственная. Но у самого Тома выбора не оставалось. Если он теперь что-то не предпримет, то не сумеет дальше жить. Все очень просто.

На лицах его товарищей играли отсветы костра. Очень долго никто ничего не говорил.

— Нет смысла тянуть, — сказал Том. — Начнем сегодня в два часа ночи. За пару часов спустимся вниз. Каждый знает, что ему делать. Бораби, объясни воинам их задачу. — Он посмотрел на Вернона. План придумал брат, который никогда не предводительствовал среди них. Том стиснул ему плечо. — Отлично, братишка.

— У меня такое ощущение, будто мы оказались у Волшебника из страны Оз.

— В каком смысле?

— Я нашел мозги, ты нашел сердце, Бораби нашел родных. Только Филипп пока не обрел мужества.

— И еще я сомневаюсь, чтобы бадья с водой помогла нам совладать с Хаузером, — усмехнулся Том.

— Да уж, — чуть слышно пробормотала Сэлли.

60

Том вылез из гамака в час. Ночь выдалась темной. Облака заслонили звезды, неугомонный ветер что-то бормотал и шелестел ветвями деревьев. Свет отбрасывала только россыпь мерцающих углей в костре; красноватые всполохи отражались на лицах десяти индейских воинов, которые так и не двинулись с места и не проронили ни звука.

Прежде чем будить остальных, Том взял бинокль, вышел из-за деревьев и еще раз посмотрел на Белый город. Проектор по-прежнему освещал мост, солдаты дежурили в разрушенной крепости. Он попытался представить, что произойдет с ними в ближайшие часы. Возможно, Филипп прав: их план — чистое самоубийство. Не исключено, что Максвелл Бродбент уже мертв в гробнице и они напрасно рискуют жизнью. Но это не обсуждалось. Том чувствовал себя обязанным выполнить свой долг.

Он пошел будить товарищей и обнаружил, что все уже встали. Бораби расшевелил угли, подбросил дров и поставил на огонь котелок. Сэлли при свете костра проверяла «спрингфилд». Ее лицо показалось Тому осунувшимся и уставшим.

— Помнишь, что сказал генерал Паттон⁴⁴ о первой жертве боя?

— Нет.

— Он сказал, что первая жертва боя — это план боя.

— Так, значит, ты сомневаешься, что наш план работает? — спросил ее Том.

— Может и не работать. — Сэлли отвернулась, опустила глаза и в который раз прошла тряпкой по стволу винтовки.

— Как ты считаешь, что произойдет?

Она молча покачала головой, и по ее густым золотистым прядям побежали волны. Том понял, что Сэлли очень расстроена, и положил ей руку на плечо.

— Мы должны это сделать.

— Знаю, — кивнула она.

К ним присоединился Вернон, и они вчетвером стали пить чай. Сделав последний глоток, Том посмотрел на часы. Два. Он оглянулся и стал искать глазами Филиппа, но брат так и не выходил из хижины. Том дал знак Бораби, и все поднялись. Сэлли закинула за плечо винтовку, остальные надели рюкзаки из пальмовых листьев с едой, водой, спичками,

⁴⁴ Паттон, Джордж Смитт. (1885—1945) — видный военный деятель. В июне 1944 г. командовал третьей бронетанковой армией, наступавшей в Германии, был военным комендантом оккупированной Баварии. Погиб в авткатастрофе в Германии 21 декабря 1945 г. Как мужественный человек и способный командир заслужил прозвище Беспощадный Паттон.

походной плиткой и другими необходимыми припасами. Отряд двинулся гуськом. Впереди шел Бораби, в арьергарде — воины тара. Они миновали небольшую рощицу и вышли на открытое пространство.

Не прошло и десяти минут после того, как они выступили из лагеря, и вот за спиной послышался звук торопливых шагов. Отряд остановился, индейцы подняли луки. Вскоре из темноты появился запыхавшийся Филипп.

— Хочешь пожелать нам удачи? — съязвил Вернон. Филипп перевел дыхание.

— Кто бы мог подумать, что я способен втравиться в вашу идиотскую затею? Но, черт подери, не могу же я вам позволить умереть без меня!

61

Марк Аврелий Хаузер засунул руку в вещевой мешок и извлек очередную сигару. Прежде чем раскрыть пенал, покатал его между большим и указательным пальцами и начал священнодействовать: обрезал, увлажнил и раскурил. А затем поднял руку и с удовольствием рассмотрел толстый мерцающий кончик. Дым кубинского табака окутывал его изящным коконом наслаждения. Его всегда удивляло, что в джунглях сигары казались сочнее, ароматнее и богаче на вкус.

Хаузер занял скрытную стратегическую позицию в зарослях папоротника, откуда мог наблюдать за подвесным мостом и своими солдатами, охранявшими маленькую каменную крепость на противоположной стороне. У него было сильное предчувствие, что братья Бродбенты попытаются прорваться через мост именно нынешней ночью. Время было на исходе. Им требовалось отыскать гробницу раньше его. Если они хотели спасти для себя что-то из спрятанных шедевров, следовало действовать немедленно.

Он довольно затаился и снова вспомнил Максвелла Бродбента. По непонятной прихоти он приволок сюда добра на полмиллиарда долларов. Абсурд, но вполне в его духе. Макс любил широкие жесты и эффектные представления. Жил широко и умер широко.

Хаузер перенесся мыслями в те мучительно памятные времена, когда они пятьдесят дней пробирались через джунгли. Он не забудет этих дней до самой смерти. Прошел слух, что где-то в Серрос-Эскондидос в Гватемале есть храм народа майя. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей они прорубали дорогу в заросшей тропе — изжаленные, искусанные, исцарапанные и голодные.

А когда добрались до деревни Лакандон, жители отказались с ними разговаривать. Храм находился где-то поблизости. В этом не оставалось сомнений. Но индейцы молчали. Хаузер был близок к тому, чтобы разговорить одну девчонку, но Макс помешал — сукин сын приставил ему к голове пистолет и обезоружил его. Это стало последней каплей, произошел разрыв. Бродбент прогнал его, точно пса, велел убираться восвояси. Хаузеру не оставалось ничего иного, как бросить поиски затерянных городов и вернуться домой. А Макс тем временем обнаружил Белый город и ограбил богатую гробницу, которая через сорок лет превратилась в его усыпальницу.

Круг благополучно замкнулся.

Хаузер снова с удовольствием затаился. Во время своего боевого прошлого он кое-что узнал о людях. Когда приходилось по-настоящему тужить, трудно было угадать, кто выдюжит, а кто сломается. Случалось, что накачанные, как Арнольд Шварценеггер, бывалые рейнджеры в захватской форме со всеми своими байками о могучем сексе разваливались, словно переваренное мясо, а ротные недотепы, интеллигентишки и зануды из электронной команды стояли до конца и выживали. Предсказать невозможно. Так получилось и с малышами Бродбентами. Следовало отдать им должное — они неплохо держались. Теперь они окажут ему последнюю услугу, и после этого им пора закругляться.

Он прислушался. Издалека послышались вопли, крики и вой. Хаузер поднял бинокль. Из джунглей слева от каменной крепости вылетела туча стрел. Одна из них с негромким звяканьем ударила о прожектор.

Нападение индейцев. Хаузер улыбнулся. Обманный маневр, чтобы отвлечь внимание солдат от моста. Он видел, как его люди пригнулись за каменной стеной, вставляя обоймы и заряжая гранатометы. И отчаянно надеялся, что они справятся с поставленной задачей. А задача была такова: следовало изобразить то, в чем его гондурасцы много раз преуспели, — панику и поражение.

Из леса снова вылетели стрелы, раздались леденящие кровь крики. Солдаты ответили беспорядочным залпом, затем вторым. В джунгли наобум послали гранату, и она взорвалась с яркой вспышкой.

На этот раз гондурасцы справлялись со своей задачей.

Коль скоро Бродбенты выступили, Хаузер четко представлял, что последует дальше. Их действия были также предсказуемы, как вынужденные ходы в шахматной партии.

И они оправдали ожидания. Хаузер поднял бинокль и увидел, как три брата и их проводник-индеец, пригнувшись, пересекают открытое пространство за крепостью и направляются к мосту. А ведь считают себя такими умными — и прямо с потрохами лезут в его ловушку.

Хаузер невольно рассмеялся.

62

Сэлли притаилась в двухстах ярдах от охранявших мост солдат. Она лежала за поваленным деревом, положив ствол «спрингфилда» на гладкое бревно. Все было тихо. Девушка не прощалась с Томом, просто поцеловала его, когда он уходил. А теперь старалась не думать, что произойдет дальше. План был сумасшедшим, и она сильно сомневалась, что братьям удастся перебраться через мост. Но даже если удастся и они спасут отца, им ни за что не вернуться.

Сэлли гнала дурные мысли и, чтобы отвлечься, переключила внимание на винтовку. «Спрингфилд-03», выпущен до Первой мировой войны, но в отличном состоянии и оптика превосходная. Чори прекрасно ухаживал за оружием. Сэлли уже прикинула расстояние от своего укрытия до разрушенного каменного форта, где притаились солдаты — 210 ярдов, — и установила прицел. Прошлый хозяин пользовался стандартными армейскими боеприпасами: патрон 03-06 с пулей весом 150 гран⁴⁵, так что никаких дополнительных расчетов не требовалось, даже если бы под рукой оказались таблицы, которых, разумеется, не было. Затем она оценила ветер и сделала поправку, подвернув головку с насечками. Дистанция 210 ярдов не представляла для нее сложности, тем более что цель была крупной — неподвижные люди.

Занимая позицию, Сэлли продолжала терзаться сомнениями, сможет ли она убить человека. Но теперь, когда до начала операции оставались считанные минуты, поняла, что сумеет. Ради спасения Тома. Волосатик сидел в сплетенной из виноградной лозы клетке. Сэлли радовалась, что обезьянка составляет ей компанию, хотя зверек ворчал и воротил нос, недовольный, что лишился свободы и хозяина. Девушка набрала пригоршню орехов, дала несколько обезьянке, остальные съела сама.

Пора было начинать.

Строго по плану в лесу, по другую сторону от солдат, раздались клич, вопли и вой. Могло показаться, что там спрятались не десяток, а целая сотня воинов. Из чащи вылетела туча стрел. Индейцы брали высокий прицел, чтобы стрелы летели навесом и падали сверху на головы солдат.

Чтобы лучше разглядеть происходящее, Сэлли прикинула к окуляру прицела. Гондурасцы в панике сбились в кучу, прятались за стены, заряжали гранатометы. Наконец начали отвечать, целя наугад в джунгли в сотне ярдов от них. Взорвалась с недолетом первая

⁴⁵ 1 гран = 0,0648 грамма.

граната. За ней последовали другие. Гранаты попадали в верхушки деревьев и отрывали ветви. Солдаты действовали настолько бестолково, словно вовсе не умели владеть оружием.

Сэлли заметила движение справа: четверо Бродбентов, пригнувшись, пересекали открытое пространство и бежали к началу моста. Им предстояло преодолеть двести ярдов кустарника и поваленных деревьев, но пока все шло хорошо. Внимание солдат занимала ложная атака на фланге. Сэлли не отрывалась от прицела, готовая прикрыть наступавших огнем.

Один солдат поднялся, чтобы взять еще гранат. Сэлли прицелилась ему в грудь и положила палец на спусковой крючок. Но солдат пригнулся от града стрел, схватил из жестянки две гранаты и, не взглянув по сторонам, нырнул обратно в укрытие.

Сэлли облегченно вздохнула и ослабила палец на спуске. Бродбенты подобрались к самому мосту. Он был перекинут через ущелье шириной шестьсот футов и очень добротно сооружен. Четыре витых каната — два снизу, два сверху — несли на себе всю нагрузку. Вертикальные перемычки служили опорами для бамбукового настила моста, который располагался между нижними и верхними рядами канатов. Бродбенты по одному нырнули под настил и забрались на нижний канат. А затем, используя верхний как поручни, стали переступать по нижнему и боком переправляться на другую сторону. Время было выбрано правильно: поднялся густой туман, и через пятьдесят ярдов братья скрылись из виду. Нападение индейцев продолжалось еще десять минут: раздавался воинственный клич, сыпались стрелы. А потом все стихло. Свершилось чудо: Бродбенты перебрались на противоположную сторону. Сумасшедший план сработал.

Теперь дело оставалось за малым — вернуться обратно.

63

Перед Томом расстился шаткий мост, который качался и скрипел при каждом порыве дувшего из ущелья ветра. Из разверзшейся под ногами пропасти взлетали листья и куски лиан. Туман был настолько плотным, что Том не видел дальше двадцати футов. Откуда-то снизу доносился гул водопада, словно вдалеке ревел разъяренный зверь. Мост мотало при каждом шаге.

Первым шел Бораби. Затем Вернон, Филипп. Том замыкал отряд.

Они перемещались боком по нижнему канату, невидимые под прикрытием настила моста. Том спешил за братьями, стараясь двигаться осторожно, но быстро, насколько позволяла безопасность. От тумана главный канат намок и сделался скользким, перевитые жгуты подгнили и разбухли. Многих вертикальных перемычек не доставало, и в этих местах зияли дыры. Каждый раз, когда из ущелья налетал ветер, мост сотрясался и раскачивался, и Тому приходилось останавливаться, пока качка не успокаивалась. Он старался думать о ближайших нескольких футах и ни о чем другом. «Шаг за шагом. Еще один шаг», — твердил он себе.

Одна особенно подгнившая веревка оборвалась, и Том, повиснув над пропастью, испытал приступ ужаса, пока не изловчился ухватиться за другую. Он замер и подождал, когда успокоится бешено колотившееся сердце. Но после этого, прежде чем довериться веревкам, пробовал каждую перемычку на прочность. Братья впереди казались смутными теньями: их окутывал туман и в то же время заливал свет поворачивавшегося на противоположной стороне мощного прожектора.

Чем дальше они продвигались по мосту, тем сильнее он раскачивался и сотрясался. Бамбуковый настил скрипел, канаты вздыхали и стонали, словно живые. На середине пути восходящие потоки сделались настолько сильными и так встряхнули мост, что Том невольно вспомнил рассказ дон-Альфонсо о бездонной пропасти: летящие вниз тела кружатся и кружатся, пока не превратятся в пыль. Он поежился, стараясь не смотреть под ноги. Но, чтобы не промахнуться мимо каната, приходилось то и дело опускать глаза, и взгляд упирался в головокружительный столп мрака, уходивший в непроглядную тьму. Они почти

достигли середины. Том заметил, где мост провисал сильнее всего, а затем начинался подъем к противоположной стороне ущелья.

Ударил особенно сильный порыв ветра, мост снова шатнуло, и канат чуть не выскользнул у Тома из руки. Он изо всех сил вцепился в веревку и в тот же миг услышал сдавленный крик. Две сгнившие перемычки, оторвавшись, летели вниз, кувыркаясь в восходящих потоках воздуха. Том увидел, что Филипп болтается на нижнем канате, держась на сгибе локтя и молотя над пустотой сорвавшимися с опоры ногами.

«Господи!» Он поспешил на помощь и чуть не соскользнул сам. Том понимал, что в таком положении брат не продержится и нескольких минут. Вскоре он был уже точно над ним. Филипп висел молча, стараясь закинуть ноги на канат. Его лицо исказилось, от страха он не мог говорить. Двое других братьев скрылись впереди в тумане.

Том обвил рукой канат, наклонился и постарался подхватить Филиппа под мышку. Но внезапно ноги резко скользнули вперед, и, не успев распрямиться, он сам повис над пропастью. Сердце гулко колотилось в груди, взор от страха затуманился, он едва дышал.

— Том, — позвал его брат каким-то странным, писклявым детским голосом.

Том распластался на канате над ним.

— Подтянись, — попросил он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Помоги мне. Подтянись. Я тебя подхватчу.

Он хотел ухватить Филиппа за пояс. Тот извивался, пытаясь закинуть ноги на канат. Но это ему не удавалось, и от усилий у него стала соскальзывать рука. Филипп вскрикнул. Том видел, как у него побелели костяшки пальцев. Сцепленные руки сомкнулись на канате. С губ слетел жалобный стон.

— Давай еще! — крикнул Том. — Подтягивайся! Тянись вверх!

Филипп гримасничал и извивался. Новая попытка схватить его за пояс опять не удалась. У Тома снова соскользнула с каната нога, и несколько пугающих мгновений он висел, цепляясь за гнилую перемычку. Но наконец поймал ступней опору и ждал, пока успокоится сердце. От их возни вылетела часть настила и, медленно кувыркаясь, падала вниз, пока не скрылась из виду.

«Осталось не больше пяти секунд», — подумал Том. Это последний шанс Филиппа.

— Подтягивайся! Соберись с силами! Готов? Раз, два, три!

Филипп дернулся вверх. Том заранее приготовился: освободил руку и, держась другой за гнилую перемычку, как можно сильнее наклонился вперед и в нужный момент вцепился брату в ремень. С минуту они болтались над пропастью, общим весом оттягивая мост. А затем, обхватив брата, словно спасательный круг, Том колоссальным усилием втащил его на канат.

Некоторое время братья стояли, вцепившись в веревки и боясь пошевелиться. Том слышал хриплое дыхание Филиппа.

— Филипп, — наконец проговорил он, — ты в порядке? Судорожное дыхание стихло.

— Ты в порядке! — Теперь Том не спрашивал, а убеждал. — Все позади. Ты в безопасности.

Налетел порыв ветра, и мост опять качнуло. Филипп весь напрягся, и у него булькнуло в горле.

Прошла минута. Очень долгая минута.

— Надо двигаться, — сказал Том. — Тебе придется себя преодолеть.

Мост плясал и подпрыгивал от ветра.

— Не могу...

Том понимал брата. Ему самому безумно хотелось обвиться вокруг главного каната и остаться здесь навсегда. Туман редел. Порывы били один за другим, и мост извивался. Его движения казались непредсказуемыми: волна начиналась плавно, а затем канаты подбрасывало, и эти толчки грозили сбросить их в темную муть провала.

На мгновение тряска стихла.

— Филипп, вставай!

— Нет.

— Ты должен. Ну давай. Торопись.

Время... Им катастрофически не доставало времени. Туман поднимался, луч прожектора становился ярче. Теперь солдатам стоило повернуть голову, и они у них как на ладони. Том протянул руку:

— Держи. Пошли.

Рука у брата дрожала. Том потащил Филиппа вверх. Но мост продолжало качать, и брат не находил сил выпустить вертикальные перемычки. От новой серии порывов мост опять тряхнуло и резко подбросило. Филипп от страха жалобно застонал. Том сам вцепился в канаты и держался не на жизнь, а на смерть. Пять минут мост болтало, и это были самые долгие пять минут в его жизни. Руки ломило от напряжения. Но наконец качка стихла.

— Пойдем.

Филипп осторожно переступил по канату, переместил руки и боком двинулся к берегу. Через пять минут они оказались на другой стороне. Там, в темноте, их поджидали Бораби и Вернон, и они все вместе быстро скрылись в мглистом лесу.

64

Бораби шел через джунгли первым, три его брата следовали за ним. Путь им освещало фосфорическое сияние, какое Том уже видел раньше: каждое гниющее бревно и каждый гниющий пенёк обрамляли зеленые огоньки, которые подмигивали в чаще, словно привидения. Но они больше не казались красивыми, теперь в них таилась угроза.

Через двадцать минут ходьбы впереди замаячила разрушенная каменная стена. Бораби нагнулся, внезапно вспыхнул свет, и он распрямился, держа в руке горящий пук тростника. Стена проявилась перед глазами. Она была сделана из известняковых блоков, почти невидимых из-за плетей вьющегося по камню винограда. Том разглядел барельеф: лица в профиль, черепа с пустыми глазницами, фантастические ягуары, птицы с огромными когтями и широко распахнутыми глазами.

— Городские стены.

Они некоторое время шли вдоль стены, а затем нырнули в узкий проход, увитый диким виноградом, похожим на украшенный бусинками занавес. Плетя то и дело приходилось раздвигать руками.

В тусклом свете Бораби поддержал Филиппа и привлек к себе.

— Ты храбрый, мой младший брат.

— Нет, Бораби, я ужасный трус и вам всем обуза. — Индеец дружески похлопал его по руке.

— Неправда. Я сам испугался до половины смерти.

— До полусмерти.

— Спасибо. — Бораби прикрыл рукой головню и дунул, раздувая пламя. Оно осветило его лицо — тонкие губы и подбородок, как у всех Бродбентов. А зеленые глаза стали золотистыми. — Теперь мы идти в могилу. Теперь мы искать отца.

Они оказались в разоренном внутреннем дворе. С одной стороны вверх поднималась лестница. Бораби пересек двор и начал подниматься по ступеням. Остальные последовали за ним. Вскоре они оказались на вершине стены, и индеец из предосторожности прикрыл ладонью огонь. На другую сторону вела еще одна лестница. Отряд уже начал спуск, но в это время раздался пронзительный крик, и от шумной возни над головой стали раскачиваться верхушки деревьев. Том подскочил.

— Обезьяны, — прошептал Бораби, однако на всякий случай остановился. На лице появилось настороженное выражение. Но вскоре он покачал головой и пошел дальше. Они оказались в другом внутреннем дворе, заваленном упавшими колоннами и каменными блоками. Некоторые длиной до десяти футов. Некогда эти блоки образовывали гигантскую голову. Из буйства ветвей и ползучих корней то там, то сям выглядывали нос, глаз или ухо.

Перебравшись через блоки, Бродбенты нырнули в обрамленный изображением ягуара проем и оказались в ведущем под землю проходе. Из коридора тянуло прохладой и плесенью. Головня трещала и рассыпала искры. Ее свет выхватил кусок каменного тоннеля — стены покрывали известковые отложения, на потолке сверкали сталактиты. Стараясь скрыться от света, по стенам, шурша, расползались насекомые. На полу, свернувшись буквой «S», подняла голову готовая к нападению толстая гадюка. Змея шипела и слегка раскачивалась, в глазах-щелочках отражалось оранжевое пламя. Они обошли гадюку стороной и продолжали путь. Сквозь образовавшиеся в потолке дыры Том видел россыпь звезд и мотавшиеся на ветру кроны деревьев. Они миновали алтарь с разбросанными в беспорядке костями и подошли к возвышению, на котором валялись разломанные статуи — руки, ноги, головы высывались из ветвей, и казалось, что неведомые чудища тонули в море лиан.

Внезапно они очутились на краю широкого ущелья, за которым расстилалось море слабо подсвеченных звездами зазубренных черных вершин. Бораби раздул новый факел, а сгоревший бросил вниз. Головня несколько раз вспыхнула и исчезла в темноте. Вдоль обрыва вилась тропа. Через несколько шагов Бораби свернул в хитроумно спрятанный лаз. На первый взгляд он упирался в голую скалу. Однако на самом деле это была высеченная в горе каменная лестница. Она уходила вниз и завершалась террасой — чем-то вроде каменного балкона. Выдолбленный в скале и вымощенный хорошо подогнанными друг к другу плитами, он был незаметен сверху. С одной стороны от террасы громоздились рваные уступы Белого города, другая обрывалась на сотни футов в темную глубину. Скала над головой была испещрена черными прямоугольниками дверных проемов, соединенных между собой лестницами и тропами.

— Место упокоения, — объявил Бораби.

Террасу овеивал ветер, и его порывы приносили тошнотворно-сладковатый запах распускаящихся ночью цветов. Сюда не доносились звуки джунглей, только слышался посвист ветра. Это было жутковатое, скрытое от остального мира место.

«Господи, страшно представить, что отец в одной из этих камер», — подумал Том.

Бораби повел их по темному проходу внутрь скалы, и они стали подниматься по вырубленной в камне спиральной лестнице. Гора была усеяна сотами захоронений, и вдоль лестницы то и дело открывались ниши, где лежали черепа с остатками волос, на лишенных мяса костяшках пальцев поблескивали кольца. Мумифицированные тела облюбовали насекомые, мыши и мелкие змеи и теперь, завидев свет, спешили скрыться в темноте. В некоторых нишах находились свежие трупы, и от них поднимался дух тления. Здесь возня насекомых и зверьков казалась намного громче. В одном месте они заметили нескольких крыс, которые уселись на теле и угощались мясом.

— Сколько захоронений ограбил отец? — спросил Филипп.

— Одно, но самое богатое.

Некоторые лазы в гробницы были разломаны, словно туда пытались вломиться грабители или их повредило давнишнее землетрясение. Бораби остановился, что-то подобрал с земли и подал Тому. Это оказалась блестящая гайка-барашек.

Лестница повернула и вывела их на уступ шириной десять футов, находившийся примерно на середине высоты горы. Сюда выходили каменные двери — самые большие из всех виденных. Они смотрели на горную гряду и звездное небо над головой. Бораби поднес к ним факел. Все другие двери не имели украшений, а на этих были вырезаны индейские письмена. Бораби постоял, отошел на шаг, что-то проговорил на своем языке, словно молился. Затем повернулся к братьям и прошептал:

— Гробница отца.

В расположенном высоко над Женовой здании за столом в зале заседаний сидели седые, как мумии, старцы. Джулиана Клайва отделяли от них обширные просторы

полированного дерева. За их спиной в стеклянной панели стены открывался вид на далекое Женевское озеро, над которым белым цветком распустился огромный, но с высоты кажущийся совсем маленьким фонтан.

— Мы так понимаем, — начал председатель, — что вы получили аванс.

Клайв кивнул. Миллион долларов. В наши дни не такие значительные деньги, но больше, чем он зарабатывал в Йельском университете. Они заключили сделку, и сидящие перед ним люди прекрасно это понимали: два миллиона за манускрипт и еще им предстояло заплатить за перевод. Разумеется, нашлись бы и другие, кто изучил язык майя, но только он хорошо разбирался в древнем диалекте, на котором написана фармакопея. Он и еще Сэлли. Пока что Джулиан не начинал обсуждение суммы вознаграждения. Все в свое время.

— Мы вас вызвали к себе, потому что до нас дошел слух, — продолжал председатель.

Он говорил по-английски, но Клайв, чтобы сбить с них спесь, решил отвечать на немецком, которым прекрасно владел:

— Готов помочь всем, чем смогу.

Седые мужи тревожно заерзали, но председатель продолжал по-английски:

— В Соединенных Штатах существует фармацевтическая компания под названием «Лэмп — Дэнисон». Вы слышали о такой?

— Полагаю, что да, — ответил Клайв по-немецки. — Одна из крупнейших.

Председатель кивнул.

— Слух заключается в том, что эта компания будто бы приобретает кодекс народа майя девятого века, который содержит две тысячи страниц традиционных медицинских рецептов.

— Это невозможно. Двух таких быть не может.

— И мы того же мнения. Двух быть не может. Но слух тем не менее распространился. И как результат, акции «Лэмпа» за прошлую неделю подскочили больше чем на двадцать процентов.

Семеро седовласых смотрели на Клайва и ждали ответа. Джулиан поежился, положил ногу на ногу, но тут же опустил на пол. Его пронзил внезапный приступ страха. Что, если Бродбенты успели договориться о судьбе фармакопеи? Нет, не может быть. Перед отъездом Сэлли детально проинформировала его, как обстоят дела. С тех пор братья блуждали в джунглях, ни с кем не общались и не имели возможности заключить сделку. Следовательно, кодекс никому не принадлежит и не обременен никакими обязательствами. И еще он очень верил в Сэлли и не колебался, давая обещания. Она была способной, сообразительной девушкой и полностью находилась под его влиянием.

Клайв пожал плечами:

— Слух ложный. Я тщательно контролирую ситуацию. Из Гондураса кодекс попадет прямоком ко мне в руки.

Снова наступило молчание.

— Мы намеренно не вмешивались в ваши дела, профессор Клайв, — продолжал председатель. — Но теперь, когда вы получили миллион наших долларов, вправе проявлять беспокойство. Возможно, слух ложный. Отлично. Но я хотел бы получить объяснение появлению подобной информации.

— Если вы намекаете на то, что я проявил неосторожность, уверяю вас, я никому не сказал ни слова.

— Никому?

— Разумеется, не считая моей коллеги Сэлли Колорадо.

— А она?

— Она в гондурасских джунглях. Даже не имеет возможности связаться со мной. И уже поэтому не могла проговориться. К тому же она человек в высшей степени осмотрительный.

Теперь молчание за столом продолжалось целую минуту. Неужели они только ради этого вызвали его в Женеву? Клайву такое отношение не понравилось. Не понравилось от начала до конца. Он им не мальчик для битья. Профессор поднялся:

— Меня обижают ваши обвинения. Я намерен строго соблюдать свои обязательства.

Вы получите фармакопею, заплатите мне второй миллион долларов, после чего мы обсудим условия вознаграждения за перевод.

Его слова были снова встречены молчанием.

— Вознаграждение за перевод? — переспросил председатель.

— Бесплезно пытаться переводить текст своими силами.

Старики сморщились, словно выдавили себе в рот по лимону. Собрание придурков, да и только! Клайв презирал таких бизнесменов — необразованных, несведущих, скрывающих за фасадом дорогих костюмов иссушающую алчность.

— Надеемся, для вашей же пользы, профессор, что вы выполните все, что обещали.

— Не грозите мне.

— Это не угроза, а предупреждение. — Клайв поклонился:

— Всего хорошего, джентльмены.

66

С тех пор как Том встретился с братьями у ворот поместья отца, прошло шесть недель, а казалось — целая жизнь. И вот они добрались до гробницы.

— Ты знаешь, как ее открыть? — спросил Филипп.

— Нет.

— А отец догадался, — заметил Вернон. — Иначе ему бы не удалось ее ограбить.

Бораби укрепил несколько факелов в углублениях каменной стены, и они все вместе тщательно исследовали двери гробницы. Сделанные из крепкого камня, они закрывали вырезанный в известняковой скале проем. Никаких замочных скважин, кнопок или тайных рычагов. Камень вокруг проема сохранился в естественном состоянии, за исключением просверленных по обе стороны двери дырочек. Том поднес ладонь к одной из них и почувствовал, как изнутри тянет прохладой — не иначе вентиляция гробницы.

Пока Бродбенты исследовали пространство вокруг пещеры, небо на востоке, предвещая рассвет, посерело. Они перепробовали все: стучали в дверь, кричали, колотили, давили, но ничего не помогало. Проходили часы, но преграда не шелохнулась.

— Так дело не пойдет, — наконец сказал Том. — Тут нужен иной подход.

Бродбенты возвратились на ближайший уступ. Звезды погасли, небо за горами стало светлеть. И перед глазами открылся потрясающий вид — дикая буйность рваных белых вершин, которые, подобно зубам, оскалились из зеленых десен джунглей.

— Давайте изучим какие-нибудь разломанные двери. Может быть, это даст нам идею, как они работают.

Братья миновали четыре-пять захоронений и нашли двери с проломом. Камень треснул посередине, и кусок блока вывалился наружу. Бораби зажег еще один факел, остановился на пороге и повернулся к Филиппу:

— Я трус. Ты смелее меня, младший брат. Иди. — Филипп стиснул ему плечо, взял факел и вошел внутрь. Том и Вернон последовали за братом.

Они попали в просторное помещение размером примерно восемь на десять футов. В середине возвышался каменный постамент, на котором сидела мумия: ноги подтянуты к подбородку, руки охватили колени. Черные волосы заплетены на затылке в косички. Губы высохли и обнажили зубы, нижняя челюсть отвалилась, и изо рта выпал какой-то предмет. Том присмотрелся и понял, что это вырезанная из нефрита куколка бабочки. В руке мертвец держал украшенный письменами полированный деревянный цилиндр длиной около восемнадцати дюймов. Рядом находился скромный погребальный набор: терракотовые фигурки, разбитые горшки и испещренные рисунками каменные плитки.

Том опустился на колени и попытался понять, как действуют двери. В каменном полу имелся паз; по нему катались отполированные каменные колесики, на которые опиралась дверь. Несколько колесиков лежали в стороне. Том поднял одно и подал Филиппу. Брат повертел его в руке.

— Несложный механизм, — заметил он. — Надо откатить дверь в сторону, и все дела. Вопрос в том, как заставить ее сдвинуться с места.

Они исследовали пространство вокруг, но не нашли очевидного ответа. Бораби ждал их снаружи и тут же кинулся с расспросами:

— Что найти?

— Ничего, — ответил Филипп.

Последним из гробницы показался Вернон. Он нес полированный деревянный цилиндр, который сжимала в руке мумия.

— Бораби, что это такое?

— Ключ в загробный мир.

— Интересно, — улыбнулся американец. И возвратился к гробнице отца. — Взгляните: по размеру ключ точно соответствует вентиляционным отверстиям. — Он начал вставлять цилиндр поочередно во все дырочки и чуть не упустил внутрь. — Из каждой наружу выходит воздух. Чувствуете? — Вернон приставлял по очереди ладонь к отверстиям. — Есть, есть, есть. А вот здесь — нет. Из этого вентиляционного отверстия воздух не идет.

Он вставил в него цилиндр. Тот вошел в дырочку на четырнадцать дюймов, а четыре осталось снаружи. Вернон подобрал с земли гладкий, тяжелый камень и подал Филиппу.

— Прошу. Честь открытия принадлежит тебе. Стукни по концу.

Филипп принял камень.

— Почему ты считаешь, что это получится?

— Дикая догадка и не более.

Филипп взвесил на ладони камень, собрался и с силой ударил по выступающей части цилиндра. Что-то щелкнуло, дерево целиком ушло в отверстие, затем наступила тишина.

Ничего не произошло. Филипп поковырял пальцем срез цилиндра. Он надежно застрял в дырочке.

— Черт! — потерял терпение Филипп и кинулся с кулаками на дверь: — Открывайся, зараза!

Раздался скрежет, пол под ногами завибрировал, и каменная дверь начала сдвигаться в сторону. Появилась темная щель, которая по мере того как каменные блоки катились на роликах по пазам, стала расширяться. Послышался новый щелчок, и дверь замерла.

Вход в гробницу был свободен.

Братья вглядывались в разверзшийся перед ними черный прямоугольник. Солнце только что выглянуло из-за вершин и, хотя успело вызолотить камни, светило под слишком острым углом, поэтому его лучи не проникали во мрак пещеры. Братья замерли, страшась заговорить и позвать отца. Из образовавшегося отверстия потянуло тлетворным запахом разложения — духом смерти.

67

Марк Хаузер ждал, наслаждаясь приятными лучами утреннего солнца и лаская пальцем грубоватый спусковой крючок автомата «стейр». Он знал оружие не хуже собственного тела и без него чувствовал себя не в своей тарелке. Металлический ствол согрелся от постоянного прикосновения, а годами отполированный его ладонями пластиковый приклад был гладким, словно женское бедро.

Хаузер удобно устроился в выемке скалы у спускавшейся вниз тропы. Со своего наблюдательного поста он не видел Бродбентов, но знал, что они внизу и будут возвращаться тем же путем, каким пришли. Наивные люди поступили именно так, как он рассчитывал. Привели его к гробнице Макса. И не к одной, а к целому некрополю. Хаузер подумал, что наконец достиг своей цели. Но на это потребовалось слишком много времени.

Бродбенты сослужили службу. Теперь спешить было некуда. Солнце только что встало — пусть как следует расслабятся, успокоятся, почувствуют себя в безопасности. А он тем временем продумает операцию до конца. Служба во Вьетнаме научила его терпению.

Именно так вьетконговцы выиграли войну: у них оказалось больше терпения.

Хаузер обвел восхищенными глазами окрестности. Некрополь был огромен — тысячи захоронений и в каждом погребальные предметы. Вот оно — усыпанное спелыми плодами дерево, только срывай. Не говоря уже о бесценных древностях, обелисках, статуях, барельефах и других сокровищах Белого города. И сверх всего принадлежавшая Максу коллекция произведений искусства стоимостью полмиллиарда долларов. Он привезет кодекс и еще несколько небольших вещей, а на вырученные деньги вернется за всем остальным. Непременно вернется. На Белом городе можно заработать миллиарды. Миллиарды!

Хаузер нащупал в вещмешке пенал с сигарой и с сожалением оставил на месте. Не хватало только, чтобы Бродбенты почувствовали запах табака.

Приходилось идти на жертвы.

68

Четверо братьев словно приросли к земле и не сводили глаз с прямоугольного провала в темноту. Они не могли ни двинуться с места, ни заговорить. Бежали секунды, складывались в минуты, а из пещеры по-прежнему тянуло гнилостной затхлостью. Ни один не решался войти.

И вдруг из глубины раздалось покашливание, а затем шарканье ног.

Братья застыли, будто парализованные, и молча ждали.

Снова шарканье ног. И тут Том понял: отец жив! Он идет к ним из гробницы. Но, как и остальные, Том все еще был не в силах пошевелиться. Когда напряжение стало невыносимым, в черном прямоугольнике постепенно материализовалось лицо. Еще один шаркающий шаг — смутно проявилась фигура. Мгновение — и она обрела четкие очертания.

Человек был страшнее трупа. Он остановился перед ними и заморгал. Он был абсолютно гол, грязен и совершенно иссох, согнулся в три погибели, ничем не отличался от мертвеца и распространял вокруг себя дух смерти.

Максвелл Бродбент собственной персоной.

Секунды продолжали свой бег, а братья так и стояли, словно лишились дара речи.

Бродбент смотрел на них. У него сильно дергалось веко. Он зажмурился и снова открыл глаза. Они были пустыми — два провала в черных кратерах исхудавшего лица. Бродбент быстро переводил взгляд с одного сына на другого. А затем шумно вздохнул.

Том, сколько ни пытался, не мог ни двинуться, ни заговорить. А отец тем временем немного распрямился и опять обвел их взглядом, но на этот раз более осмысленным. Кашлянул, губы пошевелились, но он не проронил ни звука. Поднял трясущуюся руку и что-то прохрипел. Братья подались вперед, стараясь разобрать, что он хотел сказать.

Бродбент прокашлялся, издал нечленораздельный звук, сделал шаг вперед, вобрал в легкие воздух и наконец заговорил:

— Где, черт подери, вас так долго носило?

Слова прозвучали громом, отразились от каменных стен, и их эхо понеслось за пределы пещеры. Наваждение пропало: это в самом деле был их старый отец. Братья бросились вперед и обняли старика. Он, поворачиваясь к каждому по очереди, ответил жарким объятием, и его руки оказались на удивление крепкими.

Прошло несколько долгих минут, и Максвелл Бродбент отстранился. За это время он словно вернул свой прежний рост.

— Господи, — бормотал он, утирая лицо, — Боже мой, Боже мой...

Сыновья смотрели на него и не знали, что отвечать. А старик не переставал трести седой головой.

— Боже праведный! Как я рад, что вы появились. От меня, должно быть, воняет. Взгляните — я все-таки дерьмо! Гол, грязен, отвратителен.

— Ничего подобного, — возразил Филипп. — Вот возьми... — Он стянул с себя

рубашку и подал отцу.

— Спасибо, Филипп. — Максвелл надел рубашку и непослушными пальцами пытался застегнуть пуговицы. — Кто тебе стирает? Рубашка просто неприличная. — Он хотел рассмеяться, но только закашлялся.

Когда же Филипп собрался снять и брюки, Максвелл жестом остановил:

— У меня нет желания устраивать стриптиз, раздевая собственных сыновей.

— Отец... — попытался возразить Филипп.

— Меня похоронили голым. Я привык к такому состоянию. Бораби полез в мешок из пальмовых листьев и достал длинный разукрашенный отрезок ткани.

— Надень это.

— Совсем превращаюсь в местного? — Максвелл недоуменно покрутил ткань в руках. — А как его носить?

Бораби помог отцу обмотать ткань вокруг пояса и показал, как завязать пеньковым шнуром с узелками.

Старик молча стоял. Никто не знал, что сказать.

— Слава Богу, ты жив, — наконец проговорил Вернон.

— Поначалу я в этом сам сомневался, — ответил Бродбент. — Очнувшись, я подумай, что умер и оказался в аду.

— Да что ты?.. — хмыкнул Филипп. — Закоренелый атеист и вдруг поверил в ад?

— За последнее время очень многое изменилось, — улыбнулся Максвелл.

— Только не говори, что ты обрел Бога.

Старик тряхнул головой, положил руку Филиппу на плечо и любовно сжал:

— Я так рад тебя видеть, сын. — Он повернулся к Вернону: — И тебя тоже! — По очереди потрепал каждого по щеке. — Том... Бораби... Вам все-таки удалось. Вы меня нашли. Пища и вода были у меня на исходе. Я бы протянул еще день-два, но не более. Вы дали мне новый шанс. Я его не заслужил, но собираюсь воспользоваться. В гробнице я передумал очень о многом...

Максвелл обвел глазами окрашенную в алое россыпь вершин, развернул плечи и вдохнул полной грудью.

— Ты в порядке? — спросил Вернон.

— Если ты о раке, не сомневаюсь, он по-прежнему со мной, но пока не нанес удара. Пара месяцев у меня есть. Я вам не успел сказать: проходимец забрался ко мне в мозги. Но пока все нормально. Я чувствую себя превосходно. — Он обвел глазами горы. — Ну, давайте выбираться отсюда.

— К сожалению, это не так просто, — заметил Том.

— То есть?

Том посмотрел на братьев.

— У нас проблема. И имя этой проблемы — Хаузер.

— Хаузер? — изумился Максвелл.

Том кивнул и рассказал, какие каждому из них пришлось пережить приключения.

— Хаузер... — повторил старик и взглянул на Филиппа. — Ты связался с этим проходимцем?

— Извини... Я подумал...

— Ты подумал, он может знать, куда я отправился? Что ж, я сам виноват: не предусмотрел такую возможность. Хаузер — безжалостный садист. Однажды на моих глазах он чуть не убил девочку. Взять его в компаньоны было самой главной ошибкой моей жизни. — Бродбент опустил на камень и покачал косматой головой. — Невероятно, насколько вы рисковали. Какую же я совершил оплошность! Последнюю из многих!

— Ты наш отец, — сказал Бораби.

— Тоже мне отец, — фыркнул Максвелл. — Подверг вас такому глупому испытанию. А совсем недавно эта идея казалась мне отличной. Каким же я был идиотом!

— Но мы тоже не оправдали твоих надежд: не стали тремя папочкиными сыночками,

каких ты хотел видеть, — заметил Филипп.

— Четырьмя, — поправил его Бораби.

— Четырьмя. Или есть еще? — усмехнулся Верном.

— Насколько мне известно, нет, — покачал головой Максвелл. — Четырех хороших сыновей вполне довольно. Если бы я вовремя понял, какие вы хорошие... — Он поднял глаза на Вернона. — Вот только мне не нравится твоя борода. Когда ты ее наконец сбреешь? Ты с ней похож на муллу.

— Ты сейчас тоже не слишком чисто выбрит, — парировал Верном.

— Извини. — Максвелл махнул рукой и рассмеялся. — Со старыми привычками тяжело расставаться. Можешь растить свою бороду дальше.

Наступило неловкое молчание. Солнце еще выше поднялось над горами и заливало округу уже не золотистым, а белым светом. Пролетела, дружно взмывая, ныряя к земле и бросаясь из стороны в сторону, стайка галдящих птиц. Том посмотрел на Бораби:

— Нам надо продумать план отступления.

— Я уже думать, брат. Будем ждать, пока темно. — Индеец посмотрел на небо. — Вечером пойдет дождь. Он нас укроет.

— А как насчет Хаузера? — поинтересовался Максвелл.

— Он ищет гробницу в Белом городе и пока не додумался добраться до скал. Он не знает, что мы здесь.

Бродбент обвел глазами сыновей.

— Вы, случайно, не принесли ничего поесть? А то после той чепухи, которую мне оставили в гробнице, не очень-то побегаешь.

Бораби развязал мешок и начал выкладывать еду. Бродбент сделал шаг и покачнулся.

— Господи, свежие фрукты! — Он впился зубами в манго. Сок брызнул изо рта и потек на рубашку. — Рай, да и только.

Старик покончил с одним манго и взялся за второе. Заел папайей и филе копченой ящерицы.

— Бораби, ты вполне можешь открывать ресторан.

Том наблюдал, как отец ест. Он никак не мог поверить, что старик жив. В этом было нечто нереальное. Изменилось все и ничего.

Бродбент закончил трапезу, прислонился спиной к каменной стене и обвел глазами горы.

— Отец, — попросил Филипп, — если ты не против, расскажи, что произошло с тобой в гробнице.

— Расскажу, — согласился старик. — Мы устроили большое празднество. Не сомневаюсь, Бораби вам говорил. Я выпил смертельное снадобье Каха. А следующее, что я помню — как проснулся в кромешной тьме. Будучи добросовестным атеистом, я никогда не сомневался, что смерть обрывает сознание. Таково было мое убеждение. Но теперь находился в сознании, однако не сомневался, что умер. Никогда в жизни я так не пугался. Я метался по гробнице, и тут мне пришло в голову: я не только умер, но попал в ад!!!

— Не может быть, — удивился Филипп.

— Ей-ей, — покачал головой Максвелл. — Ты не представляешь, какой я испытал ужас. Я стenal и завывал, как погибшая душа. Призывал Господа. Молился, каялся и обещал, что исправлюсь, если получу шанс. Ощущал себя совсем как содомит на картине Микеланджело «Страшный суд», который умоляет о прощении, а демоны в это время увлекают его в огненное озеро.

А когда от воя и жалости к себе потерял последние силы, ко мне стали возвращаться крохи здравомыслия. Я облазил на четвереньках всю темницу, и до меня стало доходить, что я все-таки не умер, что нахожусь в гробнице и что Ках похоронил меня заживо. Он так и не простил мне нанесенную отцу обиду. Я должен был это предвидеть. Ках всегда мне казался хитроушей старой лисой. А когда я нашел рядом с собой еду и воду, понял, что испытание предстоит долгое. Хотел устроить вам веселое приключение, но повернулось так, что моя

жизнь зависела теперь от вашего успеха.

— Веселое приключение? — недоверчиво переспросил Филипп.

— Намеревался подвигнуть вас совершить нечто важное. Не понимал, что каждый из вас и без того занимается важным делом — живет, как ему угодно. Кто я такой, чтобы судить? — Бродбент помолчал, кашлянул и покачал головой. — Я был заключен в гробницу с тем, что считал сокровищем, итогом всей своей жизни. А оказалось, что моя коллекция — барахло, от которого нет никакого толка. Мое достояние внезапно потеряло всякий смысл. В темноте я даже не имел возможности смотреть на картины. Погребение заживо потрясло меня до глубины души. Я оглянулся на прошлую жизнь и остался недоволен собой. Понял, что был плохим отцом, плохим мужем, алчным, самовлюбленным человеком. И вскоре открыл, что молюсь.

— Никогда не поверю! — воскликнул Филипп.

— Но так оно и было, — возразил ему Бродбент. — А что еще мне оставалось делать? И вот я услышал голоса, стук, скрежет. В гробницу пролился свет, и явились вы. Мои молитвы были услышаны.

— Хочешь сказать, что обрел веру? — спросил Филипп. — Стал верующим?

— Попал в самую точку. — Максвелл замолчал и стал смотреть на бесконечные горы и джунгли. Наконец пошевелился и кашлянул. — Забавно, но у меня такое ощущение, словно я умер и заново воскрес.

69

Из своего укрытия Хаузер слышал приглушенный шум голосов, которые доносил к нему ветер. Слов он не разбирал, но догадывался, что происходило внизу: братья наконец дорвались и чистили гробницу отца. И в данный момент прикидывали, что из небольших вещей взять в первую очередь. В их число непременно входил кодекс. Женщина, что была с ними, эта самая Колорадо, знала ему цену.

Мысленно Хаузер пробежал по списку остальных сокровищ. Большинство вещей из коллекции Максвелла Бродбента было вполне транспортабельно, включая наиболее ценные предметы. Драгоценные резные камни, артефакты инков и ацтеков, греческие монеты — все это отличалось небольшими размерами. Очень дорогими считались две бронзовые этрусские фигурки, каждая высотой десять дюймов и весом не больше двадцати фунтов. Все это мог унести на спине один человек, а денег за это получить от десяти до двадцати миллионов.

Они смогут также взять с собой Липпи и Моне. Эти две картины были относительно небольшими: Липпи — двадцать восемь на восемнадцать дюймов, Моне — тридцать шесть на двадцать шесть. Обе без рам. Написаны на покрытых гипсом досках и весили соответственно десять и восемь фунтов. А вместе с ящиками — не больше тридцати фунтов каждая. Ящики можно связать, прикрутить к раме рюкзака и нести на спине. А потом выручить сто миллионов за каждую картину.

Разумеется, в коллекции было много такого, чего на себе не унесешь. Например, Понтормо, который стоил что-то около тридцати или сорока миллионов. Или портрет кисти Бронзино. Обелиски майя и бронза Содерини. А вот два Брака были вполне подъемными. Меньший был ранней работой направления кубизма, и за него ничего не стоило отхватить миллионов пять. Бронзовая фигура мальчика в половину натуральной величины периода поздней Римской империи весила сотню фунтов — такую, пожалуй, на себе не потащишь. Тяжеловатыми казались каменные статуи из камбоджийских храмов, парочка раннекитайских бронзовых урн и инкрустированные бирюзой дощечки майя. У Макса был хороший вкус — он гонялся за качеством, а не за количеством. За долгие годы через его руки прошло очень много произведений искусства — себе он оставил только самые лучшие.

Да, думал Хаузер, если бы не он, те четверо, что сейчас копошились внизу, могли бы вынести на себе вещей миллионов на двести. А это почти половина стоимости всей коллекции.

Хаузер вытянул затекшие ноги. Яркое солнце стояло высоко над горизонтом и сильно припекало. Он посмотрел на часы. Без пяти десять. Он решил сниматься в десять часов. Время в этом деле не имело особого значения, но сознание дисциплины доставляло удовольствие. Это была скорее жизненная философия, чем что-либо другое. Хаузер потянулся, размял руки и сделал несколько глубоких вдохов. Быстро проверил автомат, который, как обычно, находился в отличном рабочем состоянии. Провел ладонью по волосам, посмотрел, нет ли заусениц и грязи под ногтями. Вокруг одного образовался темный ободок. Хаузер избавился от грязи с помощью зубочистки, а ее саму немедленно выбросил. Затем взглянул на тыльную сторону рук — лишь в одном месте немного вздулись вены. Руки тридцатилетнего, а не шестидесятилетнего мужчины. Солнце блеснуло на массивном золотом кольце с бриллиантом. Хаузер пять раз покрутил кистями, расправил складки на брюках цвета хаки, сделал несколько движений лодыжками, размял шею, раскрыл ладони и опять глубоко вдохнул. Вдох-выдох. Он бросил взгляд на хрустящую белую рубашку. Операция показалась бы ему неудавшейся, если бы он заляпал рубашку грязью. Это серьезное испытание — сохранить в джунглях одежду в чистоте.

Хаузер забросил автомат за плечо и направился вниз по тропе.

70

Четверо братьев и их отец отдыхали в тени на каменном уступе рядом с входом в гробницу. Они съели большую часть принесенной еды, и теперь Том пустил по кругу флягу с водой. Он так много хотел сказать отцу. И братья, разумеется, испытывали то же самое. Однако после первой вспышки разговоров все почему-то замолчали. Фляга описала круг — каждый шумно утолил жажду — и возвратилась к Тому. Он завинтил крышку и опустил ее в свой маленький рюкзак. Наконец заговорил старший Бродбент:

— Значит, Марк Хаузер охотится за моей коллекцией? — Он покачал головой. — Ну что за мир!

— Прости, — вновь извинился Филипп.

— Тебе не следует извиняться. Вина целиком на мне. Виноват только я один.

Это что-то новенькое, подумал Том. Максвелл Бродбент признает, что не прав. Он по-прежнему казался все тем же неприветливым и резким стариком, однако что-то в нем изменилось. Определенно изменилось.

— Теперь я желаю только одного: чтобы четверо моих сыновей выбрались отсюда живыми. Не желаю быть вам обузой. Оставьте меня здесь, я сам о себе позабочусь. Встречу этого Хаузера так, что он надолго запомнит.

— Что?! — воскликнул Филипп. — Это после всего, что мы испытали, чтобы тебя спасти? — Он в самом деле вышел из себя.

— Ничего особенного: через месяц-другой я так или иначе умру. Вы бегите, а я разберусь с Хаузером.

Том сердито поднялся:

— Мы не для того проделали весь этот путь, чтобы оставить тебя на милость Хаузеру.

— Из-за меня не стоит рисковать жизнью.

— Мы без тебя не ходить! — отрезал Бораби. — С востока поднимается ветер. Вечером будет гроза. Мы идти через мост, пока гроза.

Максвелл вздохнул и вытер лицо. Филипп смущенно кашлянул.

— Отец...

— Да, сын?

— Сознаю, что вопрос не совсем уместен, но что ты собираешься делать с тем, что находится в твоей гробнице?

Том немедленно вспомнил о фармакопее. Вот ее следовало спасти. И не только ради себя — ради Сэлли и всего мира. Старший Бродбент на мгновение потупился.

— Об этом я еще не думал. Коллекция потеряла для меня всякий смысл. Но я рад,

Филипп, что ты об этом заговорил. Полагаю, нам следует взять Липпи и кое-что еще, что легко унести. По крайней мере вырвем хотя бы несколько вещей из лап этого отпетого негодяя. Меня убивает мысль, что он получит все остальное, но полагаю, с этим ничего не поделать.

— Выберемся и заявим в ФБР, Интерпол...

— Хаузера не прижать, ты это прекрасно знаешь. Но вот что я вспомнил: с ящиками в пещере творилось нечто странное; это меня удивляло. Очень не хочется туда возвращаться, но мне надо проверить.

Филипп вскочил на ноги.

— Отец, я тебе помогу.

— Нет, я должен войти один. Бораби, сооруди мне свет. Индеец зажег пучок тростника и подал отцу.

Старик скрылся в черном проеме. Том видел, как светлый ореол двигается между клетями и ящиками. Голос Максвелла Бродбента гулко отдавался под сводами пещеры:

— Не понимаю, почему это идиотское барахло было так близко моему сердцу.

Светлое пятно углубилось в темноту, а затем и вовсе растворилось в сумраке гробницы. Филипп поднялся и, чтобы немного размяться, сделал небольшой круг.

— Противно подумать, что Липпи может оказаться в руках Хаузера.

И в ту же секунду до них донесся холодный насмешливый голос:

— Кто тут поминает мое имя?

71

Хаузер говорил мягко и успокаивающе, но при этом держал оружие на изготовку, готовый при малейшем движении пустить его в ход. Трое братьев и индеец сидели рядом с открытой дверью в гробницу и с нескрываемым ужасом в глазах повернули к нему головы.

— Прошу вас, не трудитесь — не вставайте. И вообще не двигайтесь. Можете только моргать. Филипп, рад видеть, что ты поправился. Ты сильно изменился — уже не тот ничемный хлыщ с идиотской трубкой, который два месяца назад явился ко мне в кабинет.

Хаузер сделал шаг вперед, собранный, готовый при малейшем движении скосить их всех.

— Как любезно, что вы показали мне путь в гробницу. И даже открыли дверь. Вы очень внимательны. А теперь послушайте меня: если вы будете выполнять все мои указания, никто не пострадает.

Хаузер помолчал и обвел взглядом лица четырех сидящих перед ним мужчин. Никто не ударился в панику, однако ни один не разыгрывал из себя героя. Рассудительные люди. Он заговорил как можно спокойнее и убедительнее:

— Кто-нибудь переведите индейцу, чтобы он положил лук и стрелы. Только медленно и спокойно, никаких резких движений.

Бораби снял колчан и вместе с луком положил перед собой.

— Ах вот как, индеец понимает по-английски. Отлично! А теперь, друзья мои, попрошу вас по очереди освободиться от мачете. Ты первый, Филипп. Не вставай.

Филипп отцепил от пояса тесак и положил рядом с луком Бораби.

— Вернон.

Следом за братом мачете отдали Вернон и Том.

— Теперь, Филипп, я хочу, чтобы ты пошел туда, где лежат ваши вещи, и принес их мне. Спокойно! — Хаузер повел стволом автомата.

Филипп принес рюкзаки и положил их у его ног.

— Замечательно. Теперь выверните карманы. Все содержимое бросьте на землю перед собой.

Братья повиновались. Хаузера удивило, что они ничего не взяли из гробницы.

— Вставайте. Все разом, одновременно и очень медленно. Хорошо! Держитесь

группой. Идите назад мелкими шажками от колена и все в ногу.

Бродбенты нелепо пятились, а Хаузер наступал на них. Братья сгрудились в кучу. Люди в опасности сбиваются в стадо — особенно если это родные, которых взяли на мушку. Хаузеру приходилось наблюдать такое и раньше, и это сильно упрощало его задачу.

— Прекрасно, — мягко увещевал он. — Я никому не хочу причинить вреда. Мне нужны только вещи из могилы Макса. Я профессионал и, как все профессионалы, терпеть не могу убивать.

Его палец ласкал пластиковый изгиб спусковой скобы, он перевел оружие на автоматический огонь и дотронулся до курка. Цель перед ним. Ему никто не в силах помешать. Можно считать, что эти люди уже мертвы.

— Никто не пострадает. — Он не удержался и добавил: — Никто ничего не почувствует! — И надавил на курок. Спуск знакомо сопротивлялся долю секунды, затем поддался назад. Но в этот момент Хаузер боковым зрением заметил пламя и россыпь искр и упал, поливая очередью скалу. Пули рикошетили от камня, а он за секунду до того, как грохнуться на твердые камни, со страхом увидел, что на него напало какое-то существо.

Это существо выскочило из могилы. Полуголое, с бледным, словно у вампира, лицом, с ввалившимися глазами, с посеревшими, худыми, как у скелета, руками и ногами. Оно смердело, как труп, вопило полным коричневыми зубов ртом и тыкало в него головней.

Не иначе призрак самого Максвелла Бродбента!

72

Ударившись о камни, Хаузер, не выпуская из рук автомата, перекатился на бок, стараясь занять позицию для огня. Но опоздал: рычащее привидение рухнуло на него, било и возило по лицу пылающей головней. Сыпались искры, запахло палеными волосами. Хаузер сжимал в одной руке оружие, а другой пытался отбиться от ударов. Попробуй выстрели, когда тебе норовят выжечь глаза! Но он все-таки умудрился извернуться и пустил очередь наугад. Дико размахивал дергающимся стволом, стараясь угодить в это нечто, но призрак словно растаял.

Хаузер прекратил стрелять и осторожно сел. Его лицо и правый глаз горели как в огне. Он выхватил из вещмешка флягу и плеснул налицо.

Господи, как больно!

Он смахнул с лица воду. Головня опалила щеку, горячие угольки и искры попали в нос, в волосы, в глаза. Что же это было такое — неужели в самом деле призрак? Превозмогая боль, он приоткрыл правый глаз и ощупал пальцем. Пострадали главным образом бровь и веко. Роговица осталась целой, и он не потерял зрение. Хаузер намочил водой платок, выжал и промокнул лицо.

Что же, черт возьми, все-таки произошло? Постоянно ждущий подвоха Хаузер был потрясен, как никогда в жизни. Он узнал лицо — даже спустя сорок лет помнил каждую черточку, выражение, мимику. Не оставалось сомнений: это был Максвелл Бродбент собственной персоной. Вылез из могилы леденящим душу предвестником смерти, хотя предполагалось, что он умер и похоронен. Белый, словно лист бумаги, со всклокоченными волосами и бородой, тощий, костлявый, одичавший.

Хаузер разразился проклятиями. Какого черта он медлит? Бродбент жив и в этот самый миг улепetyвает от него. Внезапно разозлившись, он тряхнул головой, пытаясь привести в порядок мысли. Что с ним происходит? Сначала позволил застать себя врасплох, а теперь сидит сложа руки и подарил противнику по крайней мере три минуты форы.

Хаузер забросил автомат за плечо, сделал шаг вперед и замер. Он заметил на земле кровь — симпатичное алое пятнышко размером в полдоллара. Чуть дальше — обильная лужица. К нему вернулось спокойствие. Так называемый призрак Максвелла Бродбента истекал настоящей кровью. Он его все-таки зацепил. Может быть, и других тоже. А ранение из «стейра» даже по касательной — дело не шуточное. Хаузер задержался, изучая кровавые

брызги и прикидывая траекторию пули, и заключил, что рана серьезная. Преимущество снова на его стороне.

Он окинул взглядом лестницу и побежал, перепрыгивая через две ступени.

Он обнаружит их след, пойдет по нему и убьет их всех.

73

Они бежали по высеченной в камне лестнице, а эхо выстрелов все еще отражалось от дальних хребтов. Оказавшись на верхней тропе, они бросились к скрывавшей развалины Белого города зеленой стене лиан и ползучих растений. И только когда достигли спасительной тени, Том заметил, что отец спотыкается. По его ноге бежали струйки крови.

— Стойте! Отец ранен!

— Ничего страшного, — процедил сквозь зубы старик. Запнулся и застонал.

Беглецы на секунду остановились у подножия стены.

— Оставьте меня, — прохрипел Максвелл.

Не обращая внимания на его слова, Том осмотрел рану, смахнул кровь и нашел входное и выходное отверстия пули. Она вошла под острым углом в правую нижнюю часть живота, пробила брюшину и вышла из спины, скорее всего не задев почки. Пока невозможно было судить, насколько повреждена брюшная полость. Том отбросил мрачные прогнозы и принялся пальпировать рану. Отец издал стон. Он потерял достаточно много крови. Но по крайней мере артерия и крупные вены остались целы.

— Надо спешить! — крикнул Бораби.

Том снял рубашку, рывком оторвал полоску ткани, затем другую. И, чтобы унять кровотечение, перетянул отцу диафрагму.

— Обними меня за плечи, — сказал он.

— Я поддержу с другой стороны, — предложил Вернон.

Том почувствовал, какая худая, но твердая, словно стальной трос, рука у отца. Он чуть наклонился вперед, чтобы принять его вес, и ощутил, как по ноге сочится теплая отцовская кровь.

— Уф! — выдохнул Максвелл и пошатнулся.

Они шли вдоль стены и искали проход. Наконец Бораби нырнул в завесу лиан. Беглецы миновали внутренний двор, оставили позади еще одну дверь и разрушенную галерею. С помощью Тома и Вернона старший Бродбент передвигался достаточно быстро, но хрипел и постанывал от боли.

Бораби устремился в самую заросшую часть заброшенного города. Они бежали по темным галереям и полуразвалившимся подземным камерам и замечали, что сквозь потолки проросли толстые корни. Том вспоминал о кодексе и обо всем остальном, что пришлось оставить в гробнице.

Отцу они помогали по очереди. Отряд возглавлял Бораби. И, пытаясь сбить преследователя с толка, спустился в сумрачные тоннели, то и дело круто поворачивая направо. Они вышли наружу среди огромных деревьев. Место с двух сторон было огорожено толстыми каменными стенами. Сюда почти не проникал солнечный свет, и у земли стоял полумрак. Стелы с вырезанными письменами майя охраняли лес, как часовые. Том слышал тяжелое дыхание и ругань отца.

— Извини, если делаем больно.

— Не обращайтесь на меня внимания.

Беглецы не останавливались двадцать минут и попали в настоящую чащу. Ползучие и цепляющиеся лианы совершенно оплели деревья, сделав их похожими на привидения в зеленых саванах. Но и этого растениям показалось мало: добравшись до вершин задущенных гигантов, они искали новую жертву и, словно растрепанные волосы, беспорядочно торчали ввысь. Отовсюду свисали огромные цветы, непрерывно капала вода. Бораби остановился и огляделся.

— Сюда! — Он показал в самую гущу.

— Куда? — Том уставился на непроходимую зеленую завесу.

Индеец упал на колени и пополз в едва приметный проход. Остальные последовали за ним. Максвелл кричал от боли. Том увидел, что в чаще во всех направлениях разбегаются проделанные зверьем тоннели. Но люди едва смогли протиснуться в сырые, зловонные лазы. Беглецам казалось, что они провели в них целую вечность, а на самом деле не больше двадцати минут, пока переползали из одного прохода в другой, и наконец очутились в закрытой со всех сторон прогалине, которая образовалась под нависшими ветвями задущенного лианами дерева.

— Остановимся здесь, — проговорил Бораби. — Переждем до ночи.

Бродбент привалился спиной к стволу и замычал от боли. Том опустился рядом с отцом на колени и снял пропитанные кровью бинты. Рана ему не понравилась. Бораби присел рядом и тоже осмотрел Максвелла. Затем достал несколько листьев, которые успел сорвать во время бегства, растер между ладонями и приготовил компресс.

— Это от чего? — шепотом спросил Том.

— Помогать остановить кровь и делать меньше боль. Они наложили компрессы на входное и выходное отверстия.

Вернон предложил свою рубашку, и Том, разорвав ее на полосы, зафиксировал компрессы на теле.

— Уф! — крикнул Максвелл.

— Извини, отец, — повторил Том.

— Перестань просить прощения. И вы все тоже. Дайте мне стонать вволю и не выслушивать ваших извинений.

— Отец, ты спас нам жизнь, — сказал Филипп.

— Но сначала подверг ее опасности.

— Мы были бы уже на том свете, если бы ты не прыгнул на Хаузера.

— Дурные привычки юности, — поморщился старик. Бораби присел на корточки и обвел всех взглядом.

— Я уходить. Вернуться через полчаса. Если нет, вы дождетесь, когда начнется дождь, и пойдете через мост без меня. О'кей?

— Ты куда? — спросил Вернон.

— За Хаузером.

Он вскочил и исчез.

Том колебался. Если возвращаться за кодексом, то теперь или никогда.

— Мне тоже надо кое-что сделать, — сказал он. Филипп и Вернон, не веря собственным ушам, посмотрели на брата.

— Что?

Том покачал головой. У него не было ни слов, ни времени, чтобы объяснить свое решение. А возможно, такой поступок вообще не имел оправдания.

— Не ждите меня. Встретимся у моста, когда налетит гроза.

— Том, ты что, свихнулся? — рявкнул на него отец.

Он не ответил. Повернулся и скользнул в джунгли.

Через двадцать минут он выполз из чащи. Поднялся и постоял, пытаясь сориентироваться. Некрополь располагался от гробницы на восток. Это все, что он знал. Поскольку они находились довольно близко к экватору, солнце даже поздним утром держалось на востоке. Это давало общее направление. Том не хотел думать о только что принятом решении: правильно или неправильно было оставить братьев и отца. И насколько это опасно, безумно или бессмысленно. Он знал одно: ему во что бы то ни стало надо было добыть кодекс.

Хаузер читал землю перед собой, как книгу: вдавленное в грязь семечко, примятая травинка, сбитая с листьев роса. Он научился во Вьетнаме идти по следу и теперь безошибочно знал, куда направились Бродбенты, словно те разбрасывали за собой шарики из хлебного мякиша. Хаузер научился разбирать следы во Вьетнаме и теперь привел в готовность «стейр» и гнался за братьями быстро и уверенно. Он чувствовал себя намного лучше: хотя не совсем успокоился, но напряжение заметно спало. Его всегда привлекала охота. А разве что-нибудь может сравниться с охотой на человеческое существо? Самая опасная на свете игра.

Его никчемные солдаты продолжали копошиться и взрывать в другой части города. Пусть себе. Их надо чем-то занять. Выслеживание и уничтожение Бродбента и его сыновей — задача для скрытно пробирающегося сквозь джунгли одинокого охотника, а не для шумной ватаги неумелых вояк. У Хаузера было преимущество: он знал, что его противник безоружен и ему так или иначе придется переходить через мост. Хаузер не сомневался, что перехватит Бродбентов, — дело только во времени.

А когда расправится с ними, займется гробницей в свое удовольствие: возьмет из нее кодекс и мелкие предметы, а остальное оставит до лучших времен. Дожав Скибу, Хаузер не сомневался, что выколотит из него миллионов пятьдесят, а может быть, и больше. Свою базу он устроит на территории Швейцарии. Так поступал Бродбент — «отмывал» в Швейцарии сомнительные древности, а потом утверждал, что они из «старых швейцарских коллекций». Его коллекцию открыто не продать: слишком знаменитая и многим известно, кому принадлежали входящие в нее шедевры. Но можно расписать потихоньку. Арабские шейхи, японские промышленники и американские миллиардеры любят красивые вещи и не слишком интересуются, откуда они взялись.

Хаузер отбросил приятные мысли и сосредоточился на погоне. Вот опять сбита с листьев роса, на земле пятнышко крови. Он вошел в галерею и включил фонарь. С камня содран мох, на мягкой почве отпечаток подошвы. Только идиот не сумел бы идти по такому следу.

Хаузер быстро разбирал оставленные на пути знаки и, как говорится, наседали на пятки. В лесу он увидел примятые подгнившие листья — здесь они бежали сломя голову.

Что-то уж все слишком очевидно. Хаузер замер и прислушался. Затем наклонился и присмотрелся к земле. Любительство. Вьетконговцы посмеялись бы над такой уловкой. Согнутое деревце, спрятанная под листьями свитая из виноградной ветви петля. Едва приметная проволочная тяга. Хаузер осторожно отступил назад, подобрал лежавшую неподалеку палку и приподнял ею петлю.

Последовал рывок, деревце разогнулось, петля резко дернулась. В следующую секунду Хаузер почувствовал дуновение ветерка, и что-то рвануло его штанину. Он опустил глаза: в складке брюк застрял маленький дротик, с заостренного на огне конца стекала капелька темной жидкости.

Маленькая стрелка промахнулась всего на дюйм.

Несколько минут Хаузер не двигался с места: осмотрел каждый фут местности, каждый ствол и каждую ветвь. Убедившись, что других ловушек не было, он нагнулся, собираясь вытащить дротик из штанины, но удержался — и вовремя. Древко по бокам имело едва заметные шипы, которые были тоже пропитаны ядом и непременно впились бы ему в пальцы.

Хаузер взял тростинку и с ее помощью извлек дротик из брюк.

Недурно. Три ловушки в одной. Очень эффективно. Не было сомнений, что это работа индейца.

Хаузер двинулся вперед, но теперь гораздо медленнее. Он невольно начал испытывать уважение к противнику.

Том открыто бежал по лесу, считая, что в сложившейся ситуации скорость важнее скрытности. Он сделал большой крюк, чтобы держаться дальше от их прежнего следа и не натолкнуться на Хаузера. Тропа шла среди увитых зеленью разрушенных храмов. У Тома не было фонаря, и временами ему приходилось двигаться на ощупь — то ныряя в темные коридоры, то проползая под упавшими камнями.

Вскоре он был на восточной части плато. И остановился. Перевел дыхание, затем забрался на скалу, стараясь определить, где находится. Он решил, что некрополь должен лежать от него на юге, поэтому и дальше пошел по тропе, которая огибала уступы. Через десять минут показались стены города мертвых. Том отыскал тайный путь и начал спускаться, прислушиваясь при каждом шаге, не там ли еще Хаузер. Но их мучитель давно исчез. И вскоре Том стоял перед входом в гробницу отца.

Их рюкзаки все так же лежали кучей, где они их бросили. Том взял мачете и прицепил к поясу. Порылся в вещмешках, нашел несколько пучков тростника и спички. Зажег факел и вошел в пещеру. На него пахло болезнетворным тленом. Стараясь дышать носом, он продвигался все глубже. По спине побежали мурашки, когда он вспомнил, что отец, замурованный в полной темноте, провел здесь целый месяц. Трепещущий огонь осветил возвышавшуюся над полом погребальную плиту. На ней были вырезаны черепа, чудовища и другие устрашающие сюжеты. А вокруг стояли ящики и коробки, перетянутые лентами из нержавеющей стали и скрученные болтами. Не похоже на усыпальницу Тутанхамона. Больше смахивает на бордель.

Преодолевая отвращение, Том подошел ближе. За коробками и ящиками отец организовал себе неказистое жизненное пространство — надрал сухой соломы, смешал с пылью и устроил постель. Вдоль дальней стены стояли глиняные горшки, в которых, судя по всему, ему оставили воду и еду. Теперь из них несло тухлятиной. Из одного горшка высунула голову крыса и, испугавшись света, быстро убежала. К горлу подкатила тошнота, но Том не удержался и заглянул в горшок. На дне остались крохи жареных бананов, по которым ползали отвратительные черные жирные тараканы. Завидев свет, они в панике зашуршали лапами и стали биться о стенки. В сосуде с водой плавали дохлые мыши и крысы. У стены валялась целая груда убитых грызунов. Том решил, что отец, отстаивая право на еду, каждый день сражался с соперниками. В глубине пещеры горели крысиные глаза — животное дожидалось, когда он уйдет.

Что пришлось пережить отцу, когда он в кромешной темноте ждал появления сыновей, которые могли и не прийти? Страшно себе представить! Том подумал, что такого Максвелла Бродбента он раньше не знал.

Он вытер лицо. Следовало быстрее найти кодекс и выбираться из пещеры.

На всех коробках и ящиках имелись наклейки, поэтому потребовалось всего несколько минут, чтобы обнаружить нужную упаковку.

Том вытащил тяжелый ящик на свет и глотнул свежего воздуха. В ящике были книги, и весил он не меньше восьмидесяти фунтов. Том осмотрел полудюймовые винты и гайки-барашки, которые стягивали металлические ленты. Ленты не давали разойтись обитым фибростеклом деревянным стенкам. Гайки завернули от души. И теперь, чтобы их отвинтить, потребовался бы разводной ключ.

Том нашел тяжелый камень и стукнул по гайке-барашку. Она подалась. Пришлось повторить это несколько раз, пока он не освободил все болты и не снял ленты. Два-три сильных удара, и треснула крышка из фибростекла. Внутри лежали тщательно завернутые в пергаментную бумагу бесценные книги. Их было около полудюжины: Библия Гутенберга, иллюстрированные рукописи, часослов. Том отложил все в сторону, взял только фармакопею в переплете из оленьей кожи.

Несколько мгновений он смотрел на нее, ясно вспомнив, как она хранилась в стеклянном футляре в гостиной. Отец каждый месяц открывал футляр и переворачивал страницу. Книга изобиловала маленькими симпатичными рисунками растений, цветов и насекомых в окружении надписей на языке майя: точек, жирных линий и улыбающихся

физиономий. Тогда Том не отдавал себе отчета, что это не что иное, как своеобразная письменность.

Он освободил один из оставленных ими рюкзаков, сунул в него кодекс и, забросив рюкзак за плечи, отправился в обратный путь. Том решил идти на юго-запад и постоянно быть начеку, чтобы не проворонить появление Хаузера.

Вскоре он попал в разрушенный город.

76

Хаузер шел по тропе гораздо осторожнее, чем раньше. Все его чувства были обострены. Этот индеец способен соорудить подобную ловушку минут за пятнадцать. Удивительно. Он где-то впереди и, без сомнений, готовит ему новый сюрприз. Хаузер не понимал, откуда у местного проводника такая преданность братьям Бродбентам. Он не привык недооценивать способность аборигенов запутывать следы, строить ловушки и убивать. Вьетконговцы научили его уважать противника. И теперь он принимал все меры предосторожности: шел не посередине тропы, а сбоку, каждые несколько минут останавливался, изучал землю и подлесок и даже принохивался — не пахнет ли человеком? Теперь никакой индеец с отравленным дротиком не застанет его врасплох.

Хаузер понял, что Бродбенты направлялись к центру плато, где джунгли были гуще всего. Решили отсидеться в чаще до темноты. Ничего не выйдет: он научился ходить по любому следу. Тем более по следу удирающих в панике людей, один из которых ранен и истекает кровью. Он и его люди успели основательно изучить плато.

Вскоре он вошел в лес, где деревья были опутаны ползучими лианами. На первый взгляд местность была совершенно непроходимой. Хаузер осторожно подошел к зарослям и заглянул под них. Там во все стороны разбегались звериные тропы, проложенные в основном носухами. На каждом листе и цветке набухали крупные капли и падали вниз от малейшего сотрясения. Ни один человек не способен пройти по такому минному полю, не оставив свидетельства своего присутствия — обязательно стряхнет росу с листьев. Хаузер ясно видел, куда повернули беглецы. И шел за ними по следу, хотя они надеялись, что этот след терялся в густой растительности.

Хаузер внимательно вглядывался в землю. Вот отпечаток двух человеческих коленей. Интересно. Беглецы по звериным лапам решили забраться в самое сердце царства ползучих растений. Он присел на корточки и посмотрел в зеленую тьму. Потянул воздух носом. Пощупал землю. В который из тоннелей они нырнули? В трех футах он заметил сломанный грибок — совсем крохотный, не больше десятицентовика. Дальше — оборванный лист. Решили отсидеться в чаще. А индеец расставил ему по дороге ловушки. Хаузер поднялся и окинул взглядом заросли. Сидит где-нибудь на ветке с отравленным дротиком наготове и ждет, когда он поползет под ним.

Значит, надо заманить в ловушку того, кто расставлял ловушки ему.

Хаузер на мгновение задумался. Этот индеец — сообразительный малый. Он догадается, что преследователь будет ждать западни на тропе. Следовательно, индейца там не будет. Он посчитает, что Хаузер задумает обойти лес с другой стороны. И будет ждать его там — в непроходимых зеленых зарослях.

Хаузер двинулся в обход колонии ползучих лиан. Он шел легко и неслышно — не хуже любого аборигена. Если его предположение верно, противник устроился где-нибудь на высоте и будет ждать, когда он пойдет под ним. Но он первый прикончит индейца, который, кстати, в гораздо большей опасности, чем тот, на кого он охотится. А затем подкараулит остальных у моста, где их будет совсем несложно поймать и убить.

Совершая свой маневр, Хаузер поминутно останавливался и внимательно изучал средний уровень джунглей. Если индеец действует так, как он предполагал, он должен быть где-то справа от него. Хаузер двигался с большой осторожностью. Времени на это уходило немало, но время было на его стороне: до темноты оставалось не меньше семи часов.

Он сделал еще несколько шагов вперед и осмотрелся. Что-то определенно было на дереве. Хаузер остановился и внимательно взглянул в ту сторону. Справа, в пятидесяти ярдах, на ветке алел уголок индейской рубашки. И он ясно рассмотрел кончик направленной вниз духовой трубки для метания дротиков. Индеец терпеливо ждал, чтобы пригвоздить его стрелой.

Хаузер отступил в сторону, пока ему не открылся большой кусок рубашки и он не представил всю цель целиком. Он поднял автомат, тщательно навел и выстрелил одиночным.

Ничего не произошло. Хотя он не сомневался, что попал. Его охватила внезапная паника: неужели еще одна ловушка? Хаузер резко отклонился в сторону, и в этот момент на него, словно кот, прыгнул индеец. В руке он держал заостренную палку. Хаузер применил прием джиу-джитсу: ушел вперед и резко вправо и, используя энергию броска нападающего, легко перекинул его через голову. А затем полил очередью то место, где должен был находиться противник. Но его там не было.

Индеец исчез, растворился.

Хаузер осмотрелся. Ведь индеец был впереди всего в шаге от него. Он поднял голову. На дереве по-прежнему алел уголок рубашки, и из ветвей высовывался кончик духовой трубки. Хаузер проглотил застрявший в горле ком. Сейчас не время пугаться или злиться. Надо делать дело. Хватит играть в кошки-мышки с индейцем. В этой партии ему верх не взять. Настала пора выкурить Бродбентов грубой силой.

Хаузер повернулся и пошел вдоль края владений ползучих лиан. Поднял «стейр» и нажал на спуск. Одна очередь, вторая. Он двигался и посылал пули в заросли. Стрельба возымела ожидаемый эффект: он услышал, как в глубине леса засуетились в панике Бродбенты. Перепугались не хуже куропаток. Теперь он знал, где они прятались. Хаузер поспешил отрезать им путь. Он перехватит их на выходе из джунглей и погонит к мосту.

В этот момент за спиной раздался звук. Хаузер резко повернулся навстречу новой опасности и послал очередь в зеленую стену леса. Пули сшибали листья, ягоды дикого винограда и веточки, и они разлетались в разные стороны. Он слышал щелчки и шлепки — это пули попадали в стволы деревьев. Вдруг кто-то пискнул и свалился на землю.

Носуха! Черт подери, он подстрелил носуху!

Хаузер снова двинулся вперед. Напряг слух и открыл огонь в направлении, куда убежали Бродбенты. Сзади от боли вопило раненое животное и, ломая ветви, продиралось сквозь чащу. Хаузер вовремя сообразил, что это не носуха, а опять проклятый индеец. Бросился на землю, перекатился набок и выстрелил. Не для того, чтобы убить — индеец успел скрыться в зарослях, — а чтобы заставить выйти из леса на открытое пространство перед мостом. Он гнал его в том же направлении, что и Бродбентов. Хитрость заключалась в том, чтобы не прекращать огня и не дать им прорваться назад. Хаузер бежал, пригибался и посылал одну короткую очередь за другой, исключая всякую возможность отступления к Белому городу. Подгонял слева, сбивал в кучу, направлял к обрыву на открытое место. Кончился магазин. Он приостановился, чтобы вставить другой. Судя по топоту, Бродбенты бежали туда, куда надо.

Теперь они у него в руках.

77

Том успел добежать до середины плато, когда услышал перестук автоматной очереди. И, боясь представить, что означают эти выстрелы, машинально повернул на звук. Он неся, раздвигая листья папоротников и ветви винограда, перепрыгивал через поваленные стволы и карабкался на полуразрушенные стены. Раздаться вторая и третья очереди — на этот раз ближе и правее. Том вильнул туда, откуда доносилась стрельба. Надеялся каким-то образом защитить отца и братьев. При нем его мачете. Этим тесаком он убил анаконду и ягуара. Неужели Хаузер страшнее?

Неожиданно лес расступился, и он оказался на залитом солнцем пространстве в

пятидесяти ярдах от обрыва, где отвесная стена больше чем на милю уходила в мрачные глубины вечной тени и клубящегося тумана. Он был у самого ущелья. Направо виднелась тонкая ниточка перекинутого через пропасть подвесного моста, который слегка покачивался в потоках восходящего воздуха.

Позади раздались выстрелы. Том увидел, как из леса выскочили Филипп и Вернон и, поддерживая отца, что было сил бросились к мосту. Секундой позже следом за ними выбежал Бораби. За их спинами автоматный огонь валил верхушки папоротников. Том повернул к ним, но слишком поздно понял, что вместе с остальными попал в ловушку. Из леса послышалось стаккато очереди, и оттуда появился Хаузер. Он был в нескольких сотнях ярдах позади беглецов и, отсекая их выстрелами слева, направлял к обрыву и мосту. Том подбежал туда вместе с другими. Братья пригнулись и остановились. Том видел, что на другой стороне встревоженные выстрелами солдаты заняли оборону и преградили им путь к отступлению.

— Хаузер хочет загнать нас на мост! — крикнул Филипп. Новая очередь срезала листья с ветки над головой.

— У нас нет выбора, — ответил Том.

В следующую секунду они уже бежали по раскачивавшемуся мосту, где поддерживая, а где и волоча на себе отца. Солдаты на другой стороне опустили на одно колено и, преграждая дорогу, вскинули автоматы.

— Не останавливайтесь! — бросил на бегу Том.

Они успели преодолеть примерно треть моста, когда солдаты открыли предупредительный огонь. Пули веером разлетелись у них над головами. Одновременно послышались голоса сзади: Хаузер и еще несколько солдат отрезали им путь в Белый город.

Пятеро Бродбентов оказались в западне между двумя берегами ущелья.

Солдаты вновь открыли огонь, но теперь взяли прицел ниже. Том слышал, как наверху свистят пули. Они оказались на середине моста. Здесь от их движений он трясся и раскачивался гораздо сильнее. Том посмотрел вперед, оглянулся назад. Беглецы остановились. Ничего другого им не оставалось. Все было кончено.

— Не двигаться! — приказал Хаузер и, улыбаясь, с оружием на изготовку ступил на настил моста. Бродбенты смотрели, как он приближается. Том покосился на отца — тот неотрывно следил за Хаузером. В глазах были страх и ненависть. Выражение его лица испугало Тома даже больше, чем положение, в которое они попали.

Хаузер остановился в сотне футов и, чтобы сохранить равновесие на раскачивавшемся мосту, шире расставил ноги.

— Так, так... Да это старина Макс и трое его сыновей. Я вижу, семья в сборе.

78

Сэлли двенадцать часов лежала за поваленным деревом и почему-то вспоминала отца. В последнее лето своей жизни он научил ее стрелять. Но и после папиной смерти она продолжала ходить на обрыв и стреляла сначала по яблокам и апельсинам, а затем по центам и десятицентовикам. Сэлли стала превосходным стрелком, хотя понимала, что это бесполезное занятие: ее не интересовали ни соревнования, ни охота, но она получала удовольствие от самого процесса. Кто-то любит кегельбан, кто-то пинг-понг, а ей нравилось стрелять. Разумеется, в Нью-Йорке это было самое неpolitкорректное увлечение из всех возможных Джулиан пришел в ужас, когда обнаружил ее страсть к оружию, и взял с нее обещание, что она непременно бросит стрельбу и никому не станет рассказывать. И не потому что он был против оружия, а потому что это *declassé*⁴⁶. Сэлли выкинула его из головы.

⁴⁶ Деклассированный (фр.).

Она покрутила затекшими бедрами и пошевелила пальцами, стараясь привести в чувство онемевшие мышцы. Затем предложила очередную порцию орехов все еще дувшемуся в клетке из прутьев Волосатику. Она радовалась, что в эти часы обезьянка составляла ей компанию, хотя и была в дурном настроении. Уж слишком Волосатик любил свободу.

Обезьянка тревожно пискнула, и Сэлли насторожилась. В следующую секунду она сама услышала отдаленные раскаты автоматных очередей из Белого города. Одна, затем вторая. Она посмотрела в бинокль на крепость у моста. Стрельба возобновилась, но на этот раз громче. Прошло несколько минут, и Сэлли заметила движение.

Том. Он бежал по краю обрыва. Перед ним из джунглей выскочили Вернон и Филипп. Они поддерживали раненого человека в лохмотьях. Старший Бродбент. Ближе всех к мосту оказался Бораби.

А вот и Хаузер. Он мелькал за деревьями и стрелял на ходу, загоня беглецов к мосту, словно это были не люди, а дичь.

Сэлли отложила бинокль, взяла винтовку и продолжала наблюдать за разворачивавшейся драмой через прицел «спрингфилда». Ситуация складывалась хуже некуда. Бродбенты и Бораби должны были вот-вот попасть в ловушку на мосту. Но у них не оставалось выбора: сзади догонял Хаузер, впереди зияло ущелье. Они немного замешкались у моста, но затем ступили на настил. В это время Хаузер выскочил из леса и что-то крикнул солдатам в крепости на другой стороне расселины. Те встали на одно колено и открыли предупредительный огонь.

В одно мгновение все Бродбенты и вместе с ними Бораби были окружены: с одной стороны их настигал Хаузер с четырьмя солдатами, с другой встречали четыре солдата в крепости. Полное окружение. Стрельба прекратилась, и все стихло.

Ухмыляющийся Хаузер с оружием на изготовку пошел по мосту.

Сэлли чувствовала, как у нее в груди неистово колотится сердце. Настал ее час. Руки дрожали, ладони вспотели. Она вспомнила, как учил ее отец: «Задержи дыхание, ощути биение сердца и жми на спуск между двумя ударами».

Она прицелилась в шагнувшего по мосту Хаузера. Мост раскачивался, но Сэлли решила, что шансы попасть в него больше чем пятьдесят на пятьдесят. А если он остановится, то и того лучше.

Хаузер встал перед Бродбентами в сотне футов. Да, она вполне может его убить — и она его убьет. Сэлли поймала его в перекрестие прицела, но на спуск не нажала. Вместо этого спросила себя: «Что произойдет после того, как я его убью?»

Ответ напрашивался сам собой. Они не в стране Оз. Гондурасские солдаты по обе стороны мосла не сложат оружие и не воскликнут: «Привет, Дороти!» Это безжалостные убийцы. Если она застрелит Хаузера, солдаты откроют огонь и сметут Бродбентов с моста. Теперь гондурасцев стало десять: четверо с ее стороны ущелья и шестеро — на противоположной. Она не успеет справиться со всеми. Особенно с теми, которые на дальней стороне и фактически вне досягаемости для ее винтовки. В обойму «спрингфилда» входило пять патронов. После того, как она их израсходует, придется отвести назад затвор и вручную перезарядить оружие. Долгий процесс. И вообще у нее осталось всего десять патронов.

Что бы она ни собиралась предпринять, рассчитывать следовало только на пять выстрелов.

Сэлли охватила паника. Надо было срочно придумать план. Да такой, чтобы все остались в живых. Хаузер с автоматом наперевес вразвалочку подходил к Бродбентам. Ей нестерпимо захотелось его убить. Но если она его убьет, для Бродбентов тоже все будет кончено.

Мысли кружились в голове. Нельзя допустить промашки. Второго шанса не будет. Сэлли перебрала все возможности, которые приходили ей на ум, но итог всегда получался один: Бродбентам не уцелеть. У Сэлли дрожала рука, и силуэт Хаузера плясал в перекрестии прицела. «Если я его убью, Бродбенты погибнут. Если я его не убью, они тоже погибнут».

Она беспомощно смотрела, как он наводит на беглецов автомат. У него было выражение лица человека, который готовится доставить себе удовольствие.

79

Том смотрел на Хаузера: тот подходил к ним по мосту с самодовольной ухмылкой победителя. Он остановился в сотне футов и навел на него автомат.

— Сними рюкзак и ложись на настил.

Том аккуратно снял рюкзак, но вместо того, чтобы лечь, вытянул руку над пропастью.

— В нем кодекс.

Хаузер выстрелил. Пуля оторвала кусок бамбукового настила ближе чем в футах от Тома.

— Ложись!

Том не пошевелился. И продолжал держать рюкзак на весу над провалом.

— Выстрелишь, и он полетит вниз.

Несколько секунд Хаузер не говорил ни слова. Затем прицелился в Максвелла.

— Отлично. Тогда поступим так. Ложись или твой папашка умрет. Последнее предупреждение.

— Пусть убивает! — прорычал Бродбент.

— А за папашкой последуют два твоих брата. Не глупи. Положи рюкзак на мост.

Том повиновался. У него не оставалось другого выхода.

— А теперь мачете.

Том вынул из ножен мачете и опустил рядом с рюкзаком. Хаузер довольно улыбнулся:

— Ну и ладушки. — Он повернулся к старшему Бродбенту: — Вот мы и встретились, Макс.

Старик оперся о сыновей, распрямился и поднял голову:

— Ты ненавидишь меня. Мальчики ни при чем. Отпусти их. — Хаузер ответил ледяной улыбкой.

— Не получится. Хочу доставить тебе удовольствие: прежде чем подохнуть, посмотришь, как умрут твои сыновья.

Бродбент уронил голову чуть набок. Том крепче поддержал отца. Мост слегка покачивался, из глубины поднимался холодный туман. Бораби сделал шаг вперед, но Филипп его остановил.

— Ну, так кто первый? Индеец? Нет, с ним разберемся позже. Пойдем по старшинству. Филипп, отступи на шаг, чтобы я не убил вас всех разом.

Чуть поколебавшись, Филипп сделал шаг в сторону. Вернон схватил его за руку и потянул назад. Но Филипп покачал головой и сделал еще один шаг.

— Хаузер, ты будешь гореть в аду! — проревел Бродбент. Хаузер улыбнулся и навел на Филиппа автомат. Том отвернулся.

80

Но он не услышал выстрела и поднял глаза. Внимание Хаузера привлекло нечто, что находилось за их спинами. Том оглянулся и заметил, как мелькнуло что-то черное. По канату моста к ним приближался зверек. Это была обезьянка. Задрав хвост, она торопливо перебирала лапами. «Волосатик!» — узнал Том.

Радостно пискнув. Волосатик прыгнул к нему на руки. Только тут Том заметил, что к туловищу обезьянки привязана канистрочка размером почти с нее саму. В ней хранился керосин для их походной плитки. На алюминиевой стенке было написано:

Я сумею в это попасть

Том старался понять, что задумала Сэлли. Хаузер пригрозил автоматом.

— Ну-ка, всем успокоиться. Не шевелиться. Покажи мне, что принесла тебе обезьяна!

Только медленно.

Том сразу понял, что за план сложился в голове Сэлли. Он отвязал от обезьяны канистру.

— Держи на вытянутой руке. Покажи мне, что это такое. Том поднял канистру.

— Здесь литр керосина.

— Выброси.

— На той стороне засел наш снайпер, — спокойно ответил Том. — И пока мы говорим, держит канистру на мушке. Ты ведь знаешь, насколько горюч керосин.

На лице Хаузера не отразилось ни тени беспокойства. Он просто поднял автомат.

— Хаузер, если она выстрелит в канистру, мост сгорит. Вы будете отрезаны от большой земли и навсегда останетесь в Белом городе.

Одна за другой проходили напряженные секунды.

— Если мост сгорит, вы тоже погибнете.

— Ты все равно собирался нас убить.

— Блефуешь?! — бросил Хаузер. Время шло, а его лицо оставалось непроницаемым как камень.

— Хаузер, она может попасть и в тебя, — сказал Том. Автоматное дуло вновь поднялось на уровень его груди. В этот миг в двух футах от сапога Хаузера в настил моста ударила пуля, и бамбуковые щепки брызнули ему в лицо. Звук выстрела донесся мгновением позже и прокатился через ущелье.

Хаузер поспешно опустил автомат.

— А теперь, когда мы установили, что это не пустая угроза, скажи своим солдатам, чтобы нас пропустили.

— И что дальше?

— Тебе останутся мост, гробница и кодекс. Нам нужны только наши жизни.

Хаузер повесил автомат на плечо.

— Согласен.

Том нарочито медленно нащупал оборванную вертикальную тягу моста и с ее помощью привязал канистру к основному канату.

— Скажи своим людям, чтобы дали нам пройти. Сам останешься здесь. Если произойдет что-то непредвиденное, снайпер выстрелит в канистру, и ты сгоришь вместе со своим драгоценным мостом. Ясно?

Хаузер кивнул.

— Не слышу приказа.

Хаузер сложил рупором ладони и крикнул по-испански:

— Эй, там! Пропустите их. Ничего им не делайте. Я их освобождаю.

Последовала долгая пауза.

— Я хочу услышать ответ.

— Si, senor! — донеслось с другого берега. Бродбенты начали двигаться по мосту.

81

Хаузер замер на середине моста, нехотя признавая факт, что снайпер — видимо, та самая блондинка, что явилась сюда вместе с Томом Бродбентом, — в самом деле держит его на мушке. Допотопное ружье, сообщили ему солдаты. Что ж, а она умудрилась с 350 ярдов положить пулю рядом с его ногой. Сознать, что она смотрит на него в прицел, было неприятным и в то же время будоражающим чувством.

Хаузер покосился на привязанную к канату канистру. Дистанция до нее не превышала сотни футов. Снайпер находился в трехстах пятидесяти ярдах. Мост качается от восходящих потоков. Не так-то легко угодить в цель, которая перемещается в трех измерениях. Если задуматься, почти невероятный выстрел. За десять секунд он вполне добежит до канистры, сорвет ее с каната и кинет в ущелье. Затем повернется и бросится к другому концу моста,

постоянно двигаясь и ускользая за пределы дальности поражения. Каковы шансы, что она в него попадет? Он будет нестись со всех ног по качающемуся мосту, сам перемещаясь в трех измерениях относительно линии прицела. У нее не получится удержать его на мушке. И к тому же она — женщина. Нет слов, эта женщина умеет стрелять. Но никакая женщина не способна на подобный выстрел.

Все надо сделать очень быстро, пока не скрылись Бродбенты. Ей ни за что не попасть ни в него, ни в канистру. Никогда.

Хаузер пригнулся и бросился к сосуду с керосином. В тот же миг перед ним щелкнула пуля, и вскоре докатился грохот выстрела. Промач! Все не так страшно, как кажется. Он уже протянул руку к канистре, но услышал шлепок — перед глазами распустился огненный цветок, и его опалило жаром. Хаузер отшатнулся назад и с удивлением увидел, как по нему побежали голубые огоньки: по рукам, по груди, по ногам. Он упал, перекатился на спину, стал извиваться, хлестать себя по руке, но сделался похож на пылающего Мидаса: к чему бы ни прикасался, все превращалось в пламя. Он бился, крутился, кричал и вдруг воспарил, как ангел, закрыл глаза и отдался долговому, прохладному, восхитительному полету.

82

Том обернулся как раз в тот момент, когда человек-метеор, в которого превратился Хаузер, соскользнул с моста и, оставив в клубах тумана безмолвный дымный след, навеки исчез в бездонной пропасти.

Вся средняя часть моста, где только что стоял Хаузер, была охвачена пламенем.

— Бегите! — крикнул Том. — Быстрее!

Поддерживая отца, они бросились изо всех сил к краю ущелья. Четверо солдат, которые охраняли мост с той стороны, поспешно отступали подальше от пожара, но по-прежнему блокировали путь на большую землю. Они явно растерялись: ошетинились оружием, но не знали, что делать. Последний приказ Хаузера повелевал пропустить Бродбентов, однако обстановка изменилась, и они не знали, как следовало действовать.

Командовавший группой лейтенант крикнул:

— Стойте!

— Дайте нам пройти! — бросил на бегу по-испански Том.

— Нет! Назад!

— Хаузер дал вам команду нас пропустить! — Том чувствовал, как сотрясается мост. Горящие канаты вот-вот не выдержат и оборвутся.

— Хаузер мертв. Теперь я главный, — ответил лейтенант.

— Мост горит! Ради Бога!

На лице *teniente* появилась улыбка.

— Горит. И что из того?

Словно в подтверждение этих слов, мост сильно подбросило. Тома, отца и братьев швырнуло на колени. Уронив в ущелье сноп искр, оборвался один из канатов. Натяжение ослабло, и настил распрямился, как полотно лучковой пилы.

Том с трудом встал на ноги и помог подняться братьям и отцу.

— Вы должны нас пропустить!

Солдаты ответили несколькими очередями поверх их голов.

— Подышайте вместе с мостом — таков мой приказ. Белый город теперь принадлежит нам.

Том обернулся. Средняя часть моста сильно дымила. Пожар раздували восходящие из ущелья потоки воздуха. Он заметил, как, разбрасывая во все стороны горящие ошметки пеньки, начал сдавать второй канат.

— Держитесь! — крикнул он и подхватил отца.

Канат разорвался так хлестко, словно стегнули бичом, и весь настил, какпадающий занавес, сгинул в бездну. Беглецы вцепились в оставшиеся два каната, стараясь поддержать

слабеющего отца. А мост тем временем ходил ходуном, будто разжимающаяся и сжимающаяся пружина.

— Черт с ними, с солдатами! Надо выбираться отсюда! Они переступали по нижнему канату, вцепившись руками в верхний. И при этом помогали Максвеллу.

Лейтенант и солдаты сделали два шага вперед.

— Готовься! — приказал *teniente*. И автоматы нацелились на беглецов.

Теперь Бродбентов от твердой земли отделяло не больше двадцати пяти футов. С такого расстояния стрельба ведется в упор. Том понимал, что у них нет шансов, но продолжал идти навстречу людям, которые собирались его убить.

Третий канат лопнул, как пружина. Мост так сильно дернулся, что чуть не сбросил всех в пропасть. Остатки переправы висели на единственном тросе и нещадно мотались.

Лейтенант взвел курок и сказал по-испански:

— Сейчас вы умрете.

Послышался приглушенный звук удара, но его пистолет молчал. На лице *teniente* появилось удивленное выражение. У него из затылка торчала длинная стрела. Солдат охватила паника, и в этот момент из леса донесся леденящий душу клич и из чащи на открытое пространство, неистово крича и осыпая гондурасцев стрелами, выскочили воины тара. Застигнутые с фланга врасплох, солдаты побросали автоматы и кинулись наутек, но немедленно превратились в некое человеческое подобие подушек для иголок и, прежде чем упасть, дико шатались, как пьяные дикобразы.

Секундой позже Том с братьями ступили на землю, и в этот момент не выдержал последний канат и разорвался в облаке искр. Концы моста словно нехотя выгнулись к стенкам каньона и с грохотом ударились о камни, рассыпая горящие остатки настила.

Все было кончено. Моста не стало.

Том посмотрел вперед и заметил Сэлли. Она поднялась из зарослей и бежала им навстречу. Бродбенты, поддерживая отца, повернули к ней. Их окружили воины тара. Через секунду Том уже обнимал Сэлли. А уютно устроившись у него в кармане Волосатик протестующе пищал, недовольный, что его так сильно тискают.

Том обернулся. Все еще горящие концы моста висели над ущельем. Полдюжины солдат оказались в ловушке на той стороне. Они стояли на краю обрыва и смотрели на то, что совсем недавно служило переправой. Из глубины поднялся туман, и пораженные страхом люди постепенно растворились в белой дымке.

83

В хижине было тепло и слегка пахло дымом и целебными травами. Том вошел внутрь, а за ним — Вернон, Филипп и Сэлли. Максвелл Бродбент лежал в гамаке с закрытыми глазами. Снаружи мирно квакали лягушки. В углу под неусыпным присмотром Бораби молодой целитель тара растирал какие-то растения.

Том положил ладонь на лоб отца. Температура явно поднималась. Почувствовав прикосновение, Максвелл Бродбент поднял веки. Его щеки впали, глаза от жара и пляшущего пламени костра лихорадочно блеснули. Старик попытался улыбнуться:

— Как только я почувствую себя лучше, Бораби покажет мне индейский способ ловить рыбу с помощью копья.

Бораби серьезно кивнул.

Бродбент переводил взгляд с одного на другого.

— Что скажешь, Том?

Том попытался выдать из себя какие-то слова, но не сумел произнести ни звука.

Юный лекарь поднялся из угла и протянул Максвеллу глиняную кружку с темно-бурой жидкостью.

— Опять? — сморщился старик. — Это отвратительнее рыбьего жира, которым в детстве каждое утро пичкала меня мать.

— Пей, отец, — проговорил Бораби. — Тебе хорошо.

— Что это такое?

— Лекарство.

— Понимаю, что лекарство. Но какое? Не могу же я глотать что попало, не понимая, что это такое!

Максвелл Бродбент оказался пациентом не из легких.

— Это *una de gavilan, uncaria tomentosa*, — объяснила Сэлли. — Сушеный корень, обладающий свойствами антибиотика.

— Надеюсь, не повредит, — буркнул старик и проглотил содержимое кружки. — Я вижу, у нас здесь целый консилиум: Том, Сэлли, Бораби и этот юный лекарь. Можно подумать, у меня что-то серьезное.

Том покосился на Сэлли.

— Серьезными вещами займемся потом, когда я поправлюсь.

Том опустил глаза.

Максвелл заметил его смущение — от него никогда ничто не укрывалось.

— Ну, Том, ты здесь единственный настоящий доктор. Каковы прогнозы?

Том попытался улыбнуться. Отец пристально посмотрел на него и со вздохом откинулся на спину.

— Кого мы пытаемся обмануть? — Последовала долгая пауза.

— Том, у меня рак. Ничего хуже ты мне сообщить не можешь.

— Пуля проникла в брюшную полость, — начал Том. — Возникло заражение. От этого у тебя температура.

— Так как насчет прогнозов?

Том проглотил застрявший в горле ком. Сэлли и братья не сводили с него глаз. Он понимал, что отец ждет от него голой, неприкрашенной правды.

— Они неблагоприятные.

— Продолжай.

Том никак не мог выговорить роковых слов.

— Неужели настолько плохо? — Сын кивнул.

— А как же антибиотики, которыми потчует меня молодой человек? И все чудодейственные средства из спасенной тобой фармакопей?

— Такое, как у тебя, заражение, то есть сепсис, не остановят никакие антибиотики. Тебя может спасти только операция, хотя и для оперативного вмешательства скорее всего уже поздно. Лекарства не помогут.

Наступило молчание. Бродбент поднял глаза.

— Проклятие! — проговорил он в потолок.

— Ты принял эту пулю за нас. Спас наши жизни, — сказал Филипп.

— Лучшее, что я сделал.

Том дотронулся до отцовской руки. Она была худая, как палка, и горела огнем.

— Мне очень жаль.

— Так сколько мне осталось?

— Два-три дня.

— Неужели так мало?

Том кивнул. Максвелл снова вздохнул и устало откинулся в гамаке.

— Рак отпустил мне несколько месяцев. Как хорошо было бы провести эти месяцы или хотя бы недели с сыновьями.

Подожел Бораби и положил ладонь ему на грудь.

— Мне жаль, отец.

Бродбент накрыл его руку своей.

— Мне тоже жаль. — Он взглянул на сыновей. — Я даже не могу посмотреть на «Мадонну» Липпи. Там, в гробнице, я все время думал: стоит мне на нее взглянуть — и все кончится хорошо.

Ночь они провели рядом с умирающим отцом. Он постоянно метался, но антибиотики по крайней мере временно держали инфекцию в узде. Когда наступил рассвет, старик по-прежнему находился в сознании.

— Дайте мне воды, — хрипло попросил он.

Том взял кувшин, вышел из хижины и направился к ближайшему источнику. Деревня тара просыпалась. Женщины развели костры, и на свет появились изящные, покрытые никелем и медью французские кастрюли и сковороды. В небо взвились струйки дыма. По грязной площади бродили куры, тощие собаки искали остатки еды. Из хижины появился мальчуган в майке с изображением Гарри Поттера и повернулся к дереву пописать. Даже в такое затерянное племя проник большой мир, подумал Том. А когда Белый город откроет свои сокровища и тайны большому миру?

Он набрал воды и повернул обратно. В это время из хижины показалась сгорбленная старуха — вдова Каха — и ткнула в его сторону кривым пальцем.

— Wakha!

Том в тревоге остановился.

— Wakha!

Он осторожно сделал шаг в ее сторону, ожидая, что она выдернет у него с головы последние волосы. Но вместо этого старуха взяла его за руку и повела в дом.

— Wakha!

Он нехотя последовал за ней в наполненную дымом хижину. Там, прислоненная к центральному столбу, стояла «Мадонна с виноградом» Фра Филиппо. Том, не веря собственным глазам, уставился на бесценный шедевр Возрождения и, отказываясь верить в реальность происходящего, шагнул вперед. Контраст между картиной и внутренним убранством убогой лачуги показался ему поразительным. Даже в сумраке индейского жилья она излучала внутренний свет: златокудрая Мадонна, почти девочка, держала на руках младенца, и тот розовыми пальчиками подносил к губам виноградины. А над их головами парил голубь с золотым листом.

Пораженный, Том повернулся к старухе. Ее морщинистое лицо расплылось в улыбке, вместо зубов во рту блестели розовые десны. Она подошла к картине, взяла и сунула ему в руки.

— Wakha!

И жестом показала забрать ее с собой в хижину отца. А сама пошла сзади, подталкивая в спину.

— Teh! Teh!

Том, прижимая картину к груди, вышел на сырую поляну. Должно быть, Ках забрал «Мадонну» себе. Это казалось чудом. Когда Том переступил порог хижины, Филипп вскрикнул и опрокинулся навзничь. Максвелл в испуге вытаращил глаза и сначала не проронил ни звука. А потом откинулся в гамаке и встревоженно спросил:

— Черт подери. Том, у меня, кажется, начались галлюцинации?

— Нет, она настоящая. — Том подошел ближе.

— Не дотрагивайся! — закричал Филипп. Бродбент протянул руку и потрогал полотно.

— Слушай, а я не сплю?

— Не спишь, — отозвался Том.

— Где ты ее взял?

— Она была у нее. — Том кивнул в сторону двери. Там на пороге стояла старуха и улыбалась беззубым ртом.

Бораби задал ей несколько вопросов, она долго говорила. Он слушал, кивал, а затем повернулся к отцу:

— Она сказала, что ее обуреваемый жадностью муж взял из гробницы много вещей и спрятал в пещере за деревней.

— Каких вещей? — резко спросил Бродбент.

Бораби и старуха еще некоторое время говорили между собой.

— Она не знает. Говорить, Ках украл почти все сокровища из гробницы. А вместо них в ящики положил камни. Он не хотел, чтобы богатства белого человека находились в гробнице тара.

— Как же я не догадался? — Максвелл. — Там, в пещере, мне показалось, что некоторые ящики легче, чем должны быть. И все время, пока я оставался в темноте, я пытался решить загадку. Не додумался, что это проделки старого Каха. А следовало бы. Господи, он спланировал все от начала до конца! Оказывается, он такой же алчный, как и я...

Старик посмотрел на холст. Отсветы огня играли на юном лице Пресвятой Девы. Максвелл долго молчал. Затем закрыл глаза и произнес:

— Принесите мне перо и бумагу. Теперь у меня есть, что вам оставить, и я хочу написать завещание.

84

Ему принесли перо и выделанную из коры бумагу.

— Хочешь побыть один? — спросил Вернон.

— Нет. Вы нужны мне здесь. И ты, Сэлли. Подойдите ближе, встаньте в круг.

Они окружили гамак. Максвелл Бродбент прокашлялся.

— Сыновья, — он покосился на Сэлли, — и ты, моя будущая невестка. — Помолчал и продолжил: — И какие замечательные сыновья... Жаль, что потребовалось так много времени, чтобы я это понял... У меня осталось мало сил. А голова как тыква. Поэтому буду краток.

Его глаза оставались ясными, и он посмотрел по очереди на каждого.

— Примите мои поздравления. Вы справились. Вы заслужили наследство, спасли мне жизнь и показали, каким я был чертовски никчемным родителем.

— Отец...

— Не перебивайте. Хочу дать вам на прощание совет. В конце концов, я на смертном одре и не могу устоять. Филипп, из всех моих сыновей ты больше других похож на меня. В последние годы я наблюдал, как ожидание большого наследства бросает тень на твою жизнь. Я не говорю, что ты алчен от природы, но сознание, что тебе предстоит получить полмиллиарда долларов, неизбежно развращает. Я замечал, что, стараясь показаться в своих нью-йоркских кругах умудренным опытом богачом, ты живешь не по средствам. У тебя та же болезнь, что и у меня: ты алчешь обладать красотой. Забудь. Для этого созданы музеи. Живи простой жизнью. Ты наделен тонким восприятием искусства — так пусть это будет наградой, а не способом признания и славы. И еще я слышал, что ты изумительный педагог.

Филипп коротко кивнул, не слишком довольный тем, что услышал.

Бродбент пару раз судорожно вздохнул, затем повернулся к Вернону:

— Ты, Вернон, ищущий человек, и я теперь понимаю, насколько важен для тебя этот выбор. Твоя проблема в том, что тебя легко обвести вокруг пальца. Ты слишком наивен. Запомни основное правило: если от тебя хотят денег, это не религия, а надувательство. Молиться в церкви никому ничего не стоит.

Вернон кивнул.

— Теперь ты, Том. Ты больше других братьев отличаешься от меня. Должен признаться, что я никогда не понимал тебя до конца. Ты не так материалистичен, как другие. И давно отказался от меня, думаю, не без оснований.

— Отец...

— Помолчи! Ты организован в том смысле, что знаешь, чего тебе хочется. Мечтал стать палеонтологом и копать в костях динозавров, а я, как идиот, толкал тебя в медицину. Знаю, что ты хороший ветеринар, хотя не понимаю, зачем ты растрачиваешь свои незаурядные таланты, занимаясь беспородными лошадьми в резервации индейцев навахо. Я усвоил одно: надо уважать выбор каждого из вас. Динозавры, лошади... Ты поступал по-своему, несмотря на мои благословения. И еще я понял, что ты обладаешь *целостностью*.

Это то, чего мне всегда недоставало. И я расстраивался, когда наблюдал такую основательную целостность в одном из своих сыновей. Не знаю, что ты станешь делать с большим наследством. Да ты и сам, наверное, не знаешь. Деньги тебе не нужны, и ты их никогда особенно не хотел.

— Ты прав, отец.

— И наконец, Бораби... Ты мой старший сын и вместе с тем — самый поздний. Я знаю тебя совсем недавно, но, мне кажется, понимаю лучше других. Я наблюдал за тобой и заметил в тебе такую же, как у меня, непоседливость. Ты ждешь не дожدهшься выбраться отсюда и насладиться приятной жизнью в Америке. Тебе кажется, что тара — не твое окружение. Отлично. Но скоро ты поймешь, что к чему. У тебя здесь было одно преимущество: хорошая мать и не было меня, чтобы портить тебе жизнь.

Бораби хотел что-то сказать, но Бродбент протестующе поднял руку.

— И на смертном одре не дают сказать речь без того, чтобы не перебить. Братья помогут тебе перебраться в Америку и получить гражданство. И я не сомневаюсь, что, оказавшись там, ты сделаешься большим американцем, чем те, кто там родились.

— Да, отец.

Бродбент вздохнул и повернулся к Сэлли:

— Том, это потрясающая женщина. Я всегда мечтал о такой, но никогда не встречал. Не дай ей сорваться.

— Я не рыба! — резко бросила Сэлли.

— Вот и я о том же: немного ершистая, но удивительная.

— Ты прав, отец.

Бродбент помолчал и перевел дыхание. Ему становилось все труднее говорить. На лбу выступил пот.

— Теперь мое завещание и последняя воля. Я хочу, чтобы каждый из вас выбрал по одной вещи из той пещеры. А остальное, если вам удастся вывезти коллекцию из Гондураса, я дарю какому-нибудь музею или нескольким музеям, на ваше усмотрение. Начнем по старшинству. Бораби, ты первый.

— Я буду выбирать последним, — ответил индеец. — То, что я хочу, не лежит в пещере.

— Хорошо. — Бродбент повернулся к Филиппу: — Попробую угадать сам... — Он посмотрел на «Мадонну». — Липпи твой.

Филипп хотел что-то сказать, но не смог.

— Ну а ты, Вернон? — Средний сын ответил не сразу:

— Я хочу Моне.

— Я так и думал, что ты его попросишь. За Моне можно выручить пятьдесят миллионов. Надеюсь, ты его продашь. Только предупреждаю: никаких больше фондов — не разбазаривай деньги. Настанет время, ты найдешь то, что ищешь. Будь мудр — отдай малую толику своих средств, но только малую.

— Спасибо, отец.

— Еще я хочу отправить с тобой мешок драгоценностей и монет, чтобы расплатиться с Дядюшкой Сэмом.

— Хорошо.

— Твоя очередь, Том. Что ты хочешь? — Том посмотрел на Сэлли.

— Мы хотим фармакопею.

— Интересный выбор, — кивнул Бродбент. — Она ваша. Что ж, вернемся к тебе, Бораби. Ты последний, но не менее важный, чем остальные. Что это за таинственная вещь, которой нет в пещере?

Индеец подошел к постели и что-то прошептал на ухо отцу. Старик кивнул:

— Хорошо. Будем считать, что все улажено. — Он помахал ручкой. Лицо заливал пот, дыхание становилось все труднее и чаще. Том понимал, что сознание скоро покинет отца. Он знал, насколько мучительна смерть от сепсиса. — Дайте мне десять минут. Я изложу свою

волю и завещание. Потом мы пригласим свидетелей и все надлежащим образом оформим.

85

Том с братьями и Сэлли стояли под высокими, как своды храма, деревьями и наблюдали бесконечную погребальную процессию. Люди шли по извилистой тропе к только что выдолбленной высоко над деревней гробнице. Это было удивительное зрелище. Тело Максвелла Бродбента плыло впереди на руках четырех воинов. Его забальзамировали по древним рецептам майя. Новый вождь провожал усопшего в Эльдорадо — золотой предел из индейских легенд. Так майя хоронили своих царей. Бродбента облили медом и осыпали золотой пылью, придав телу вечную форму, которая будет существовать в загробном мире.

За телом следовала длинная процессия. Индейцы несли погребальные дары: корзины с сушеными овощами и фруктами, орехи, сосуды из пальмовых листьев с водой и маслом. За ними — традиционные предметы индейцев майя: агатовые статуэтки, расписные горшки, блюда и кувшины чеканного золота, оружие, полные стрел колчаны, копья, сети — в общем, все, что могло понадобиться Максвеллу Бродбенту после смерти.

Затем из-за поворота появился индеец с полотном Пикассо в руках. На нем была изображена трехглазая женщина с квадратной головой. За ним два запыхавшихся индейца несли сцену Благовещения Понтормо. Потом проплыли Бронзино, две римские статуи, снова несколько картин Пикассо, Брак, два Модильяни, Сезанн, еще несколько статуй и погребальные предметы двадцатого столетия. Странная процессия вилась по склону и входила под деревья.

Замыкал все оркестр, если так его можно было бы назвать. Несколько человек играли на бамбуковых дудках, дули в деревянные трубы, колотили палкой о палку, а шагавший в конце процессии юноша изо всех сил бил в серый, похожий на басовый западный барабан.

Том одновременно ощущал грусть и испытывал своеобразное очищение. Уходила эпоха. Умер отец. И вот теперь Том говорил последнее «прости» своему детству. Перед его глазами проплывали вещи, которые он знал и любил с самого раннего возраста. Отец их тоже любил. Прощальная процессия человек за человеком скрывалась в темном проеме гробницы. Люди вносили внутрь погребальные предметы, а обратно появлялись, шурясь на свет, с пустыми руками. Теперь коллекция останется здесь, надежно замурованная, в сухости и под охраной, пока они с братьями не вернуться, чтобы потребовать то, что принадлежит им. Разумеется, сокровища майя останутся в гробнице навеки, чтобы отец был счастлив в загробном мире. А западные шедевры тара сохраняют для них. Такие похороны — венец всех похорон. Так погребали только царей майя. И то — тысячу лет назад.

Максвелл Бродбент угас через три дня после того, как подписал завещание. Он находился в сознании еще день, а потом стал бредить, впал в кому и умер. Смерть вообще некрасива, думал Том. Но в смерти отца, если можно так выразиться, было благородство.

Однако Тому запомнилась не сама смерть, а последний день, когда отец находился в сознании. Четверо сыновей постоянно оставались рядом. Они почти не разговаривали. А если разговаривали, то о разных пустяках: вспоминали всякую ерунду, забытые места, смешные истории, давно ушедших людей. И тем не менее этот день ничего не значащих разговоров показался Тому важнее, чем десятилетия отцовских советов и наставлений, серьезнейших бесед о жизни, философствований и споров за обеденным столом. Их точки зрения никогда не сходились, но вот теперь отец его понял. И они могли болтать в свое удовольствие. Так просто и так глубоко.

Том улыбнулся. Отцу понравились бы его похороны. Он порадовался бы, глядя на идущую через лес процессию и слушая барабаны, гигантские деревянные трубы и бамбуковые дудки. И женщин, и мужчин, по очереди то поющих, то хлопающих в ладоши. Огромную усыпальницу выбили в известняковой скале, попадала начало новому некрополю тара. После того как сгорел мост, Белый город оказался отрезанным от большой земли, но по ту сторону ущелья остались шесть головорезов Хаузера. Все шесть недель, пока долбили

новую гробницу, деревня бурлила новостями о попавших в западню солдатах. Время от времени они подходили к тому месту, где некогда начинался мост, стреляли, кричали, умоляли, грозили. Шли дни и недели. Количество солдат сократилось до четырех, затем до двух. А теперь остался всего один. Он больше не махал руками, не кричал и не стрелял. Маленький исхудавший человечек, он подходил к обрыву, молчал и ждал смерти. Том убеждал тара его спасти, но индейцы оставались непреклонны. Они говорили, что мост могут восстановить только боги. И если богам будет угодно, они спасут солдата.

Но богам, разумеется, было неужодно.

Гудение большого барабана вернуло Тома к разворачивающемуся перед ним зрелищу. Все погребальные предметы были сложены в гробницу, настало время замуровывать вход. Стоявшие в лесу мужчины и женщины затянули проникающий в душу заунывный мотив. Жрец воскурил священные травы, и их аромат поплыл над толпой. Церемония продолжалась до тех пор, пока солнце на западе не коснулось кромки горизонта. И тогда прервалась. Жрец ударил по концу деревянного ключа, и с последним лучом заходящего светила массивная дверь раскатисто стукнула и запечатала вход в усыпальницу.

Все смолкло.

По дороге в деревню Том повернулся к Вернону:

— Хорошо бы отец все это видел... Брат обнял его за плечи:

— Он видел. Я в этом нисколько не сомневаюсь.

86

Льюис Скиба сидел в кресле-качалке на покосившемся крыльце дощатого домика и смотрел на озеро. Окрестные холмы оделись в осенний багрянец, темное зеркало воды отражало купол вечернего неба. Все было именно так, как отложилось у него в памяти. Причал косо уходил в воду, и к его концу было привязано каноэ. Воздух дышал запахом нагретых сосновых иголок. На противоположном берегу раздался заунывный голос гагары. Ее крик замер в холмах, но ей едва слышно ответила другая, далекая, как звезда, гадара.

Скиба сделал глоток свежей ключевой воды и качнулся в кресле. Доски крыльца протестующе закрипели. Он потерял все. При нем рухнула входившая в девятку крупнейших в мире фармацевтическая компания. Он наблюдал, как их акции упали в цене до пятидесяти центов, а затем их продажа была навсегда прекращена. Их занесли в главу 11. Двадцать тысяч сотрудников видели, как таяли их сбережения и пенсионные фонды. Совет директоров совместно с представителями держателей акций выкинул его на улицу, и это событие стало изюминкой вечерних теленовостей. На него завели уголовное дело, обвиняя в мошенничестве, махинациях с акциями, инсайдерских торговых операциях и подтасовках в собственную пользу. Он потерял дом и жену. Адвокаты доедали его последние деньги. Никто его больше не любил, кроме детей.

И тем не менее Скиба ощущал себя счастливым человеком. Окружающие не могли понять такого счастья. Считали, что он потерял рассудок, что это последствия нервного срыва. Никто не понимал, что значит гореть в аду.

Не представляли, что для него значило остановить собственную руку в тот день три месяца назад в темном кабинете. И что значили последующие три месяца молчания Хаузера. Они стали самым мрачным периодом в его жизни. Казалось, кошмар никогда не рассеется. Но вот до него дошли известия. «Нью-Йорк тайме» опубликовала в самом неприметном месте коротенькую заметку, в которой сообщалось об основании Фонда Альфонсо Босваса — некоммерческой организации, целью которой является перевод найденного в коллекции Максвелла Бродбента старинного кодекса майя, относящегося к девятому веку. Согласно утверждению доктора Сэлли Колорадо кодекс являлся лечебником народа майя и был способен оказать неоценимую помощь в поисках и разработке новых лекарств. Фонд основан и финансируется четырьмя сыновьями покойного Максвелла Бродбента. В заметке говорилось, что сам глава семьи неожиданно скончался, когда проводил отпуск с сыновьями

в Центральной Америке.

И все. Никаких упоминаний о Хаузере, Белом городе, забытой гробнице и ненормальном отце, который похоронил себя со всем своим состоянием. Ни строки.

Скиба почувствовал, что груз целого мира свалился с его плеч. Бродбенты живы. С ними не расправились. Хаузер не сумел раздобыть кодекс. И что самое главное — не смог совершить убийство. Скиба никогда не узнает, что произошло. Наводить справки было бы слишком опасно. Но ясно было одно: он не повинен в убийстве. За ним много других преступлений, которые предстоит искупить, но среди них нет самого страшного — насильственного отнятия человеческой жизни, в том числе своей собственной.

И еще, лишившись всего: денег, недвижимости, репутации, — Скиба обрел способность видеть. Шоры были сорваны. Он прозрел, словно снова стал ребенком: понял, какие совершил преступления, каким эгоистичным и алчным человеком сделался. С предельной ясностью осознал свое моральное падение во время успешного восхождения на вершины деловой карьеры. Как просто оказалось сбиться с пути, перепутать честность и престиж, власть и ответственность, низкопоклонство и преданность, прибыль и достоинство. Надо быть очень целостным человеком, чтобы сохранить ясность ума в такой системе.

Скиба смотрел в темнеющую поверхность озера и улыбался. В наступающих сумерках растворялось все, над чем он так упорно бился и что казалось ему таким важным. В конце концов исчезнет и этот дощатый домик, и он уже не сможет смотреть на это озеро.

Что ж, ну и пусть. Он умер и снова родился. И теперь начинал новую жизнь.

87

Офицер Джимми Мартинес из полицейского управления Санта-Фе положил телефонную трубку. Листья на хлопковом дереве за окном пожелтели и приобрели сочный золотистый оттенок, с гор подул холодный ветер. Мартинес посмотрел на своего напарника Уилсона.

— Снова по поводу имени Бродбента? — поинтересовался Уилсон.

Мартинес кивнул.

— За это время соседи могли бы и привыкнуть к тому, что там творится.

— Богатые люди — кто их разберет? — Мартинес согласно фыркнул.

— Нет, ты слышал что-нибудь подобное? Разукрашенный татуировками индеец из Центральной Америки ходит в костюмах старика, курит его трубки, разъезжает на его лошадях по усадьбе в тысячу акров, строит из себя джентльмена и требует, чтобы слуги величали его «сэр»!

— Мы же проверяли: там все чисто, он — владелец имени, — отозвался Мартинес.

— Чисто-то чисто. Но вопрос в том, как ему удалось прибрать имение к рукам? Оно стоит двадцать, а то и тридцать миллионов. И чтобы его содержать, надо тратить не меньше двух миллионов в год. Ты что, считаешь, что у подобных типов могут быть такие деньги?

— Да, — улыбнулся Мартинес.

— Что значит «да»? Джимми, ты же видел, у парня подпилены зубы. Он — натуральный дикарь!

— Нет, он один из Бродбентов.

— Ты в своем уме, Джимми? Это он-то — Бродбент? С мочками ушей до земли. Ты чем обкурился?

— Он похож на всех остальных.

— А ты их видел?

— Знаком с двумя братьями. Говорю тебе, он тоже сын старины Бродбента.

Уилсон в изумлении посмотрел на напарника.

— У старика была соответствующая репутация. Другие сыновья получили картины, а этот — дом и мешок денег. Все очень просто.

— Индеец — один из Бродбентов?

— Вне всякого сомнения. Готов поспорить, во время одной из экспедиций старик обрюхатил индейскую скво, и вот тебе результат.

Глубоко потрясенный Уилсон откинулся на спинку стула.

— Знаешь что, Джимми, быть тебе лейтенантом в следственном отделе.

— Согласен, — скромно кивнул Мартинес.